

INTERNATIONAL
STANDARD
SERIAL
NUMBER

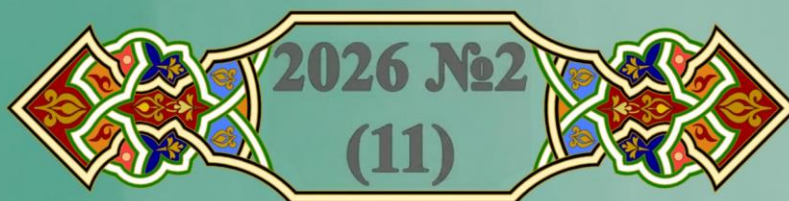
p-ISSN 2992-9229

e-ISSN 3060-5318

TURKOLOGIK TADQIQOTLAR

Xalqaro ilmiy jurnal

SAMARQAND – 2026

p-ISSN 2992-9229

e-ISSN 3060-5318

TURKOLOGIK TADQIQOTLAR

XALQARO ILMIY JURNALI

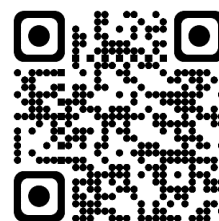
“TURKOLOGICAL RESEARCH” INTERNATIONAL SCIENTIFIC
JOURNAL

ULUSLARARASI “TÜRKOLJİ ARAŞTIRMALARI” DERGİSİ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ “ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ”

Jurnal rasmiy sayti: <https://turkologiya.samdu.uz/>

SAMARQAND – 2026

“TURKOLOGIK TADQIQOTLAR”

XALQARO ILMIY JURNALI

INTERNATIONAL SCIENTIFIC JOURNAL “TURKOLOGICAL RESEARCH”

ULUSLARARASI “TÜRKOLOJİ ARAŞTIRMALARI” BİLİMSEL DERGİSİ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ “ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ”

Bosh muharrir:	Bosh muharrir o‘rinbosari:
Juliboy ELTAZAROV <i>f.f.d., professor (O‘zbekiston)</i>	Roxila RUZMANOVA <i>f.f.n., dotsent (O‘zbekiston)</i>
TAHRIRIYAT KENGASHI:	
Rustam XALMURADOV – t.f.d., professor, Sh.Rashidov nomidagi Samarqand davlat universiteti rektori (O‘zbekiston); Hakim XUSHVAQTOV – f-m.f.d., professor, Sh.Rashidov nomidagi Samarqand davlat universiteti ilmiy ishlar va innovatsiyalar bo‘yicha prorektori (O‘zbekiston); Akmal AHATOV – t.f.d., professor, Sh.Rashidov nomidagi Samarqand davlat universiteti xalqaro hamkorlik bo‘yicha prorektori (O‘zbekiston); Muslihiddin MUHIDDINOV – f.f.d., professor (O‘zbekiston); Ibodulla MIRZAYEV – f.f.d., professor (O‘zbekiston); Shuhrat SIROJIDDINOV – f.f.d., professor (O‘zbekiston); Suyun KARIMOV – f.f.d., professor (O‘zbekiston); Murodqosim ABDIYEV – f.f.d., professor (O‘zbekiston); Azamat PARDAYEV – f.f.d., professor (O‘zbekiston); Musa YULDASHEV – f.f.n., professor (O‘zbekiston); Dilfuza DJURAKULOVA – t.f.n., professor (O‘zbekiston); Aftondil ERKINOV – f.f.d., professor (O‘zbekiston); Qosimjon SODIQOV – f.f.d., professor (O‘zbekiston); Muhabbat QURBONOVA – f.f.d., professor (O‘zbekiston);	Ali AKAR – f.f.d., professor (Turkiya); Abduselam ARVAS – f.f.d., professor (Turkiya); Funda TOPRAK – f.f.d., professor (Turkiya); Musa Shamil YUKSEL – f.f.d., professor (Turkiya); Temur KOJAO‘G‘LI – f.f.d., professor (AQSH); Hayrunnisa ALAN – f.f.d., professor (Turkiya); Varis CHAKAN – f.f.d., professor (Turkiya); Elchin IBROHIMOV – f.f.d., professor (Ozarbayjon); Emrah YILMAZ – Phd, dotsent (Turkiya); Foziljon SHUKUROV – Phd, dotsent (O‘zbekiston); Dilshod XURSANOV – Phd, dotsent (O‘zbekiston); Shahnoza XUSHMURODOVA – DSc, professor (O‘zbekiston); Dinara ISLAMOVA – Phd, dotsent (O‘zbekiston); Feruza JUMANIYAZOVA – Phd, dotsent (O‘zbekiston); Istoda RASULOVA – Phd, dotsent (O‘zbekiston); Dilorom MUMINOVA – Phd, dotsent (O‘zbekiston); Zarifa XUSANOVA – Phd, dotsent (O‘zbekiston); Ahmadjon MAVLONOV – Phd, dotsent (O‘zbekiston); Ilyos JO‘RAYEV – Phd, dotsent (O‘zbekiston); Ibodullo ZUBAYDULLAYEV – Phd, dotsent (O‘zbekiston); Bahora YUNUSOVA – Phd, dotsent (O‘zbekiston); Feruza MANUKYAN – Phd (O‘zbekiston); Mas’ul muharrir: PhD, dotsent Zokir BAYNAZAROV (O‘zbekiston); Texnik xodim: Raxmatulla SHOKIROV (O‘zbekiston).

“TURKOLOGIK TADQIQOTLAR” XALQARO ILMIY JURNALI

INTERNATIONAL SCIENTIFIC JOURNAL OF “TURKOLOGICAL RESEARCH”
ULUSLARARASI “TÜRKOLÖJİ ARAŞTIRMALARI” BİLİMSEL DERGİSİ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ “ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ”

Главный редактор:

Жулибой ЭЛТАЗАРОВ

д.ф.н., профессор (Узбекистан)

Заместитель главного редактора:

Рохила РУЗМАНОВА

к.ф.н., доцент (Узбекистан)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Рустам ХАЛМУРАДОВ – д.т.н., профессор, ректор Самаркандского государственного университета имени Ш.Рашидова (Узбекистан);

Хаким ХУШВАКТОВ – д.ф.м.н., профессор, проректор по научной работе и инновациям Самаркандского государственного университета имени Ш.Рашидова (Узбекистан);

Акмал АХАТОВ – д.т.н., профессор, проректор по международному сотрудничеству Самаркандского государственного университета имени Ш.Рашидова (Узбекистан);

Муслихиддин МУХИДДИНОВ – д.ф.н., профессор (Узбекистан);

Ибодулла МИРЗАЕВ – д.ф.н., профессор (Узбекистан);

Шухрат СИРОЖИДДИНОВ – д.ф.н., профессор (Узбекистан);

Суюн КАРИМОВ – д.ф.н., профессор (Узбекистан);

Муродкасым АБДИЕВ – д.ф.н., профессор (Узбекистан);

Азамат ПАРДАЕВ – д.ф.н., профессор (Узбекистан);

Муса ЮЛДАШЕВ – к.ф.н., профессор (Узбекистан);

Дилфуза ДЖУРАКУЛОВА – к.и.н., доцент (Узбекистан);

Афтондил ЭРКИНОВ – д.ф.н., профессор (Узбекистан);

Касимжон СОДИКОВ – д.ф.н., профессор (Узбекистан);

Мухаббат КУРБАНОВА – д.ф.н., профессор (Узбекистан);

Али АКАР – д.ф.н., профессор (Турция);

Абдуселам АРВАС – д.ф.н., профессор (Турция);

Фунда ТОПРАК – д.ф.н., профессор (Турция);

Муса Шамиль ЮКСЕЛЬ – д.ф.н., профессор (Турция);

Темур КОДЖАОГЛУ – д.ф.н., профессор (США);

Хайрунниса АЛАН – д.ф.н., профессор (Турция);

Варис ЧАКАН – д.ф.н., профессор (Турция);

Эльчин ИБРАГИМОВ – д.ф.н., профессор (Азербайджан).

Эмрах ЙИЛМАЗ – PhD, доцент (Турция);

Фозилжон ШУКУРОВ – PhD, доцент (Узбекистан);

Дилшод ХУРСАНОВ – PhD, доцент (Узбекистан);

Шахноза ХУШМУРОВОВА – DSc, профессор (Узбекистан);

Динара ИСЛАМОВА – PhD, доцент (Узбекистан);

Феруза ДЖУМАНИЯЗОВА – PhD, доцент (Узбекистан);

Истода РАСУЛОВА – PhD, доцент (Узбекистан);

Дилором МУМИНОВА – PhD, доцент (Узбекистан);

Зарифа ХУСАНОВА – PhD, доцент (Узбекистан);

Ахмаджон МАВЛОНОВ – PhD, доцент (Узбекистан);

Илёс ЖУРАЕВ – PhD, доцент (Узбекистан);

Иболулло ЗУБАЙДУЛЛАЕВ – PhD, доцент (Узбекистан);

Бахора ЮНУСОВА – PhD, доцент (Узбекистан);

Феруза МАНУКЯН – PhD (Узбекистан);

Ответственный редактор: **PhD, доцент Зокир БАЙНАЗАРОВ** (Узбекистан)

Технический персонал: **Рахматулла ШОКИРОВ** (Узбекистан)

“TURKOLOGIK TADQIQOTLAR” XALQARO ILMIY JURNALI

INTERNATIONAL SCIENTIFIC JOURNAL OF “TURKOLOGICAL RESEARCH”

ULUSLARARASI “TÜRKOLOJİ ARAŞTIRMALARI” BİLİMSEL DERGİSİ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ “ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ”

Chief Editor:/ Deputy Chief Editor:

Prof. Dr. Juliboy ELTAZAROV (Uzbekistan)
Ass. Prof. Dr. Rokhila RUZMANOVA (Uzbekistan)

Baş Editör:/ Baş Editör Yardımcısı:

Prof. Dr. Juliboy ELTAZAROV (Özbekistan)
Doç. Dr. Rohila RUZMANOVA (Özbekistan)

EDITORIAL TEAM:/ BİLİM KURULU:

Prof. Dr. Rustam KHALMURADOV – Rector of Samarkand State University named after Sh.Rashidov (Uzbekistan);
Prof. Dr. Hakim KHUSHVAKTOV – Vice-Rector for Research and Innovation, Samarkand State University named after Sh.Rashidov (Uzbekistan);
Prof. Dr. Akmal AKHATOV – Vice-Rector for International Cooperation of Samarkand State University named after Sh.Rashidov (Uzbekistan);
Prof. Dr. Muslihiddin MUKHIDDINOV (Uzbekistan);
Prof. Dr. Ibodulla MIRZAEV (Uzbekistan);
Prof. Dr. Shukhrat SIROJIDDINOV (Uzbekistan);
Prof. Dr. Suyun KARIMOV (Uzbekistan);
Prof. Dr. Murodkasim ABDIEV (Uzbekistan);
Prof. Dr. Azamat PARDAEV (Uzbekistan);
Prof. Dr. Musa YULDASHEV (Uzbekistan);
Ass. Prof. Dr. Dilfuza DJURAKULOVA (Uzbekistan);
Prof. Dr. Aftondil ERKINOV (Uzbekistan);
Prof. Dr. Kasimjon SODIKOV (Uzbekistan);
Prof. Dr. Muhabbat KURBANOVA (Uzbekistan);
Prof. Dr. Ali AKAR (Turkey);
Prof. Dr. Abduselam ARVAS (Turkey);
Prof. Dr. Funda TOPRAK (Turkey);
Prof. Dr. Musa Shamil YUKSEL (Turkey);
Prof. Dr. Temur KOJAOGU (USA);
Prof. Dr. Hayrunnisa ALAN (Turkey);
Prof. Dr. Varis CHAKAN (Turkey);
Prof. Dr. Elchin IBRAHIMOV (Azerbaijan);
Ass. Prof. PhD. Emrah YILMAZ (Turkey);
Ass. Prof. PhD. Foziljon SHUKUROV (Uzbekistan);
Ass. Prof. PhD. Dilshod KHURSANOV (Uzbekistan);
Ass. Prof. PhD. Shakhnoza KHUSHMURODOVA (Uzbekistan);
Ass. Prof. PhD. Dinara ISLAMOVA (Uzbekistan);
Ass. Prof. PhD. Feruza JUMANIYAZOVA (Uzbekistan);
Ass. Prof. PhD. Istoda RASULOVA (Uzbekistan);
Ass. Prof. PhD. Dilorom MUMINOVA (Uzbekistan);
Ass. Prof. PhD. Zarifa KHUSANOVA (Uzbekistan);
Ass. Prof. PhD. Akhmadjon MAVLONOV (Uzbekistan);
Ass. Prof. PhD. Ilyos JURAYEV (Uzbekistan);
Ass. Prof. PhD. Ibodullo ZUBAYDULLAYEV (Uzbekistan);
Ass. Prof. PhD. Bakhora YUNUSOVA (Uzbekistan);
PhD. Feruza MANUKYAN (Uzbekistan);
Managing editor: *Ass. Prof. PhD. Zokir BAYNAZAROV* (Uzbekistan)
Technical staff: *Rakhmatulla SHOKIROV* (Uzbekistan)

Prof. Dr. Rustam HALMURADOV – Ş.Raşidov adına Semerkant Devlet Üniversitesi Rektörü (Özbekistan);
Prof. Dr. Hakim HUŞVAKTOV – Ş.Raşidov adına Semerkant Devlet Üniversitesi Araştırma ve İnovasyondan Sorumlu Rektör Yardımcısı (Özbekistan);
Prof. Dr. Akmal AHATOV – Ş.Raşidov adına Semerkant Devlet Üniversitesi Uluslararası İşbirliğinden Sorumlu Rektör Yardımcısı (Özbekistan);
Prof. Dr. Muslihiddin MUHİDDİNÖV (Özbekistan);
Prof. Dr. İbodulla MİRZAYEV (Özbekistan);
Prof. Dr. Şuhrat SİROCİDDİNÖV (Özbekistan);
Prof. Dr. Suyun KARİMOV (Özbekistan);
Prof. Dr. Murodkasım ABDİYEY (Özbekistan);
Prof. Dr. Azamat PARDAYEV (Özbekistan);
Prof. Dr. Musa YULDAŞEV (Özbekistan);
Doç. Dr. Dilfuza CURAKULOVA (Özbekistan);
Prof. Dr. Aftondil ERKİNOV (Özbekistan);
Prof. Dr. Kasimcon SODİKOV (Özbekistan);
Prof. Dr. Muhabbat KURBANOVA (Özbekistan);
Prof. Dr. Ali AKAR (Türkiye);
Prof. Dr. Abdusaleem ARVAS (Türkiye);
Prof. Dr. Funda TOPRAK (Türkiye);
Prof. Dr. Musa Şamil YÜKSEL (Türkiye);
Prof. Dr. Timur KOCAOĞU (ABD);
Prof. Dr. Hayrunnisa ALAN (Türkiye);
Prof. Dr. Varis ÇAKAN (Türkiye);
Prof. Dr. Elçin İBRAHİMOV (Azerbaycan);
Doç. Dr. Emrah YILMAZ (Türkiye);
Doç. Dr. Fozilcon ŞUKUROV (Özbekistan);
Doç. Dr. Dilşod HURSAVOV (Özbekistan);
Prof. Dr. Şahnoza HUŞMURODOVA (Özbekistan);
Doç. Dr. Dinara İSLAMOVA (Özbekistan);
Doç. Dr. Feruza CUMANIYAZOVA (Özbekistan);
Doç. Dr. Istoda RASULOVA (Özbekistan);
Doç. Dr. Dilorom MUMİNOVA (Özbekistan);
Doç. Dr. Zarifa HUSANOVA (Özbekistan);
Doç. Dr. Ahmadjon MAVLONOV (Özbekistan);
Doç. Dr. Ilyos JÖRAYEV (Özbekistan);
Doç. Dr. Ibodullo ZUBAYDULLAYEV (Özbekistan);
Doç. Dr. Bahora YUNUSOVA (Özbekistan);
Dr. Feruza MANUKYAN (Özbekistan);
Sorumlu Editör: *Doç., Dr. Zokir BAYNAZAROV* (Özbekistan)
Teknik Personel: *Rahmatullah ŞOKİROV* (Özbekistan)

MUNDARIJA | CONTENT | İÇERİK | СОДЕРЖАНИЕ

TURKIY TILLAR VA QIYOSIY TILSHUNOSLIK

РАДБИЛЬ Тимур Беньюминович

Категория безличности в грамматике узбекского, русского и английского языков в свете сопоставительной лингвокультурологии..... 7

ДОНОРОВА Ульяна Очур-ооловна, Игорь Валентинович КОРМУШИН

Словарное моделирование музыкальной терминологии хоомея в тувинском языке (семантика, формы, примеры)..... 20

KURBANOVA Mukhabbat, BO Yan

Research on gender differences in polite expressions: a cross-cultural analysis of Chinese, Russian, and Uzbek..... 34

BAYNAZAROV Zokir Maxmudovich

“O‘zbek tilining izohli lug‘ati”da mo‘g‘ul tilidan o‘zlashgan so‘zlarning leksik-semantik tahlili 42

NORMO‘MINOV Sherzod To‘ychiyevich

O‘zbek muloqot madaniyatida “til va shaxs mushtarakligi” prinsipining etnolingvistik-pragmatik tavsifi 53

NAKIMOV Koshkar, SHOKIROV Raxmatulla

Nekrotoponimlar va nekronimik tizimining lingvomadaniy xususiyatlari haqida (Forish tumani misolida)..... 59

ЧОРИЕВА Шарофат Тураевна, ЭШКУВБАТОВА Дилноза Музаффар кизи

Способы выражения временных отношений в русском и узбекском языках на материале рассказа Л.Толстого «После бала» 76

AZIMOVA Zuhro Ismatilloevna

O‘zbek va nemis tillarida predmetlik va nopredmetlik kategoriyalarining pronominal ifodasi ... 86

MIRZATILLAYEVA Sayyora Zokirjon qizi

Fitrat publitsistikasidagi semantik doirasi toraygan o‘zlashma leksemalar 93

SULTANOVA Dilfuza Kamalovna

Pedagogikaliq terminlerdi inglil tiline awdarmalawdađi leksika-semantikaliq máseleler 100

SHODIYEVA Gulrux Nazir qizi

Palindrom - til o‘yini sifatida: o‘zbek va ingliz kognitiv uslubiyotida simmetrik tafakkur modellari 109

ORAZGALIEVA Ayjamal, USENOVA Gulmira

Phraseological representation of the concept “Bala” in the karakalpak linguistic worldview.... 115

Durdonakhon OMONIDDINOVA, YUSUPOVA Zuhra

Compliment responses in english and uzbek: a cross-cultural pragmalinguistic perspective..... 123

TURKIY ADABIYOT VA BADIY TAFAKKUR

XURSANOV Dilshod Baxtiyorovich

She’riy matnda esxatologik ong poetikasi 132

QODIROVA Barno Ibragimovna

Qozoq tilshunosligi va adabiyotshunosligida Axmet Baytursinovning o‘rni 144

Dilorom MUMINOVA

Kichik lirik janrlar taraqqiyoti va nomanavislikda shaxs tasviri..... 150

TURKIY XALQLAR TARIXI, MADANIYATI VA TILLARARO ALOQALAR

Yu Li

Research on translation strategies for the external promotion of intangible cultural heritage from the perspective of ecological translation 158

XOLMATOVA Umida Normaxammad qizi

Sug‘dda siyosiy jarayonlar (Qang‘ davlati davrida): Kulto‘ba yodgorligi ma‘lumotlari asosida 165

AZIZ MUSHTARIY!

Jurnalimizning ushbu soni turkiy tillar tadqiqi, o'zbek tilshunosligi, adabiyotshunoslik va tarix masalalarini qiyosiy, lingvomadaniy hamda fanlararo yondashuvlar asosida yorituvchi tadqiqotlarni jamlagan. Ushbu sonda o'zbek, qozoq, qoraqalpoq va tuva tillarining leksik, grammatik, frazeologik va pragmatik xususiyatlari, ularning boshqa tillar bilan aloqalari hamda milliy-madaniy tafakkurni ifodalash imkoniyatlari tahlil qilingan. Shuningdek, Fitrat publitsistikasi, Axmet Baytursinov merosi, Sug'd davri siyosiy jarayonlari, kichik lirik janrlar, she'riy matn poetikasi va turkiy xalqlar madaniy merosini tarjima qilish masalalariga e'tibor qaratilgan. Ayniqsa, til birliklarining shaxs, jamiyat va madaniyat bilan uzviy munosabati, tarjima jarayonidagi semantik muammolar hamda terminologik tizimlarning shakllanishi turli ilmiy metodlar asosida ochib berilgan.

TAHRIRIYAT

DEAR READER!

This issue brings together studies on Turkology, Uzbek linguistics, literary studies, and history through comparative and interdisciplinary approaches. Attention is given to the lexical, grammatical, phraseological, and pragmatic features of Uzbek, Kazakh, Karakalpak, and Tuvan, their interaction with other languages, and their role in expressing national and cultural thought. The issue examines Fitrat's journalism, Akhmet Baitursynov's legacy, political processes in the Sogdian period, minor lyric genres, the poetics of eschatological consciousness, and translation of the intangible cultural heritage of Turkic peoples. Language, personality, society, and culture are considered interconnected, alongside semantic and terminological challenges in translation. The Editorial Board believes that these studies will contribute to Turkological scholarship.

EDITORIAL BOARD

SEVGİLİ OKUYUCU!

Dergimizin bu sayısı; Türkoloji, Özbek dilbilimi, edebiyat bilimi ve tarih alanlarındaki güncel meseleleri karşılaştırmalı ve disiplinlerarası yaklaşımlarla ele alan araştırmaları bir araya getirmektedir. Sayıda Özbekçe, Kazakça, Karakalpakça ve Tuvacanın söz varlığına, dil bilgisel yapısına, deyimse ve pragmatik özelliklerine; bu dillerin diğer dillerle etkileşimine ve millî-kültürel düşünceyi yansıtmaya imkânlarına özel önem verilmiştir. Ayrıca Fitrat'ın gazetecilik faaliyetleri, Ahmet Baytursinov'un Kazak dilbilimi ve edebiyatındaki yeri, Soğd dönemindeki siyasi süreçler, küçük lirik türlerin gelişimi, şiirsel metinde eskatolojik bilinç poetikası ve Türk halklarının somut olmayan kültürel mirasının çevirisi incelenmiştir. Dil, şahsiyet, toplum ve kültür arasındaki ilişki ile çevirideki anlambilimsel ve terimsel sorunlar da ele alınmıştır. Yayın Kurulu, bu çalışmaların çağdaş Türkoloji araştırmalarına katkı sağlayacağına inanmaktadır.

YAYIN KURULU

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

В данный выпуск журнала вошли исследования, посвящённые актуальным вопросам тюркологии, узбекского языкознания, литературоведения и истории, рассматриваемым на основе сопоставительного, лингвокультурологического и междисциплинарного подходов. В центре внимания находятся лексические, грамматические, фразеологические и прагматические особенности узбекского, казахского, каракалпакского и тувинского языков, их взаимодействие с другими языками и способность отражать национально-культурное мышление. Отдельные статьи посвящены публицистике Фитрата, научному и культурному наследию Ахмета Байтурсынова, политическим процессам согдийского периода, развитию малых лирических жанров, поэтике эсхатологического сознания и вопросам перевода нематериального культурного наследия тюркских народов. Особое внимание уделено взаимосвязи языка, личности, общества и культуры, а также семантическим и терминологическим проблемам перевода. Редакционная коллегия уверена, что представленные материалы расширят научное осмысление современного тюркологического пространства.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

TURKIY TILLAR VA QIYOSIY TILSHUNOSLIK

**КАТЕГОРИЯ БЕЗЛИЧНОСТИ В ГРАММАТИКЕ УЗБЕКСКОГО, РУССКОГО И
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ В СВЕТЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ**

РАДБИЛЬ Тимур Беньюминович,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
теоретической и прикладной лингвистики, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
профессор Самаркандского государственного университета им. Шарофа Рашидова
(Нижний Новгород, Российская Федерация)

 E-mail: timur@radbil.ru

 ORCID: 0000-0002-7516-6705

 DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.22087572>

Аннотация

В статье изложен опыт применения научного аппарата лингвистической типологии и сопоставительной лингвистики для лингвокультурологического анализа национально обусловленных способов выражения безличности в грамматике русского, английского и узбекского языков. Постулируется существование градуируемой шкалы безличной грамматической категоризации события, в которой позиция максимума грамматикализации безличности замещается русским языком, позиция минимума грамматикализации безличности – английским языком, а в срединной зоне находится узбекский язык. Показано, что безличность в русском языке выступает как полноценная грамматическая категория, в узбекском языке она носит характер «скрытой категории», тогда как в английском языке идея безличности вообще не выражена грамматически, а представлена только лексическими средствами. Делается вывод о связи грамматических особенностей выражения безличности с ключевыми идеями национальных языковых картин мира сопоставляемых языков.

Ключевые слова: *безличность, русская грамматика, узбекская грамматика, английская грамматика, лингвистическая типология, сопоставительная лингвистика, лингвокультурологический подход.*

**THE CATEGORY OF IMPERSONALITY IN THE UZBEK, RUSSIAN AND ENGLISH
GRAMMAR IN THE ASPECT OF CONTRASTIVE CULTURAL LINGUISTICS**

Timur RADBIL,

Doctor of Science in Philology, Professor, Head of the Department of Theoretical and
Applied Linguistics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Professor, Sharof Rashidov Samarkand State University
(Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Abstract

The paper presents an application of the scientific apparatus of linguistic typology and contrastive linguistics to the linguo-cultural analysis of nationally determined ways of expressing impersonality in the Russian, English, and Uzbek grammar. It postulates the existence of a graduated scale of impersonal grammatical categorization of events, in which the maximum

grammaticalization of impersonality is represented by Russian, the minimum grammaticalization of impersonality is represented by English, and Uzbek occupies the middle zone. It is shown that impersonality in Russian functions as a full-fledged grammatical category, while in Uzbek it is a "hidden category," whereas in English the idea of impersonality is not expressed grammatically at all, but is represented only by lexical means. A conclusion is drawn about the connection between the grammatical features of expressing impersonality and key ideas in the national language pictures of the compared languages.

Key words: *impersonality, Russian grammar, Uzbek grammar, English grammar, linguistic typology, contrastive linguistics, linguo-cultural approach.*

QIYOSIY LINGVOMADANIYATSHUNOSLIK NUQTAYI NAZARIDAN O‘ZBEK, RUS VA INGLIZ TILLARI GRAMMATIKASIDA SHAXSSIZLIK KATEGORIYASI

RADBIL Timur Benyaminovich,

f.f.d., prof., N. I. Lobachevskiy nomidagi Nijniy Novgorod davlat milliy tadqiqot universiteti Nazariy va amaliy tilshunoslik kafedrasi mudiri,
Sharof Rashidov nomidagi Samarqand davlat universiteti professori
(Nijniy Novgorod, Rossiya Federatsiyasi)

Annotatsiya

Ushbu maqolada lingvistik tipologiya va qiyosiy tilshunoslikning ilmiy apparati rus, ingliz va o‘zbek tillari grammatikasida shaxssizlikni ifodalashning milliy jihatdan aniqlangan usullarining lingvomadaniy tahlilida qo‘llanilishi keltirilgan. Unda hodisalarning shaxssiz grammatik tasnifining darajali shkalasi mavjudligi ilgari suriladi. Mazkur shkalada shaxssizlikning grammatik ifodalanishining eng yuqori darajasi rus tiliga, eng past darajasi ingliz tiliga xos bo‘lsa, o‘rta darajani o‘zbek tili egallaydi. Rus tilida shaxssizlik to‘laqonli grammatik kategoriya sifatida ishlaydi, o‘zbek tilida esa "yashirin kategoriya" ekanligi ko‘rsatilgan, ingliz tilida esa shaxssizlik g‘oyasi umuman grammatik jihatdan ifodalanmaydi, balki faqat leksik vositalar bilan ifodalanadi. Shaxssizlikni ifodalashning grammatik xususiyatlari va taqqoslanayotgan tillarning milliy lingvistik dunyoqarashidagi asosiy g‘oyalar o‘rtasidagi bog‘liqlik haqida xulosa chiqariladi.

Kalit so‘zlar: *shaxssizlik, rus grammatikasi, o‘zbek grammatikasi, ingliz grammatikasi, lingvistik tipologiya, qiyosiy tilshunoslik, lingvomadaniy yondashuv.*

1. Введение

В статье изложен опыт применения научного аппарата лингвистической типологии [Буранов 1983; Аракин 1989] и сопоставительной (контрастивной) лингвистики [Гак 1989; Nichols 1992] в решении специфических лингвокультурологических задач описания культурно-специфичных моделей языковой концептуализации мира в грамматике национальных языков.

В наших предыдущих исследованиях научное направление, условно именуемое нами «сопоставительная лингвокультурология» [Новые тенденции 2016], было представлено прежде всего в контрастивном изучении лексики и фразеологии — см., например нашу работу «ДУША и ТЕЛО в аспекте сопоставительного анализа концептов культуры: материалы к лингвокультурологическому фразеологическому словарю русско-казахских соответствий» [Радбиль и др. 2020]. Однако в свое время мы теоретически обосновали

важность для лингвокультурологии типологических и сопоставительных штудий и в области грамматики [Радбиль 2012].

В современной науке о языке в рамках общей научной парадигмы контрастивной лингвистики постепенно формируется сравнительно автономная область исследования, которую можно назвать «контрастивная грамматика» [Boas 2010; Kovtun 2022]. Именно научный инструментарий «контрастивной грамматики» может предоставить исследователю репрезентативный материал для лингвокультурологической интерпретации выявленных сходств и различий в наборе грамматических категорий и в особенностях их функционирования в плане фиксации концептуальных схождений и расхождений в принципах языкового осмысления мира тем или иным этносом.

В современных когнитивно ориентированных исследованиях на материале разных языков показано, что лексика и грамматика в естественном языке отличаются не содержательно, а лишь **способом представления** того или иного содержания, которое в одном языке может быть выражено лексически, а в другом грамматически — см., например, идею разграничения «глубинных» и «поверхностных» синтаксических «ролей» в основополагающей работе Ч. Филлмора [Fillmore 1968] или концепцию «скрытой грамматики» [Кацнельсон 1972]. Особенность именно грамматического способа, в свою очередь, заключается в том, что грамматические значения выражаются регулярно, посредством обязательного способа языкового выражения, и в этом плане они облигаторны для говорящих на данном языке, то есть навязываются говорящему безо всякой на то его свободы выбора. При этом они, в силу своей формальности и обобщенности, в силу отсутствия вещественности и конкретности, не осознаются носителями языка в той степени, в какой это происходит с лексическими значениями. В этом проявляется известный автоматизм грамматического «мышления» в языке. «Иными словами, грамматическая семантика — это тот каркас, та рамка, в которых осуществляется мое восприятие вещей и событий окружающего мира, то окно, через которое я смотрю на мир, не замечая при том стекла, потому что оно прозрачно» [Радбиль 2012: 137].

Указанные выше соображения позволяют нам сформулировать положение о том, что смыслы, выражаемые обязательно, грамматическим способом, представляют собой явление особой значимости для этноса в том или ином отношении. Ведь языки отличаются не тем, что на одном языке о чем-то можно говорить, а на другом нельзя: давно известно, что на любом языке можно выразить любую мысль. Дело обстоит иначе: языки отличаются друг от друга теми сведениями, которые, говоря на каждом из них, **нельзя не сообщать**, — иными словами, тем, о чем на этих языках надо сообщать *обязательно* [Плунгян 2000].

Мы полагаем, вслед за авторами коллективной монографии «Ключевые идеи русской языковой картины мира», что концептуальная информация, попадающая в зону языковой облигаторности, которая не осознается самими носителями языка, является базовой, смыслообразующей для комплекса идей, лежащих в основе национальной языковой картины мира, «потому что представления, формирующие картину мира, входят в значения слов в неявном виде, так что человек принимает их на веру, не задумываясь. Иначе говоря, пользуясь словами, содержащими неявные смыслы, человек, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 9]. Поэтому важно не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают само собою разумеющимся, не видя необходимости специально останавливать на этом внимание.

Наша идея заключается в том, что одна и та же область смыслов, по-разному выраженная в разных языках, будучи в одном из них выражена грамматически, является именно для носителей данного языка концептуально выделенной, ценностно значимой. Например, в английском языке облигаторно, грамматически выражается идея определенности (посредством оппозиции неопределенного и определенного артиклей), что означает, что для носителей данного языка почему-то важно каждый раз выражать свое отношение к определенности того или иного объекта, даже если ситуация этого совсем не требует. В русском языке эта идея выражается лишь лексически, то есть по осознанному выбору говорящего, который может выразить это отношение специально, а может и никак не выражать. Это, в свою очередь, означает, что для носителей русского языка установка на обязательную категоризацию явлений окружающего мира по признаку определенности не является актуальной, не входит в область «языкового автоматизма», который есть производное от автоматизма ментального, концептуального.

В настоящем исследовании своего рода «тестированию» на облигаторность языкового выражения подвергается **идея безличности**, то есть тенденция к бессубъектному языковому отображению события безотносительно к тому, может ли быть приписан его участникам статус субъекта, реального агенса, источника действия, носителя состояния и пр. в действительности — или нет. Избранный нами контрастивно-грамматический подход к изучению той или иной категории в разных языках мира позволяет нам постулировать некий «континуум» или, точнее говоря, **шкалу**, на одном полюсе (+) которой, в одних языках, имеет место грамматический максимум выражения того или иного смысла, а на другом полюсе (–), в другой группе языков, напротив, располагается минимум грамматической выраженности интересующего нас смысла или представления; также, видимо, на этой шкале имеются и срединные, переходные области (0).

Идея подобной градуированной шкалы была реализована в замечательной работе Рицуо Муракоси «Семантика говорящего: сопоставление русского, английского и японского языков», в которой градуируются разные способы представления «Я» говорящего в указанных языках. Автор утверждает, что говорящий в английском языке носит общественно-коммуникативный характер, тогда как говорящий в японском языке — ментально-некоммуникативный. Если говорящий в английском языке отличается склонностью воздействовать на другое лицо / предмет, то говорящий в японском языке скорее всего чувствует, воспринимает и познает событие. Японский и английский языки — две противоположности. Русский язык представляется в этом отношении промежуточным [Муракоси 2006].

В настоящей работе идея градуированной шкалы в сопоставлении русского, узбекского и английского языков применяется к способам **безличной категоризации события**, которые имеют, или, соответственно, не имеют обязательного грамматического выражения в анализируемых языках.

2. Основная часть

Даже на предварительном, чисто эмпирическом уровне анализа мы можем увидеть богатство и разнообразие способов выражения безличности в русском языке, которые в большинстве случаев имеют грамматикализованный, то есть облигаторный, характер. Исходя из этого, в работах А. Вежбицкой именно на материале русской грамматики было выявлено несколько фундаментальных свойств, формирующих «семантический универсум» русского языка: иррациональность, неагентивность, тяготение к

представлению активного действия субъекта как его пассивного состояния, неконтролируемость субъектом собственного действия как отказ от субъектной ответственности за событие и пр. [Вежицкая 1997: 33–37 и далее]. Действительно, русская грамматика предоставляет говорящему на нем массу возможностей снять с себя ответственность за собственные действия или устранить себя из описания собственного состояния. Прежде всего речь идет о различных способах такой языковой концептуализации мира, при которой субъект так или иначе выводится из зоны контроля над событием / состоянием. «Это, например, предпочтение безличного конструкта типа *мне хочется* активному типа *я хочу*, выбор возвратной или страдательной модели вместо агентивной, инфинитивной вместо личной и пр. Во всех этих случаях событие, состояние, действия происходят с субъектом *как бы само собой* — или по крайней мере «не потому, что он этого хотел», пользуясь выражением А. Вежицкой» [Радбиль 2012: 137].

В русской грамматике концептуальная область безличного представления события охватывает отдельный сегмент морфологии глагола (безличные глаголы, безличные формы личных глаголов) и даже отдельную часть речи (слова категории состояния, или безлично-предикативные наречия), а также отдельную часть описания русских синтаксических конструкций в простом предложении (инфинитивные и безличные односоставные предложения) [Валгина и др. 2002].

Так, в русской морфологии выделяются безличные глаголы, выражающие действия и состояния, протекающие сами по себе, без их производителя (субъекта). При таких глаголах употребление подлежащего невозможно. К безличным относятся следующие глаголы: (1) глаголы без постфикса *-ся*, называемые: (а) состояние природы: *вечереет, морозит, рассветает, светает, холодает*; (б) физическое или психическое состояние живого существа: *знобит, першит, тошнит, полегчает* (прост.); (в) наличие или отсутствие, недостаток чего-н.: *хватит, хватает, станет, достанет, не достает*; (г) долженствование: *следует, надлежит, подобает*; (2) глаголы с постфиксом *-ся*, называемые: (а) желание, возможность действия: *вздумается, доведется, приведется, хочется*; (б) состояние субъекта (обычно живого существа): *(не) верится, дремлет, думается, дышится, живет, (не) лежит, нездоровится, не может, плачется, (не) сидится, (не) спится*; (в) состояние природы: *смеркается, смеркнется*. При этом различаются: (1) собственно-безличные глаголы: *Рассвело*; (2) личные глаголы в безличном употреблении: *Там русский дух, там Русью пахнет* (П.). По сравнению с личными, безличные глаголы не изменяются по лицам и числам, а также по родам. Они употребляются только в форме 3-го лица ед. ч. настоящего и будущего времени и в форме ед. ч. прошедшего времени среднего рода.

Также для выражения безличности в русской грамматике выработалась даже особая часть речи — слова категории состояния [Виноградов 1986]. Это знаменательные неизменяемые именные и наречные слова, которые обозначают состояние и употребляются в функции сказуемого безличного предложения. Выделяются следующие группы безлично-предикативных слов по значению: (1) безлично-предикативные слова, обозначающие психическое и физическое состояние живых существ, состояние природы, окружающей среды и обстановки: (а) психическое состояние человека: *досадно, совестно, скучно*; (б) волевое состояние: *лень, охота, неохота*; (в) физическое состояние живых существ: *больно, тошно, противно*; (г) состояние природы, окружающей среды и обстановки: *темно, тихо, холодно*; (2) безлично-предикативные слова, обозначающие состояние с модальной

окраской, т.е. заключающие в себе значение необходимости, возможности, долженствования: *можно, нужно, нельзя*; (3) безлично-предикативные слова, обозначающие оценку состояния или положения. Оценка может быть относительно протяженности во времени и пространстве: *поздно, пора, далеко, высоко*; с точки зрения психологической, морально-этической: *удобно, плохо, трудно*; со стороны зрительного или слухового восприятия: *видно, слышно*.

Соответственно, и в русском синтаксисе в составе особой группы простых предложений – односоставных предложений – выделяются бессубъектные конструкции: безличные и инфинитивные односоставные предложения.

Безличными называются односоставные предложения, главный член которых не допускает обозначения субъекта действия в форме именительного падежа и называет процесс или состояние независимо от активного деятеля: *Светает. Холодно в лесу*. Грамматического подлежащего в таких предложениях не может быть по самому их строению, поскольку в форме сказуемого не заключено значение лица, выраженного формой именительного падежа, его нельзя установить и по связям с другими членами предложения. Главный член безличного предложения может быть выражен: (1) безличным глаголом: *Холодает*; (2) личным глаголом в безличном значении: *В комнате плохо пахнет*; (3) безлично-предикативным словом (с инфинитивом или без него): *Мне душно*; (4) кратким страдательным причастием в форме среднего рода: *В доме было накурено*; (5) отрицательным словом или конструкцией, выражающей отрицание: *У меня нет денег*. Безличные предложения могут обозначать состояние природы, окружающей среды; психическое или физическое состояние живого существа; долженствование, необходимость и другие модальные оттенки.

Инфинитивные предложения обозначают возможное (невозможное), необходимое или неизбежное действие: *Быть грозе великой!* Инфинитивные предложения отличаются от безличных по общему значению. Если основная (типичная) масса безличных предложений обозначает действие, которое возникает и протекает независимо от деятеля, то в инфинитивных предложениях действующее лицо побуждается к активному действию, отмечается желательность, необходимость активного действия. Но при этом важно, что действующее лицо и в этой конструкции не может быть выражено подлежащим, то есть типичной синтаксической ролью для агенса. Инфинитивные предложения имеют различные модальные значения: долженствование, побуждение, необходимость, возможность и невозможность, неизбежность действия и др.: *Лицом к лицу лица не увидать* (Ес.); инфинитивные предложения с частицей *бы* приобретают значение желательности: *Вам бы здесь до осени пожить* (Ч.).

Обратим внимание на то, что все это — именно **грамматикализованные способы** выражения идеи безличности, которые охватывают и морфологию, и синтаксис. Наличие типового грамматического значения и регулярных средств его грамматического выражения, что реализуется в рядах противопоставленных грамматических форм, позволяет придать **безличности** в русском языке статус **полноценной грамматической категории** [Плунгян 2000]. Последнее обстоятельство, в соответствии с концепцией нашего исследования, обуславливает «плюсовый» полюс для русского языка на градуируемой шкале безличности, что можно интерпретировать как «грамматический максимум», максимум в облигаторности выражения идеи безличности.

При этом важно, что сами описываемые безличными конструкциями ситуации и / или состояния в реальной действительности в общем-то не требуют обязательно бессубъектной характеристики. Это можно доказать тем, что почти для любого варианта бессубъектного описанию можно привести его перифрастический коррелят, в основе которого лежит личная конструкция: *Рассвело* = *Наступил рассвет*; *Его убило молнией* = *Его убила молния*; *Мне обидно* = *Я обиделся*; *Мне хочется...* = *Я хочу*; *Студентов нет на занятиях* = *Студенты отсутствуют на занятиях* и пр. Однако нетрудно видеть, что данные «замены» являются семантически неточными или стилистически маркированными в сравнении со своими «безличными» версиями. Это позволяет заключить, что именно имперсональная модель является для носителей русского языка наиболее идиоматичным форматом вербализации данных ситуаций и / или состояний, то есть вполне узуальным, общепринятым, самым простым и распространенным способом именно так говорить о данных явлениях.

Но, как показала сама возможность семантического перифразирования безличных моделей на личные, в языках мира имеют место и альтернативные способы передачи конфигураций смыслов, которые в русском языке стандартно выражаются посредством грамматической категории безличности. Так, на противоположном по отношению к русскому языку, «минусовом» полюсе на градуируемой шкале безличности находится английский язык. Можно сказать, что в английском языке идея безличности на грамматическом уровне (в морфологии и синтаксисе) не выражается никак. В английской морфологии нет особой части речи, которая соответствовала бы русским «словам категории состояния». А в структуре английского предложения, по крайней мере, в литературном английском языке, грамматический субъект не может быть вообще исключен никаким образом, то есть предложения, которые можно условно именовать «бесподлежащими», в принципе невозможны.

Даже если речь идет об описании состояния природы или окружающей среды, на формальном уровне подлежащее в структуре предложения присутствует, пусть и семантически «пустое». Так, русскому *Холодно в лесу* соответствует английское *It's cold in the forest* (буквально ‘Это есть холодно в лесу’), русскому *В комнате душно* — английское *It's stuffy in the room* (буквально ‘Это есть душно в комнате’).

Аналогично с помощью личных конструкций передаются в английском языке русские безличные предложения с семантикой физического или психического состояния лица: *Мне холодно* = *I'm cold* (буквально ‘Я есть холоден’); *Мне обидно* = *I feel offended* (буквально ‘Я чувствую себя обиженным’). В целях нашего исследования важно, что русским выражениям, которые построены по аналогичной грамматической модели, соответствуют грамматически разные английские конструкции: (1) с составным именным сказуемым с незначащей связкой и с прилагательным в именной части; (2) с составным именным сказуемым с полнозначащей связкой *feel* и с пассивным причастием в именной части. Это как раз и доказывает отсутствие облигаторной грамматической выраженности для ситуации указанного типа в английском языке. Личной конструкцией с составным глагольным сказуемым в английском языке, как правило, передается и безличная русская модель с семантикой долженствования или необходимости: *Мне нужно работать* = *I need to work* (буквально ‘Я испытываю необходимость работать’).

Русские безличные отрицательные конструкции со сказуемым *нет* передаются английской бытийной моделью *There is...*, где объект отрицания формально представлен

грамматическим субъектом: *Студентов нет на занятиях* = *There are no students in class* (буквально ‘Студенты не находятся / не имеют места на занятиях’). Русские конструкции, где с помощью бытийной модели выражены отношения обладания (как известно, русский язык, в отличие от английского, относится к группе «быть»-языков, в которых идея обладания передается посредством выражения идеи бытия, в отличие от английского, который относится к «иметь»-языкам [Радбиль 2012]), в английском языке закономерно передаются личной конструкцией с глаголом в лексическом значении ‘иметь, обладать’: *У меня нет денег* = *I have no money* (буквально ‘Я не имею денег’).

Также с помощью личных конструкций в английской грамматике последовательно передаются и русские бессубъектные инфинитивные модели. Конструкции с семантикой желательности типа *Ему бы не жить в деревне* переводятся посредством обычной личной конструкции с оптативной семантикой *He shouldn't live in a village* (‘буквально ‘он бы не жил в деревне’), а конструкциям с семантикой повелительности соответствует обычный императив: *Всем молчать!* = *Everyone be silent!* (обратим внимание на то, что императив не является безличной конструкцией, потому что эксплицитно, как в русском, или имплицитно, как в английском, указывает на позицию II лица в роли субъекта требуемого действия).

В целом мы можем видеть существенные концептуальные различия в русской и английской версии. В силу того что в русском языке есть грамматическая категория безличности, то есть модель облигаторного грамматического отображения определенных типовых ситуаций. Так, по одной и той же схеме представлены и физическое состояние: *Ему холодно*, и внутреннее состояние: *Ему грустно*, и модальное состояние: *Ему нужно*. В результате этого и долженствование выступает как неконтролируемое состояние. Иными словами, русский язык акцентирует глубинную общность всех типов того, что может случиться с человеком, на базе общего признака неконтролируемости субъектом любых своих состояний.

Английский язык в этих случаях всегда делает акцент на субъекта, контролирующего событие: *he is cold* (‘он испытывает холод’), или *he is sad* (выбрано предикативное прилагательное ‘он грустен’), или даже *he need*, где вообще используется переходный глагол, предполагающий активное действие над объектом. При этом в английской грамматике эти разные состояния естественным образом представлены разными грамматическими моделями. Иначе говоря, носители английского языка вообще не обнаруживают необходимости концептуализировать любые ситуации в окружающей среде или состояния лица в неагентивном модусе. Отсутствие в английской грамматике простого и единообразного идиоматичного средства выражения бессубъектной семантики позволяет нам приписать английскому языку позицию на крайнем «минусовом» полюсе градуируемой шкалы безличности, в противоположность русскому языку.

В нашем исследовании мы постулируем и наличие срединных, переходных зон градуируемой шкалы способов грамматического выражения безличности. На наш взгляд, в этой срединной зоне находится узбекский язык как характерный представитель тюркских языков [Буранов 1983].

С одной стороны, мы наблюдаем сходную с английским языком тенденцию к преобладанию личных способов концептуализации разнообразных ситуаций над безличными, что, по мнению ученых, вообще характерно для тюркских языков. Ср., например, мнение К.З. Зулпукарова о том, что, например, в киргизском языке слова редко

употребляются в безличной форме, то есть без личных аффиксов. Поэтому киргизский язык в отличие от русского, «выступает как язык более личный и личностный», допускающий различные комбинации лично-посессивных и лично-предикативных форм спряжения в одном предложении [Зулпукаров 1994: 78]. Думается, что это положение во многом справедливо и для грамматики узбекского языка — см., например [Решетов 1965].

В этой связи многие русские безличные конструкции, в частности, описывающие состояние природы или человека, передаются по-узбекски как формально двусоставные, то есть личные: *Смеркается* = *Qorong'i tushmoqda* (буквально 'Темнота падает'); *Мне холодно* = *Men sovuqman* (буквально 'Я есть холодный / есть в холоде'). В отличие от русского, в узбекском языке спрягаются модальные слова *bar* 'есть, имеется', *yo'q* 'нет, отсутствует' [Решетов 1965]. Как и в английском языке, но в отличие от русского, в узбекском языке отсутствует такая особая часть речи, как слова категории состояния. Как пишет Ф.Б. Ниязов: «Это различие представляет собой существенный момент в организации семантической картины мира в обоих языках: если нет категории рода, нет и среднего рода, рода «обезличенной предметности», нет и эффекта обезличенности, устранения активного субъекта, что в русском языке наиболее точно соответствует значению статичного, инактивного состояния» [Ниязов 2000: 21].

При этом при описании некоторых типов ситуаций, охватываемых моделями реализации русской категории безличности, в узбекском языке все-таки возможны бессубъектные конструкции. Прежде всего это связано с возможностью употребления отглагольного существительного, называющего отрезок времени (что-то похоже на русское существительное *пора* в роли безлично-предикативного слова *Пора спать!*): *Yoz edi. Peshin vaqti edi* = *Было лето. Был полдень*. Именные безличные предложения такого типа могут вообще выражать статичное состояние: *(Tashqarida) issiq, salqin, tinch va shovqinli* = *(На улице) жарко, прохладно, тихо, шумно* (буквально ' (На улице) жара, прохлада, тишина, шум').

Кроме этого, русским безличным конструкциям с модальной семантикой необходимости, возможности, невозможности и под. соответствуют узбекские конструкции с модальными наречиями *kerak* ('нужно') или *tumkin* ('можно'), которые также в принципе не требуют обязательной позиции субъекта: *o'qish kerak / tumkin* = *нужно / можно читать*. Отличие от русского языка заключается в том, что в позиции зависимого слова в этой конструкции выступает не инфинитив, как в русском, а опять же отглагольное имя (буквально 'нужно / можно чтение'), например: *Yozgim kelam* = *Мне хочется читать* (буквально 'мое чтение желательно / в сфере желания'). Но в узбекской конструкции это имя не является синтаксически независимым, то есть не может расцениваться как полноценный субъект.

Таким образом, мы видим, что в узбекском языке некоторая грамматикализация отношений безличности (*shaxssizlik*), хотя и не столь тотальная, как в языке русском, все же имеет место, что и дает нам основание расположить узбекский язык в срединной зоне постулируемой нами шкалы безличности между крайними ее полюсами — русским и английским языками. Теоретическое обоснование для такого решения кроется в концепции «скрытых категорий».

Исторически понятие «скрытые категории» как специфические неморфологические способы выражения грамматических значений восходит к понятию «криптотип» — «скрытый (грамматический) тип (в противоположность морфологически оформленному

фенотипу)», введенному в 1936 г. (по другим данным — в 1938 г.) Б. Л. Уорфом в работе «A linguistic consideration of thinking in primitive communities» [Whorf 1964: 65–86]. Важнейшими функциями скрытых грамматических категорий, по мнению С.Д. Кацнельсона, наряду с формальными являются содержательные функции классификации слов на классы и подклассы, а также функции синтаксической валентности и скрытой деривации лексических значений [Кацнельсон 1972: 83–93].

Дальнейшее использование понятия «скрытые категории» связано с именем Т.В. Булыгиной. Оно было призвано выявить и адекватно описать «многие лингвистически интересные значения — в частности те, которые имеют явно не лексическую природу, но при этом не имеют непосредственного формального выражения» [Булыгина 1980: 323]. Признание грамматической сущности предполагаемой скрытой категории «требует определения ее «реактивной способности» (*reactance*, по Б.Л. Уорфу), т.е. выяснения вопроса о том, отражается ли наличие рассматриваемого семантического элемента (непосредственно в слове не выраженного) в формальных особенностях соответствующих конструкций» [Булыгина 1980: 335]. Итак, в общем виде «скрытые категории» представляют собой особый тип грамматических значений, которые не имеют формально выделяемых, морфологических средств выражения в языке, но, тем не менее, включаются в грамматическую систему языка на основании «косвенных» (например, синтаксических) признаков, позволяющих говорить об их присутствии [Булыгина, Крылов 1990].

В соответствии со сказанным выше безличность в узбекском языке имеет все признаки «скрытой категории», в отличие от грамматической категории безличности в русском языке, для которого она является грамматической категорией полноценной, то есть эксплицитной, «открытой». В свою очередь, если в каком-либо языке какое-либо значение не выражается в грамматике ни эксплицитным образом, ни косвенными признаками (категориальные пресуппозиции, синтаксическая сочетаемость и ограничения на нее, парадигматическое варьирование и пр.), оставаясь лишь в пределах необлигаторного, творимого по воле говорящих лексического выражения, то такому языку не может быть приписано вообще наличие грамматического способа реализации данного смысла (нет никаких грамматических категорий — ни «скрытых», ни «открытых»). Это мы наблюдаем для английского языка в отношении выражения семантики безличности, где имеются соответствующие лексемы *impersonal / impersonality* ('безличный' / 'безличность'), но грамматически данная семантика не выражена никак. Таким образом, для трех анализируемых языков шкала грамматической безличности принимает определенность: русский язык (+) — узбекский язык (+ / –) — английский язык (–).

3. Результаты и обсуждение

В соответствии с принятой концепцией исследования, полученным результатом необходимо дать лингвокультурологическую интерпретацию в рамках отражения национально-специфичных моделей языковой концептуализации мира в грамматике национальных языков.

В свое время еще А. Вежбицкая указала на данные синтаксической типологии языков, свидетельствующие о том, что существуют два разных подхода к жизни, которые в разных языках играют разную роль: можно рассматривать человеческую жизнь с точки зрения того, 'что делаю я', то есть придерживаться агентивной ориентации, а можно подходить к жизни с позиции того, 'что случится со мной', следуя пациентивной (пассивной, связанной с пациенсом) ориентации. Агентивный подход является частным

случаем каузативного и означает акцентированное внимание к действию и к акту воли (‘я делаю’, ‘я хочу’). При пациентивной ориентации, являющейся, в свою очередь, особым случаем **феноменологической**, акцент делается на ‘бессилии’ и пациентивности (‘я ничего не могу <с>делать’, ‘разные вещи случаются со мной’)). [Вежицкая 1996].

Русская грамматика очевидным образом пошла по феноменологическому пути, что связано с ключевыми идеями русской языковой картины мира: не случайно среди таковых идей авторы уже цитированной здесь коллективной монографии на первое место ставят идею непредсказуемости мира, из которой, по сути, выводятся и все остальные [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 11]. В русских безличных конструкциях предполагается, что мир в конечном счете являет собой сущность непознаваемую и полную загадок, а истинные причины событий неясны и непостижимы. Богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке показывают, что язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому разумению, причем эти события, которые человек не в состоянии до конца постичь и которыми он не в состоянии полностью управлять, чаще бывают для него плохими, чем хорошими.

Совсем иную картину мы наблюдаем в западных языках. Так, еще в древнеанглийский период в истории английского языка безличные конструкции были широко распространены, однако еще В. Матезиус отмечал, что уже «в среднеанглийском языке почти все безличные конструкции были преобразованы в личные». Начало среднеанглийского периода (XII-XV вв.) в истории английского языка — это время высвободившейся духовной энергии народа, активного формирования буржуазных отношений, с осознанием приоритетной роли индивидуализма, ответственности человека за событие. О характере данной тенденции, согласно наблюдению Т.М. Николаевой, красноречиво свидетельствует тот факт, что номинативные конструкции *I think* ‘я думаю’ в среднеанглийском и на раннем этапе современного английского употребляла социальная элита, а менее категоричные *Me think* ‘мне кажется’ — низшие слои общества [приводится по: Радбильт 2012: 142].

Очевидно, что с возрастанием социальной значимости человека, растет и его самооценка. Англоязычное сознание оформляет независимого в социальном плане говорящего как активного деятеля, кодируя его грамматически независимым членом предложения — подлежащим. Тенденция поддерживается и орфографически — с конца среднеанглийского периода устанавливается прописная передача личного местоимения *I* ‘я’. И эта тенденция усиления личного начала сохраняется и в современном английском языке. Английский язык идет по пути усиления роли личных, активных конструкций в речевой практике, что является свидетельством неосознанной жизненной установки носителя языка на активную жизненную позицию.

Тюркские языки по своей «языковой ментальности» близки к русскому языку в силу присутствия в них того «феноменологического пути», который отмечен А. Вежицкой и который во многом связан с архаическим типом языковой концептуализации мира, с мифологическим началом. Однако, возможно, в связи с исходными особенностями кочевого образа жизни, в котором от личности все же зависит несколько больше, чем в земледельческой культуре, где человек во многом подчинен игре природных стихий, в узбекском языке как представителе тюркских языков категория безличности все же не

обрела столь полного и законченного воплощения, как в русском языке. Но здесь мы, разумеется, входим в область неверифицируемых объективными языковыми данными предположений, которые еще только подлежат лингвистической аргументации.

4. Заключение

Проведенный анализ подтвердил релевантность научного инструментария сопоставительной грамматики для лингвокультурологического анализа национально-специфических способов языковой концептуализации мира в грамматике разных языков. В частности, была предложена и верифицирована градуируемая шкала безличной грамматикализованной категоризации события, в которой «грамматический максимум» безличности присущ русскому языку, «грамматический минимум» — английскому языку, а срединную позицию между двумя полюсами замещает узбекский язык.

Данные «значения» параметра выражения безличности получили лингвокультурологическую интерпретацию, посредством которой мы попытались показать, как носители того или иного языка осмысляют свое место в окружающей действительности, как они оценивают свою роль в череде событий, причем делают это в определенной степени автоматически, в силу укоренившихся в данном этническом сообществе «языковых привычек», которые отложились в грамматике родного языка.

В целом мы можем заключить, что в каждом языке имеется своя «национальная логика» языкового выражения неких универсальных смыслов, что О.А. Корнилов определяет как действие «произвольности национального ассоциативного мышления», которое есть не что иное, как проявление его свободы [Корнилов 2003]. Все это в полной мере справедливо и для культурно обусловленных особенностей грамматического выражения безличности в разных языках мира.

Iqtiboslar/ References/ Kaynaklar/ Сноски:

1. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. 2-е изд. М.: Просвещение, 1989. 256 с.
2. Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований: Коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1980. С. 320–355.
3. Булыгина Т.В., Крылов С.А. Скрытые категории // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл.ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 457–458.
4. Валгина Н.С. и др. Современный русский язык: Учебник для вузов / Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь, М.И. Фомина; Под ред. Н.С. Валгиной. Изд. 6-е, перераб. и доп. М.: Логос, 2002. 528 с.
5. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. М.А. Кронгауз; вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
6. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Изд-е 3. М.-Л.: Высшая школа, 1986. 642 с.
7. Буранов Дж.Б. Сравнительная типология английского и тюркских языков: учебное пособие / отв. ред. В.Д. Аракин. М.: Высшая школа, 1983. 266 с.
8. Гак В.Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25. Контрастивная лингвистика. М.: Прогресс, 1989. С. 5-17.
9. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

10. Зулпукаров К.З. Падежная грамматика: теория и прагматика. СПб. – Ош: Изд-во ОшГУ, 1994. 317 с.
11. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 213 с.
12. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
13. Муракоси Р. Семантика говорящего: сопоставление русского, английского и японского языков // Русский язык в научном освещении. 2006. № 1 (11). С. 45–76.
14. Ниязов Ф.Б. Безглагольные безличные предикативы русского языка и их функциональные аналоги в узбекском языке: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Ташкент, 2000. 26 с.
15. Новые тенденции в русском языке начала XXI века: колл. монография / под ред. Л.В. Рацибурской. 2-е изд. М.: ФЛИНТА; Наука, 2016. 304 с.
16. Плунгян В.А. Общая морфология. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 383 с.
17. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учебное пособие. 2-е изд., стереотипн. М.: Флинта; Наука, 2012. 320 с.
18. Радбиль Т.Б. и др. ДУША и ТЕЛО в аспекте сопоставительного анализа концептов культуры: материалы к лингвокультурологическому фразеологическому словарю русско-казахских соответствий / Т.Б. Радбиль, Г.А. Ахметжанова, Ж.Ж. Жумагулова, А.Е. Сералиева, Г.Е. Сералиева // Научный диалог. 2020. № 3. С. 127–150. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-127-150.
19. Решетов В.В. Основы фонетики и грамматики узбекского языка: Учебник для филол. фак. ун-тов и ист.-филол. фак. пед. ин-тов. 2-е изд. Ташкент: Учитель, 1965. 243 с.
20. Boas H.C. (ed.). Contrastive Studies in Construction Grammar (Constructional Approaches to Language, v. 10). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010. 244 p.
21. Fillmore Ch. J. The case for case // E. Bach and R.T. Harms (eds). Universals in Linguistic Theory. L.: Holt, Rinehart and Winston, 1968. Part 2. Pp. 1–25.
22. Kovtun O. Actual problems of contrastive grammar in the focus of pragmalinguistics // Studia Rossica Posnaniensia. 2022. № 47(2). Pp. 181-196. DOI:10.14746/strp.2022.47.2.13.
23. Nichols J. Linguistic Diversity in Space and Time. Chicago: UCP, 1992. 374 p.
24. Whorf B.L. A linguistic consideration of thinking in primitive communities // Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. Cambridge, Massachusetts, The MIT Press, 1964. Pp. 65–86

СЛОВАРНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ХООМЕЯ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ (СЕМАНТИКА, ФОРМЫ, ПРИМЕРЫ)

ДОНОРОВА Ульяна Очур-ооловна,

кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических
исследований при Правительстве Республики Тыва,
(г. Кызыл, Россия)

 E-mail: ochur-ool@mail.ru

 ORCID: [0000-0001-7968-4713](https://orcid.org/0000-0001-7968-4713)

Проф. Игорь Валентинович КОРМУШИН,

Председатель Российского комитета тюркологов при
Отделении историко-филологических наук РАН
(Москва, Россия)

 E-mail: igorkormushin@yandex.ru

 DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.22087420>

Аннотация

Статья посвящена исследованию музыкальной терминологии тувинского языка в сфере искусства горлового пения «хоомей». Показано, что лексика этого направления формируется на стыке традиционных и заимствованных наименований. Данный процесс обусловлен активным включением хоомей в образовательные программы музыкальных учреждений Республики Тыва, а также растущим интересом к этому искусству со стороны исполнителей из других стран.

Цель работы – представить комплексное лингвистическое описание терминов хоомей в широком культурном контексте. Для достижения этой цели авторами решены следующие задачи: во-первых, рассмотрены особенности лексической семантики терминов; во-вторых, изучены их морфологическая словообразовательная основа, синтаксические связи и внутренняя форма, то есть тот признак реальности, который лежит в основе номинации. Для решения этих задач в отдельных случаях затрагиваются вопросы происхождения (этимологии) терминов.

При подготовке словарных статей авторами были поставлены задачи систематизировать собранный материал, раскрыть полное музыкально-терминологическое значение каждого понятия и сопроводить его наглядными примерами. Материал исследования собран на основе анализа словарей, специальной научной литературы, архивных данных, рукописей и интервью с ведущими мастерами хоомей.

Отдельно отмечается, что дефиниции музыкальных терминов нередко носят дескриптивный характер, особенно при описании названий инструментов, разновидностей горлового пения и анализе заимствований. При этом в существующих словарях не всегда представлены полные этимологические сведения, указания на время фиксации терминов в источниках, а также примеры из художественной литературы и публикаций в СМИ.

Результаты исследования структурированы следующим образом: в первой части рассматриваются термины общего обозначения хоомей; во второй – термины, относящиеся к его разновидностям; в третьей – термины, составляющие пласт образовательной лексики; в четвертой – термины, описывающие приёмы корректировки дыхания во время исполнения.

Ключевые слова: тувинское горловое пение «хоомей», тувинская музыкальная терминология, базовые музыкальные термины тувинского языка, лексикографическая фиксация хоомей, Республика Тыва.

**TUVA TILIDA XOOMEY MUSIQA TERMINOLOGIYASINING LUG‘AVIY
MODELLASHTIRILISHI (SEMANTIKASI, SHAKLLARI VA MISOLLARI)**

DONOROVA Ulyana,

f.f.n., Tuva Respublikasi Hukumati huzuridagi Tuva gumanitar va
amaliy ijtimoiy-iqtisodiy tadqiqotlar instituti ilmiy xodimi (Qizil sh., Rossiya)

Kormushin Igor Valentinovich,

f.f.d., prof., Rossiya Fanlar akademiyasi Tilshunoslik instituti Ural-oltoy tillari
bo‘limi bosh ilmiy xodimi (Moskva, Rossiya)

Annotatsiya

Mazkur maqola tuva tilidagi **xoomey** (tomoq orqali kuylash san’ati) sohasiga oid musiqa terminologiyasini lingvistik jihatdan tadqiq etishga bag‘ishlangan. Tadqiqotda ushbu terminologik tizim an’anaviy hamda o‘zlashma terminlarning o‘zaro uyg‘unlashuvi asosida shakllanayotgani ko‘rsatib berilgan. Bu jarayon xoomey san’atining Tuva Respublikasidagi musiqa ta’limi muassasalari o‘quv dasturlariga faol joriy etilishi hamda mazkur san’at turiga xorijiy ijrochilar qiziqishining tobora ortib borishi bilan izohlanadi.

Tadqiqotning maqsadi xoomeyga oid terminlarni ularning madaniy qo‘llanish doirasi bilan uzviy bog‘liq holda kompleks lingvistik tavsiflashdan iborat. Ushbu maqsadni amalga oshirish jarayonida terminlarning leksik-semantik xususiyatlari, so‘z yasaliish asoslari, sintaktik bog‘lanishlari hamda ichki shakli, ya’ni nomlashga asos bo‘lgan belgilari tahlil qilingan. Shuningdek, ayrim terminlarning kelib chiqishi (etimologiyasi) ham yoritilgan.

Lug‘at maqolalarini tayyorlash jarayonida to‘plangan materialni tizimli ravishda guruhlariga ajratish, har bir terminning musiqiy-terminologik mazmunini to‘liq ochib berish hamda uni ishonchli misollar bilan izohlash asosiy vazifa sifatida belgilangan. Tadqiqot materiali lug‘atlar, maxsus ilmiy adabiyotlar, arxiv hujjatlari, qo‘lyozmalar va xoomey san’atining yetuk ijrochilari bilan o‘tkazilgan suhbatlar asosida shakllantirilgan.

Tadqiqotda musiqa terminlariga beriladigan ta’riflar, ayniqsa musiqa cholg‘ulari, tomoq orqali kuylash turlari hamda o‘zlashma terminlarni tavsiflashda ko‘pincha tasviriy xarakter kasb etishi qayd etiladi. Shu bilan birga, mavjud lug‘atlarda ayrim terminlarning etimologiyasi, ularning manbalarda ilk bor qayd etilgan davri, shuningdek, badiiy adabiyot va ommaviy axborot vositalari materiallaridan olingan misollar har doim ham to‘liq aks ettirilmaganligi ta’kidlanadi.

Tadqiqot natijalari to‘rt yo‘nalishda tizimlashtirilgan: birinchi qismda xoomeyning umumiy nomlanishiga oid terminlar; ikkinchi qismda uning turlarini ifodalovchi terminlar; uchinchi qismda musiqa ta’limi jarayonida qo‘llaniladigan terminologik birliklar; to‘rtinchi qismda esa xoomeyni ijro etish jarayonida nafasni boshqarish va rostlash usullarini ifodalovchi terminlar tahlil qilingan.

Kalit so‘zlar: *xoomey (tuva tomoq orqali kuylash san’ati), tuva musiqa terminologiyasi, tuva tilining asosiy musiqa terminlari, xoomey terminlarining leksikografik tavsifi, Tuva Respublikasi.*

**VOCABULARY MODELING OF MUSICAL TERMINOLOGY OF KHOOMEI IN THE
TUVINIAN LANGUAGE (SEMANTICS, FORMS, EXAMPLES)**

Ulyana DONOROVA,

Candidate of Science in Philology, Research Fellow, Tuvan Institute for Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl, Russia)

Prof. Dr. Igor KORMUSHIN,

Chief Researcher, Department of Ural-Altai languages, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Abstract

This article examines the musical terminology of the Tuvan language in the context of the throat-singing art of *khoomai*. It shows that the vocabulary of this domain develops through a combination of traditional and borrowed terms. This is largely explained by the active inclusion of *khoomai* in the educational programs of music institutions in Tuva, as well as by the growing interest of international performers in this art.

The study aims to provide a comprehensive linguistic description of *khoomai*-related terms within their cultural usage. In particular, it addresses lexical semantics, morphological derivation, syntactic compatibility, and the word's internal form—i.e., the feature of surrounding reality that underlies nomination in Tuvan. To achieve this, the research sometimes considers questions of origin (etymology).

In compiling dictionary entries, the following tasks were set: to systematically organize the collected material into groups and, for each term, to present its full musical-terminological meaning supported by clear illustrative examples. The research is based on the analysis of dictionaries, specialized literature, archival materials, manuscripts, and interviews with *khoomai* master performers.

The article also notes that the definition of musical terms is sometimes realized through a descriptive approach, especially when naming instruments, types of throat singing, and explaining borrowed terminology. Dictionary entries do not always provide complete etymological details, information about when terms were first recorded in sources, or examples from fiction and mass media.

The research results are organized as follows: in the first part, terms for the general designation of *khoomai* are considered; in the second part, terms related to varieties of *khoomai*; in the third part, terms related to educational vocabulary; and in the fourth part, terms related to techniques for adjusting breathing during *khoomai* performance.

Key words: *Tuvan throat singing khoomai, Tuvan musical terminology, basic musical terms of the Tuvan language, dictionary of khoomai terms.*

Горловое пение тувинцев *хөөмөй* (в русской фонетической адаптации – хоомей, хомей), характеризующееся архаической природой и уникальной сонорикой, проникает в различные музыкальные сферы современной культуры Республики Тыва. Оно находит выражение в творчестве представителей национальной композиторской школы, самодельных авторов-песенников, а также в репертуаре многочисленных фольклорных коллективов.

С конца XIX века базовые музыкальные термины тувинского языка, включая сам термин *хөөмөй*, его основные стили (каргыраа, сыгыт) и названия тувинских национальных инструментов (игил, бызаанчы, дошпулуур, хомус, чадаган), фиксировались этнографами,

путешественниками и собирателями фольклора, такими как П.С. Островских, Е.К. Яковлев, Д. Каррутерс, Г.Е. Грумм-Гржимайло, А.В. Анохин, Н.Ф. Катанов, В.В. Радлов и др. В XXI веке терминология хоомей продолжает расширяться в работах этнографа С. И. Вайнштейна, этномузыкологов – Х. С. Ихтисамова, З. К. Кыргыс, В. Ю. Сузукей, Теодора Левина, Е. К. Карелиной, С. И. Утегалиевой, филологов – Б. И. Татаринцева, Д. С. Куулара, К. А. Бичелдея и др.

Развитие любительского и профессионального творчества в сфере массовой культуры Республики Тыва, а также насущные потребности музыкального образования в области хоомей обуславливают актуальность лингвистического и лингвомузыковедческого исследования лексических единиц (слов и словосочетаний) современного тувинского языка, функционирующих в качестве музыкальных терминов или репрезентирующих специфические понятийные области горлового пения. Данное направление требует создания специализированного словаря, способного охватить разнообразные жанры, музыкальные инструменты, особенности звучания и методы звукоизвлечения. Сохранение и активное развитие искусства горлового пения в культуре Республики Тывы определяют бытование значительного пласта специализированной лексики. Термины, обозначающие виды и технику исполнения тувинского горлового пения хоомей, включают в себя названия основных стилей, их разновидностей и конкретных исполнительских приемов. В этой области сегодня ведется активная работа по составлению учебных материалов, пособий и программ для общеобразовательных учреждений, а также специализированных организаций, таких как Республиканская общеобразовательная музыкально-художественная школа-интернат им. Р. Д. Кенденбиля и детские школы искусств в различных районах республики.

Рубрики тезауруса, образующие словарные статьи с заголовочными единицами, которые представлены лексико-семантическими вариантами терминов горлового пения, вошли в «Словарь музыкальных терминов тувинского языка», составленный нами в 2022 году (Донорова, 2022). В статьях описаны жанровые разновидности горлового пения, приемы корректировки дыхания исполнителей, приемы звукоизвлечения, а также термины, употребляемые при обучении приемам звукоизвлечения. Данные лексемы отражают процесс поиска оптимальных терминологических решений, приемлемых как для исполнителей-хоомейжи, так и для преподавателей по классу национальных инструментов. Однако арсенал музыкальных терминов в области горлового пения хоомей далеко не исчерпан; существует объективная необходимость проанализировать промежуточные результаты как спонтанного, так и направленного тувинского терминотворчества.

Нами выделены следующие основные тематические группы (разделы) музыкальных терминов, относящихся к горловому пению тувинцев хоомей:

1) Термины общего обозначения горлового пения: хоомей (хөөмей, каргыраа, сыгыт, хөөмей-сыгыт, сыгыт-хөөмей, сыгыт-хөөмей-каргыраа, каргыраа-хөөмей), а также дополнительные термины для названия главных составляющих голосов – бурдон/дөжөк ‘фундаментальный нижний голос, на фоне которого вычерчивается мелодический рисунок хоомей’, обертон/дузаламчы чинге үн/чаңгы үн ‘верхние призывки бурдона, которые образуют мелодию’;

2) Термины, обозначающие главные виды (стили) голосовых компонентов: названия технических приемов для звукоподражания окружающей природы и быта – борбаңнадыр/борбаң, букв. ‘сделать круглым, округлить’, эзеңгилээр/эзеңги, букв. ‘стремениль’, бырлаңна-/бырлаң букв. ‘вибрировать, подобно воде’; названия

специфических разновидностей хоомей; названия составных частей (элементов) сыгыта; названия составных частей (элементов) каргыраа;

3) Специфические образовательные термины, употребляемые при обучении горловому пению хөөмей (наименования специальных приемов горлового пения, слова и словосочетания, связанные с использованием грудного резонатора).

4) Термины, обозначающие приемы корректировки дыхания во время исполнения хоомей. К ним относятся такие словосочетания, как ижин тыныжы ‘брюшное дыхание’, хөрек тыныжы ‘грудное дыхание’, ижин-хөрек тыныжы ‘грудно-брюшное дыхание’, образованные путем калькирования терминологии академического пения.

Ниже будут подробно рассмотрены наиболее употребительные слова и словосочетания, репрезентирующие искусство тувинского горлового пения хөөмей.

Раздел 1. Термины, обозначающие общее название горлового пения (хөөмей), наименования главных видов (стилей), голосовых компонентов.

Термин хөөмей обладает двусмысленностью, выступая как общим названием искусства горлового пения, так и названием отдельного стиля этого пения. Показательно, что в конце 1980-х годов в кругу языковедов, музыковедов и работников культуры Тувы возникли споры по вопросу раздельного наименования горлового пения хөөмей и одного из видов данного искусства – хөөмей (Совещание..., 1988: 4–8). Некоторый компромисс был достигнут в 1992 году в ходе I Международного симпозиума по хоомею, когда учёные решили закрепить термин хөөмей в качестве основополагающего понятия. С тех пор это значение термина бытует в широкой научной среде.

Терминологическая проблема, однако, после этого отнюдь не была снята. Она объясняется тем, что в народной культуре исполнители разных стилей также могут именоваться по-разному (хөөмейжи, сыгытчы, каргыраажы), а среди носителей и продолжателей традиции до сих пор не сложилось единого мнения по данному вопросу. К примеру, в народной культуре бытуют такие общие обозначения искусства тувинского горлового пения, как сыгыт-хөөмей, хөөмей-сыгыт, сыгыт-хөөмей-каргыраа.

Писателем Ч. М. Чапом предлагались такие заменяющие обозначения, как *хөрек ыры* (букв. ‘песня груди’) (из материалов симпозиума «Хоомей», НА ТИГИ, Фонофонд, пл. № 820-822). Термин хөрек-биле аялга (букв. ‘мелодия, [вызванная] из груди’) в значении ‘гортанное безобертонное пение’ предлагал этномузыковед И.А. Богданов [Богданов ТФ 1983: 6]. Известный композитор, носитель фольклорных традиций С.М. Бюрбе предложил слово чаңгы (букв. ‘эхо’) [из материалов симпозиума «Хоомей», НА ТИГИ, Фонофонд, пл. № 820-822]. Доктор филологических наук, фольклорист Д.С. Куулар предложил сохранить в качестве общего обозначения термин хөөмей, употребляемый в народной терминологии (Совещание..., 1988: 4).

Этномузыковед З.К. Кыргыс предложила термин *хөрөктээр* в качестве общего названия горлового пения и обозначения вокальной техники (хөрек – ‘грудь’; от него образована глагольная форма хөрөкте-, букв. ‘грудировать’, ‘использовать грудь при пении’). Производный от слова хөрек (‘грудь’) термин хөрөктээр представляет собой глагольную форму, которая не переводится точно на русский язык, поскольку обозначает специфическую реалию. В разговорной практике он употребляется, скорее, как идиома (букв. ‘повышать голос’, ‘ругать’), тогда как в музыкальном контексте термин хөрөктээр обозначает технику звукоизвлечения и интерпретируется музыковедом как ‘петь с опорой на грудь’ (Кыргыс, 2002; Бадырғы 2023: 58). Однако это обозначение не получило полного

распространения ни среди исполнителей, ни в широкой аудитории.

Таким образом, музыкальное терминологическое значение слова хөөмей многими воспринимается как общее понятие, эквивалентное ставшим привычными словосочетаниями типа «горловое пение», «обертоновое пение», «сольное двухголосное пение», а также второе понятие – название вида/жанра/стиля горлового пения:

хөөмей – муз. 1) название (общее) горлового пения тувинцев; 2) название стилевой разновидности (вида, способа, манеры, жанра, тембра) искусства горлового пения.

Музыкально-терминологическое значение слова хөөмей основано на его общезыковой семантике: 1. ‘вид горлового пения’; 2. ‘хөөн’ (ТувРС 1968: 491). Слово хөөмей в тувинском языке является монгольским заимствованием, с небольшим фонетическим видоизменением монг. хөөмий (монг. и> е тув.), первичная семантика которого анатомическая: ‘зев; горло; шея’; хөөмийн гүн (букв. ‘горла глубина’) ‘носоглотка; маленький язычок (в горле)’. А также переносные значения: ‘дужка, мех из-под подбородка соболя, куницы’ (БАМРС IV, 2002: 141). Поскольку анатомические значения у слова хөөмей в тувинском языке отсутствуют (в отличие от, например, якутского: күөмий ‘горло, гортань, передняя часть шеи, голос’), то можно предположить, что слово перешло в тувинский язык уже в музыкально-терминологическом значении названия горлового пения. Авторы фундаментального словаря тувинского языка обратили внимание на второе значение слова хөөмей – хөөн. Остановимся на этом:

хөөн – муз. 1. ‘настрой’ – настроенность инструмента, фиксирование звучания соседних струн инструмента в заданной тональности; 2. ‘консонанс’ – согласованность звучания созвучий (интервала или аккорда). Примеры.

Хөөнү кирбес хугбайны дээш кулаан долгап, / Хөөкүй эдиң хинчектеве: сээң бодуң / Хөөнүң багай – ынчангааштың ындыг магап (Сувакпит СЧ: 25) ‘Закручивая колок, не проклинай бедный ненастроенный (не входящий в настрой) инструмент: твоё настроение плохое – поэтому так наверное’;

Лимбиниң үнү-биле кижиниң сеткили хөөннөш болза, өөрени берип болбайн аан (Даржай ДА: 113) ‘Если душа человека созвучна (настроена на одну струну) с мелодией лимби (флейты), конечно же, (он сможет) научиться (играть)’.

Музыкально-терминологическое значение слова хөөн тесно связано с его общезыковой семантикой. В словаре общезыковое значение (‘настроение, намерение’) приведено вторым, поскольку музыкальное (переносное, метафорическое) употребление термина применительно к музыкальным явлениям признается авторами словаря более употребительным: “1) муз. ‘лад, настройка’; хөөн кирир настроить; 2) ‘настроение; намерение, желание’; ажылдаар хөөн рабочее настроение” (ТувРС 1968: 491).

В традиционной музыке тувинцев горловое пение уподобляется игре на музыкальном инструменте, поскольку звуковысотные параметры исполнительского лада напрямую определяются его строем – хөөн. Для координации голоса хөөмейжи и аккомпанирующего инструмента в исполнительской практике выделяют три типа настройки струнных инструментов (высокий, средний и низкий настрой), обеспечивающих получение различных ладотональностей.

В тувинском языке на базе вышеупомянутых музыкально-терминологических значений слова хөөн образованы следующие дериваты (лексические и синтаксические производные формы): хөөнү чок // хөөннүг эвес ‘без настроя’; хөөнне- ‘настраивать’; хөөнү кир- ‘входить в настрой’; хөөннөш ‘под один настрой; имеющий созвучие’; хөөннекчи ‘настройщик музыкального инструмента’; хөөннүг үннер // хөөннөш үннер ‘созвучие, аккорд’ (букв. «благозвучные звуки»).

В происхождении тувинского слова хөөн, безусловно, прослеживается монгольское языковое влияние, хотя прямого структурного аналога тувинскому хөөн в монгольском языке нет (см. также хөгжүм). Как и в случае с хөгжүм, возможно, корневой хөг играет ключевую роль > хөг + үн = ‘мелодический голос’.

Обратим внимание на семантическую структуру словарных статей слов хөөмей и хөөн в словаре 1955 года под редакцией А. А. Пальмбаха. Так, для слова Хөөмей приводятся следующие значения: «1. Хомей (вид так называемого "горлового пения"); 2. Мотив; намерение» (ТувРС 1955: 472). Аналогичным образом структурирована статья Хөөн: «1. Муз. лад, настройка; хөөн киирер – настроить; 2. Мотив, намерение; 3. Настроение, желание» (приводятся примеры: ажылдаар хөөн ‘рабочее настроение’; чем чиир хөңнүм чогул ‘не хочу есть’; хөөн булганыр ‘тошнить’) (там же).

Выявленные параллели позволяют выдвинуть следующее предположение: возможно, до заимствования монгольского термина у тувинцев существовало собственное название горлового пения, которое до сих пор сохраняется в тувинском языке в качестве одного из жанровых наименований. Данную гипотезу можно подкрепить анализом музыкально-терминологического значения слова хөөн (Монгуш, Карелина, 2014: 393–396).

Корень слова хөг в тувинском языке имеет значения: ‘веселье, развлечение, радость’ (ТувРС 1968: 486). В монгольском языке аналогичное слово означает: 1) ‘гармония, настройка, строй’; 2) ‘что-либо смешное, забава’ (БСРМ 2006: 857). В этом отношении оно семантически сближается с тувинским словом хөөн: 1) муз. ‘лад, настройка’; 2) ‘настроение, намерение, желание’ (ТувРС 1968: 491). Мы склонны полагать, что хөөн восходит к архаической форме древнетюркского köñül ‘сердце, желание, чувство, мысль’ (ЭСТЯ 1997: 191). Приведем пример: Лимбиниң үнү-биле кижиниң сеткили хөөннеш болза, өөрени берип болбайн аан ‘Если душа человека созвучна с мелодией лимби (флейты), конечно же, (он сможет) научиться (играть)’ (Пюрбю КЫ 1973: 113).

Отдельно выделим статью köñül (ЭСТЯ 1997: 274), где отмечается значение «сердце как орган мышления, чувств»; при этом все тюркоязычные источники указывают на семантику ‘чувство, настроение’. Отсюда значение ‘сердце, душа’ выступает древним дериватом от köjn (тув. хоюн – ‘пазуха’) в субстантивированном значении – ‘содержащееся в груди’.

Обозначение анатомического органа в дальнейшем стало ассоциироваться с абстрактными понятиями ума и чувств. По этой причине корень хөг в музыкальном мышлении тувинцев отражает понятие ‘настроение’, семантически близкое латинскому *modus* и русскому лад.

Музыкальным термином тувинского языка, производным от корня хөг, является основополагающее понятие музыки: хөгжүм (хөг + жүм). Музыковеды М. И. Каратыгина и О. О. Дорволжингийн отмечают, что в монгольской музыке основное содержание слова хөг как музыкального понятия означает «строй, настройка, гармония, стройность звучания» (Каратыгина, Дорволжингийн, 1990: 112–136).

Однако до настоящего времени исследователи не обращали внимания на то, что слово хөөмей имеет тот же корень, что и хөг, восходя к праязыковой форме с редуцированным мягким согласным. Долгие гласные вторичного образования в тувинском языке представляют собой результат стяжения гласного, согласного и гласного, отсюда: хөг+е+мей = хөөмей.

Именно филологический анализ слова хөөмей наиболее наглядно доказывает глубинную связь искусства горлового пения с инструментальной культурой тувинцев. Как и у многих других народов, в

тувинской традиционной культуре существует оппозиция понятий вокальной и инструментальной музыки: песня – музыка (играемая) = тув. ыры – хөгжүм.

Горловое пение, как отмечает музыковед Е. К. Карелина, в контексте истории музыкальных культур мира можно рассматривать как начальный переходный этап между вокальной и инструментальной сферами в процессе постепенного «отпочкования» инструмента от тела человека (горловое пение → варган → аэрофон) (Карелина, 2009: 92–93). Данная переходность подтверждается генетическим родством термина хөөмей со словами, непосредственно связанными с инструментальной музыкой: хөгжүм (‘музыка, оркестр, музыкальный инструмент’) и хөгжүмчү (‘музыкант-инструменталист, исполнитель на музыкальном инструменте’).

При этом, во всех вышеуказанных словах заложены важные этические и эстетические смыслы, восходящие от корня хөг: сам музыкальный акт – будь то горловое пение или музицирование на инструменте, либо и то, и другое сразу (что вполне характерно для тувинской культуры) – изначально мыслится народным сознанием как дарующий радость и удовольствие. Например, в воспоминаниях уроженца местечка Шындазын Бай-Тайгинского района Тарыңа Мегербединовича Салчака (1920 г. р.) отмечается: *Аът чарыштырган-даа черге, мөге-даа хүреширген черге дыка-ла ырлажып хөглежир боор чүве* ‘На скачках, а также на месте, где происходит борьба хүреш, (народ, люди) очень (много) поют, веселясь’ (НА ТИГПИ Р.ф.1, Оп.1, Д. 589: 9). Подобное употребление встречается и в традиционных благопожеланиях: Буга дагаан соонда, хүреш, аът чарыжы эгелээр, ыраажылар чер-чуртун мактап ырлажып-хөглээр турган ‘После освящения арыка, начинаются борьба и скачки, певцы восхваляют, радостно воспевая, родные места’ (ТУАЙ, 1990: 119);

«...одаанга маңнап келгеш, чиң шайын хайындырып ижип, хөөрөп-хөөмейлеп, каргыраалап-ырлап олуруп-тур эвесеп» (ТывУТ 2012: 103) ‘Прибыв к своему костру, сварил густой, ароматный чай, стал пить его, напевая горловым пением хоомей, каргыраа’.

Общему названию горлового пения тувинцев хөөмей идентичны следующие составные слова: **хөөмей-сыгыт** – муз. ‘общее название всех видов горлового пения хоомей’. Например.

хөөмей-сыгыт сала бергеш / хөөнүн этпес доштулуурум / хөглүг-баитак самнай бергеш / хөңнүм калбас доштулуурум (Сувакпит, СЧ: 63) ‘Когда начну слагать (петь) хоомей-сыгыт / настрой доштулуура моего не надо исправлять’.

сыгыт-хөөмей – муз. ‘общее название всех видов горлового пения хоомей’. Например.

сыгыт-хөөмейни күүседир билигни болгаи мергежилди сайзырадыры чугула (Кыргыс, 2013: 41) ‘Необходимо развивать исполнительские знания и умения (навыки) горлового пения сыгыт-хоомей’.

сыгыт-хөөмей-каргыраа – муз. ‘общее название горлового пения хоомей’. Например:

сыгыт-хөөмей-каргырааны болгаи оларның аңгы-аңгы арга-хевирлерин, аяннарын каттай-хаара шунтузун хөөмей - деп, адап чоруур бис (ЗК ТХЧ 2013: 39) ‘Сыгыт-хөөмей-каргыраа, а также его разные виды, манеры – всё вместе называем хоомеем’.

каргыраа-хөөмей – муз. ‘общее название горлового пения хоомей’. Например:

Алдын куикажын айбылапкаш, чиң шайын ижип, чигир-боовазын чип, каргыраалап-хөөмейлеп, каттырып-хөөрөп орган (ТывУТ, 2012: 102) ‘Отправив свою золотую птичку, стал пировать, смеяться и разговаривать, напевая горловое пение каргыраа-хоомей’.

Перейдем к следующему названию основного стиля/вида/ типа хоомея.

каргыраа – муз. ‘один из стилей гортанного пения тувинцев, отличающийся от других низким хрипящим звучанием’. Извлекается мелодия путем использования гласных «о, э, а, и» и согласных «ң, й» при открытом положении рта. Мелодии извлекаются при помощи гортанных высоких и

вспомогательных внутриротовых высоких звуков. Если не контролировать низкие гортанные звуки, то интонирование мелодических оборотов получится неполноценным. Например:

Каргырааның чоон үннерин шын хөөнге, боостаага эптештирип ырлаvas болза, дузаламчы чиңге үннер-биле аялгалаары чедингир болбас (АТ ХБХ ЛА УОД) ‘если низкие звуки каргыраа не петь (подогнать) на правильный настрой гортани, то мелодирование с помощью высоких звуков (обертонов) получится неполноценным’.

Музыкально-терминологическое значение слова каргыраа основано на общезыковой семантике каргыраа ‘вид горлового пения’ <каргыраалаар /каргыраала*/ ‘исполнять каргыраа’ от производящей глагольной основы каргыра- 1) хрипеть; 2) бурлить (при кипении) (ТувРС 1968: 229).

Этимологию слова *каргыраа* рассматривает филолог Б.И. Татаринцев, ссылаясь на мнение Л.Н. Харитонов: «...для монгольских языков характерны глаголы, образуемые от основ звукоподражательного характера с помощью суффикса -хира». К числу монголизмов подобного типа Т. Текин относит и тув. каргыра-. Далее Б.И. Татаринцев связывает слово хархираа, первоначальное значение которого – ‘водопад’ или ‘звук, производимый водопадом’, с названием стиля горлового пения каргыраа (ЭСТувЯ III: 109).

Таким образом, можно сделать вывод, что название одного из стилей тувинского горлового пения каргыраа является монголизмом.

Интерес представляет и мнение уроженца Бай-Тайгинского кожууна Чымбы Хертековича Пугарова (1940 г. р.), сохранившееся в архивных материалах: *Хөрек-биле сыгыртырын каргыраа дивес, көргүрээ дээр* ‘Исполнить сыгыт с помощью груди называется не каргыраа, а көргүрээ’ (НА ТИГПИ Р.ф.1, Оп.1, Д. 589: 7).

Одним из главных стилей/видов/типов хоомея является слово *сыгыт*.

сыгыт – муз. ‘один из основных видов (стилей) горлового пения тувинцев, отличающийся от других тем, что исполняется в высоком регистре’. Прием извлечения звука такой же, как при исполнении хоомея (см. 3.2.1.1.), но при этом положение языка другое – поднимается ближе к нёбу, от этого меняется акустика во внутриротовом резонаторе, путем которого получают высокие звуки обертоновой мелодии как у флейты. Например:

Узун тынышка сыгыт мурнунда сөстөр адап, кожамыктап, боостааны эдиктиргени ол (АТ ХБХ ЛА УОД) ‘на долгом (протяжном) дыхании перед сыгыт, называя слова, с помощью кожамык готовят горло’.

Внутренняя форма музыкального термина сыгыт убедительно объясняется на материале тувинского языка: сыгыт ‘вид горлового пения; двузвучная мелодия с низким гортанным и высоким свистящим звуком, напоминающим флейту’ (ТувРС 1968: 396). Наличие семантического признака «свист» непосредственно связывает этот вид горлового пения с глаголом сыгыр- 1. ‘свистеть’; 2. ‘исполнять сыгыт’ (ТСТувЯ, 2011: 774). Данная связь подтверждается и семантикой самого глагола, согласно которой значение «свистеть» может обозначать исполнение горлового пения стиля сыгыт, высокий тон которого напоминает свист.

В древнетюркских памятниках слово сыгыт известно в значении ‘плач (по покойнику)’. Однако связь сыгыт ‘плач’, зафиксированного в целом ряде древних и современных тюркских языков, с глаголом сыгыр- ‘свистеть’, с одной стороны, и с тув. сыгыт ‘вид горлового пения’, с другой, в ЭСТЯ не рассматривается. Более того, тув. сыгыт отсутствует в перечне форм, приводимых в словарной статье сыгыт ‘плач’ (ЭСТЯ, 2003: 190–191). Во всяком случае, тув. сыгыт ‘вид горлового пения’ представляется исконным

тувинским словом, хотя его положение в общетюркском контексте требует дальнейшего исследования.

Особый подход к этимологизации слова сыгыт предложил музыковед Х. С. Ихтисамов. Рассматривая этимологию ряда терминов тувинского и монгольского горлового пения, он отмечает, что термин сыгыт означает ‘причитание, плач’. Далее исследователь обосновывает древнетюркское происхождение данного термина, опираясь на этнографические и лингвистические исследования В. Вербицкого, В. Радлова, П. Мелиоранского, В. Анохина и других ученых. По его мнению, слово следует расчленить на два корневых компонента, как и в случае с термином каргыраа: первый компонент – сыг ‘давить, жать, выжимать, свистеть’, второй – быт ‘звук, голос’. Исходя из этого, термин сыгыт указывает не на жанровую функцию (побуждать к причитанию, плачу), а на способ звукоизвлечения – ‘издавать (выдавливает) горлом свистящий звук’ или ‘свистеть голосом’ (Ихтисамов, 1984: 184–185).

Обращаясь вновь к корню сыгы, отметим, что из рассказа информанта Куулара Оруса Дөңгүр-ооловича (1917 г. р.) становится известно, что тувинцы различают два вида свиста:

- а. *кыпсынчыг, хуугай сыгы* ‘пронзительный, диссонирующий свист’;
- б. *аян сыгызы* ‘гармоничный свист’.

Интересны в этой связи и воспоминания информанта Хертек Наадың-Хөөевны Попаш (1916 г. р.), уроженки с. Шуй Бай-Тайгинского кожууна: «... *хову каргыраазын, сыгытты хат сырынналып келирге, каргыраа өскертип, сырын чазап кээр. Бажыңга-даа чогул каргыраалавас. Ховуга, агаарга сыгыртыр сырын кончуг үдээр. Ырлаарда, ыр тургузуу ыяап-ла сыгыт, хову каргыраазы-биле таарышкан турар. Ырны таарыштыр алыр. Сыгытты ужуру аътка олутуп алгаш сыгыртырга дыка эки. тыва улус черле колдуунда мал-маганын кадарып чорааш сыгыртып, хөөмейлеп чораан*». ‘Когда исполняешь степной каргыраа и сыгыт при усиливающемся ветре, каргыраа приобретает иной оттенок звучания. Дома каргыраа не исполняют. В степи, на открытом воздухе, желательно использовать естественное сопровождение ветра. При исполнении структура песни должна соответствовать сыгыту и степному каргыраа. На самом деле сыгыт особенно удобно исполнять во время верховой езды. Тувинцы обычно исполняли сыгыт и хөөмей во время выпаса скота’ (НА ТИГПИ. Р. ф. 1. Оп. 1. Д. 589. Л. 29).

Примеры из фольклорных текстов:

Доп-дораан чат-сыгызын сыгыргааш, аьды чат-былгызын былгырыптарга, кара иуурган келген ‘В тот же момент свистнул свистом-чат, который вызывает дождь, и его конь фыркнул (фырканием, вызывающим чат), чтобы дождь пошел, тогда закружился черный вихрь’ (ТывУТ, 2012: 153); *чүс кижиниң сыгыдын сыгырып, ырын ырлап...* ‘свистнул сыгыт ста людей, пел песню...’ (ТывУТ, 2012: 194); ... *ындынныг ырын ырлап, ындынныг сыгыдын сыгыттап туруп, даиказын тудуп туруп турган-дыр эвеспе* ‘воспевая душевную песню, насвистывая душевный сыгыт (горловое пение), преподносил пиалу (чарку с аракой)’ (ТывТ, 1947: 105); ... *уянгылыг ырызын ырлаан, узун чаагай сыгыдын сыгырып бар чыдып-тыр эвеспе* (ТывУТ, 2012: 116) ‘ехал, напевая душевную песню, насвистывая протяжно нежный свой сыгыт’.

Остановимся на двух дополнительных музыкальных терминах, без которых невозможно описание искусства хоомея, – бурдон и обертон, а также их тувинских аналогах.

Бурдон / дөжек – муз. ‘выдержанное на одном звуке либо на кварте/квинте басовое, низкое звучание, на фоне которого выделяется самостоятельная мелодия’. В теории музыки бурдон представляет собой один из видов многоголосия, при котором басовый голос (органый пункт) звучит непрерывно. Органный пункт может состоять как из одного звука, так и из музыкального интервала, чаще всего кварты или квинты. Например:

Хөөмейжилерниң күүселделерин тус-тузунда сайгарып көөр болза, оларның тускай аяны, композициялыг тургузуу, дөжек (бурдон) болгаш чаңгы (обертон) аялгаларның чуруу тодазы-биле бот-боттарындан ылгалып көстүп кээр (Монгуш, 2010: 51) – ‘Если анализировать исполнительскую манеру хоомейжи, можно увидеть различия в их мелодике, композиционном построении, а также в мелодических линиях бурдона и обертона’.

Обертон / дузаламчы чиңге үн / чаңгы үн – муз. ‘частичный тон (призвук) основного тона’. В тувинском языке данное понятие представлено несколькими вариантами: дузаламчы чиңге үн – букв. «вспомогательные тонкие (высокие) звуки»; чаңгы үннер – букв. «эхо-звуки». Слово обертон в переводе с немецкого языка означает «верхний тон». Звуковая волна состоит из основного тона, определяющего высоту звука, и частичных тонов более высокой частоты и меньшей амплитуды. Обертоны возникают в результате колебаний отдельных частей звучащего тела, в частности струны. Например:

Бир эвес хөөмей чокта анаа үн-биле сыгыт аргазын ажыглаар болза, ол чүгле аас иштинге, дыл, диштер, эриннерниң дузазы биле, дузаламчы чиңге үннер үндүрүп (обертоннар) ырлааны болур (АТ ХБХ, ЛА УОД) – ‘Если, не используя приемы хоомея, исполнить сыгыт обычным (негорловым) голосом, формируя звук с помощью языка, зубов и губ в пределах ротовой полости, получится лишь пение обертонов — вспомогательных высоких звуков’.

Iqtiboslar/ References/ Kaynaklar/ Сноски:

Литература:

1. АТ ХБХ – Тамдын А. К. Хөөмей-биле хөөрежиили [Поговорим о хоомее]. Кызыл, 2013 (на правах рукописи).
2. Бадырғы М. М. Тувинский хоомей как объект культурной политики: исследование / М.М. Бадырғы; науч. ред. Е. К. Карелина. Киров: ООО «Кировская областная типография», 2023. 232 с.
3. Даржай ДА 1993 – Даржай А. А. Дүлгээзинниг аян [=Завораживающая гармония]. – Кызыл: ТывНУЧ, 1993. 152 ар.
4. Донорова У. О. Словарь музыкальных терминов тувинского языка / науч. ред.: И. В. Кормушин, Е. К. Карелина. Санкт-Петербург: Сциентиа, 2022. 2,57 Мб; 104 с. Текст: электронный. URL: <https://scientia-pub.org/index.php/Sci/catalog/book/44> ISBN: 978-5-6048667-4-0. – DOI: 10.32415/scientia_978-5-6048667-4-0
5. Дорволжингийн Оюунцэцэг, Каратыгина М. И. О смысловой многозначности базовых монгольских музыкальных терминов // Проблемы терминологии в музыкальных культурах Азии, Африки и Америки: сб. ст. М.: МГК, 1990. С. 112-136.
6. ЗК КХ 2008 – Кыргыз З.К. Каргыраа-хөөмей (этномузыковедческое исследование на тув. яз.). Кызыл, ОАО «Тываполиграф», 2008. 225 ар.
7. ЗК ТХЧ 2013 – Кыргыз З.К. Тыва хөөмейниң чажыды [Тайна тувинского хоомея (этномузыковедческое исследование на тув. яз.). Кызыл, ТывНУЧ, 2013. 128 ар.
8. Ихтисамов Х. С. Заметки о двухголосном гортанном пении тюркских и монгольских народов // Музыка народов Азии и Африки. Вып. 4. М.: Сов. Композитор, 1984. С.179–193.

9. Карелина Е. К. История тувинской музыки от падения династии Цин и до наших дней: исследование. М.: Композитор, 2009. 552 с.
10. Кыргыз З. К. Тувинское горловое пение: этномузыковедческое исследование. Новосибирск: Наука, 2002. 236 с.
11. Монгуш У. О. Хүртүүн Ховалыг биле «Хүн-Хүртү» [=Своевольный Ховалыг и «Хун-Хурту»]. Кызыл: ОАО «Тываполиграф», 2010. 188 ар.
12. Монгуш У.О., Карелина Е.К. К вопросу этимологии базовых слов хөөмей, хөгжүм в музыкальной терминологии тувинцев // Искусствоведение в контексте других наук в России и за рубежом: параллели и взаимодействия: Сб. мат. Межд. науч. конф. 14-19 апреля 2014 года / Ред.-сост.: Я.И. Сушкова-Ирина, Г.Р. Консон. М.: Нобель-Пресс, 2014. С. 393–396.
13. Пюрбю С. Б. Кадарчы дугайында ыры [=Песнь о пастухе]: Чыынды чогаалдар. Кызыл: ТывНУЧ, 1973. 119 ар.
14. Сөвөшчүлүк по проблемам развития хоомей. Кызыл, 1988. 20 с.
15. Сувакпит О. Сеткилдиң чазы: шүлүктөр [=Весна души: стихи]. Кызыл: ТывНУЧ, 1995. 144 ар.
16. ТУАЙ 1990 Тыва улустун алгыш-йөрээлдери [=Тувинские народные благопожелания] / тург. З.К. Кыргыз, ред. Д.А. Монгуш. Кызыл: ТывНУЧ, 1990. 140 ар.
17. Богданов И.А. (1983) Комментарий к комплексу грампластинок «Тувинский фольклор» (из новых записей) / И. А. Богданов. М.: Всесоюзная фирма «Мелодия», 1983. 10 с.
18. ТывТ 1947 – Тыва улустун тоолдары [=Тувинские народные сказки] / ред. С.А. Сарыг-оол. Кызыл: Тыва областың ном үндүрер чери, 1947. 337 ар.
19. ТывУТ 2012 – Тыва улустун тоолдары [=Тувинские народные сказки]. Материалы II слета сказителей и певцов / С. М. Орус-оол тургускан. Кызыл: ТывНУЧ, 2012. 617 ар.
20. Үержаа А. К. (1984) Хээлер: шүлүктөр [=Узоры: стихи]. Кызыл: ТывНУЧ, 1984. 64 ар.

Словари:

1. БАМРС I, II, III, IV – Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х томах / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001–2002. Т. III. 485 с.
2. БСРМ МРС 2006 – Большой современный русско-монгольский, монгольско-русский словарь / под ред. Ю. Кручкина. М.: АСТ «Восток-Запад», 2006. 924 с.
3. ТСТувЯ 2011 – Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д.А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. 798 с. (Т. II: К-С).
4. ТувРС 1955 – Тувинско-русский словарь: словарь ок. 20000 сл. / под ред. А. А. Пальмбаха, с прил. грамм. очерка тув. яз. Ш.Ч. Сата. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. 773 с.
5. ТувРС 1968 – Тувинско-русский словарь: словарь ок. 22000 сл. / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 646 с.
6. ЭСТувЯ I, II, III, IV, V – Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000; 2002; 2004; 2008; 2018. 341 с.; 388 с.; 440 с.; 442 с.; 180 с.
7. ЭСТЯ 1997 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ». М.: Языки русской культуры, 1997. 261 с.
8. ЭСТЯ 2003 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М.: Языки русской культуры, 2003. Т. VII. 328 с.
9. Архивные материалы:
10. НА ТИГПИ – Научный архив ТИГИ. Р.ф.1, Оп.1, Д. 589.
11. НА. ТИГПИ – Научный архив ТИГИ. Фоно фонд. Пл. № 820-822.
12. ЛА УОД – Личный архив У. О. Доноровой

References:

13. Badyrgy, M. M. (2023) Tuvinskiy khoomey kak ob'ekt kul'turnoy politiki: issledovanie [Tuvan Khoomei as an object of cultural policy: a study], Kirov: Kirov Regional Printing House LLC, 2023. 232 p. (in Russian)
14. Bogdanov, I.A. (1983) Kommentariy k kompleksu gramplastinok «Tuvinskiy fol'klor» (iz novykh zapisey) Commentary on the set of records "Tuvan folklore" (from new recordings), Moscow: All-Union firm "Melody", 1983. 10 p. (in Russian)
15. Darzhay, A. A. (1993) Dylgeezinnig ayan =Zavorazhivayushchaya garmoniya [Mesmerizing harmony] Kyzyl: Tyvnuch, 1993. 152 p. (in Tuvan)
16. Donorova, U. O. (2022) Slovar' muzykal'nykh terminov tuvinskogo yazyka [Dictionary of musical terms of the Tuvan language] St. Petersburg: Scientia, 2022. 2.57 Mb; 104 p. Text: electronic. (in Russian)
17. Dorvolzhingiin, Oyuntsetseg and Karatygina, M. I. (1990). O smyslovoi mnogoznachnosti bazovykh mongol'skikh muzykal'nykh terminakh [On the semantic ambiguity of basic Mongolian musical terms], In Problems of terminology in musical cultures of Asia, Africa and America, MGK, Moscow, pp. 112-136. (in Russian)
18. Ikhtisamov, Kh. S. (1984) Zametki o dvukhgolosnom gortannom penii tyurkskikh i mongol'skikh narodov [Notes on two-voice guttural singing of the Turkic and Mongolian peoples], Music of the peoples of Asia and Africa. Issue 4. Moscow: SOV. Composer, 1984. pp.179-193. (in Russian)
19. Karelina, E. K. (2009) Istoriya tuvinskoy muzyki ot padeniya dinastii Tsin i do nashikh dnei: issledovanie [The history of Tuvan music from the fall of the Qing Dynasty to the present day: a study.] Moscow: Composer, 2009. 552 p. (in Russian)
20. Kyrgys, Z. K. (2002). Tuvinskoe gorlovoe penie: Etnomuzykovedcheskoe issledovanie [Tyvan throat singing: an ethnomusicological study], Publishing house “Nauka”, Novosibirsk, 236 p. (in Russian)
21. Kyrgys, Z.K. (2008) Kargyraa-khoomey (etnomuzykovedcheskoe issledovanie na tuv. yaz.) [Kargyraa-khomei (ethnomusicological research in tuv. yaz.)], Kyzyl, JSC Tyvopolygraf, 2008. 225 p. (in Tuvan)
22. Kyrgys, Z.K. (2013) Tyva khoomeyni chazhydy =Tayna tuvinskogo khoomeya [The mystery of the Tuvan khoomei (ethnomusicological research in Tuvan)], Kyzyl, Tyvnuch, 2013. 128 p. (in Tuvan)
23. Mongush, U. O. (2010). Khurtuun Khovalyg bile “Huun-Huurtu” [The willful Khovalyg and “Huun-Huurtu”], Tyvopolygraph, Kyzyl, 188 p. (in Tuvan and Russian)
24. Mongush, U. O. & Karelina, E. K. K voprosu etimologii bazovykh slov khoomei, khogzhum v muzykal'noi terminologii tuvintsev [On the issue of etymology of the basic words khomei, khogzhum in the musical terminology of Tuvinians], In Iskuststvovedenie v kontekste drugikh nauk v Rossii i za rubezhom: paralleli i vzaimodeistviya [Art criticism in the context of other sciences in Russia and abroad: parallels and interactions]: Collection of Mat. International Scientific Conference on April 14–19, 2014, Ed.-comp. by Ya. I. Sushkova-Irina and G. R. Konson, Nobel Press, Moscow, pp. 393–396. (in Russian)
25. Pyurbyu, S. B. (1973). Kadarchy Dugaiynda yry [Song of the Shepherd]: selected works, Tuvan book publishing house, Kyzyl, 119 p. (in Tuvan)
26. Soveshchanie ... (1988). Soveshchanie po problemam razvitiya khomeya [Materials of the meeting on the problems of development of Hoomei]. Kyzyl, 24 p. (in Russian)
27. Suvakpit, O.O. (1995) Setkildi chazy: shylykter (=Vesna dushi: stikhi) [The spring of the soul: poems] Kyzyl: Tyvnuch, 1995. 144 p. (in Tuvan)
28. TUAY (1990) Tyva ulustun algysh-yoreelderi (=Tuvinskie narodnye blagopozhelaniya) [Tuvan folk benevolence] Kyzyl: Tyvnuch, 1990. 140 p. (in Tuvan)
29. TyvT (1947) Tyva ulustun tooldary (=Tuvinskie narodnye skazki) [Tuvan folk tales] Kyzyl: Tyva oblastyn nom undurer cheri, 1947. 337 ar. (in Tuvan)

30. TyvUT (2012) Tyva ulustun toldary [=Tuvan folk tales] Kyzyl: Tyvnuch, 2012. 617 p. (in Tuvan)
31. Yerzhaa A. K. (1984) Kheeler: shylykter [= Uzory: stikhi] Kyzyl: Tyvnuch, 1984. p. (in Tuvan)
32. Khöömejinin... (1998). Khöömejinin bodaldary [Reflections of a khomeist], Comp. by M. M. Sundui, Tuvan book publishing house, Kyzyl, Tyvnuch, 93 p. (in Tuvan)
33. Dictionaries:
34. BAMRS I, II, III, IV – Bol'shoy akademicheskiy mongol'sko-russkiy slovar' v 4-kh tomakh [A large academic Mongolian-Russian dictionary in 4 volumes] Moscow: Academia, 2001–2002. T. III. 485 p. (in Mongolian and Russian)
35. BSRM MRS (2006) Bol'shoy sovremennyy russko-mongol'skiy, mongol'sko-russkiy slovar' [Russian Russian dictionary is a large modern Russian-Mongolian, Mongolian-Russian dictionary] Moscow: AST "East-West", 2006. 924 p. (in Russian and Mongolian)
36. TSTuvYa (2011) – Tolkovyy slovar' tuvinskogo yazyka [Explanatory dictionary of the Tuvan language] Novosibirsk: Nauka, 2011. (Vol. II: K-S). 798 p. (in Tuvan and Russian)
37. Tuvan-Russian dictionary (1955) Tuvinsko-russkiy slovar': slovar' ok. 20000 sl. [Tuvan-Russian dictionary: dictionary of about 20,000 sl.] Ed. by A. A. Palmbach, grammatical essay by Sh. Ch. Sat. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1955. 773 p. (in Tuvan and Russian)
38. Tuvan-Russian dictionary (1968): dictionary of about 22000 pages, Ed. by E. R. Tenishev, Publishing house "Soviet Encyclopedia", Moscow, 646 p. (in Tuvan and Russian)
39. ESTuvYa (2000; 2002; 2004; 2008; 2018) – Tatarintsev B. I. Etimologicheskii slovar' tuvinskogo yazyka [Etymological dictionary of the Tuvan language] Novosibirsk: Nauka, I, II, III, IV, V. 341 c.; 388 p.; 440 p.; 442 p.; 180 p. (in Russian)
40. ESTYa (1997) – Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie leksicheskie osnovy na bukvy «K», «K» [Etymological dictionary of Turkic languages. The common Turkic and inter-Turkic lexical bases are based on the letters "k", "K"] Moscow: Languages of Russian culture, 1997. 261 p. (in Turkic languages and Russ.)
41. ESTYa (2003) – Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie leksicheskie osnovy na bukvy «L», «M», «N», «P», «S» [Etymological dictionary of Turkic languages. The common Turkic and inter-Turkic lexical bases consist of the letters "L", "M", "N", "P", "s"] Moscow: Languages of Russian culture, 2003. Vol. VII. 328 p. (in Turkic languages and Russ.)
- Archival materials:**
42. Tamdyn, A. K. (2013). Khomei-bile khorezhili [Let's talk about khomei]: manuscript. (in Tuvan)
43. Scientific Archive of Tuvan Institute for Humanitarian Research. Manuscript collection 1, inventory 1, case 589. (in Tuvan)
44. Scientific Archive of Tuvan Institute for Humanitarian Research. Fono Foundation. Pl. No. 820-822.
45. Personal archive of U. O. Donorova

RESEARCH ON GENDER DIFFERENCES IN POLITE EXPRESSIONS: A CROSS-CULTURAL ANALYSIS OF CHINESE, RUSSIAN AND UZBEK

KURBANOVA Mukhabbat,

Professor of the National University of Uzbekistan,
Doctor of Philological Sciences, (Tashkent, Uzbekistan)

 E-mail: qurbonova2007@mail.ru

 ORCID: [0000-0002-2303-0777](https://orcid.org/0000-0002-2303-0777)

BO Yan,

Doctoral Researcher at the National University of Uzbekistan
(Tashkent, Uzbekistan)

 E-mail: yb112216@163.com

 ORCID: [0009-0006-0741-7089](https://orcid.org/0009-0006-0741-7089)

 DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.22087287>

Abstract

This paper focuses on gender differences in polite expressions in Chinese, Russian, and Uzbek, revealing that women in all three languages tend to use euphemisms, indirect, and emotionally rich expressions. In contrast, men's expressions are more concise, direct, and even assertive. However, within different cultural contexts such as Confucianism, Orthodox tradition, and Islamic ethics, gender differences in polite expressions across these three languages also have their own characteristics, with each language emphasizing different aspects such as kinship ethics, social expectations, and religious family views. Furthermore, gender differences are also influenced by multiple factors, including societal development, social status, and language adaptation, requiring consideration of their dynamic nature and context-dependent nature.

Key words: *gender differences, politeness expressions, speech etiquette, cross-cultural differences, linguistic, Chinese, Russian, Uzbek.*

XITOIY, RUS VA O‘ZBEK TILLARI MISOLIDA XUSHMUOMALALIK VOSITALARIDA GENDER FARQLARINING QIYOSIY TAHLILI

KURBANOVA Mukhabbat Matyakubovna,

O‘zbekiston Milliy universiteti professori, f.f.d
(Toshkent, O‘zbekiston)

BO Yan

O‘zbekiston Milliy universiteti tayanch doktoranti
(Toshkent, O‘zbekiston)

Annotatsiya

Mazkur maqola xitoy, rus va o‘zbek tillaridagi xushmuomala iboralaridagi gender farqlarini o‘rganishga bag‘ishlangan bo‘lib, unda barcha uch tilda ayollar evfemizmlar, bilvosita va hissiy jihatdan boy iboralarni qo‘llashga moyil ekani, erkaklarning iboralari esa qisqaroq, bevosita va ba‘zan qat‘iyroq ekanligi ko‘rsatilgan. Biroq konfutsiylik, pravoslav an‘analari va islom etikasi kabi turli madaniy kontekstlarda bu uch tildagi xushmuomalalik ifodalaridagi gender farqlari o‘ziga xos xususiyatlarga ega bo‘lib, har bir til qarindoshlik odobi, ijtimoiy umidlar va oila haqidagi diniy qarashlari kabi turli jihatlarni ta‘kidlaydi. Bundan tashqari, gender tafovutlariga ko‘plab omillar, jumladan, jamiyat taraqqiyoti, ijtimoiy mavqe va tilga moslashish ham ta‘sir ko‘rsatadi, bu esa ularning o‘zgaruvchan tabiatini va muayyan nutqiy vaziyatga bog‘liqligini hisobga olishni talab etadi.

Kalit soʻzlar: *gender farqlari, xushmuomalalik vositalari, muloqot etiket, madaniyatlararo farqlar, tilshunoslik, xitoy tili, rus tili, oʻzbek tili.*

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ВЕЖЛИВЫХ ВЫРАЖЕНИЯХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КИТАЙСКОГО, РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ

КУРБАНОВА Мухаббат Матякубовна

профессор Национального университета Узбекистана,
доктор филологических наук
(Ташкент, Узбекистан)

БО Янь

базовый докторант Национального университета Узбекистана
(Ташкент, Узбекистан)

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию гендерных различий в вежливых выражениях в китайском, русском и узбекском языках, показывающих, что женщины во всех трех языках склонны использовать эвфемизмы, косвенные и эмоционально насыщенные выражения, в то время как выражения мужчин более краткие, прямые и даже напористые. Однако в различных культурных контекстах, таких как конфуцианство, православная традиция и исламская этика, гендерные различия в вежливых выражениях в этих трех языках также имеют свои особенности, причем каждый язык подчеркивает различные аспекты, такие как этика родства, социальные ожидания и религиозные взгляды семьи. Кроме того, на гендерные различия также влияют многочисленные факторы, включая развитие общества, социальный статус и языковую адаптацию, что требует учета их динамичного характера и зависимости от контекста.

Ключевые слова: *гендерные различия, вежливые выражения, речевой этикет, межкультурные различия, лингвистика, китайский язык, русский язык, узбекский язык.*

Main part

The study of gender differences and polite expressions has always been one of the trending topics in sociolinguistics. The first person to study gender factors from a linguistic perspective was Danish linguist O. Jespersen. In the chapter “The Women” of his book *Growth and Structure of the English Language* published in 1923, he specifically described the characteristics of the language of both genders. From the analysis of phonetic grammar, vocabulary selection, sentence structure characteristics, etc., he pointed out that women have “preference for refined and (in certain spheres) veiled and indirect expressions” (Jespersen, 1923: 247) in verbal communication, use less vulgar language, and have more conservative expressions. At the same time, Jespersen also showed that individual differences cannot be regarded as universal rules or typical characteristics. Gender differences in speech are often the result of long-term social division of labor, living space and communication opportunities, and will change as social structures evolve.

With the rise of postmodernism and the vigorous development of the Western feminist movement, gender linguistics became a specialized discipline after the 1960s, and language and gender issues increasingly took center stage in linguistic research. In 1975, British scholar Lakoff, in her book *Language and Woman’s Place*, termed the unique speech style, characterized by the use of moderating words, intensifying words, vague adjectives, and appended questions, primarily

used by women, as “women’s language.” She pointed out that social inequality leads to men occupying a central position in the language world, while women are at a disadvantage; and language inequality further negatively impacts women’s power and status in society. Lakoff’s theory has received support and further refinement from some scholars, while also being criticized by others. Subsequently, some prominent linguists, such as Zimmerman and West, representatives of the dominance approach, Tannen and Cameron, representatives of the difference approach, and Butler and Bergvall, representatives of postmodern feminism, conducted more in-depth research on language and gender.

Compared to Europe and America, gender linguistics research in China started relatively late, with initial research on gender differences in language appearing only in chapters of some sociolinguistic works. Chen Yuan’s *Language and Social Life: Notes on Sociolinguistics* was the first monograph on sociolinguistics in China, with sections on “The Feminist Movement and Lexical Changes” and “Euphemisms” both touching on gender language and culture. Subsequently, linguistic works by Chen Songcen, Dai Qingxia, Chen Jianmin, and Zhao Ronghui extensively addressed gender differences in language, while scholars such as Cao Zhiyun, Song Haiyan, and Pan Xiaoyan conducted dedicated discussions on gender differences in verbal communication. In contrast, research on gender language in Russian academia has now developed a relatively solid academic foundation. In 1993, the renowned Russian oral linguist E.A. Zemskaya, in her edited book *Russian Language and Its Functional Realization*, specifically described the characteristics of male and female speech. Through extensive data analysis, she summarized that women tend to use more exaggerated expressions in verbal communication, while men tend to use precise professional terminology, and women’s speech is more likely to deviate from the original topic due to associations. A.V. Kirilina, in works such as *Gender: Linguistic Aspects* and *Gender and Language*, conducted in-depth research on gendered language in Russian. She pointed out that gender differences are not only reflected in verbal behavior but also in nonverbal behavior; for example, women are better listeners and more “humanistic” in their interactions with men. Uzbek scholars, drawing on relevant theories from European and American scholars and Russian scholars, and combining them with local Islamic culture and etiquette traditions, have formed a unique academic path. M. Chutpulatov’s article, *Gender Linguistics: Male and Female Languages in Uzbekistan*, uses literary works and everyday conversations between Uzbek couples, mothers and daughters, and mothers and sons as source material to point out that female language in Uzbek is characterized by shyness, tenderness, and respect; while male language is more concise and decisive. Scholars such as I. Tukhtasinov, Z. Unusova, A. Abdullaeva, and U. Pulatova, through in-depth analysis of corpora from literary works, everyday spoken communication, and social media platforms, have also provided many valuable insights into gender differences in Uzbek.

Polite expressions are one of the most explanatory linguistic domains for observing gender differences. Differences between men and women in verbal acts such as addressing others, greetings and farewells, praise and blessings, requests and refusals not only reflect the selective tendencies within the language system but also the shaping and regulation of gender roles by society. Brown and Levinson’s “face theory” provides a basic framework for analyzing politeness strategies in different languages; however, many subsequent scholars have pointed out that their distinction between positive and negative politeness is not entirely applicable to all cultures—especially Eastern countries. Gu Yueguo’s theory of politeness, characterized by “self-denigration and exalting others,” “refinement,” and “seeking common ground,” provides a localized

theoretical basis for analyzing gender differences in Chinese politeness. N. Formanovskaya's theory of verbal etiquette views politeness as a stable socio-cultural normative system. She pointed out that Etiquette expressions not only convey semantic content but also carry information such as age, status, intimacy, and social identity, from which differences in politeness between men and women can also be glimpsed. In Uzbek language studies, S. Muminov conducted a relatively systematic and comprehensive analysis of Uzbek polite expressions in *Sociolinguistic Features of Communicative Behavior in Uzbek Language*, laying the foundation for the study of gendered language in Uzbek.

In Chinese, Russian, and Uzbek, gender differences in polite expressions share commonalities while also reflecting their respective socio-cultural characteristics. In terms of **address forms**, both Chinese and Russian systems exhibit significant gender asymmetry. For example, in Chinese, the general term for men, “先生” (Mr.), often carries higher prestige in professional and formal settings, and is sometimes used to address accomplished women as a sign of respect (e.g., 宋庆龄先生). However, the general term for young women, “小姐” (Miss.), has acquired a somewhat derogatory connotation over time. In Russian, words such as учитель (teacher), профессор (professor), and врач (doctor) can be used to address both men and women. However, the feminine forms created by adding suffixes to these words (учительница, профессорша, врачаха) often carry negative connotations such as contempt or mockery. However, this characteristic is not obvious in Uzbek, except that “ayol” is sometimes added after certain occupational terms to emphasize their feminine identity. Compared to Russian culture, family has a greater influence on language gender differences in both Chinese and Uzbek. For example, in old China, husbands would refer to their wives as “内子” in front of others, while wives would sometimes introduce their husbands as “外子.” This reflects the traditional Chinese concept of “men are responsible for external affairs, women for internal affairs” (i.e., men are responsible for working outside the home, and women are responsible for taking care of the family), and also shows that men have more opportunities for formal and independent social interaction than women. Similarly, the large number of feminine terms in traditional Uzbek language, such as qiz (unmarried woman), kelin (bride, daughter-in-law), xotin (wife), and qaynona (mother-in-law), also demonstrates the significant role that marriage and family play in determining one's identity. Furthermore, in Uzbek etiquette, spouses often do not address each other by their first names. The rule that wives cannot call their husbands by their first names is even stricter, requiring the use of alternatives such as “dadasa,” “otasi,” or “u kishi.” In terms of the use of titles, among the three languages, women tend to use more general kinship terms such as “大哥,” “大姐,” “бабушка,” “девушка,” “ака,” and “опа” to shorten the distance between them and the other person they are speaking to, while men tend to use names, titles, or other neutral terms of address.

Regarding **greetings and farewells**, all three languages exhibit a common characteristic: women's language is more polite and emotionally charged. Whether in Chinese, Russian, or Uzbek contexts, men's greetings and farewells in daily communication are generally more concise, using more slang and abbreviations. Women, on the other hand, often use reduplication and repetition to enhance the emotional expression in their speech. For example, in Chinese, women commonly use greetings and farewells such as “您好” (Hello), “哈喽哈喽” (Hi-hi) “再见” (See you) “拜拜” (Bye-bye), while men sometimes use interjections or abbreviations like “嘿” (Hey) “哎” (Ay) “来了” (Here) instead of greetings between acquaintances. In Russian, women typically use standard,

common expressions such as “Здравствуйте” (Hello), “Привет” (Hi), “Доброе утро” (Good mornign), and “Пока-пока” (Bye-bye), while Russian men, especially younger men they know well, often use shorter expressions like “Здорово”, “Салют”, “Давай” (Come on), and “Всё” (Alright). Uzbek culture features a richer variety of greetings and farewells compared to Chinese and Russian. Men typically use more conventional and concise phrases, such as “Assalomu alaykum,” “Charchamadingizmi?”, and “Хо‘p, mayli.” Women, on the other hand, often accompany their greetings and farewells with more well wishes, such as “Yaxshimisiz? Uydagilaringiz tinchmi?” and “Yaxshi boring, o‘zingizni ehtiyot qiling,” demonstrating a fusion of polite behavior and moral concern.

In Chinese, Russian, and Uzbek expressions of **praise and well-wishes**, gender differences are evident both in frequency and content. Many researchers, through questionnaires and corpus collections, have found that in literary works and daily communication in all three languages, women generally express praise more frequently than men, and are more inclined to use praise to build intimacy. Furthermore, praise for women often focuses on their appearance, while praise for men tends to focus more on their abilities and performance. For example, in the classic Chinese novel *A Dream of Red Mansions*, when Wang Xifeng first met Lin Daiyu, she praised “天下真有这样标致的人物，我今儿才算见了！” (I never knew there could be such a beautiful person in the world—today is the first time I have ever seen one) (Cao, Xueqin, 2008: 17) to establish rapport and facilitate the communication. Russian women often use affectionate suffixes to enhance the intimacy of their compliments, such as “Красотка,” “Милая,” and “Вы просто сияете сегодня!” Men’s expressions are more concise, emphasizing evaluations of ability and prestige. This is also evident in the Uzbek language; for example, in *O‘tgan Kunlar* (The Bygone Days), Azizbek praises the courage of the men defending the city: “— Barakalla g‘ayratlaringizga, ... bu kun qipchoqlarg‘a rustamona javob berib, o‘zlarini ham itdek qirg‘ansiz. Bunchalik g‘ayrat ko‘rsatkan fuqarolarga rahmat, dunyo turguncha tursinlar!” (Abdulla, 2007: 47) When responding to compliments, women tend to use “harmonious strategies” such as expressing gratitude or returning the compliment, while men are more likely to “ignore” or “avoid” them, especially when responding to compliments about their appearance. This characteristic is more pronounced in the Chinese context. Blessings are among the polite expressions that best reflect the cultural psychology behind gender, and Uzbek culture is particularly typical in this regard. In the Uzbek context, many women’s blessings are related to offspring and family, such as “xonadoning fayzli bo‘lsin” and “uvali-juvali bo‘lib, qo‘sha qarib yuringlar”; while men’s blessings are more often related to career and prestige, such as “Martabangiz yanada ulug‘ bo‘lsin, barcha boshlagan ishlarinigiz g‘alaba keltirsin”.

In Face-Threatening Acts (FTAs) like **apologies, refusals, requests, and suggestions**, gender differences in language are particularly evident. Women tend to use indirect expressions in all three languages, reducing the threat to others’ face through explanations and self-deprecation, while men’s expressions are more direct and assertive. In Chinese, women apologize significantly more frequently than men and tend to express themselves directly, using adverbs of degree such as “真” (really) and “十分” (very) to enhance sincerity. When making requests, men tend to use more direct “imperative strategies” with shorter request sequences, while women prefer “inquiry strategies,” frequently using softening particles and auxiliary words like “吧” (right) and “吗” (is that right?) to make the request sound more like a negotiation, such as “不好意思，能麻烦您一件事吗？” (Excuse me, could I ask you a favor?). In Russian, women also use repetition and

adverbs of degree to strengthen their apologies, such as “Я ужасно извиняюсь”. When making suggestions or requests, women tend to use more indirect, “humane” expressions like questions, softening their tone by adding words like “давайте” (let’s) and “может быть” (maybe). In Uzbek, women often express apology and gratitude before refusing, such as “Uzr, hozir imkonim yo‘q, lekin tushunganingiz uchun rahmat”. Men, on the other hand, tend to use more direct and defensive expressions when refusing, and their suggestions are often delivered with a more forceful, imperative tone. Among these three languages and cultures, Chinese is more euphemistic than the other two, because expressing a threatening statement appropriately not only reflects the speaker’s courtesy and moral character but also concerns the listener’s “face”.

Conclusions

A comprehensive comparison reveals commonalities among the three languages in terms of gender differences in polite expressions: women tend to use more complex, indirect, and emotionally charged politeness strategies, specifically through a higher frequency of euphemisms, modal particles, interrogative sentences, and politeness markers; while men tend to favor formal, explicit, concise, and direct expressions, and are more sensitive to content related to profession, identity, and social status. Furthermore, compared to men, women place greater emphasis on adhering to communicative principles in their speech. They have high standards for verbal politeness, consciously refrain from using profanity, and skillfully use evaluative vocabulary and nuanced descriptions to enrich their social intentions. These commonalities are closely related to the cultural traditions of the three languages. Chinese polite language is deeply influenced by Confucianism, whose moral constraints on women, such as “The Three Obediences and Four Virtues” and “The Three Cardinal Guides and Five Constant Virtues,” have shaped a long-standing social concept of male superiority and female inferiority. The Orthodox tradition in Russian culture has preserved expectations of “feminine qualities” (gentleness and humility) in language. The inherent grammatical categories of Russian also lead women to incorporate more affectionate suffixes into their polite expressions to increase softness and intimacy. Uzbek language, profoundly influenced by Islamic doctrine and traditional etiquette, has formed clear gender boundaries, and the binding of women to their family roles is quite typical. Thus, it is evident that women’s responsibility for managing household affairs and the social expectations placed upon them as gentle and virtuous wives and mothers are a widespread phenomenon under the long-standing influence of patriarchal society. The inequalities between men and women in terms of social status, career opportunities, voice, and influence have complex roots and diverse manifestations.

It is worth noting that there are also gender differences in polite expressions among Chinese, Russian, Uzbek, and other languages. Confucianism’s strong emphasis on kinship ethics results in gender differences in kinship terms in Chinese as well. For example, many female relatives are addressed with the prefix “外” to indicate a collateral branch (e.g., a brother’s son is called ‘侄子’; a sister’s son is called ‘外甥’). The influence of Russian Orthodox culture and Western culture places stricter self- and social demands on women’s expressions in formal settings, such as strictly adhering to the “name + patronymic” form of address. In Uzbekistan, traditional culture and religious elements have shaped the female role throughout history, and the emphasis on family values makes gender differences in polite expressions more family-related.

However, gender-specific polite expressions cannot be absolutely categorized, as gender expression is highly context-dependent. Individual language choices are also influenced by factors

such as age, occupation, ethnicity, and religion. For instance, in formal workplaces or interactions with unequal power dynamics, social status and professional role often supersede biological sex as the dominant variables. In *Gender and Politeness*, Mills points out that women in positions of power are more likely to use highly threatening direct commands, while men in lower positions tend to use euphemisms more frequently. Meanwhile, with societal development, gender differences in polite language in Chinese, Russian, and Uzbek have changed. More and more women are expressing themselves externally, and processes such as changing gender stereotypes and destigmatizing terms of address are ongoing. Therefore, gender differences in polite language should be dynamically considered within multiple dimensions, including social power structures, communicative motivations, and societal evolution.

Iqtiboslar/ References/ Kaynaklar/ Чочки:

1. Abdullaeva A. *Gender-specific features of digital language use in Uzbek online communication* // Journal of Multidisciplinary Sciences and Innovations. № 5. 2025. p. 392–394.
2. Abdulla Q. *O'tkan kunlar*. – Ziyouz elektron nashri, 2007. – 220 p. – URL: https://arm.navoiy-uni.uz/wp-content/uploads/2019/04/utgan_kunlar_ziyouz_com.pdf.
3. Atadjanova N.M. *Muloqot jarayonida lisoniy mansublik tavsifi va turlari: Filologiya fanlari bo'yicha falsafa doktori (PhD) dissertatsiyasi avtoreferati*. – Qo'qon, 2022.
4. Brown P., Levinson S.C. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
5. Cao Xueqin. *A Dream of the Red Mansions*. – Beijing: People's Literature Publishing House, 2008. – 1602 p.
6. Cao Zhiyun. *Gender differences in the use of modal particles* // Linguistic Research. № 3. 1987. p. 44–45.
7. Chen Songcen. *Introduction to Sociolinguistics*. – Beijing: Peking University Press, 1985. – 182 p.
8. Chen Yuan. *Language and Social Life: Notes on Sociolinguistics*. – Beijing: Joint Publishing, 1980. – 122 p.
9. Dai Qingxia. *A Course in Sociolinguistics*. – Beijing: Central University for Nationalities Press, 1993. – 245 p.
10. Formanovskaya N.I. *Rechevoy etiket i kul'tura obshcheniya*. – Moscow: Vysshaya shkola, 1989. – 159 p.
11. Gu Yueguo. *Politeness phenomena in modern Chinese* // Journal of Pragmatics. № 2. 1990. p. 237–257.
12. Jespersen O. *Growth and Structure of the English Language*. – Oxford: Blackwell, 1923. – 244 p.
13. Karimova M. *Nutq madaniyati asoslari*. – Toshkent: O'qituvchi, 2005.
14. Kirilina A.V. *Gender: lingvisticheskie aspekty*. – Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 1999. – 189 p.
15. Kirilina A.V. *Gender i yazyk*. – Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2005. – 622 p.
16. Lakoff R. *Language and Woman's Place*. – New York: Harper & Row, 1975. – 309 p.
17. Mills S. *Gender and Politeness. Studies in Interactional Sociolinguistics*. Vol. 17. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 270 p.
18. Muminov S. *O'zbek muloqot xulqining ijtimoiy-lisoniy xususiyatlari: Filologiya fanlari doktori dissertatsiyasi*. – Toshkent, 2000.

19. Pan Xiaoyan. *A study of gender differences in Chinese apologetic speech acts* // Journal of Southwest Jiaotong University. № 1. 2004. p. 89–92.
20. Song Haiyan. *Gender prototypes and their reflection in men's and women's communicative competence* // Journal of Foreign Languages. № 2. 1998. p. 58–63.
21. Sun Rujian. *Gender and Language*. – Nanjing: Jiangsu Education Press, 1997. – 202 p.
22. Tannen D. *You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation*. – New York: Ballantine Books, 1990. – 330 p.
23. Tukhtasinov I. *Lingvokulturologicheskie i gendernye osobennosti slozhnykh slov*. – Toshkent, 2011.
24. Watts R.J. *Politeness*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 304 p.
25. Xakimov M. *O'zbek tilida matnning pragmatik talqini: Filologiya fanlari doktori dissertatsiyasi*. – Toshkent, 2001.
26. Yang Yonglin. *Sociolinguistic Research: Function, Address, and Gender*. – Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2004. – 297 p.
27. Zemskaya E.A. *Russkiy yazyk i ego funktsional'naya realizatsiya: pragmaticheskiy i kommunikativnyy aspekty*. – Moscow: Nauka, 1993. – 224 p.
28. Zhao Ronghui. *Sociolinguistics*. – Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2005. – 514 p.

“O‘ZBEK TILINING IZOHLI LUG‘ATI”DA MO‘G‘UL TILIDAN O‘ZLASHGAN SO‘ZLARNING LEKSIK-SEMANTIK TAHLILI

BAYNAZAROV Zokir Maxmudovich,

Sh.Rashidov nomidagi Samarqand davlat universiteti
dotsenti, PhD (Samarqand, O‘zbekiston)

 E-mail: zmbaynazarov81@gmail.com

 ORCID: 0000-0001-5874-4246

  DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.22087175>

Annotatsiya

Maqolada olti jildli “O‘zbek tilining izohli lug‘ati” (Toshkent, 2023)da mo‘g‘ul tiliga mansublik belgisi bilan qayd etilgan leksik birliklar yaxlit korpus sifatida ajratib olinib, tahlil qilingan. Lug‘atning to‘liq matni bo‘yicha o‘tkazilgan izlanish natijasida 29 ta leksema aniqlangan bo‘lib, ular sakkiz semantik guruhga birlashtirildi. Tahlil mo‘g‘ulcha o‘zlashmalarning asosiy qismi harbiy-ma‘muriy terminologiyaga va chorvachilik leksikasiga tegishli ekani, ularning katta qismi hozirgi tilda tarixiy so‘z (istorizm) maqomida saqlanib qolganini ko‘rsatadi. Olingan natijalar eski o‘zbek tili yodgorliklari bo‘yicha o‘tkazilgan tadqiqotlar ma‘lumotlari bilan qiyoslanadi hamda lug‘atda etimologik belgi berilmagan mo‘g‘ulcha birliklar (*qurultoy*, *yasovul*, *shig‘ovul*, *bakovul* kabilar) masalasi va ayrim birliklarning etimologik talqini yuzasidan turkologiyadagi muqobil qarashlar, shuningdek mo‘g‘ulcha qatlamning o‘zbek va mo‘g‘ul xalqlari o‘rtasidagi tarixiy-etnomadaniy hamda siyosiy aloqalar bilan bog‘liqligi muhokama qilinadi.

Ключевые слова: *o‘zbek tili, izohli lug‘at, oltoy nazariyasi, mo‘g‘ul tili, o‘zlashma so‘z, etimologiya, leksikografiya, til aloqalari, istorizm, eski o‘zbek tili, etnogenez, Chig‘atoy ulusi.*

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОНГОЛЬСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА»

БАЙНАЗАРОВ Зокир Махмудович,

доцент Самаркандского государственного университета
имени Ш. Рашидова, доктор философии (PhD)
(Самарканд, Узбекистан)

Аннотация

В статье в качестве единого корпуса выделены и проанализированы лексические единицы, помеченные в шеститомном «Толковом словаре узбекского языка» (Ташкент, 2023) как монгольские заимствования. В результате сплошной выборки по полному тексту словаря выявлено 29 лексем, которые распределены по восьми семантическим группам. Анализ показывает, что основная часть монгольских заимствований относится к военно-административной терминологии и лексике, связанной с животноводством, при этом значительная их часть сохранилась в современном узбекском языке в статусе историзмов. Полученные результаты сопоставляются с данными исследований памятников староузбекского языка. Кроме того, рассматриваются вопросы, связанные с монгольскими лексическими единицами, не имеющими этимологической маркировки в словаре (например, *qurultoy*, *yasovul*, *shig‘ovul*, *bakovul* и др.), а также анализируются альтернативные этимологические интерпретации отдельных единиц, представленные в трудах по тюркологии. Особое внимание уделяется связи монгольского лексического

пласта с историческими, этнокультурными и политическими контактами между узбекским и монгольским народами.

Ключевые слова: *узбекский язык, толковый словарь, алтайская теория, монгольский язык, заимствованное слово, этимология, лексикография, языковые контакты, историзм, староузбекский язык, этногенез, Чагатайский улус.*

A LEXICAL-SEMANTIC ANALYSIS OF MONGOLIAN LOANWORDS IN THE “EXPLANATORY DICTIONARY OF THE UZBEK LANGUAGE”

BAYNAZAROV Zokir,

PhD, Associate Professor of Samarkand State University
named after Sharof Rashidov (Samarkand, Uzbekistan)

Abstract

The article identifies and analyses the lexical units marked as Mongolian borrowings in the six-volume Explanatory Dictionary of the Uzbek Language (Tashkent, 2023). A continuous sampling of the full dictionary text yielded 29 lexemes, which were grouped into eight semantic classes. The analysis shows that most Mongolian loanwords belong to military-administrative terminology and pastoral vocabulary, and that a considerable part of them survive in modern Uzbek only as historicisms. The results are compared with the data of studies on Old Uzbek written monuments; the article also discusses the Mongolian lexical items left without an etymological label in the dictionary (*qurultoy, yasovul, shig'ovul, bakovul, etc.*) and alternative etymological interpretations of certain items found in Turkological literature, as well as the connection of the Mongolian stratum with the historical, ethnocultural and political relations between the Uzbek and Mongolian peoples.

Key words: *Uzbek language, explanatory dictionary, Altaic theory, Mongolian language, loanword, etymology, lexicography, language contact, historicism, Old Uzbek, ethnogenesis, Chagatai ulus.*

Kirish

O'zbek tili leksikasining tarixiy qatlamlari orasida mo'g'ul tilidan o'zlashgan so'zlar alohida o'rin tutadi. Arab va fors-tojik o'zlashmalaridan farqli ravishda, mo'g'ulcha qatlam miqdor jihatidan sanoqli bo'lsa-da, u o'zbek xalqi tarixining muayyan davri – XIII-XV asrlardagi mo'g'ullar istilosi va chingiziylar hamda temuriylar davlatchiligi bilan bevosita bog'liq bo'lgani uchun lingvomadaniy jihatdan qimmatli material hisoblanadi. Ko'p asrlar mobaynida turkiy va mo'g'ul xalqlari ajdodlarining o'zaro tinch va harbiy aloqada bo'lishi natijasida turkiy tillar leksikasida mo'g'ulcha so'zlar (va aksincha) yoki ikki til uchun umumiy hisoblangan leksik qatlam yuzaga keldi (Dadaboyev, 2024: 19).

Turkiy va mo'g'ul tillari o'rtasidagi munosabat masalasi tilshunoslikda oltoy nazariyasi doirasida muhokama qilinadi. Bu nazariyaning ilmiy asoslari G.J.Ramstedtning “Oltoy tilshunosligiga kirish” asarida yaratilgan bo'lib (Ramstedt, 1952-1957), unda turkiy, mo'g'ul va tungus-manjur tillari yagona bobotildan tarqagan deb qaraladi; B.Y.Vladimirtsovning mo'g'ul yozma tili qiyosiy grammatikasi (Vladimirtsov, 1929) hamda N.Poppening oltoy tillari qiyosiy grammatikasi (Poppe, 1968) bu yo'nalishni rivojlantirdi, N.A.Baskakov esa oltoy tillari oilasi va uni o'rganish tarixini maxsus asarda umumlashtirdi (Baskakov, 1981). Ayni paytda nazariyaning jiddiy tanqidchilari ham yetishib chiqdi: G.Clauson “Oltoy nazariyasiga qarshi dalillar” maqolasida (Clauson, 1956: 181-187), G.Doerfer esa fundamental to'rt jildligida (Doerfer, 1963-

1975) turkiy-mo‘g‘ul leksik mushtarakliklarini genetik qarindoshlik emas, balki ko‘p asrlik o‘zlashish jarayonlari natijasi deb izohladi. Rus tilshunosligida A.M.Shcherbak xuddi shu pozitsiyani izchil himoya qilib, dastlab oltoy gipotezasi haqidagi maxsus maqolasida (Shcherbak, 1959), so‘ngra VIII-XIV asrlardagi ilk turkiy-mo‘g‘ul til aloqalariga bag‘ishlangan monografiyasida (Shcherbak, 1997) mushtarak leksikani kontakt hodisasi sifatida talqin etdi. XXI asr boshida S.Starostin, A.Dibo va O.Mudrakning uch jildli oltoy tillari etimologik lug‘ati nashr etilishi bilan (Starostin, 2003) bahs yangi bosqichga ko‘tarildi, biroq masala hanuzgacha uzil-kesil hal etilgani yo‘q. O‘zbek tilshunosligida bu muammo so‘nggi yillarda aniq til materiali asosida o‘rganila boshlandi: A.K.Buranovning falsafa doktori (PhD) dissertatsiyasida o‘zbek tili qipchoq lahjasi leksikasining oltoy tiliga munosabati toponim, etnonim, qavm-qarindoshlik va maishiy leksika misolida maxsus tadqiq etildi (Buranov, 2023).

Til aloqalari xalqlarning tarixiy taqdiri bilan chambarchas bog‘liq bo‘lgani uchun mo‘g‘ulcha o‘zlashmalar masalasini o‘zbek va mo‘g‘ul xalqlarining tarixiy, etnomadaniy va siyosiy munosabatlari kontekstisiz to‘la anglab bo‘lmaydi. O‘zbek xalqining etnogenezi ko‘p bosqichli va ko‘p komponentli jarayon bo‘lib, unda mo‘g‘ul etnik unsuri ham ishtirok etgan. K. Shoniyozov o‘zining “O‘zbek xalqining shakllanish jarayoni” nomli fundamental tadqiqotida o‘zbek xalqi mahalliy etnik zaminda shakllangani, ammo turli siyosiy birlashmalar tizimida kechgan etnik jarayonlarda turkiy va mo‘g‘ul komponentlarining o‘zaro ta’siri muhim rol o‘ynaganini asoslab bergan (Shoniyozov, 2001). Hozirgi o‘zbek xalqi tarkibidagi bahrin, jaloyir, barlos, qo‘ng‘irot, mang‘it, nayman, qiyot kabi ko‘plab urug‘-qabila nomlari aynan mo‘g‘ul istilosi va undan keyingi davr bilan bog‘liq bo‘lib, ularning bir qismi kelib chiqishi jihatidan mo‘g‘ul, keyinchalik turkiylashib ketgan qavmlar nomidir. Diqqatga sazovor tomoni shundaki, mazkur etnonimlardan biri *bahrin* (keyingi o‘rinlarda – O‘TIL (6 jildli)da “*turkiylashgan mo‘g‘ul qabilalaridan biri*” izohi bilan aynan mo‘g‘ulcha belgi ostida qayd etilgan, ya’ni til materiali etnogenetik dalillar bilan bevosita mutanosibdir.

Mo‘g‘ulcha leksik unsurlarning o‘zbek tiliga ommaviy kirib kelishi 1219-1370-yillarda Movarounnahrni o‘z ichiga olgan Chig‘atoy ulusi davri bilan bog‘liq. Chingizxon vafotidan so‘ng bu hudud ikkinchi o‘g‘li Chig‘atoy tasarrufiga o‘tib, barlos, jaloyir, qovchin va orlot kabi mo‘g‘ul urug‘lari mintaqaga ko‘chib keldi va o‘troq turkiy hamda forsiyzabon aholi bilan aralashib, asta-sekin turkiylashdi. Ko‘chmanchi mo‘g‘ul zodagonlari yirik va madaniy viloyatlarni idora qilishda tajribaga ega bo‘lmagani bois davlat boshqaruvida mahalliy aholining yuqori tabaqalariga, jumladan, Mahmud Yalavoch va uning avlodiga suyanishga majbur bo‘ldi. Ana shu ikki tomonlama – harbiy-siyosiy hukmronlik hamda ma’muriy hamkorlik sharoitida mo‘g‘ul davlatchiligining atamallari (*ulus, tuman, dorug‘a, navkar, suyurg‘ol, ko‘pchur, yorlig‘*) turkiy nutqqa keng singdi. Shu tariqa mo‘g‘ulcha o‘zlashmalar o‘zbek tiliga, asosan, yozma-adabiy emas, balki jonli ma’muriy-harbiy muloqot orqali, ustqatlam (superstrat) sifatida kirib keldi. Bu jarayonning lisoniy izlari eski o‘zbek (chig‘atoy) tili yodgorliklarida – Alisher Navoiy, Zahiriddin Muhammad Bobur va Abulg‘ozi Bahodirxon asarlarida – yaqqol aks etgan va hozirgi adabiy tilgacha yetib kelganligini O‘TIL (6 jildli)da ifodalanganligi bilan izohlash mumkin. Shu ma’noda mo‘g‘ulcha qatlam o‘zbek xalqining chingiziylar va temuriylar davri bilan bog‘liq tarixiy xotirasining tildagi guvohnomasi hisoblanadi.

Turkiy tillardagi mo‘g‘ulcha o‘zlashmalar jahon turkologiyasida ancha izchil o‘rganilgan. G.Doerfer to‘rt jildli fundamental asarida yangi fors tilidagi turkiy va mo‘g‘ulcha elementlarni tavsiflash barobarida Markaziy Osiyo turkiy tillaridagi mo‘g‘ulizmlar bo‘yicha ham boy material bergan (Doerfer, 1963-1975). V.I.Rassadin Sibir turkiy tillaridagi mo‘g‘ul-buryat o‘zlashmalarini

maxsus monografiyada kompleks tadqiq etgan (Rassadin, 1980), K.Shonig (C.Schönig) esa g‘arbiy o‘g‘uz tillaridagi mo‘g‘ulcha o‘zlashmalarga alohida asar bag‘ishlagan (Schönig, 2000). Turkiya turkologiyasida ham bu yo‘nalishda salmoqli natijalar to‘plangan: O.N.Tuna usmonli turkchasidagi mo‘g‘ulcha o‘zlashmalarni maxsus tadqiq etgan (Tuna, 1972), T.Gulensoy qadimgi va o‘rta turkiy tildagi mo‘g‘ulcha hamda mo‘g‘ulcha-turkiy mushtarak so‘zlar bo‘yicha kuzatishlar e‘lon qilgan (Gülensoy, 1974:6), S.E.Chichek qipchoq lug‘atlaridagi mo‘g‘ulcha unsurlarni yaxlit tavsiflagan (Çiçek, 2015). Eng muhimi, E.Kinkses-Nagi chig‘atoy (eski o‘zbek) tilidagi mo‘g‘ulcha o‘zlashmalarga bag‘ishlangan maxsus monografiya yaratdi (Kincses-Nagy, 2018), O.Ergene esa chig‘atoy tili so‘z boyligidagi ma‘muriy va harbiy birlik nomlarini, ular tarkibidagi mo‘g‘ulcha qatlamni ham qamrab olgan holda tizimli tahlil etdi (Ergene, 2025). Turkiy tillar ichida mo‘g‘ulizmlar miqdori jihatidan qirg‘iz, oltoy, tuva kabi Sibir va unga tutash mintaqalari yetakchilik qilishi qayd etilgan; qipchoq va qarluq guruhi tillarida, jumladan, o‘zbek tilida bu qatlam ancha kam sonlidir. Ayni paytda o‘zbek tilida mo‘g‘ulcha o‘zlashmalar miqdori qariyb 60 ta atrofida deb baholanadi. Ammo bizning tadqiqot obyektimiz bo‘lgan O‘TIL (6 jildli)da 29 tasi izohlangan, xolos.

O‘zbek tilshunosligida bu masala asosan til tarixi materialida yoritilgan. H.Dadaboyev eski o‘zbek tili obidalaridagi mo‘g‘ulcha o‘zlashmalarni, xususan, harbiy va ma‘muriy terminologiyani izchil tadqiq etib, ularning XIII asrdan, ya‘ni mo‘g‘ul istilochilarining Janubiy Sibir va O‘rta Osiyoni zabt etishi davridan boshlab kirib kelganini ko‘rsatgan (Dadaboyev, 2024). A. M. Shcherbak “O‘g‘uznoma”da qayd etilgan *jida* (nayza), *muran* (daryo), *uran* (parol), *no‘kar* (jangchi), *qurultoy* (xalq yig‘ini), *shira* (stol) kabi so‘zlarning mo‘g‘ul tiliga xosligini ta‘kidlagan edi (Shcherbak, 1997: 103). Sh.Rahmatullayevning etimologik lug‘atida ham ayrim mo‘g‘ulcha birliklar tahlil qilingan (Rahmatullayev, 2000). Biroq hozirgi o‘zbek adabiy tilining me‘yoriy lug‘ati bo‘yicha bu qatlamning yaxlit, miqdoriy asoslangan manzarasi hanuzgacha maxsus yoritilmagan. 2023-yilda lotin yozuvida chop etilgan olti jildli “O‘zbek tilining izohli lug‘ati” 80 000 dan ortiq so‘z va so‘z birikmasini qamrab olgani hamda o‘zlashma so‘zlarga imkon qadar to‘liq etimologik ma‘lumot berish tamoyiliga asoslangani bois bunday tahlil uchun ishonchli manba bo‘la oladi.

Ushbu maqolaning maqsadi – O‘TIL (6 jildli)da mo‘g‘ul tiliga mansublik belgisi bilan qayd etilgan barcha leksik birliklarni to‘liq aniqlash, ularni miqdoriy va leksik-semantik jihatdan tavsiflash, olingan natijalarni eski o‘zbek tili yodgorliklari materiali bilan qiyoslash hamda lug‘atdagi etimologik talqinlarning turkologik adabiyotdagi qarashlarga munosabatini belgilashdan iborat.

Material va metodlar

Tadqiqot materiali sifatida olti jildli “O‘zbek tilining izohli lug‘ati”ning to‘liq matni (I jild: A-D, 964 b.; II jild: E-K, 1036 b.; III jild: L-P, 844 b.; IV jild: Q-S, 824 b.; V jild: T-V, 720 b.; VI jild: X-Ch, 864 b.) olindi. Lug‘atning elektron nusxasi ustida uzluksiz tanlov metodi qo‘llanildi: matn kompyuter yordamida to‘liq skanerlanib, “mo‘g‘ul” etimologik belgisi qatnashgan barcha lug‘at maqolalari ajratib olindi. Belgi bosh so‘zdan keyingi kvadrat qavs ichida bevosita kelgan holatlar bilan bir qatorda, murakkab etimologik izohlar tarkibida (masalan, fors tili orqali o‘zlashganlik ko‘rsatilgan o‘rinlarda) uchragan holatlar ham hisobga olindi. Matnning turli qismlarida harflarning grafik variantlari qo‘llanishi ehtimoli inobatga olinib, qidiruv belgining barcha mumkin bo‘lgan yozilish shakllarini qamrab oladigan tarzda tashkil etildi.

Har bir birlik uchun uning lug‘atdagi aniq o‘rni – jild raqami va bet raqami – qayd etib borildi; jadvalda bu ma‘lumot (1, jild, bet) shaklida keltiriladi va tekshirish imkonini beradi.

Ajratib olingan birliklar soʻngra tavsifiy, komponent va miqdoriy tahlil metodlari asosida oʻrganildi: har bir leksemaning lugʻatdagi etimologik izohi, uslubiy belgisi (*tar.*, *etn.*, *esk.* va h.k.) va maʼno tarkibi qayd etildi, shu asosda semantik guruhlash amalga oshirildi. Qoʻshimcha bosqichda eski oʻzbek tili yodgorliklari boʻyicha adabiyotda moʻgʻulcha deb eʼtirof etilgan bir qator birliklar (*qurultoy*, *yasovul*, *shigʻovul*, *bakovul*, *qorovul*) lugʻatda qanday etimologik maqomda berilgani nazorat tekshiruvidan oʻtkazildi. Lugʻat talqinlari Sh. Rahmatullayev (Rahmatullayev, 2000), E.V.Sevortyan (Sevortyan, 1974, 1980), G.Doerfer (Doerfer, 1963, 1975), A.M.Shcherbak (Shcherbak, 1997) va H.Dadaboyev (Dadaboyev, 2024) asarlaridagi etimologik maʼlumotlar bilan qiyoslandi.

Natijalar

Uzluksiz tanlov natijasida OʻTIL (6 jildli)ning olti jildida moʻgʻul tiliga mansublik belgisi bilan berilgan jami 29 ta leksik birlik aniqlandi. Ulardan 26 tasi bevosita (moʻgʻ.) belgisi bilan, bittasi (moʻgʻ.-turkiy) qoʻshma belgisi bilan (yom I), ikkitasi esa fors tili orqali oʻzlashganlik koʻrsatilgan holda (f. < moʻgʻ.) shaklida (*dorugʻa*, *dorugʻona*) qayd etilgan. Birliklarning jildlar boʻyicha taqsimoti quyidagicha: I jild - 11 ta, II jild - 2 ta, III jild - 4 ta, IV jild - 2 ta, V jild - 6 ta, VI jild - 5 ta. Aniqlangan birliklarning toʻliq roʻyxati jadvalda keltiriladi.

Jadval. OʻTIL (6 jildli) da moʻgʻul tiliga mansublik belgisi bilan qayd etilgan leksik birliklar va ularning manbadagi oʻrni

№	Leksema	Lugʻatdagi etimologik izoh	Uslubiy belgi	Maʼnosi (qisqacha)	Semantik guruh	Manba (jild, bet)
1	<i>Axta</i>	(moʻgʻ.)	-	bichilgan (ot, tuya)	chorvachilik	(1, I, 162)
2	<i>bahodir</i>	(moʻgʻ. baatar - jasur, qoʻrqmas)	folk.	pahlavon, devqomat	shaxs tavsifi	(1, I, 239)
3	<i>bahrin I</i>	(moʻgʻ. baarin)	etn.	turkiylashgan moʻgʻul qabilasi	etnonim	(1, I, 245)
4	<i>Botir</i>	(moʻgʻ. baatar - qoʻrqmas, jasur)	-	dovyurak, jasur	shaxs tavsifi	(1, I, 562)
5	<i>boʻlgor</i>	(moʻgʻ. boʻlzoʻoʻr - kelishganlik, shart, vaʼda)	tar.	vaʼdagoh; harbiy pozitsiya	harbiy-maʼmuriy	(1, I, 688)
6	<i>dalay-lama</i>	(moʻgʻ. dalay - donishmand, lama - din peshvosi)	-	Tibet ruhoniylari unvoni	diniy-mifologik	(1, I, 749)
7	<i>Darxon</i>	(moʻgʻ. - temirchi; ozod kishi)	tar.	soliqdan ozod, imtiyozli shaxs	harbiy-maʼmuriy	(1, I, 781)
8	<i>dorugʻa</i>	(f. < moʻgʻ. darga - rais, boshliq)	tar.	bosh mirshab, shahar idorasi boshligʻi	harbiy-maʼmuriy	(1, I, 906)
9	<i>dorugʻona</i>	(f. < moʻgʻ. daraxu)	tar.	dorugʻa foydasiga yigʻim	harbiy-maʼmuriy	(1, I, 907)

№	Leksema	Lug‘atdagi etimologik izoh	Uslubiy belgi	Ma’nosi (qisqacha)	Semantik guruh	Manba (jild, bet)
10	<i>do‘non</i>	(mo‘g‘. - to‘rt yoshli ot)	-	uch yoshdan oshgan ot yoki tuya	chorvachilik	(1, I, 954)
11	<i>Hirovul</i>	(mo‘g‘.)	tar.	qo‘shinning oldingi safi, avangard	harbiy-ma’muriy	(1, II, 394)
12	<i>ko‘ragon</i>	(mo‘g‘. xurgen - kuyov)	tar.	chingiziy malikalar kuyovi unvoni	harbiy-ma’muriy	(1, II, 997)
13	<i>manglay</i>	(mo‘g‘. magnay - peshona; oldingi)	-	peshona	somatizm	(1, III, 156)
14	<i>megajin</i>	(mo‘g‘. megj - urg‘ochi qobon)	-	urg‘ochi cho‘chqa	chorvachilik	(1, III, 168)
15	<i>Mergan</i>	(mo‘g‘. mergen - o‘qni aniq otuvchi)	-	o‘qni bexato uradigan	shaxs tavsifi	(1, III, 176)
16	<i>Navkar</i>	(mo‘g‘. no‘xo‘r - do‘st, o‘rtoq; er)	tar.	harbiy xizmatkor, askar	harbiy-ma’muriy	(1, III, 351)
17	<i>suyurg‘ol</i>	(mo‘g‘. so‘yorxo‘l - in‘om)	tar.	xizmat uchun in‘om qilingan yer-suv	harbiy-ma’muriy	(1, IV, 792)
18	<i>so‘qir</i>	(mo‘g‘.)	-	ko‘r, ojiz	shaxs tavsifi	(1, IV, 809)
19	<i>Tavochi</i>	(mo‘g‘. - hisobchi)	tar.	farmon yetkazuvchi harbiy mansabdor	harbiy-ma’muriy	(1, V, 140)
20	<i>Tangri</i>	(mo‘g‘. tenger - osmon; Xudo)	-	Olloh, xudo, parvardigor	diniy-mifologik	(1, V, 171)
21	<i>Tugrik</i>	(mo‘g‘. to‘gro‘k - doira, to‘g‘arak)	-	Mo‘g‘uliston pul birligi	zamonaviy realiya	(1, V, 409)
22	<i>tuman I</i>	(mo‘g‘. tumen - o‘n ming)	-	atmosfera hodisasi	tabiat hodisasi	(1, V, 416)
23	<i>tuman II</i>	(mo‘g‘. tumen - o‘n ming)	esk.	o‘n ming; behisob ko‘p	harbiy-ma’muriy	(1, V, 416)
24	<i>Ulus</i>	(mo‘g‘. - davlat; el, xalq)	tar.	no‘yonga tobe urug‘lar guruhi; davlat	harbiy-ma’muriy	(1, V, 566)

№	Leksema	Lug‘atdagi etimologik izoh	Uslubiy belgi	Ma’nosi (qisqacha)	Semantik guruh	Manba (jild, bet)
25	<i>Xural</i>	(mo‘g‘. xural - majlis, yig‘ilish)	-	Mo‘g‘ulistonda hokimiyat organi	zamonaviy realiya	(1, VI, 95)
26	<i>yom I</i>	(mo‘g‘.-turkiy - choparlar oti)	tar.	choparlar bekati	harbiy-ma’muriy	(1, VI, 212)
27	<i>g‘unajin</i>	(mo‘g‘.)	-	ikki yoshdan oshgan urg‘ochi buzoq	chorvachilik	(1, VI, 550)
28	<i>chag‘davul</i>	(mo‘g‘. chagduul)	esk. tar.	qo‘shinning aryergard qismi	harbiy-ma’muriy	(1, VI, 751)
29	<i>Cherik</i>	(mo‘g‘. sereg - askar < sanskr. ksatrika)	tar.	farmon bilan yig‘iladigan qo‘shin	harbiy-ma’muriy	(1, VI, 764)

Son jihatdan olganda 29 birlik lug‘atning umumiy so‘zligiga (80 000 dan ortiq birlik) nisbatan 0,04 foizga yaqin ulushni tashkil etadi. Bu ko‘rsatkich arabcha va forsha-tojikcha qatlamlar bilan qiyoslaganda juda kichik bo‘lsa-da, mazkur birliklarning aksariyati tilning tayanch yoki tarixiy-madaniy jihatdan muhim leksikasiga tegishlidir. Shuni ham qayd etish lozimki, olingan raqam ilmiy adabiyotda hozirgi o‘zbek tili uchun taxmin qilinadigan 60 ga yaqin mo‘g‘ulizmning qariyb yarmini tashkil etadi; bu tafovutning sabablari muhokama qismida ko‘rib chiqiladi.

Semantik guruhlash quyidagi manzarani beradi. Eng yirik guruhni harbiy-ma’muriy terminlar tashkil etadi – 14 ta leksema (*bo‘ljor, darxon, dorug‘a, dorug‘ona, hirovul, ko‘ragon, navkar, suyurg‘ol, tavochi, tuman II, ulus, yom, chag‘davul, cherik*), bu umumiy korpusning qariyb yarmiga to‘g‘ri keladi. Ikkinchi o‘rinni chorvachilik leksikasi (*axta, do‘non, g‘unajin, megajin* – 4 ta leksema) va shaxs tavsifiga oid so‘zlar (*bahodir, botir, mergan, so‘qir* – 4 ta leksema) egallaydi. Qolgan guruhlar: diniy-mifologik leksika (*tangri, dalaylama* – 2 ta leksema), Mo‘g‘uliston voqeligiga oid ekzotizmlar (*tugrik, xural* – 2 ta leksema), somatizm (*manglay* – 1 ta leksema), etnonim (*bahrin* – 1 ta leksema) va tabiat hodisasi nomi (*tuman I* – 1 ta leksema).

Uslubiy belgilar tahlili shuni ko‘rsatadiki, korpusning 14 ta til birligi *tar.* (tarixiy) yoki *esk.* (eskirgan) belgisi bilan berilgan, ya’ni ular hozirgi tilda faol qo‘llanmaydi va istorizm maqomiga ega. Shu bilan birga, 12 dan ortiq leksema (*botir, bahodir, mergan, manglay, tuman I, tangri, so‘qir, axta, do‘non, g‘unajin, megajin* va b.) hech qanday cheklovchi belgisiz, hozirgi adabiy tilning faol yoki neytral qatlami sifatida qayd etilgan.

Izlanishlar kutilmagan natija berdi: eski o‘zbek tili yodgorliklari bo‘yicha adabiyotda mo‘g‘ulcha yoki mo‘g‘ul tili vositasida o‘zlashgan deb e’tirof etiladigan bir qator birliklar O‘TIL (6 jildli) da umuman etimologik belgisiz berilgan. Xususan, qurultoy so‘zi faqat *tar.* belgisi bilan, izohida “turkiy xalqlar va mo‘g‘ul xalqida qadimdan mavjud bo‘lgan turli harbiy kengashlar va majlislarning umumiy nomi” deb ta’riflangan bo‘lsa-da, etimologik qavs berilmagan; *yasovul, shig‘ovul, bakovul* va *qorovul* so‘zlari ham etimologik izohsiz keltirilgan. Demak, lug‘atda mo‘g‘ulcha qatlamning rasman belgilangan qismi uning haqiqiy hajmidan kichikdir.

Muhokama

Olingan natijalar mo‘g‘ulcha o‘zlashmalarining o‘zbek tiliga kirib kelish yo‘llari va davrlari haqida muayyan xulosalar chiqarish imkonini beradi. Harbiy-ma‘muriy terminlarning mutlaq ustunligi bu qatlamning, asosan, XIII-XV asrlarda, ya‘ni mo‘g‘ullar istilosi hamda chingiziylar va temuriylar davlatchiligi sharoitida shakllanganidan dalolat beradi. Bu xulosa eski o‘zbek tili yodgorliklari materiali bilan to‘la mos keladi: H. Dadaboyev ta‘kidlaganidek, eski o‘zbek tili obidalarida ishlatilgan mo‘g‘ulcha o‘zlashtirmalarning ko‘pchiligini aynan harbiy ish, ma‘muriy lavozim va chorvachilikka oid terminlar tashkil etadi (Dadaboyev, 2024). *Ulus, tuman, navkar, cherik, suyurg‘ol, dorug‘a* kabi so‘zlar o‘sha davr davlat boshqaruvi, soliq tizimi va harbiy tashkilotining kalit tushunchalarini ifodalagan; davlatchilik institutlari o‘zgargani sari bu so‘zlar ham asta-sekin faol iste‘moldan chiqib, tarixiy adabiyot va badiiy matnlar doirasida saqlanib qolgan. O‘TIL (6 jildli) dagi illyustrativ misollarning aksariyati Oybek, M. Osim, P. Qodirov kabi tarixiy mavzuda ijod qilgan adiblar asarlaridan olingani ham shundan. Masalan, “*Qo‘shin boshliqlari va no‘karlar barlos beklarining bu qadar takabburligidan ajablanishar, lekin o‘zlarini bosib turishardi*”. Pirimqul Qodirov, “Yulduzli tunlar” romani. (1, III jild, B. 92.) “*Beklar kechasi bilan ot surib, tong otganda o‘zlari uchun tayinlangan **boljalga** yetib keldilar*”. Odil Yoqubov, “Ko‘hna dunyo” romani. (1, II jild, B. 548.) “*Katta darvoza oldida turgan shahar **darug‘asi** kelayotgan karvonni uzoqdan ko‘rib, soqchilarga shay bo‘lishni buyurdi*”. Mirkarim Osim, “Zulmat ichra nur” qissasi. (1, I jild, B. 582.)

Ayrim lisoniy birliklarning kirib kelish davri turkologik adabiyotda aniq belgilangan. G. Doerferning hisob-kitobiga ko‘ra, qo‘shindagi eng yuksak harbiy mansablardan birini ifodalovchi “*tavochi*” termini eski o‘zbek tiliga 1250-1350-yillarda kirib kelgan va asosan Temur davridan boshlab iste‘molda bo‘lgan; “Boburnoma”da u “*adyutant, harbiy inspektor*” ma‘nosida ishlatilgan (Dadaboyev, 2024). “*Suyurg‘ol*” termini XIII-XV asrlarda O‘rta Osiyo va Eronda yer egaligining o‘ziga xos turini – hukmdorning farzand-nabiralari va saltanatning atoliq kishilariga in‘om etiladigan yer-mulkni bildirgan; tilshunos Doerfer bu so‘z o‘zagini xitoycha manbaga borib taqalishi mumkin bo‘lgan qadimiy *suyurqa* (in‘om qilmoq) fe‘li bilan bog‘lab, unga mo‘g‘ulcha -l affiksi qo‘shilgan (*suyurqa+l – suyurqal / suyurg‘ol*) deb hisoblaydi (Doerfer, 1963, 1975; Dadaboyev, 2024). Bunday ko‘p bosqichli etimologiyalar mo‘g‘ulcha qatlamning o‘zi ham yakqatlamli emasligini, mo‘g‘ul tili ba‘zan uzoqroq manbalardagi so‘zlar uchun vositachi til vazifasini o‘taganini ko‘rsatadi; buni O‘TIL (6 jildli) dagi “*cherik*” so‘zining izohida sanskritcha manbaning ko‘rsatilishi ham tasdiqlaydi.

Natijalar qismida qayd etilgan tafovut – lug‘atda rasman belgilangan 29 lisoniy birlik bilan adabiyotdagi 60 ga yaqin taxminiy ko‘rsatkich o‘rtasidagi farq – bir necha omil bilan izohlanadi.

Birinchidan, izohli lug‘at sinxron me‘yoriy manba bo‘lgani bois eski o‘zbek tiliga xos, ammo hozirgi adabiy tilda iste‘moldan butunlay chiqqan ko‘plab mo‘g‘ulizmlar (masalan, “O‘g‘uznoma”da qayd etilgan *jida, muran, uran, shira* kabilar) unga umuman kiritilmagan.

Ikkinchidan, bir qator birliklar lug‘atga kiritilgan bo‘lsa-da, etimologik belgisiz qolgan. Bu holat, ayniqsa, -(v)ul affiksi bilan yasalgan terminlar (*yasovul, shig‘ovul, bakovul, qorovul*, shuningdek *qurultoy*) misolida yaqqol ko‘rinadi. Mazkur affiks turkologiyada uzoq bahslarga sabab bo‘lgan: bir guruh tilshunoslar uni turkiy tillarga xos affiks desa, boshqa guruh mo‘g‘ul tilidan o‘zlashtirilgan deb hisoblaydi; H. Dadaboyev uni turkiy va mo‘g‘ul tillari uchun umumiy affiks sifatida talqin qiladi va XI-XIII asr mo‘g‘ul tilida juda sermahsul bo‘lgan bu ot yasovchining turkiy tillarda ancha passiv qo‘llanganini qayd etadi (Dadaboyev, 2024). G. Doerfer chig‘atoy (eski o‘zbek) tiliga mo‘g‘ul tilidan birgina -(v)ul affiksi yordamida yasalgan yuzdan ortiq so‘z

o‘zlashtirilganini ta’kidlagan; Alisher Navoiy ham “Muhokamat ul-lug‘atayn”da bu tipdagi so‘zlar harbiy unvon va saroy lavozimlarini anglatishini alohida e’tirof etgan (Dadaboyev, 2024; 23). Bunday sharoitda lug‘at tuzuvchilarining -(v)ul li terminlarga mo‘g‘ulcha belgi qo‘ymagani ilmiy ehtiyotkorlik sifatida tushunilishi mumkin, biroq *qurultoy* singari, o‘zagi mo‘g‘ul muhitiga daxldorligi umum e’tirof etilgan birlikning butunlay izohsiz qolishi lug‘atning etimologik apparatidagi nomuvofiqlik hisoblanadi. E.Kinkses-Nagining chig‘atoy tilidagi mo‘g‘ulcha o‘zlashmalarga bag‘ishlangan monografiyasi bunday munozarali birliklarni tekshirish uchun ishonchli tayanch bo‘la oladi: unda har bir birlik uchun o‘rta mo‘g‘ul tili yodgorliklari, chig‘atoy manbalari va hozirgi turkiy tillardagi parallellar asosida batafsil dalillash berilgan (Kinkses-Nagy, 2018).

Chorvachilik leksikasi (*axta, do‘non, g‘unajin, megajin*) esa boshqa xarakterdagi kontakti – ko‘chmanchi mo‘g‘ul va o‘troq hamda yarim ko‘chmanchi turkiy aholining uzoq davom etgan xo‘jalik aloqalarini aks ettiradi. Bu so‘zlar hozirgacha jonli so‘zlashuvda, ayniqsa chorvachilik rivojlangan hududlar shevalarida faol qo‘llanadi, ya’ni ular istorizmga aylanmagan. *Do‘non* va *g‘unajin* kabi yosh bo‘yicha tabaqalashgan hayvon nomlarining saqlanib qolishi mo‘g‘ulcha o‘zlashmalarning o‘zbek tilining tabiiy leksik tizimiga chuqur singib ketganidan dalolat beradi.

O‘TIL (6 jildli) dagi bir qator etimologik talqinlar qardosh tillar materiali bilan qiyoslanganda o‘z tasdig‘ini topadi. Xususan, so‘qir so‘zining mo‘g‘ulcha deb belgilanishi qipchoq areali ma’lumotlariga to‘la mos keladi: E. Oba va Y. Saurykov qozoq tilidagi mo‘g‘ulcha kasallik va a‘zo nomlariga bag‘ishlangan tadqiqotida *soqir* (ko‘r) so‘zining qozoq, qirg‘iz, qoraqalpoq, no‘g‘ay va oltoy tillarida parallel shakllari mavjudligini ko‘rsatib, uni mo‘g‘ulcha o‘zlashma sifatida talqin etadi (Oba, 2025). *Manglay* somatizmi ham xuddi shu qatlamga kiradi: a‘zo nomlarining mo‘g‘ul tilidan qipchoq va qarluq tillariga o‘tishi turkiy-mo‘g‘ul aloqalarining faqat davlatchilik terminologiyasi bilan cheklanmagan, maishiy-jonli muloqot darajasiga ham yetgan chuqur kontakt bo‘lganini ko‘rsatadi. *Tuman* terminining ma’muriy ma’nosi xususida O. Ergene chig‘atoy tili materialida qiziq dalil keltiradi: Bobur o‘z asarida bir necha o‘nlab qishloqdan iborat hududiy birlik Hindistonda parkana, Kobul va Naxchivonda tuman, Farg‘ona mamlakatida esa *o‘rchin* deb atalishini qayd etgan (Ergene, 2025). Bu ma’lumot *tuman* so‘zining chingiziylar davridagi harbiy-sonli ma’nodan (o‘n ming) ma’muriy-hududiy ma’noga ko‘chishi jarayonini hujjatlashtiradi va hozirgi o‘zbek tilida *tuman* so‘zining “ma’muriy-hududiy birlik” ma’nosida qayta faollashuvi uchun tarixiy asos bo‘lib xizmat qiladi. T. Gulensoy ta’kidlaganidek, mo‘g‘ul asosli ko‘plab so‘zlar qadimgi turkiy tilga kirib, hatto Mahmud Koshg‘ariyning “Devonu lug‘otit-turk” asariga ham o‘tgan, keyinchalik Navoiy, Bobur va Abulg‘ozi Bahodirxon asarlarida yashab, usmonli turkchasiyacha yetib borgan (Gulensoy, 1974). Bu kuzatish mo‘g‘ulcha qatlamning xronologik chegaralarini yanada qadimiyroq davrga surish mumkinligini ko‘rsatadi.

Alohida ta’kidlash joizki, lug‘atdagi ayrim etimologik talqinlar turkologik adabiyotda munozarali hisoblanadi. Masalan, *tangri* so‘zi O‘TIL (6 jildli) da mo‘g‘ulcha tenger bilan bog‘lab izohlangan. Holbuki, bu so‘z qadimgi turkiy yodgorliklarda, jumladan, O‘rxun-Enasoy bitiklarida (VIII asr) *tenri* shaklida keng qo‘llangan bo‘lib, turkiy tillarda mo‘g‘ul istilosidan ancha oldin mavjud edi; ko‘pchilik tadqiqotchilar uni umumoltoy yoki hatto oltoygacha bo‘lgan qatlamga mansub deb qaraydi (Sevortyan, 1974, 1980). Shu bois bu o‘rinda mo‘g‘ul tilidan o‘zlashish emas, balki ikki til uchun umumiy bo‘lgan qadimiy o‘zakning parallel taraqqiyoti haqida so‘z yuritish to‘g‘ri bo‘lar edi. Xuddi shunday, *tuman* so‘zining kelib chiqishi yuzasidan ham turkologiyada yagona qarash yo‘q: G.Doerfer uni toxar tilidan turkiy va mo‘g‘ul tillariga o‘tgan qadimiy madaniy so‘z sifatida talqin qiladi (Doerfer, 1963, 1975). *Botir* va *bahodir* so‘zlarining o‘zagi ham turkiy-

mo‘g‘ul til aloqalarining eng qadimgi davriga borib taqaladi va uning dastlabki manbayi masalasi ochiq qolmoqda. A.M.Shcherbak umuman turkiy-mo‘g‘ul leksik mushtarakliklarini avtomatik ravishda o‘zlashma deb baholashdan ogohlantirib, har bir birlik uchun fonetik va xronologik mezonlarga tayangan alohida dalillash zarurligini ko‘rsatgan edi (Shcherbak, 1997).

Bu kuzatishlar O‘TIL (6 jildli)da qo‘llangan etimologik belgilar tizimi keng o‘quvchi ommasi uchun mo‘ljallangan soddalashtirilgan model ekanini, ilmiy-tadqiqot maqsadlarida esa lug‘at ma‘lumotlarini maxsus etimologik manbalar bilan qiyosiy tekshirish zarurligini ko‘rsatadi. Shu bilan birga, lug‘at tuzuvchilarining *yom* so‘ziga (mo‘g‘.-turkiy) qo‘shma belgi berishi, *cherik* so‘zida mo‘g‘ulcha shaklning sanskritcha manbasini, *dorug‘a* va *dorug‘ona* so‘zlarida esa fors tilining vositachiligini ko‘rsatishi ularning bu murakkablikdan xabardor ekanini va ayrim o‘rinlarda ko‘p bosqichli etimologiyani aks ettirishga intilganini bildiradi.

Nihoyat, mo‘g‘ulcha qatlamning o‘zbek tilidagi mavqeini baholashda uni sof lisoniy hodisa sifatida emas, balki o‘zbek va mo‘g‘ul xalqlari o‘rtasidagi asrlar davomida kechgan tarixiy-madaniy muloqotning yodgorligi sifatida qarash maqsadga muvofiqdir. Miqdoran kam sonli bo‘lgan bu qatlamning aynan davlatchilik, harbiy ish va chorvachilik sohalarida jamlanishi til aloqasining ijtimoiy tabiatini – mo‘g‘ul hukmronligining ma‘muriy-siyosiy ustunligi hamda ikki ko‘chmanchi-chorvador jamiyat o‘rtasidagi xo‘jalik hamkorligini aks ettiradi. Etnogenetik jihatdan olganda esa mo‘g‘ul urug‘larining o‘zbek xalqi tarkibiga singib ketishi (*bahrin* etnonimi buning yorqin misoli) va ularning tilining o‘zbek tilida ozgina, ammo barqaror iz qoldirishi bir jarayonning ikki qirrasidir. Shu bois mo‘g‘ulcha o‘zlashmalar korpusi nafaqat leksikografik, balki lingvomadaniy va etnolingvistik tadqiqotlar uchun ham qimmatli manba bo‘lib xizmat qiladi.

Xulosa

Olti jildli “O‘zbek tilining izohli lug‘ati”da mo‘g‘ul tiliga mansublik belgisi bilan 29 ta leksik birlik qayd etilgan bo‘lib, ular hozirgi o‘zbek adabiy tili me‘yoriy lug‘atida rasman tan olingan mo‘g‘ulcha qatlamni tashkil etadi. Bu qatlamning yadrosini chingiziylar davri davlatchiligi bilan bog‘liq harbiy-ma‘muriy terminologiya (korpusning 48 foizi) tashkil etadi va uning katta qismi istorizm sifatida saqlanmoqda; bu manzara eski o‘zbek tili yodgorliklari bo‘yicha olingan xulosalarga to‘la mos keladi. Chorvachilik leksikasi va shaxs tavsifiga oid so‘zlar esa faol qatlamda barqaror o‘rin egallagan bo‘lib, tilning o‘zlashmalarni o‘zlashtirish va milliyalashtirish qobiliyatini namoyish etadi.

Izlanishlarning yana bir natijasi shuni ko‘rsatdiki, lug‘atda rasman belgilangan korpus o‘zbek tilidagi mo‘g‘ulcha qatlamning haqiqiy hajmini to‘la aks ettirmaydi: *qurultoy*, *yasovul*, *shig‘ovul*, *bakovul* kabi mo‘g‘ul muhiti bilan bog‘liqligi adabiyotda e‘tirof etilgan birliklar etimologik belgisiz qolgan, ayrim birliklar (*tangri*, *tuman*, *botir*) yuzasidan esa lug‘at talqini bilan turkologik adabiyot o‘rtasida tafovutlar mavjud. Bularning barchasi o‘zbek leksikografiyasida etimologik ma‘lumotlarni berish tamoyillarini yanada takomillashtirish, xususan, turkiy-mo‘g‘ul umumiy qatlami uchun maxsus belgi joriy etish masalasini kun tartibiga qo‘yadi. Kelgusida bu qatlamni tarixiy yozma yodgorliklar va sheva materiallari asosida kengaytirilgan holda o‘rganish mo‘g‘ul-turkiy til aloqalarining o‘zbek tilidagi izlarini to‘liqroq tiklash imkonini beradi.

Iqtiboslar/ References/ Kaynaklar/ Сноски:

1. O‘zbek tilining izohli lug‘ati: 80 000 dan ortiq so‘z va so‘z birikmasi. 6 jildli / Mas‘ul muharrirlar A. Madvaliyev, D. Xudayberganova. – Toshkent: G‘afur G‘ulom nomidagi nashriyot-matbaa ijodiy uyi, 2023.
2. Ramstedt G. J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. Bd. I-II. –Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1952-1957.

3. Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. – Ленинград: Изд. ЛВИ, 1929. – 436 с.
4. Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Teil 1: Vergleichende Lautlehre. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1960. – 188 S.
5. Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и её изучение. – Москва: Наука, 1981. – 135 с.
6. Clauson G. The Case Against the Altaic Theory // Central Asiatic Journal. – 1956. – Vol. II. – P. 181-187.
7. Щербак А. М. Об алтайской гипотезе в языкознании // Вопросы языкознания. – 1959. – № 6. – С. 51-63.
8. Щербак А. М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII-XIV вв.). – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 1997. – 291 с.
9. Starostin S., Dybo A., Mudrak O. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Vol. I-III. – Leiden-Boston: Brill, 2003.
10. Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. I-IV. – Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1963-1975.
11. Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. – Москва: Наука, 1980. – 115 с.
12. Schönig C. Mongolische Lehnwörter im Westoghusischen. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2000. – 210 S.
13. Tuna O. N. Osmanlıcada Moğolca Ödünç Kelimeler // Türkiyat Mecmuası. – 1972. – C. XVII. – S. 209-250.
14. Gülensoy T. Eski ve Orta Türkçede Moğolca Kelimeler ve Moğolca-Türkçe Müşterek Kelimeler Üzerine Notlar // Türkoloji Dergisi. – 1974. – C. 6, S. 1.
15. Çiçek S. E. Kıpçak Sözlüklerindeki Moğolca Unsurlar // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı – Belleten. – 2015. – C. 63, S. 1. – S. 49-98.
16. Kincses-Nagy É. Mongolic Copies in Chaghatay. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018. – 279 p.
17. Ergene O. Çağatay Türkçesi söz varlığında idari ve askerî birimler // Çukurova Üniversitesi Türkoloji Araştırmaları Dergisi. – 2025. – C. 10, S. 2. – S. 511-540.
18. Oba E., Saurykov Y. B. Kazakçada Moğolca Alıntılar: Hastalık ve Organ Adları // International Journal of Old Uyghur Studies. – 2025.
19. Dadaboyev H. Eski o‘zbek tili obidalarida mo‘g‘ulcha so‘zlar // Jadid gazetasi. – 2024.25-iyul. – jadid.uz/eski-ozbek-tili-obidalarida-mogulcha-sozlar.
20. Рахматуллаев Ш. Ўзбек тилининг этимологик луғати (туркий сўзлар). – Тошкент: Университет, 2000. – 600 б.
21. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 1-3. - Москва: Наука, 1974-1980.
22. Buranov A. K. O‘zbek tili qipchoq lahjasi leksikasining oltoy tiliga munosabati: Filologiya fanlari bo‘yicha falsafa doktori (PhD) dissertatsiyasi avtoreferati. – Toshkent, 2023. -53 b.
23. Alisher Navoiy. Muhokamat ul-lug‘atayn // Mukammal asarlar to‘plami. 16-jild. – Toshkent: Fan, 2000. -329 b.
24. Ashirboyev S. O‘zbek dialektologiyasi. – Toshkent: Nodirabegim, 2021. –176 b.
25. Шониёзов К. Ш. Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Тошкент: Шарқ, 2001. – 464 б.

O‘ZBEK MULOQOT MADANIYATIDA “TIL VA SHAXS MUSHTARAKLIGI” PRINSIPINING ETNOLINGVISTIK-PRAGMATIK TAVSIFI

NORMO‘MINOV Sherzod To‘ychiyevich,

Samarqand davlat pedagogika instituti dotsenti, PhD,
(Samarqand, O‘zbekiston)

 E-mail: shernormuminov088@gmail.com

 ORCID: 0009-0003-1880-5085

 DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.22083918>

Annotatsiya

Mazkur maqola jahon va o‘zbek tilshunosligida tobora dolzarb ahamiyat kasb etayotgan antroposentrik paradigma asosida, Markaziy Osiyo turkiy xalqlari muloqot madaniyatida “til va shaxs” mushtarakligi prinsipining mohiyatini ochib berishga qaratilgan. Tadqiqotda mintaqaviy muloqot jarayoni, xususan, o‘zbek shevalaridagi lisoniy shaxs ko‘rinishlari etnolingvistik va aksiologik yondashuvlar yordamida tahlil qilingan. Tadqiqotda jonli so‘zlashuvdagi murojaat shakllari, hurmat kategoriyasi va xalq paremiyalari misolida milliy mentalitet, qadriyatlar tizimi hamda so‘zlovchi shaxs o‘rtasidagi uzviy bog‘liqlik asoslangan. Maqolada til birliklariga millatning ma’naviy kodi va shaxsning ijtimoiy-madaniy qiyofasini belgilovchi omil sifatida baho berilgan. Shu bilan birga, mazkur birliklar etnolingvistik va aksiologik mazmun bilan bir qatorda sotsiokognitiv-pragmatik jihatdan ham yoritilgan. Suhbatdoshning ijtimoiy qiyofasini asrash, e‘zozlashga qaratilgan xushmuomalalik va nutqiy etiket birliklari sifatida baholanadi. Dialektal lisoniy shaxs nutqidagi murojaat va etiket birliklari uning sotsiokognitiv tajribasi, pragmatik kompetensiyasining ko‘rsatkichi sifatida etnolingvistik-aksiologik-pragmatik tavsiflanadi. Tadqiqot natijalari turkiyshunoslik, xususan, zamonaviy dialektologiya va lingvokulturologiya nazariyasini yangi ilmiy xulosalar bilan boyitishga xizmat qiladi.

Kalit so‘zlar: *Antroposentrik paradigma, muloqot madaniyati, “til va shaxs mushtarakligi” prinsipi, dialektal lisoniy shaxs, etnolingvistika, aksiologiya, dialektal diskurs, milliy mentalitet.*

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИНЦИПА «ЕДИНСТВА ЯЗЫКА И ЛИЧНОСТИ» В УЗБЕКСКОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ

НОРМУМИНОВ Шерзод Туйчиевич,

доктор философии (PhD), доцент

Самаркандского государственного педагогического института
(Самарканд, Узбекистан)

Аннотация

Данная статья, выполненная в русле антропоцентрической парадигмы, приобретающей всё большую актуальность в мировой и узбекской лингвистике, направлена на раскрытие сути принципа единства языка и личности в коммуникативной культуре тюркских народов Центральной Азии. В работе анализируются особенности региональной коммуникации, в частности проявления диалектной языковой личности в узбекских говорах, с позиций этнолингвистического и аксиологического подходов. На материале форм обращения в живой разговорной речи, категории уважения и народных паремий обосновывается неразрывная связь между национальным менталитетом, системой

ценностей и языковой личностью говорящего. Языковые единицы рассматриваются как важный фактор, отражающий духовный код народа и формирующий социокультурный облик личности. Наряду с этнолингвистическим и аксиологическим содержанием данные единицы интерпретируются также в социокогнитивно-прагматическом аспекте. Единицы обращения и речевого этикета характеризуются как средства сохранения и выражения уважения к социальному лицу собеседника. Указано, что единицы обращения и речевого этикета в речи диалектной языковой личности выступают показателями её социокогнитивного опыта и прагматической компетенции и получают этнолингвистическую, аксиологическую и прагматическую характеристику. Результаты исследования способствуют развитию тюркологии, в частности современной диалектологии и лингвокультурологии, обогащая их новыми научными выводами.

Ключевые слова: *антропоцентрическая парадигма, культура общения, принцип «единства языка и личности», диалектная языковая личность, этнолингвистика, аксиология, диалектный дискурс, национальный менталитет.*

AN ETHNOLINGUISTIC AND PRAGMATIC CHARACTERIZATION OF THE PRINCIPLE OF “LANGUAGE–PERSONALITY UNITY” IN UZBEK COMMUNICATION CULTURE

Sherzod NORMUMINOV,

PhD, Associate Professor, Samarkand State Pedagogical Institute
(Samarkand, Uzbekistan)

Abstract

Drawing on the anthropocentric paradigm, which has gained increasing prominence in both global and Uzbek linguistics, this article explores the principle of language-personality unity in the communicative culture of the Turkic peoples of Central Asia. The study examines the distinctive features of regional communication, focusing on the manifestations of the dialectal linguistic personality in Uzbek dialects from ethnolinguistic and axiological perspectives. Based on forms of address in everyday spoken discourse, expressions of respect, and folk proverbs, it demonstrates the inseparable relationship between national mentality, the system of values, and the speaker's linguistic personality. Linguistic units are viewed as key markers reflecting the spiritual code of a people and shaping the individual's sociocultural identity. In addition to their ethnolinguistic and axiological significance, these units are interpreted from a sociocognitive-pragmatic perspective. Forms of address and speech etiquette are characterized as linguistic means of maintaining and expressing respect for the interlocutor's social face. The study further demonstrates that forms of address and speech etiquette employed by the dialectal linguistic personality serve as indicators of sociocognitive experience and pragmatic competence and can be described in ethnolinguistic, axiological, and pragmatic terms. The findings contribute to the advancement of Turkic studies, particularly contemporary dialectology and linguocultural studies, by providing new theoretical insights.

Key words: *anthropocentric paradigm, communication culture, language-personality unity principle, dialectal linguistic personality, ethnolinguistics, axiology, dialectal discourse, national mentality.*

Kirish

XXI asr jahon tilshunosligida fundamental burilish davri sifatida tarixga kirdi. Uzoq yillar davomida hukmronlik qilgan, tilni faqat ishoralar tizimi, kodlar majmui yoki quruq struktura

sifatida o‘rganuvchi struktural paradigma o‘z o‘rnini inson omiliga asoslangan antroposentrik paradigmaga bo‘shatib berdi. Bugungi kunda til hodisalarini so‘zlovchi shaxsdan, uning ruhiyati, milliy mentaliteti va madaniyatidan ajratgan holda tadqiq etish ilmiy jihatdan o‘zini oqlamay qo‘ydi.

Buyuk nemis faylasufi va tilshunosi Vilgelm fon Gumboldt o‘z davridayoq: “Til – xalq ruhining tashqi ko‘rinishidir; xalqning tili uning ruhi, ruhi esa uning tilidir” [Gumboldt, 1984: 68], – deya ta’kidlagan edi. Ushbu g‘oya bugungi kognitiv tilshunos va lingvokulturologiyaning metodologik asosiga aylandi. Zamonaviy tilshunoslikda til olamni idrok etish, milliy qadriyatlarni saqlash va avloddan avlodga uzatish mexanizmi sifatida baholanmoqda.

Rus tilshunosi Y.N.Karaulov lisoniy shaxsni: “Insonning nutqiy asarlar (matnlar) yaratishi va idrok etishini belgilovchi qobiliyatlari va xususiyatlari majmui bo‘lib, bu matnlar struktur-lisoniy murakkablik darajasi, voqelikni aks ettirish chuqurligi va aniqligi hamda muayyan maqsadga yo‘naltirilganligi bilan farqlanadi”, – deb ta’riflaydi [Karaulov, 1987: 38]. Olim lisoniy shaxs tuzilishini verbal-semantik, kognitiv (tezaus) va pragmatik bosqichlarda ko‘rsatadi. Tadqiqotimiz uchun muhim bo‘lgan kognitiv bosqichda shaxsning olam manzarasi va undagi qadriyatlar ierarxiyasi joylashadi. Pragmatik bosqich nutqiy faoliyatning maqsad va motivlari bilan bog‘lanadi. Darhaqiqat, til egasi bo‘lmish shaxs til tizimining faqat foydalanuvchisi bo‘lib qolmasdan, uning ijodkori va jonli tashuvchisi hamdir.

Lisoniy shaxsning ijtimoiy tabiati pragmalingsvistikada yanada oydinlashadi. Sh.Safarov struktural tilshunoslik “inson faktori”ni “bir xil nutqiy sharoitdagi ideal so‘zlovchi”ga tenglashtirishini qayd etib, quyidagicha xulosa qiladi: “pragmalingsvistik tahlil uchun “ideal til sohibi - so‘zlovchi” tushunchasiga tayanishdan ko‘ra, so‘zlovchining shaxsiy-ijtimoiy tavsifi muhimdir” [Safarov, 2008, 159]. Ayni shu shaxsiy-ijtimoiy tavsif tarkibiga V. Bogdanov ijtimoiy-madaniy statusning belgisi sifatida yashash joyini ham kiritadi [Bogdanov, 1990, 28-29]. Demak, til sohibining hududiy-dialektal mansubligi uning ijtimoiy tavsifining ajralmas qismi va nutqiy xulqiga bevosita ta’sir etuvchi omildir. Aynan shu jihat lisoniy shaxs muammosini dialektologiya bilan tutashtiradi va dialektal lisoniy shaxs tushunchasini asoslaydi.

O‘zbek tilshunosligida ham ushbu yo‘nalish so‘nggi yillarda jadal rivojlandi. Xususan, N.Mahmudov, Sh.Safarov, B.Mengliyev, D.Lutfullayeva va D.Xudoyberganova kabi yetakchi olimlarimiz tadqiqotlarida tilni xalqning madaniy tarixi, ruhiyati va lisoniy shaxs dunyoqarashini o‘zida aks ettiruvchi jonli tizim sifatida baholaganlar. N.Mahmudov tilni shaxs omili bilan bog‘liq holda, mukammal tadqiq etish zaruratini asosladi [Mahmudov, 2017: 175]. Sh.Safarov pragmalingsvistika doirasida inson faktori va muloqot shaxsi masalasini tahlil qilib, “tilshunoslik mavhum va o‘z doirasidan chiqa olmaydigan fan bo‘la olmaydi. Til doimo inson hayoti, uning ijtimoiy faoliyati bilan bog‘liqdir” degan xulosaga keladi [Safarov, 2008: 41]. D.Xudoyberganova esa matnni antroposentrik paradigmada, ya’ni kognitiv-semantik, psixolingsvistik va lingvokulturologik jihatdan tahlil qildi [Xudoyberganova, 2013: 11-36]. Shundan kelib chiqib, Markaziy Osiyo muloqot tizimini o‘rganishda biz, avvalo, tilning grammatik qurilishiga urg‘u bermasdan, undan foydalanuvchi shaxsning kimligiga, uning ijtimoiy-madaniy qiyofasiga e’tibor qaratishimiz lozim. Zero, “til va shaxs” hodisasi bu dialektik birlik bo‘lib, birini ikkinchisiz tasavvur qilib bo‘lmaydi.

Asosiy qism

Markaziy Osiyo, xususan, o‘zbek muloqot madaniyati o‘zining aksiologik tabiati bilan G‘arb kommunikatsiya modellaridan keskin farq qiladi. Agar g‘arb pragmatikasida axborot zichligi va nutqiy tejamkorlik prinsipi ustuvor bo‘lsa, Sharq muloqot madaniyatida odob, andisha

va yuzxotir konseptlari markaziy o‘rinni egallaydi. Amerikalik antropolog Edvard Xoll muloqot madaniyatlarini yuqori va quyi kontekstli turlarga ajratadi. Yuqori kontekstli madaniyatlarda ma’no asosan muloqot vaziyati, ishtirokchilar va ular o‘rtasidagi umumiy bilimga tayanadi, quyi kontekstlilarda esa oshkora verbal kodda ifodalanadi [Xoll, 1976: 316]. Shuni ta’kidlash kerakki, milliy madaniyatlarni qat’iy “yuqori/quyi kontekstli” deb tasniflashni Xollning o‘zi amalga oshirmagan. Bunday tasniflar keyingi tadqiqotchilar tomonidan uning konsepsiyasiga qo‘shilgan va ilmiy jihatdan bahsli hisoblanadi [Kittler, Rygl, Mackinnon, 2011: 63-82]. Bu shuni anglatadiki, bizning mintaqaviy muloqot tizimimizda verbal axborotdan ko‘ra kommunikativ vaziyat, sukunat va eng muhimi so‘zlovchi shaxsning ijtimoiy maqomi hal qiluvchi ahamiyat kasb etadi. Xollning ta’kidlashicha, yuqori kontekstli jamiyatda shaxsning o‘zligi oila, do‘stlar va kengroq jamoadan ajralgan holda tasavvur etilmaydi [Xoll, 1976: 203]. Bu mintaqada aytilgan so‘zning ma’nosi vaziyat, so‘zlovchi va tinglovchining yoshi, ijtimoiy maqomi hamda ular o‘rtasidagi munosabat bilan belgilanadi. Bu holat “til va shaxs mushtarakligi” prinsipi bilan bevosita hamohangdir.

Turkiy xalqlarning aksiologik qarashlarida til va nutq madaniyati inson aql-zakovatining bosh mezoni sifatida baholangan. Qomusiy olimlarimizdan bo‘lgan Yusuf Xos Hojib o‘zining “Qutadg‘u bilig” asarida til va shaxs o‘rtasidagi uzviy bog‘liqlikni shunday badiiy ifodalaydi:

Uqush ko‘rki til ol, bu til ko‘rki so‘z,

Kishi ko‘rki yuz ol, bu yuz ko‘rki ko‘z [Yusuf Hos Hojib, 1971: 124].

Mazkur baytdagi “Uqush ko‘rki til” jumlasini shuni ko‘rsatadiki, qadimgi turkiy dunyoqarashda insonning ichki dunyosi faqat uning tili orqali tashqi olamga namoyon bo‘ladi. Agar til aqlning ko‘zgusi bo‘lsa, so‘z o‘sha ko‘zgudagi tasvirdir. Demak, til shaxsning ijtimoiy va ma’naviy qiyofasini belgilovchi birlamchi identifikator sanaladi. Sharqona muloqotda so‘zlovchiga beriladigan baho aynan nutqiy odobiga qarab belgilanishi ham shundan kelib chiqadi.

“Til va shaxs mushtarakligi” prinsipining mohiyati shundaki, shaxs tilni yaratadi va jonlantiradi, til esa, o‘z navbatida, shaxsning mentalitetini, dunyoqarashini shakllantiradi. Barchaga ma’lumki, adabiy til ma’lum ma’noda ishlov berilgan, barcha uchun tushunarli shaklga keltirilgan va sayqallashtirilgan til hisoblanadi. Sheva xalqning o‘zligini anglashdagi eng muhim vosita bo‘lib, unda millatning haqiqiy ijtimoiy-psixologik qiyofasi o‘z ifodasini topadi. U rasmiylikdan xoli, tabiiy va samimiy muhitda shakllanganligi bois xalqning o‘tmishi, urf-odatlarini va qadriyatlar tizimini o‘zida jamlagan ma’naviy arxiv vazifasini o‘taydi.

Afsuski, bugungi globallashuv jarayonida dialektal xususiyatlar yo‘qolib borayotgani, “ommaviy madaniyat” ta’sirida tilning shaxslashtiruvchi funksiyasi zaiflashayotgani kuzatilmoqda. Shu bois Markaziy Osiyo xalqlarining qadimiy qo‘lyozmalaridan tortib, bugungi jonli shevalarigacha bo‘lgan manbalarda inson omilining qanday aks etganini o‘rganish dolzarb ahamiyat kasb etadi.

Jahon tilshunosligida e’tirof etilganidek, har qanday lisoniy shaxs muayyan makon va zamonda yashaydi. Uning nutqida faol qo‘llanuvchi leksemalar axborot tashuvchi belgilar bo‘lishi bilan birga so‘zlovchining kelib chiqishi, ijtimoiy qatlami va dunyoqarashini ko‘rsatuvchi muhim identifikasion kod vazifasini o‘taydi. Markaziy Osiyo, xususan, o‘zbek muloqot madaniyatida ushbu xususiyat yaqqol ko‘zga tashlanadi. Biz olib borgan kuzatishlar shuni ko‘rsatadiki, o‘zbek shevalaridagi qarindoshlik nomlari etnosning ichki iyerarxiyasi va oilaviy qadriyatlarini mustahkamligini ta’minlovchi birlamchi vosita sanaladi. Xususan, “O‘zbek xalq shevalari lug‘ati” va qator dialektologik manbalarda qayd etilganidek, adabiy tildagi umumiy “aka” murojaati o‘rniga turli hududlarda “og‘a”, “biy”, “ko‘ka” “akcha”, qozoqlarda *ağa, köke*, qirg‘izlarda *bayke, ake, eje* kabi birliklarning ishlatilishi so‘zlovchi shaxsning etnografik ildizlarini namoyon etadi.

Bu o‘rinda olimlarimiz ta’kidlagan hududiy leksikaning konnotativ xususiyatlari namoyon bo‘ladi. Masalan, oddiygina “yolg‘onchi” konseptini ifodalashda adabiy til normasidan chekinib, qipchoq lahjasiga xos *o‘tirikchi* so‘zining qo‘llanilishi dialektal farqlanishdan tashqari, o‘sha hudud vakillarining salbiy sifatga bo‘lgan emotsional munosabatining bo‘yoqdorligini ham anglatadi. Demak, *o‘tirikchi* leksemasi dialektal lisoniy shaxsning o‘zgaga bergan bahosi va ayni paytda o‘zining hududiy mansubligini oshkor etuvchi o‘ziga xos identifikator vazifasini bajaradi.

Shuningdek, shevalardagi buyruq va da’vat shakllari ham etnolingvistik xarakterga ega. Xususan, bola tarbiyasi yoki jamoat joyidagi tartibni saqlashda qo‘llanuvchi adabiy tildagi *jim o‘tir* birikmasi o‘rniga janubiy viloyatlar va qipchoq shevalarida *jo‘n o‘tir* iborasi faol qo‘llanadi. Bu yerdagi *jo‘n* so‘zi semantik jihatdan “to‘g‘ri”, “odob bilan”, “tek” ma’nolarini yuklab, bola (tinglovchi) ongida sukunat saqlash talabi bilan yonma-yon, odob me’yorlariga rioya qilish ko‘nikmasini ham shakllantiradi. Bu til va shaxs xulq-atvori o‘rtasidagi uzviy bog‘liqlikning dalilidir.

Antropotsentrik tilshunoslikda til birliklarini baholash nuqtayi nazaridan o‘rganish muhim ahamiyat kasb etadi. Markaziy Osiyo xalqlari mentalitetida “kattaga hurmat”, “kichikka izzat”, “andisha” va “yuz xotir” kabi qadriyatlar kommunikativ jarayonning o‘zagini tashkil etadi.

Birinchidan, g‘arb tillaridan farqli o‘laroq, o‘zbek etnomadaniyatiga xos “ism aytishga qo‘yilgan taqiq” (tabu) hodisasini alohida ta’kidlash joiz. Milliy qadriyatlarimizga ko‘ra, yangi tushgan kelinning qaynota, qaynona, hatto turmush o‘rtog‘ining uka va singillari ismini aytishi odobsizlik sanaladi. Natijada, dialektal lisoniy shaxs (kelin) o‘z nutqida evfemistik laqablardan foydalanishga majbur bo‘ladi. Masalan, kelin turmush o‘rtog‘ining ukasiga nisbatan *bolacha*, *polvon*, singlisiga esa *qizcha*, *erkatoy* kabi murojaat shakllarining qo‘llanilishi shunchaki so‘z o‘yini emas. Bu “til va shaxs mushtarakligi”ning namunasi bo‘lib, unda kelinning yangi oilaga bo‘lgan ehtiromi, andishasi va oilaviy iyerarxiyadagi o‘z o‘rnini anglashi aks etadi. Bunday adaptatsiya jarayonida til vositalari shaxsning xulq-atvorini boshqaruvchi asosiy mexanizm vazifasini bajaradi.

Ikkinchidan, xalq paremiyalari millatning asriy tajribasidan o‘tgan aksiologik qoliplardir. Tilning shaxs taqdiridagi roli haqida so‘z borganda, “O‘ynab gapirsang ham, o‘ylab gapir” maqoli muhim ahamiyatga ega. Ushbu paremiya lisoniy shaxsdan to‘g‘ri so‘zlashni, qolaversa, har bir so‘zning oqibati uchun javobgarlikni talab qiladi. Bu yerda “o‘ylab” so‘zi kognitiv faoliyatni, “gapir” so‘zi esa kommunikativ harakatni anglatadi. Shu boisdan, o‘zbek muloqot madaniyatida “so‘z – bu amal” tamoyili ustuvordir.

Xulosa

Umuman olganda, dialektal diskursdagi *og‘a*, *inim* kabi murojaat shakllari yoki *jo‘n o‘tir* kabi imperativ birliklar oddiy lug‘aviy hodisa doirasidan chiqib, avloddan avlodga o‘tib kelayotgan, jamiyat a’zolarining o‘zaro munosabatlarini tartibga soluvchi va shaxsning ma’naviy qiyofasini shakllantiruvchi etnomadaniy kodlar hisoblanadi.

Markaziy Osiyo muloqot madaniyatida “til va shaxs mushtarakligi” prinsipi muammosi yuzasidan olib borilgan etnolingvistik va aksiologik tahlillar shundan dalolat beradiki, mintaqaviy muloqot jarayonida til axborot almashish vositasi vazifasi bilan cheklanib qolmaydi. U jamiyat a’zolarining ijtimoiy maqomini belgilovchi, qarindoshlik rishtalarini mustahkamlovchi va odob me’yorlarini tartibga soluvchi sotsiomadaniy mexanizmdir. Tadqiq etilgan dialektal birliklar, murojaat shakllari, evfemizmlar va paremiyalar misolida ko‘rinib turibdiki, o‘zbek tilida so‘zlovchining “lisoniy shaxsi” uning verbal axborotidan ko‘ra muhimroq ahamiyat kasb etadi.

Globallashuv jarayonida adabiy til ma'lum o'zgarishlarga uchrashi tabiiy, ammo dialektal diskurs milliy mentalitetning eng sof va o'zgarmas ko'rinishlari muhrlangan asliyatni saqlovchi makon vazifasini o'tamoqda. Xususan, shevalardagi “og'a”, “biy”, “ko'ka” “akcha” kabi etnografizmlar yoki kelinlar nutqidagi “bolacha”, “qizcha” kabi evfemistik laqablar orqali xalqning asriy qadriyatlari bo'lgan kattaga hurmat, andisha va oilaviy iyerarxiya saqlanib qolmoqda. Bu jarayon shevalarni nafaqat lingvistik, balki etnopsixologik manba sifatida o'rganish, til birliklarini “yaxshi-yomon”, “hurmat-behurmat”, “o'z-o'zga” kabi aksiologik mezonlar asosida tadqiq etish millat ruhiyatini chuqurroq anglash imkonini berishini tasdiqlaydi.

Ushbu tadqiqot natijalari zamonaviy turkiyshunoslikda dialektologik izlanishlar doirasini kengaytirish, ularni etnografiya, psixologiya va madaniyatshunoslik fanlari bilan integratsiya qilish davr talabi ekanligini ko'rsatmoqda. Pirovardida ta'kidlash joizki, til bu xalqning ruhi, uning o'tmishi va kelajagini bog'lovchi ko'prikdir. Zero, har bir sheva vakili, har bir so'zlovchi shaxs umummilliy lisoniy madaniyatning jonli tashuvchisi va faol subyekti hisoblanadi. Shu bois til va shaxs mushtarakligini tadqiq etish mohiyatan, milliy o'zlikni anglash va tarixiy ildizlarimizni chuqur ilmiy idrok etish vazifasini oldimizga qo'yadi.

Iqtiboslar/ References/ Kaynaklar/ Сноски:

1. Богданов В. В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1990. – 88 с.
2. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – Москва: Прогресс, 1984. – 68 с.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – Москва: Наука, 1987. – 264 с
4. Махмудов Н. Тилнинг мукамал тадқиқи йўллари излаб... // Ўзбек тили ва адабиёти. – Тошкент, 2012. - № 5. – Б. 3-16.
5. Махмуд Қошғарий. Девону луғотит турк. I жилд. – Тошкент: Фан, 1960. – 498 б.
6. Сафаров Ш. Прагмалингвистика. – Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2008. – 318 б.
7. Hall E.T. Beyond Culture. – New York: Anchor Books, 1976. P. – 316 .
8. Худойберганаева Д. Матнинг антропоцентрик тадқиқи. – Тошкент: Фан, 2013. – 136 б.
9. Yusuf Xos Hojib. Qutadg'u bilig: (“Saodatda eltuvchi bilim”). – Cho'lpon nomidagi nashriyot-matbaa ijodiy uyi, 2007. – 200 b.
10. Kittler M.G., Rygl D., Mackinnon A. Beyond culture or beyond control? Reviewing the use of Hall's high-/low-context concept // International Journal of Cross-Cultural Management. - 2011. – Vol. 11, № 1. – P. 63-82.

NEKROTOPONIMLAR VA NEKRONIMIK TIZIMINING LINGVOMADANIY XUSUSIYATLARI HAQIDA (FORISH TUMANI MISOLIDA)

XAKIMOV Koshkar Maxkamovich,

A.Qodiriy nomidagi Jizzax davlat pedagogika universiteti
Geografiya va tabiiy resurslar kafedrası dotsenti
geografiya fanlari nomzodi (Jizzax, O‘zbekiston)

 E-mail: kxakimov1954@mail.ru

 ORCID: [0000-0003-0154-9284](https://orcid.org/0000-0003-0154-9284)

SHOKIROV Raxmatulla Shavkat o‘g‘li,

Sh.Rashidov nomidagi Samarqand davlat uiversiteti huzuridagi
Turkologiya ilmiy-tadqiqot instituti katta ilmiy xodimi,
(Samarqand, O‘zbekiston)

 E-mail: rahmatulla.com@mail.ru

 ORCID: [0009-0003-7936-3102](https://orcid.org/0009-0003-7936-3102)

 DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.22083773>

Annotatsiya

Mazkur maqolada nekronimlar va ular negizida shakllangan nekrotoponimlarning lisoniy tabiati, vujudga kelish omillari hamda lingvomadaniy xususiyatlari Jizzax viloyati Forish tumani onomastik merosi sifatida atroflicha o‘rganilgan. Tadqiqotda nomshunoslikdagi “nekronim” va “nekrotoponim” tushunchalarining chegarasi nazariy jihatdan aniqlanib, shaxs nomi va sakral dafn obidalarining metonimiya orqali oykonim, oronim hamda gidronimlarga ko‘chish (toponimik konversiya) qonuniyatlari ilmiy asoslangan. Maqolada Forish hududidagi ziyoratgoh va qadamjolar nomlarining leksik-semantik tarkibi, ulardagi diniy-ijtimoiy indikatorlar (ota, eshon, xo‘ja, avliyo, abdal) hamda ularning shakllanish modellari tahlil qilingan. Shuningdek, xalq og‘zaki xotirasidagi rivoyatlar, yozma vaqfnomalar, epigrafik bitiklar, XIX asr sayohatnomalari hamda etnografik ma’lumotlar bilan qiyosiy-tanqidiy jihatdan tekshirilgan. Natijalarda, asosan, Forish nekronimik qatlamida islomiy-tasavvufiy va islomgacha bo‘lgan dunyoqarash sintezidan hosil bo‘lgan o‘ziga xos lisoniy xotira fenomeni yetakchi o‘rin egalashini ko‘rsatadi. Ushbu tadqiqot o‘zbek toponimikasining kam o‘rganilgan qatlamlarini tizimlashtirish, hududiy nomlarning etimologiyasini aniqlash hamda mintaqaning tarixiy-madaniy merosini lingvistik jihatdan rekonstruksiya qilishda muhim nazariy va amaliy ahamiyat kasb etadi.

Kalit so‘zlar: *onomastika, toponimika, nekronim, nekrotoponim, toponimik konversiya, lingvomadaniyat, lisoniy xotira, indikator, Forish tumani, etimologiya.*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕКРОТОПОНИМОВ И НЕКРОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (НА ПРИМЕРЕ ФАРИШСКОГО РАЙОНА)

ХАКИМОВ Кошкар Махкамovich,

доцент кафедры географии и природных ресурсов
Джизакского государственного педагогического университета
имени Абдуллы Кадыри, кандидат географических наук
(Джизак, Узбекистан)

ШОКИРОВ Рахматулла Шавкат угли,

старший научный сотрудник Научно-исследовательского института тюркологии
при Самаркандском государственном университете
имени Шарофа Рашидова (Самарканд, Узбекистан)

Аннотация

В статье на материале ономастического наследия Фаришского района Джизакской области комплексно исследуются языковая природа, факторы формирования и лингвокультурологические особенности некронимов и образованных на их основе некротопонимов. В работе теоретически разграничиваются понятия “некроним” и “некротопоним”, а также рассматриваются закономерности метонимического перехода названий сакральных погребальных объектов в названия ойконимов, оронимов и гидронимов (топонимическая конверсия). Анализируется лексико-семантический состав названий святынь и мест паломничества Фаришского района, их религиозно-социальные индикаторы (ата, ишан, ходжа, авлия, абдал), а также основные модели их формирования. Устные народные предания и легенды сопоставляются с письменными вакуфными грамотами, эпиграфическими надписями, путевыми заметками XIX века и этнографическими материалами. В результате исследования установлено, что некронимический пласт Фаришского района представляет собой своеобразный феномен языковой памяти, сформировавшийся в результате взаимодействия исламско-суфийских и доисламских представлений. Полученные результаты имеют теоретическое и практическое значение для систематизации малоизученных пластов узбекской топонимики, уточнения этимологии региональных наименований и лингвистической реконструкции историко-культурного наследия региона.

Ключевые слова: *ономастика, топонимика, некроним, некротопоним, топонимическая конверсия, лингвокультурология, языковая память, индикатор, Фаришский район, этимология.*

LINGUOCULTURAL CHARACTERISTICS OF NECROTOPONYMS AND THE NECRONYMIC SYSTEM (A CASE STUDY OF THE FARISH DISTRICT)

KHAKIMOV Koshkar,

Associate Professor of the Department of Geography and
Natural Resources, Jizzakh State Pedagogical University
named after Abdulla Qodiriy, Candidate of Geographical Sciences
(Jizzakh, Uzbekistan)

SHOKIROV Rakhmatulla,

Researcher at the Institute of Turkic Studies under
Samarkand State University named after Sharof Rashidov
(Samarkand, Uzbekistan)

Abstract

This article provides a comprehensive linguistic, derivational, and linguacultural analysis of necronyms and necrotoponyms based on the onomastic heritage of the Farish district in the Jizzakh region. The study theoretically differentiates between the concepts of “necronym” and “necrotoponym” scientifically validating the mechanisms of toponymic conversion whereby sacred memorial sites metonymically transform into oykonyms, oronyms, and hydronyms. The research examines the lexical-semantic structure of pilgrimage site names in Farish, analyzing their socio-religious indicators (ata, eshon, khoja, avliyo, abdal) and structural naming patterns.

Local oral narratives and legends are critically verified through historical waqf documents, epigraphic inscriptions, 19th-century travelogues, and ethnographic data. The findings reveal that the necronymic layer of Farish functions as a distinctive linguistic memory phenomenon shaped by the synthesis of pre-Islamic beliefs and Islamic-Sufi traditions. This study holds substantial theoretical and practical value for systematizing understudied layers of Uzbek toponymy, establishing the etymology of regional geographic names, and linguistically reconstructing the historical and cultural landscape of Central Asia.

Key words: *onomastics, toponymy, necronym, necrotoponym, toponymic conversion, linguaculture, linguistic memory, indicator, Farish district, etymology.*

Kirish

Jahon tilshunosligida onomastika va toponimikaga qiziqishning ortishi joy nomlarini nafaqat geografik obyektlarni farqlovchi vosita, balki xalqning tarixi, etnik tarkibi, diniy dunyoqarashi va “lisoniy xotirasi”ni aks ettiruvchi murakkab lingvomadaniy birlik sifatida tadqiq etish tamoyili bilan belgilanadi. Ayniqsa, turli tillar, etnoslar va sivilizatsiyalar tutashgan Markaziy Osiyo hududida toponimlarning tarixiy-etimologik, areal va kognitiv tahlili ijtimoiy-madaniy taraqqiyotni tiklashda birlamchi manba vazifasini o‘taydi. Istiqlol yillaridan boshlab o‘zbek tilshunosligida ham milliy toponimik tizimni tizimli o‘rganish, uning leksik-semantik qatlamlari hamda nisbatan kam tadqiq etilgan mikrotizimlari, xususan, nekrotoponimlarga bo‘lgan ilmiy e’tibor sezilarli darajada kuchaydi.

Toponimik birliklar tarkibida shaxs nomi bilan bog‘liq antropotoponimlar, aholi yashash joylariga oid oykonimlar, suv obyektlarini ifodalovchi gidronimlar, relyef shakllarini anglatuvchi oronimlar, muqaddas obyektlar bilan bog‘liq agiotoponimlar kabi bir qator turlari mavjud. Ularning har biri muayyan nomlash motivi, tarixiy sharoit va ijtimoiy-madaniy ehtiyoj asosida yuzaga kelgan. Shular orasida dafn marosimi, qabriston, ziyoratgoh, mozar va qabrlar bilan bog‘liq nomlar alohida o‘rin tutadi. Nomshunoslik terminologiyasida bu qatlamni ifodalash uchun “nekronim” va “nekrotoponim” terminlari qo‘llanadi.

Nekronim tushunchasi ma’no jihatidan o‘lim, dafn, qabr, xotira va nekropol voqeligi bilan aloqador bo‘lgan nomlarni qamrab oladi. Nekrotoponim esa bevosita yoki bilvosita dafn va nekropol obyektlari bilan bog‘liq geografik nomlar uchun qo‘llanadi. Toponimik terminologiyada mazkur chegarani aniq belgilash muhim, chunki har qanday qabr yoki qabriston nomi avtomatik tarzda geografik obyektning nomi bo‘lavermaydi. Nekrotoponim tushunchasi, avvalo, muayyan makon bilan geografik jihatdan bog‘langan va geografik nom sifatida amal qiluvchi birliklarni anglatadi (Маѝоров М.В., 2009).

Markaziy Osiyoda azaldan mozar va qadamjolar faqat diniy ziyorat maskani bo‘libgina qolmay, jamiyatning ma’naviy hayoti, ijtimoiy aloqalari va avlodlar xotirasi mujassamlashgan muqaddas makon vazifasini o‘tagan (Uxukbayeva va boshq., 2025: 118; Sugawara, 2016: 12–15).

Ushbu hududlardagi qadamjolarida islomiy va undan oldingi davrlarga oid e’tiqodiy qatlamlar o‘zaro uyg‘unlashgan (UNESCO, 2009). Mintaqada diniy madaniyatning asrlar davomida qaror topishi natijasida eshon, xo‘ja, sayyid, avliyo, pir, bobo, ato, ota, oxun, maxsum kabi indikatorlar shaxs nomidan geografik obyekt nomiga ko‘chishning zanjirli mexanizmini (shaxs nomi → mozar – nekronim → ziyoratgoh → geografik obyekt – nekrotoponim) shakllantirgan (Yusupov, 2023: 47-49). Biroq bu nomlarning barchasini faqat diniy omil bilan izohlab bo‘lmaydi, ularda ajdodlar kulti, urug‘-qabila munosabatlari va tabiiy relyef belgilari ham ishtirok etganligi sababli xalq etimologiyasini yozma manbalar, arxiv hujjatlari va til faktlari bilan

qiyoslash zarur.

O‘zbek tilshunosligida nekrotoponimlar bo‘yicha ilmiy izlanishlar olib borilayotgan bo‘lsa-da, ularni umumiy toponimik tizim doirasida yaxlit, areal va qiyosiy o‘rganish ehtiyoji hamon saqlanib qolmoqda. Xususan, Jizzax viloyati Forish tumani misolida ayrim tarixiy-etnografik ma’lumotlar mavjud bo‘lsa-da, hudud nekronimlari, ularning leksik tarkibi, nomlanish motivlari, diniy-antroponimik komponentlari va geografik obyekt nomiga aylanish qonuniyatlari maxsus lingvistik tadqiqot predmetiga to‘liq aylantirilmagan. Nekronimlarning semantikasi muayyan tarixiy shaxs faoliyati, uning ijtimoiy maqomi va ziyoratgohning shakllanish tarixi bilan uzviy bog‘liq bo‘lgani bois lingvistik tahlil tarixiy, etnografik, epigrafik va geografik dalillar bilan sintez qilinishi shart.

Mazkur tadqiqotning asosiy maqsadi Forish tumani nekronimlari va ular bilan bog‘liq nekrotoponimlarning shakllanish manbalari, leksik-semantik va strukturaviy modellarini aniqlash, diniy-antroponimik komponentlarning vazifasini ochib berish hamda ularning zamirida yotgan tarixiy-xalqona ma’lumotlarni lingvistik manbalar bilan qiyosiy tahlil qilishdan iborat. Bu jarayonda etimologik, qiyosiy, lingvomadaniy, semantik va areal tahlil metodlaridan kompleks foydalaniladi. Bunday aniq hudud doirasida ilmiy izlanishlarning ahamiyati nekrotoponimlarning mintaqaviy xususiyatlarini umumo‘zbek nomshunosligi qonuniyatlari bilan qiyoslash, hududning tarixiy-ijtimoiy va lisoniy xotirasini rekonstruksiya qilish hamda o‘zbek toponimikasida ushbu qatlamning o‘rnini aniqlashga xizmat qilishi bilan belgilanadi.

Tadqiqot metodologiyasi va tahlil usullari

Forish tumani nekronim va nekrotoponimlarining lisoniy tabiatini, semantik qatlamlarini hamda shakllanish qonuniyatlarini har tomonlama ochib berish maqsadida quyidagi usullar majmuasi qo‘llanildi:

- Tarixiy-etimologik tahlil usuli. Nekronimlarning kelib chiqish o‘zagi, ularning tarkibidagi arxaik va leksik-semantik qatlamlarni aniqlash hamda so‘zlarning ibtidoiy shaklini tiklash uchun qo‘llanildi.

- Lisoniy-komponent tahlil usuli. Nekrotoponimlar tarkibidagi formativ komponentlar (ota, bobo, eshon, xo‘ja, sayyid, avliyo kabi) va ularning morfologik, sintaktik birikish modellarini ajratishda foydalanildi.

- Lingvomadaniy va etnolingvistik tahlil. Toponimlarni muayyan xalqning diniy-e’tiqodiy qarashlari, mentaliteti, ajdodlar xotirasi va madaniy qadriyatlari bilan uzviy bog‘liqlikda o‘rganishga xizmat qildi.

- Struktur-derivatsion modellash. Nekronimlarning oddiy dafn obyekti nomidan toponimik tizimga o‘tish (nekrotoponimlashuv) jarayonini tizimli sxemalar asosida tushuntirish imkonini berdi.

- Qiyosiy-areal tahlil usuli. Forish tumani nekronimlarining umumturkiy va umumo‘zbek toponimiyasiga xos mushtarak jihatlari hamda tog‘li va tog‘oldi hududga xos bo‘lgan mahalliy-farqlovchi belgilari qiyoslab baholandi.

- Qiyosiy-tanqidiy tekshirish usuli. Og‘zaki toponimik afsonalar (xalq etimologiyasi) bilan yozma manbalar va til qonuniyatlariga asoslangan ilmiy etimologiya o‘zaro solishtirilib, xulosalarning ilmiy xolisligi ta’minlandi.

Tahliliy tadqiqot bosqichlari haqida so‘z borganda, to‘plangan empirik material quyidagi uch bosqichli tadqiqot tartibi asosida tizimlashtirildi:

1. Lisoniy materiallarni yig‘ish va qayd etish.
2. Leksik-semantik, etimologik va grammatik tahlil.

3. Lingvomadaniy sharhlash va hududiy xaritalashtirish.

Ushbu metodologik asos Forish tumani nekrotoponimlarining shakllanish mexanizmlari, diniy-ijtimoiy ko‘rsatkichlarning vazifalari hamda nomlarning makoniy o‘rnashish qonuniyatlarini xolis va chuqur tahlil qilishga asos bo‘lib xizmat qiladi.

Muhokama va natijalar

Forish tumani o‘zining toponimik landshaftining murakkab tuzilishi, ko‘p asrlik tarixiy-madaniy qatlamlari hamda boy ma‘naviy merosi bilan O‘zbekiston toponimik maydonida alohida ajralib turadi. Tuman hududida qadimiy davrlardan buyon vujudga kelgan ko‘plab ziyoratgohlar, mozorlar, qadamjolar, qabristonlar va sag‘analar mavjud bo‘lib, aynan mana shu sakral obyektlar negizida o‘ziga xos boy nekronimik va nekrotoponimik tizim shakllangan. Ushbu maskanlar faqatgina dafn marosimlari o‘tkaziladigan yoki diniy ehtirom ko‘rsatiladigan hududlar bo‘lib qolmasdan, balki lisoniy jihatdan faol nominativ maydon vazifasini o‘tagan holda, keyinchalik keng ko‘lamli geotoponimik birliklar – oykonimlar, oronimlar va gidronimlarning yuzaga kelishiga asosiy lisoniy manba bo‘lib xizmat qilgan.

Forish tumani va Nurota tizmasining shimoliy yonbag‘irlari ko‘p qatlamli etnomadaniy hamda lisoniy aloqalar (turkiy va sharqiy eroniy substrat) kesishgan o‘ziga xos toponimik arealdan iboratdir. Mintaqada joylashgan qabristonlar, mozorlar, avliyo qadamjolari va ular asosida shakllangan mikro hamda makrotoponimlar uzoq tarixiy taraqqiyot mahsulidir. Binobarin, tuman hududning sakral geografyasi va etnomadaniy manzarasini o‘rganishda tarixiy-etnografik dala tadqiqotlari muhim empirik qimmatga ega. Xususan, sharqshunos va etnograf A.I. Shevyakovning Nurota tog‘ tizmasi hamda unga tutash mintaqalar bo‘yicha olib borgan dala izlanishlarida Forish, Baxmal, G‘allaorol, Jizzax shahri atroflari hamda Nurota tumanigacha bo‘lgan keng hududdagi bir qator mozorlar, qabristonlar va ziyoratgohlar tahlil qilingan (Shevyakov, 2000: 22–24).

Tadqiqotchi ushbu obyektlarning makoniy joylashuvi, mahalliy aholining diniy-e‘tiqodiy tasavvurlarida qabul qilinishi, an‘anaviy ziyorat marosimlari, shuningdek, joy nomlarining kelib chiqishi bilan bog‘liq xalqona etimologik talqinlar va afsonalarni keng qamrovda qayd etgan. Ayniqsa, Forish tumani hududiga bevosita daxldor bo‘lgan empirik materiallarda Qoraabdal avliyo, Hasan ota, Najmiddin ota, Tepa ato, Shibliy ato, Tus ota kabi o‘nlab sakral obyektlar xususida to‘plangan faktologik ma‘lumotlar diqqatga sazovordir. Garchi ushbu qaydlar dastlab etnografik maqsadlarda yozib olingan bo‘lsa-da, ular Forish tumanidagi nekronim va nekrotoponimlarning lisoniy genezisini, ichki semantik tuzilishini, derivatsion xususiyatlarini hamda ularning xalq ongida qanday shakllanganligini ilmiy-lingvistik jihatdan tahlil qilish uchun qimmatli lingvomadaniy manba vazifasini bajaradi.

A.I. Shevyakov tomonidan olib borilgan tarixiy-etnografik dala tadqiqotlarida Nurota tog‘ tizmasi hamda unga yondosh hududlar (Jizzax, G‘allaorol, Baxmal, Forish va Nurota)dagi ko‘plab ziyoratgohlar, qabr-mozorlar va ularning kelib chiqishiga doir xalqona talqinlar (folk-etimologiya) qayd qilingan. Nomshunoslik nuqtayi nazaridan yondashilganda, ushbu dala qaydlari nekronimlarning xalq nutqidagi variantiv shakllanishi, nominativ motivatsiyasi va sakral maydonlarini o‘rganishda birlamchi empirik asos bo‘lib xizmat qiladi. Biroq toponimik qonuniyatlar talablari nuqtayi nazaridan, ushbu og‘zaki mifopoetik qatlamlarni yozma manbalar, vaqf hujjatlari, epigrafik bitiklar hamda qat‘iy lisoniy qonuniyatlar vositasida verifikatsiya qilish zarurati mavjud.

Toponimika fanida antroponekronim tushunchasi shaxs nomlari (antroponimlar) asosida shakllangan, biroq semantik jihatdan bevosita vafot etgan shaxsning xotirasi, qabri, sag‘anasi yoki unga atab bunyod etilgan ziyoratgohlar (nekropollar)ni ifodalovchi maxsus lisoniy birliklar

turkumini anglatadi. Oddiy antroponimlardan farqli ravishda, antroponekronimlarda shaxsning xususiy ismi sof lisoniy yorliq (identifikator) vazifasini o‘tashdan tashqari, ijtimoiy-sakral semantika bilan boyiydi. Ushbu nominatsion jarayonda marhumning jamiyatdagi ijtimoiy nufuzi, nasab-shajarasi, ma’naviy-diniy maqomi hamda xalq xotirasidagi timsoli markaziy omil bo‘lib xizmat qiladi. Natijada lisoniy birlik quyidagi derivatsion bosqichlar orqali barqarorlashadi: shaxs ismi (antroponim – dafn maskani – mozor – antroponekronim – geografik obyekt nomi – antroponekrotoponim)

Forish tumani toponimik tizimida uchraydigan antroponekronimlar tarkibida tarixiy shaxslar, pirlar, tasavvuf namoyandalari, shayxlar, islomiy unvonlar hamda qadimiy ajdodlar kultini ifodalovchi formativ ko‘rsatkichlar (ota, xo‘ja, avliyo, ato, g‘ozi, bibi, eshon, maxsum) yetakchi o‘rin tutadi. Mazkur formativ indikatorlar oddiy qo‘shimcha leksik elementlar bo‘lmay, ular nomga sakral-funksional tus beruvchi, ziyorat obyektining iyerarxik maqomini belgilovchi va nomning keyinchalik toponimlashuvini (geografik obyektga ko‘chishini) ta’minlovchi asosiy motivatsion ko‘rsatkichlar hisoblanadi.

Nurota tog‘ tizmasi shimoliy yonbag‘irlaridagi nekronimik tizimning qadimiyligi va barqarorligini XIX asrning ikkinchi yarmiga oid yozma sayohatnomalar ham to‘la tasdiqlaydi. Xususan, 1872-yilgi ekspeditsiya materiallarida rus tadqiqotchisi A.P. Xoroshxin Nurota tizmasi shimoliy etagi bo‘ylab cho‘zilgan qator oronimik birliklarning aynan avliyolar qabrlari (nekronimlar) asosida shakllanganini qayd etib, shunday yozgan: “... Nurota tizmasi shimoli-g‘arbiy yo‘nalishi bo‘ylab o‘z daralaridagi qishloqlar, chashmalar va hattoki tog‘lar ham avliyolar qabrlari nomi bilan ataladi. Masalan, Nurek-tau - Nurak tog‘i, Sivar-ata-tau - Safar ota tog‘i), Bogdan-ata-tau - Bog‘don ota tog‘i, Kulfzor-ata - Qulpisar ota cho‘qqisi va boshqalar” (Хорошхин, 1876: 403).

Bundan tashqari Xoroshxin mazkur hududdagi Uchma, Safarota, Balamon, Porasht, Arsaf, Mojarm, Sintab, Ej, Avliyo kabi aholi maskanlarining nomlanishida ham, sakral obyektlar va xo‘jalar tabaqasining o‘troqlashuvi muhim omil bo‘lganini ta’kidlaydi. Bu esa Forish tumanidagi nekrotoponimlarning kamida so‘nggi 150 yildan ortiq davr mobaynida barqaror lisoniy va toponimik model sifatida amal qilib kelayotganining birlamchi hujjatli isbotidir.

Quyida Forish tumani hududida joylashgan ayrim antroponekronimlarni alohida tahlil qilish va ularning lisoniy-semantik xususiyatlarini atroflicha o‘rganish maqsadga muvofiq deb topildi:

Bolamon / Balamon ota nekrotoponimi. Mazkur toponimik birlik xalq jonli nutqi hamda dialektal qatlamda Bolamon, Bolomon, Balamon fonetik variantlarida qo‘llanadi. O‘zbekiston Respublikasi Kadastr agentligining davlat geografik obyektlari reyestrtdagi rasmiy me‘yoriy shakli sifatida “Bolamon” qayd etilgan. Etnograf olim A.I. Shevyakov tadqiqotlarida esa, ushbu maskan ziyoratgoh maqomidan kelib chiqib, “Balaban ota” shaklida tilga olingan. Ayrim soha mutaxassislari nom asosidagi bola elementini oronimik termin bel (“tog‘ oshuvi”, “qir tili”) hamda -mon qismini tomon so‘zining qisqargan shakli deb hisoblab, uni “Bel tomon” -“Belomon” - “Bolamon” fonetik transformatsiyasi (oshuv tomonidagi qishloq) sifatida talqin qilganlar.

Shu bilan birga, tarixiy-etimologik jihatdan mazkur toponim negizida umumturkiy balaban (balobon /balapan /bulamon) leksemasining yotishi ehtimoli ham ilmiy asosga ega. Mazkur so‘z tarixiy manbalarda qadimiy ornitonimik qatlamga mansub ekanligi ko‘rsatilgan bo‘lib, yirik yirtqich qush (lochin/qirg‘iy turi – Falco cherrug) hamda qipchoq lahjalarida “polapon” ma’nolarini berishi qayd etilgan (Севортян, 1978: 49–51). V.V. Radlov o‘zining fundamental lug‘atida mazkur so‘zning uchta asosiy semantik qatlamini ko‘rsatadi: birinchidan, ornitonimik

birlik sifatida yirtqich qush turi (“родъ хищныхъ птицъ”); ikkinchidan, metaforik sifatlashuv natijasida “katta boshli, ulkan, yo‘g‘on, bahaybat” (“съ громадной головой, большой, толстый”); uchinchidan, musiqiy organonim sifatida “katta nog‘ora” (“большой барабанъ”) ma‘nolarini ifodalaydi (Радлов, 1911: 1495). Mazkur musiqiy semantika o‘zbek tilida ham o‘ziga xos tarzda rivojlanib, surnaysimon puflama cholg‘u (balabon /bulamon) nomini hosil qilgan (ЎТИЛ, 1-j., 2006: 146). Toponimik nuqtayi nazardan bu holat shaxsning jismoniy baquvvatligi, salobati va pahlavonligini bildiruvchi antroponimik laqab asosida nekronim shakllanganini ko‘rsatadi.

Ikkinchi tomondan, tabiiy-geografik joylashuv inobatga olinsa, toponim etimologiyasi tojikcha bolo (بالا – “yuqori, tepa, balandlik”) hamda mon (مان – “uy, turarjoy, istiqomat maskani”; qiyoslang: xonumon) birliklari sintezidan hosil bo‘lib, “yuqoridagi manzilgoh, tepadagi turarjoy” semantikasini aks ettiradi (Фарҳанги забони тоҷикӣ, 2-j., 1969: 490). Qishloqning tog‘ darasining baland qismida joylashganligi hamda mahalliy ehtiromga sazovor bo‘lgan tabarruk zot – Bolamon ota qabrining (nekronimining) aynan daraning yuqori qismida o‘rin olganligi relyef va memorial obyekt o‘rtasidagi lisoniy konversiyani ta‘minlagan. Ya‘ni relyef xususiyatiga ko‘ra shakllangan nom dastlab muqaddas dafn obyektiga nisbatan qo‘llanib (Bolamon ota nekronimi), keyinchalik to‘laqonli oykonimga (Bolamon qishlog‘i) aylangan. Mazkur nekrotoponimik birlik atrofdagi tabiiy gidrografik obyektlar nomenklaturasiga ham transpozitsiyalashgan bo‘lib, Nurota tizmasining shimoliy yonbag‘ridan oqib tushuvchi Osmonsoy, Ilonchisoy, Uchmasoy, Oqtoshsoy,

Kattasoy, Chorvoqsoylar qatorida Bolamansoy gidronimi ham bevosita ushbu nekronimik tizim asosida vujudga kelgan.

Garasha nekrotoponimi. Garasha qishlog‘i Forish tumanining qadimiy aholi maskanlaridan biridir. Shu nuqtayi nazardan ham tarixi ancha murakkab va tahlil talab qilarli o‘rinlarga ega. Ishni dastlab mavjud tarixiy-vaqfiy hujjatlarni ko‘rib chiqishdan boshlasak o‘rinli bo‘ladi. A.I.Shevjakov tadqiqotida Garasha qishlog‘idagi ziyoratgoh “Mavlono ota” sifatida qayd etilgan. Biroq mazkur qishloq nomi va uning nekrotoponimik tabiati chuqur manbashunoslik asosiga ega. Xususan, hijriy 909- (milodiy 1503) yilga oid tarixiy vaqf hujjatida qishloqda yashagan va maqbarasi saqlangan tariqat peshvosi haqida shunday deyiladi: “Garasha qishlog‘idagi Mavlono Muhammad Sharif nomidagi Xonaqoh hisobiga, ya‘ni atrofidagi bir qancha qishloqlarning nomlari va dehqonchilik qiladigan yerlaridan keladigan daromadlari Xonaqoh hisobiga, u yerdagi darveshlar, qalandarlar, g‘arib-u miskinlarni boqish uchun suyurg‘ol qilib beriladi”. Ushbu

1-rasm. Garashadan topilgan XVI asrga oid vaqf hujjati

hujjatda shayxning to‘liq nomi *“Mavlono Garishoh qaddasallohu sirrahu Qutb ul-Malik”* tarzida qayd etilgan.

Mahalliy tarixchilar: F.Tolipov, D.Ziyodullayev hamda nomshunos olim Q.Hakimovlar hujjatdagi shayx nomini dastlab Girehkusho deb o‘qib, uni tojikcha “gireh” (tugun, band) va “kusho” (kushodan – yechmoq, ochmoq), ya’ni “tugunlarni yechuvchi, mushkullarni oson qiluvchi, hojatbaror” deb izohlaganlar (Hakimov, 2013: 154). Toponimik tadqiqotlarga ko‘ra, XII asrda ushbu hududda yashagan va shu joyda abadiy qo‘nim topgan yassaviya tariqatining yirik vakili Shayx Muhammad Sharif ibn Aliasqarga muammolarni to‘g‘ri hal qilgani va karomatlari tufayli berilgan ushbu nisba keyinchalik xalq tilida fonetik jihatdan o‘zgarib (Girehkusho – Garasha), qishloq nomiga ko‘chgan. Professor B.O‘rinboyev esa uni izohlashda gidronimik-fonetik gipotezadan foydalanadi va garasha nomini ikki turkiy komponent – gara (qora) va sha (chay/soy) sintezi deb hisoblab, uni “Qorasoy” – “Qarachay” – “Garashay” – “Garasha” fonetik evolyutsiyasi hosilasi sifatida talqin qiladi (O‘rinboyev, 2007: 18).

Zafarxon Valixon hoji o‘g‘li “Ishonch” gazetasidagi “Ko‘hna Garasha haqida yangi ma’lumotlar” deb nomlangan maqolasida yuqoridagilarga raddiya berib, shunday deydi: “Yuqoridagilarga asosan ajdodlarimiz qishloqni dastlab Gari Shoh (Darvesh Shoh) deb atagan bo‘lishlari, keyinchalik bu atama buzilib, Garashaga aylangani ehtimoldan xoli emas. Masalaga shu nuqtayi nazardan qaraganda, qishloqni “Qorasoy” yoki “Katta soy” deb atash noo‘rin bo‘ladi” (Valixon hoji o‘g‘li Z., 2026: 3). Maqola muallifining yozishicha: “Surishtiruvlarimiz jarayonida Garasha qishlog‘i jome masjidi imomi Ilhomxon Shamsiyevda saqlanayotgan ikkita “Vaqf” hujjatidan tashqari, vaqtincha saqlangan yana bir manba keyinchalik o‘rganish uchun berib yuborilgani ma’lum bo‘ldi. U hozir kimda ekanligi noma’lum. Aytishlaricha, unda Qutb ul-Malik Mavlono Muhammad Sharif Darvesh Shoh bilan birga, dinni yoyish maqsadida Garashaga kelgan qirq nafar darvesh va bir nafar tansoqchining ism-shariflari keltirilgan” (Valixon hoji o‘g‘li Z., 2026: 3).

Yuqorida tilga olingan shayxlar XII asrda Mavlono Garishoh bilan bu hududga kelib, keyin atrofdagi qishloqlarga tariqat va shariat ilmlarini yoyish maqsadida tarqalganliklari haqida ma’lumotlar bor. Garashadagi eski qabristonlar o‘rganilganda, bu yerda 1515–1520-yillar oralig‘ida dafn etilgan, qabr toshlariga dafn sanalari bitilgan ko‘plab qabrlar mavjudligi aniqlangan. Shuningdek, bir oilaning bir necha a’zosi – ota, qiz va nabiraga tegishli qabrlar ham topilgan.

Bu haqda Zafarxon Valixon hoji o‘g‘li yozishicha: “Eski qabristonning Jandariota chashmasi tomoniga yetmaydigan qismidagi bir nechta qabrtoshlar ko‘zdan kechirilganda, bittasi Hoshimboy o‘g‘li Xoja Murodboyga (hijriy 921, milodiy 1515–1516-yil), uchitasi esa uning ikki o‘g‘li va nabirasiga tegishli bo‘lib chiqdi. Bundan tashqari, ularning tevaragida hijriy 921-yil sanasi bitilgan bir nechta, chunonchi, Oyqumushoy Husayn qizi, Abdulmo‘min so‘fi Mirolimqoriboy o‘g‘li kabi yozuvlar mavjud qabrtoshlar borligi diqqatimizni tortdi. Bu o‘sha yil bilan bog‘liq mudhish voqealar – Shayboniyxonlar bosqini Garasha qishlog‘i sayyidlari hayotida qonli iz qoldirganini tasdiqlaydi” (Valixon hoji o‘g‘li Z., 2026: 3)

Zafarxon Valixon hoji o‘g‘lining yozishicha, tarixiy vaqf hujjatlarida qayd etilgan birlamchi asos “Gari Shoh” (fors-tojikcha: “Darveshlar shohi”) antroponimidir. Xalq jonli nutqida Gari Shoh – Garashoh – Garasha fonetik soddalashuvi yuz bergan. Shu bois ushbu birlikni sof gidronimik asosga (“Qorasoy”) bog‘lash ilmiy jihatdan asoslanmagan (Valixon hoji o‘g‘li Z., 2026: 3). Mazkur toponimik birlik o‘z tabiatiga ko‘ra Mavlono Garishoh shaxsi va uning xonaqoh-maqbarasi asosida shakllangan yirik antroponekrotoponimdir.

Forish tumani hududida yuqorida tilga olgan va sharhlanganlardan tashqari, yana bir qator joy nomlarining shakllanishida asos bo‘lgan ko‘plab nekrotoponimlar mavjud. Ushbu nekronimlarning aksariyati negizida oykonimlar shakllangan, ya’ni ziyoratgoh nomlari bevosita aholi yashash manzillariga nom bo‘lib o‘tgan.

Rozmas ota. Mahalliy xalq Rozmas yoki Rozmas shaklida talaffuz qiladigan kichik aholi maskani nomi. Mazkur nom aslida “Rozi emas” shaklida bo‘lib, keyinchalik shakl jihatdan biroz qisqargan. Ushbu nekronimni bunday atalishi bilan bog‘liq bir qator rivoyatlar bor. Jumladan, mazkur joyda dastlab Garasha eshonlaridan bo‘lgan avliyo zot ko‘chib kelib yashagan. Keyinroq shayxning bir muddat boshqa joyga ko‘chib ketgaligidan foydalangan qo‘shni qishloq aholisi ushbu yerlarni egallab olishadi. Shayx qaytgach esa ular yerlarni bermay uni quvg‘in qilinishadi va o‘ldirilishadi. Shayxni norozi qilgandan aholi turli falokatlariga uchrashadi. Shundan ushbu unchalik katta bo‘lmagan maskan nomi “Rozi emas” – Rozmas deb atalgan.

Ushbu rivoyatdan kelib chiqilsa, dastlab tabarruk zotning xilvati va keyinchalik qabri bo‘lgan joy nomi, transonimizatsiya (nom ko‘chishi) hodisasi tufayli ushbu hududda paydo bo‘lgan kichik qishloqning nomiga aylangan va keyinchalik “Rozmas soy”, “Rozmas cho‘qqisi” kabi boshqa nomlarga ham asos bo‘lgan. Mazkur relyef obyektlari nomida nekronimik birlikning tog‘ va soy nomlariga ko‘chishi, ya’ni nekrooronimizatsiya hamda nekrogidronimizatsiya hodisasi yaqqol namoyon bo‘ladi.

Safar ota – Porasht va Uchma qishloqlari oralig‘ida joylashgan aholi punkti. Nom taqvimiy-antroponimik asosga ega. Safar arabcha so‘z bo‘lib, safar oyida tug‘ilgan degan ma’noni anglatadi. Ushbu toponim safar antroponimining ota hurmat formanti bilan birikuvidan hosil bo‘lgan va keyinchalik dafn obyekti metonimiya usuli bilan butun qishloqqa nom sifatida ko‘chgan. Nom tarkibidagi ota so‘zining ma’nosi “sig‘niladigan”, “muqaddas joy” ma’nosini anglatadi. Professor Yu.Ahmadaliyevning yozishicha: “Tarkibida “ota”, “bobo”, “aziz” kabi so‘zlar bo‘lgan antropooykonimlar o‘sha joyning tabiatini muhofaza qilish va undan oqilona foydalanish sohasidagi diniy-ilohiy vazifasi alohida e’tiborga molik” (Ahmadaliyev, 2009: 68).

Narvon ota. Mazkur toponim tarkibidagi Narvon so‘zi tojikcha nardubon /narvon (zinapoya, pog‘onali relyef) geomorfologik belgisining metaforalashuvi yoki mutasavvifning ma’naviy martabasi (kamolot zinalari) ramzi asosida shakllanib, qabrston orqali qishloq nomiga o‘tgan bo‘lishi mumkin. “Jizzax viloyati ziyoratgohlari” kitobining muallifi Og‘a Burgutli qishloqdagi “Narvon ota” ziyoratgohi haqida so‘z yuritib shunday yozgan: “Alisher Navoiy asarlarida ishlatilgan so‘zlar lug‘atida narvon so‘zi “sersoya daraxtlar tig‘iz o‘sadigan joy” ma’nosini bildiradi. Haqiqatan ham, “Narvon ota” ziyoratgohida ko‘plab buloq suvlari biri-biriga qo‘shilib katta chashma hosil qilib oqadi. Chashmaning ikki yoqasida o‘n metr dan ellik metrgacha kenglikda sersoya, sarvqomat, qurilishbop manzarali daraxtlarning borligi yuqoridagi lug‘aviy ma’noni tasdiqlaydi” (Burgutli, 2008: 35-36).

Qoraabdal ota – qora + abdal (tasavvufiy daraja) + ota modeli asosidagi yirik oykonim. Dastlab tariqat namoyandasi – Qoraabdal avliyo sag‘anasi bo‘lgan mazkur markaz o‘zining tarixiy-madaniy nufuzi tufayli to‘laqonli qishloq nomi sifatida barqarorlashgan. Forish tumanidagi bu nekrotoponim o‘zining semantik va lisoniy ko‘lami bilan bir necha muhim qatlamlarni birlashtiradi.

“O‘zbek tilining izohli lug‘ati”da abdol so‘zi “valiylkning belgisi bir darajasiga erishgan guruh; avliyolar, xudoga yaqinlar” deb ta’riflanadi (ЎТЎЛ, 1-j., 2006: 26). Tasavvuf istilohida esa bu tushuncha valiylkning yuksak martabasiga yetishgan, ammo el orasida o‘zini xokisor, xizmatkordek tutuvchi g‘oyibona avliyolar (“chiltanlar”) toifasini ifodalaydi. Hadisi sharifda ham:

“Mening ummatim ichida abdol deb nomlangan valiylar o‘ttiz kishidir. Ular sababli ummatimga yomg‘ir yog‘ar, rizq ehson qilinur...”, – deyilishi ushbu toifaning ma’naviy maqomini ko‘rsatadi. Etnograf olim A.I. Shevyakov quyidagilarni qayd etgan: “Odamlarga suv ulashuvchi zohid” haqidagi xalqona talqin ham aynan mana shu xokisorlik va elga xizmat qilish arxetipining lisoniy in’ikosidir” (Shevyakov, 2000: 26).

O‘zbek milliy me’morchiligi terminologiyasida abdol so‘zi “qadimiy xaroba”, “vayrona” yoki “tashlandiq bino” qoldiqlariga nisbatan ham qo‘llanilgan (abdol uy, abdolxona, abdoltepa) (Zohidov, 1996: 238). Bu dalil ziyoratgohning aynan 10-12 metrli qadimiy mudofaa qal’asi va arxeologik istehkom tepaligi ustida joylashgani bilan to‘la uyg‘unlik kasb etadi. Yuqoridagilardan xulosa shuki, tasavvufiy-ijtimoiy maqom (Abdal) hamda qadimiy me’moriy termin (Abdoltepa) sintezi dastlab avliyo qabriga nisbatan antroponekronimni (Qoraabdol ota), keyinchalik aholi punktining kengayishi orqali to‘laqonli oykonimni (Qoraabdol qishlog‘i) shakllantirgan.

Haydar ota. Arabcha Haydar (حيدر – “sher”, Hazrati Alining epitelaridan biri) antroponimiga ota formativining qo‘shiluvidan vujudga kelgan. Ushbu shaxsga nisbat berilgan qabr – ziyoratgoh tevaragida aholining o‘troqlashuvi natijasida vujudga kelgan antropoykonimdir.

Hasan ota – Qoraabdol va Yangiqishloq oralig‘idagi qadimiy dehqonchilik maskani va qishloq nomi. Mazkur oykonim hudud yaqinidagi Hasan ota maqbarasi asosida shakllangan bo‘lib, agrar homiylik kultining toponimik ifodasi hisoblanadi.

Etnograf olim A.I. Shevyakov qaydlarida Hasan ota dehqonchilik bilan shug‘ullangan avliyo sifatida tasvirlanib, uning qadimgi agrar homiylik kulti bilan tarixiy ildizlari jihatidan bog‘liqligi, ziyoratgoh yaqinidan esa zardushtiylik davriga oid qabriston va ostodon (ossuariy) qoldiqlari topilgani ta’kidlanadi (Шевяков, 2000: 31). Bu holat qadimiy memorial maydonning islomiy davrda qayta sakrallashganidan (re-sakralizatsiya) dalolat beradi.

F. Aqchayev tadqiqotlarida mazkur maqbara XV–XVI asrlarga mansub memorial yodgorlik sifatida davrlashtirilib, Hasan ota mintaqadagi “ilm-ma’rifat homiylari” bo‘lgan tabarruk zotlar qatoriga kiritilgan (Ақчаев, 2021: 131–132, 147). Tarixiy-zamoniy va geografik uyg‘unlik Hasan ota shaxsining XV–XVI asrlarda Nurota tizmasi hududida faoliyat yuritgan Mavlono Garishoh boshchiligidagi qirq shayx hamda so‘fiylik-ma’rifiy tarmog‘i bilan uzviy bog‘liqligi ehtimolini quvvatlaydi.

Onomastik jihatdan esa, ushbu nom arabcha Hasan (حسن – “go‘zal, ezgu”) antroponimi hamda turkiy ehtirom va sakral maqom bildiruvchi “ota” indikatori birlashuvidan tashkil topgan. Dastlab dehqonchilik homiysi va ma’rifatparvar shayx qabriga nisbatan shakllangan Hasan ota antroponekronimi keyinchalik toponimik transpozitsiya vositasida to‘laqonli oykonimga aylangan, deyish mumkin.

Yuqorida tilga olingan nekrotoponimlardan tashqari Forish tumani hududining deyarli barcha qishloqlarida avliyo, shayx va boshqa diniy-ruhoniy shaxslarga nisbat berilgan qabrlar, qabristonlar, ziyoratgohlar va muqaddas qadamjolar uchraydi. Jumladan, Xo‘ja Bog‘bon ota, G‘oyib ota, Xo‘ja G‘ozi, Imom ato boboyi Eshon, Hisor ato boboyi Eshon, Hazrati Eshoni Xalifa, Aziz Xo‘ja, Qora-Mang‘it avliyo, Qiz-uchkan, Najmiddin ota, Nomsiz ota, Pistalik ota, Hazrati bibi, Tus ota, Tepa-ato, Uchok, Chaqir-Chuqur ota, Chilli-G‘ozi-ato, Shibli ato kabilar shular jumlasidandir. Quyida ushbu ziyoratgohlardan ayrimlari nomini qisqacha tahlil qilib, ularning nomi asosida shakllangan nekronimlar orasidagi umumiylik va bog‘liqliklarni ko‘rib chiqamiz.

Toponimik tadqiqotlar davomida Forish tumanidagi ziyoratgoh va muqaddas qadamjolar bilan bog‘liq xalq rivoyatlari, tarixiy ma’lumotlar va toponimik materiallarni qiyosiy o‘rganish

natijasida, ular o‘rtasida muayyan mushtarak jihatlar mavjudligi aniqlandi. Xususan, ko‘plab ziyoratgohlarda dafn etilgan avliyo va shayxlarning dushman tomonidan qatl etilgani haqidagi rivoyatlar keng tarqalgan. Bu holat Forish tumani hududidagi diniy-tarixiy toponimlarning shakllanishida nafaqat shaxs nomlari, balki hududning siyosiy va ijtimoiy-tarixiy jarayonlari ham muhim omil bo‘lganini ko‘rsatadi.

Bu jihatni Forishning tog‘lar bag‘rida joylashgan O‘xm (O‘xum, Uxum shakllarida ham yoziladi) qishlog‘idagi ziyoratgohlar misolida yaqqol ko‘rish mumkin. Qishloqning yuqori qismida, tog‘lar bag‘rida joylashgan ikki muqaddas ziyoratgoh xalq orasida **Hazrat Imom ato** va **Hazrat Hisor ato boboyi Eshon** nomlari bilan mashhur. Ma‘lumki, “eshon” atamasi an‘anaviy islomiy-madaniy muhitda diniy-ruhoniylar mavqega ega shaxslarni, ayrim hollarda esa sayyidlar yoki diniy sulolaga mansub kishilarni ifodalash uchun qo‘llanilgan. O‘xm qishlog‘i aholisi hozirga qadar o‘zlarini Garasha eshonlarining muridlari sifatida e‘tirof etishi ham ushbu hududning diniy-tarixiy aloqalarini ko‘rsatadigan muhim etnografik ma‘lumotlardan biridir.

XVIII–XIX asrlarda O‘xm madrasalarida mahalliy ulamolar bilan bir qatorda Garashadan kelgan ahli ilm eshonlar ham ilm bergani haqida ma‘lumotlar mavjud. Ular orasida mahalliy aholi tomonidan **Boboyi Aziz** deb atalgan, asl ismi **Aziz Xo‘ja** bo‘lgan olim alohida o‘rin tutadi. Uning qabri O‘xm qishlog‘ining markaziy qabristonida joylashgan. Ayrim ma‘lumotlarda Aziz Xo‘ja O‘xmlik bo‘lganligi qayd etilsa-da, uning Garashaga mansubligi haqidagi ma‘lumotlar nisbatan ko‘proq uchraydi. Tadqiqotchi A.I.Shevjakov ham mazkur qabr ustidagi toshda “Aziz Xo‘ja” nomi yozilganini alohida qayd etgan (Шевяков, 2000: 24). Bu ma‘lumotlar Hazrat Imom ato va Hazrat Hisor atolarining ham ushbu diniy silsila bilan bog‘liq bo‘lishi ehtimolini kuchaytiradi.

Mazkur ziyoratgohlarga berilgan nomlarning xalqona xususiyati ham e‘tiborga loyiq. Xususan, Imom ato, Hisor ato kabi nomlar ziyoratgoh egalariining asl ismlaridan ko‘ra keyingi avlodlar tomonidan ularga nisbatan hurmat-ehtirom ifodasi hamda ijtimoiy-hududiy maqomi asosida berilgan lisoniy belgilar hisoblanadi. Mazkur nekronimik birliklar tarkibidagi ato komponenti etimologik jihatdan alohida e‘tiborga molik. Garchi arab tilida ato (عطاء) leksemasi “in‘om, tuhfa, ehson” ma‘nolarini anglatga-da, Markaziy Osiyo, xususan, Nurota tizmasidagi tojikzabon qishloqlar jonli nutqida turkiy ota (“pir, ustoz, avliyo, oqsoqol”) indikator fonetik-dialektal jihatdan moslashib, aynan “ato” tarzida qo‘llangan. O‘zbek va tojik tillarining ko‘p asrlik interferensiyasi hamda adstrat ta‘siri natijasida xalq ongida ushbu ikki tushuncha o‘zaro kontaminatsiyalashgan: ya‘ni ota (tabarruk pir) tushunchasi ayni paytda “ilohiy in‘om, Yaratganning el-yurtga bergan tuhfasini” (ato) semantikasini ham o‘zida mujassamlashtirgan deb hisoblash mumkin.

Struktur-semantik tahlilga ko‘ra, mazkur nomlarning birinchi komponentlari ham o‘ziga xos onomastik yuklamaga ega: Imom ato – tarkibidagi imom (arabcha إمام – “peshvo, rahnamo, diniy jamoa yetakchisi”) so‘zi shaxsning ijtimoiy-diniy maqomini, ya‘ni o‘z davrida jamoatga ham namozlarda ham yo‘l ko‘rsatuvchi bosh bo‘lgan, shariat va ma‘rifat ilmlarini boshqargan yetakchi shaxs ekanligini anglatuvchi ijtimoiy-diniy martaba asosida shakllangan.

Hisor ato – tarkibidagi hisor (arabcha حصار – “qal‘a, qo‘rg‘on, mustahkam istehkom”) leksemasi shaxsning faoliyati kechgan yoki qabri o‘rin olgan mustahkam tepalik, mudofaa inshooti kabi toponimik obyektidan olingan bo‘lib, toponim - antroponim - nekronim zanjiri asosidagi semantik transformatsiya jarayonini namoyon etadi.

Ushbu shaxslarning asl tarixiy ismlari vaqt o‘tishi bilan ularning ijtimoiy maqomi va faoliyat yuritgan joyi soyasida qolib, ularning yozma manbalardagi qaydlarini aniqlash hozircha muayyan qiyinchilik tug‘diradi. Biroq o‘rganilayotgan yozma manbalar, xususan, XV asrga oid

Nurota tizmasiga kelgan qirq darveshning ismlari keltirilgan qo‘lyozmalar to‘liq tadqiq etilsa, mazkur ziyoratgohlarda dafn etilgan tabarruk zotlarning asl tarixiy antroponimlari aniqlash imkoniyati kengayadi.

Yuqori O‘xm qishlog‘idagi Hazrat Imom ato boboyi Eshon qabrining ikki joyda mavjudligini ham alohida ta’kidlab o‘tish zarur. Qabrlar ustiga ikkita aloha milliy ko‘rinishdagi maqbaralar tiklangan va obod qilingan. Maqbara atrofdagi qadimiy va ko‘p asrlik tut daraxti va yuqoridan oquvchi buloq alohida ezozlanadi. Qablardan biri nisbatan balandroq, tepalikda, ikkinchisi esa undan pastroqda, soyga yaqin hududda joylashgan. Xalq orasidagi mashhur rivoyatga ko‘ra, shayx dushmanlar tomonidan qatl etilgach, uning tanasi yuqoridagi joyga, boshi esa pastga dumalab tushgan va so‘zlagan va o‘sha joyga dafn etilgan. Xuddi shunga o‘xshash rivoyat Hazrat Hisor ato bilan bog‘liq holda ham uchraydi. Rivoyatda uning tanasi O‘xm qishlog‘idagi Qari nomli soyning yuqori qismidagi tog‘lar bilan o‘ralgan joydagi kichik tepalikga, boshi esa qo‘shni Arsaf qishlog‘iga dafn etilgani aytiladi.

A.I. Shevyakov tadqiqotlarida Forishning pasttekislik va tog‘oldi hududlaridagi deyarli barcha ziyoratgohlar atroficha tavsiflangan bo‘lsa-da, O‘xmdagi mazkur ziyoratgohlar aholi maskanidan 4–5 km tog‘ ichkarisida joylashgani bois uning e’tiboridan chetda qolgan. Ammo, O‘xm qishlog‘idagi mazkur ziyoratgohlar va boshqa qadamjolar haqida bir qator tarixiy-etnografik manbalarda ma’lumotlar keltiriladi. Jumladan, geograf olim, professor M.Nurnazarovning “Tojikoni Forish” (Nurnazarov, 2000: 34), sharqshunos olim X.O‘rolovning “Chashmai zindagoni” (O‘rolov, 2012: 5,11) hamda Hotam Bozorovning “Sharorai xotiraho” (Bozorov, 2014: 91) kabi asarlarida Forish tumani hududidagi ziyoratgohlar, qadamjolar va ular bilan bog‘liq xalq og‘zaki rivoyatlari haqida muhim ma’lumotlar uchraydi.

Bizningcha, O‘xm qishlog‘idagi mazkur ziyoratgohlarda dafn etilgan tabarrur zotlarlar Mavlono Garishoh bilan birga kelgan qirq nafar qutb maqomidagi darveshlar safida bo‘lgan bo‘lishi va XVI asr boshlaridagi, xususan, 1515-yillar atrofidagi siyosiy qatag‘onlar jarayonida qatl etilgan bo‘lishi ehtimoldan xoli emas. Albatta, mazkur taxminni tarixiy hujjatlar asosida yanada chuqurroq tekshirish talab etiladi. Biroq ushbu hududda mavjud ziyoratgohlar bilan bog‘liq rivoyatlarning mazmuni, ayrim qabrlarda dafn etilgan shaxslarning zo‘ravonlik bilan halok bo‘lgani haqidagi ma’lumotlar hamda qabrlarning bir-biridan alohida joylashuvi ushbu farazni ilgari surishga asos bo‘ladi.

Forish tumani hududidagi bunday rivoyatlar faqat O‘xm qishlog‘i bilan cheklanmaydi. Hududdagi ko‘plab qishloqlarda avliyo va shayxlarning dushman tomonidan o‘ldirilgani, ularning tanasi va boshi turli joylarga dafn etilgani yoki qabrlarining keyinchalik ziyoratgohga aylangani haqidagi ma’lumotlar uchraydi. Masalan, Forish tumani hududiga yaqin joylashgan Qulfisar qishlog‘i nomida “sar”, “bosh” va “kalla” kabi semantik birliklarning mavjudligi ham ayrim hollarda mazkur hududlarda avliyo shaxslarning dafn etilishi bilan bog‘liq xalqona tasavvurlarni aks ettiradi. Bunday toponimik va folklor materiallarning o‘zaro uyg‘unligi Forish va unga yondosh hududlarda nekrotoponimlarning shakllanishida diniy-tarixiy xotira muhim omillardan biri bo‘lganini ko‘rsatadi.

Bog‘bon ota nekrotoponimi. Mazkur nom A.I. Shevyakov tadqiqotida Nurota tog‘ tizmasining shimoliy qismida joylashgan qadimiy ziyoratgoh sifatida ruscha transkripsiyada “Bogdan-ata” shaklida qayd etilgan hamda A.L. Xoroshxin ma’lumotlariga tayanib, Nurota tog‘lari etagidagi tabarruk qadamjo sifatida ta’riflangan (Шевяков, 2000: 24; Хорошхин, 1876: 403).

XIX asr rus sayyohlari va tadqiqotchilari materiallarida Nurota tizmasining shimoliy qiyaliklari bo‘ylab qayd etilgan “Bogdan-ata” nomi aslida mustaqil nekrotoponimik birlik emas, balki Qoratosh qishlog‘idagi Xo‘ja Bog‘bon ota qadamjosi bilan bog‘liq bo‘lgan antroponekronimdir (Хорошхин, 1876: 396–397; ШЕВЯКОВ, 2000: 24). Tadqiqotchi A.P. Xoroshxin tilga olgan Nurak tog‘i etaklari (Nurak qishlog‘i) bilan qo‘shni Qoratosh qishlog‘idagi Xo‘ja Bog‘bon ota ziyoratgohi o‘rtasidagi masofa atigi 2 kilometrni tashkil etishi ushbu fikrni to‘liq tasdiqlaydi. Bugungi Forish tuman markazi sanalgan Bog‘don shaharchasi esa Nurakdan qariyb 18–20 km uzoqlikda joylashgan bo‘lib, u mutlaqo boshqa joy nomi hisoblanadi hamda uning toponimik xususiyatlari alohida tahlil mavzusidir. Zero, bu nom va unga yondosh qadimiy joy nomlarining etimologiyasi xususida ko‘plab toponimist olimlar tomonidan turli ilmiy qarashlar ilgari surilgan. Jumladan nomshunos olim Q. Hakimov qayd etganidek, Bog‘don tuman markazi bo‘lgan shaharchaning tarixiy nomidir (Hakimov, 2013: 154).

Onomastik nuqtayi nazardan Xo‘ja Bog‘bon ota nekronimi uch komponentli murakkab strukturaga ega: uning tarkibidagi “Xo‘ja” indikatori mintaqada islom dini va tasavvufiy ta’limotni yoyishda yetakchilik qilgan ijtimoiy-diniy qatlam vakili ekanligini anglatadi, “Bog‘bon” komponenti (bog‘ + -bon) mazkur shaxsning qurg‘ochil tog‘oldi mintaqasida suv chiqarish, ko‘kalamzorlashtirish va bog‘dorchilik madaniyatini yuksaltirgan kasbiy-antroponekronimik laqabi hamda ehtiromli maqomini ifodalaydi.

Mahalliy davriy matbuot va xalq rivoyatlarida ushbu zotning shaxsi IX–X asrlarda yashab o‘tgan mutasavvuf shayx Abu Bakr Muhammad ibn Muso al-Vositiy (Ibn ul-Farg‘oniy; vafoti: h. 320 /m. 932-yil) bilan bog‘lanadi (Bobomurodova, 2007). Biroq tarixiy-biografik manbalar ushbu zotning Forish hududiga kelganini tasdiqlamaydi. Xususan, Abdurahmon Jomiyning “Nafahot ul-uns”, Abu Abdurahmon as-Sulamiyning “Tabaqot us-sufiyya” kabi mashhur asarlari hamda zamonaviy tadqiqotlarda Abu Bakr al-Vositiy 320/932-yilda Marv shahrida vafot etgani va o‘sha yerda dafn etilgani qat’iy qayd etilgan (220: 1991, جامى; 274: 2003, السلمي; Uludağ, 2012: 544–546).

Tarixiy-etnografik jihatdan Qoratoshdagi Xo‘ja Bog‘bon ota shaxsi XVI asrda Nurota tizmasiga kelgan Mavlono Garishoh jamoasidagi qirq shayx tarmog‘iga mansub bo‘lgan deb hisoblash mumkin. Nom tarkibidagi «Xo‘ja» unvoni ushbu zotning qo‘shni Garasha so‘fiylik markazidagi shayxlar sulolasi bilan tarixiy-tipologik mushtarakligidan dalolat beradi.

Mahalliy og‘zaki rivoyatlarda Xo‘ja Bog‘bon otani dushmanlar ta’qib qilgani, u tog‘dagi g‘orga yashiringanda g‘or og‘zini o‘rgimchak to‘ri to‘sib, kabutar yoki musicha tuxum qo‘ygani tufayli ta’qibdan omon qolgani hikoya qilinadi (Bobomurodova, 2007). Mazkur syujet islom an’anasida Payg‘ambarimiz Muhammad (s.a.v.) va Abu Bakr Siddiq (r.a.)ning Savr g‘oridagi mashhur hijrat voqeasi bilan bevosita tipologik o‘xshashlikka ega.

Xalqona rivoyatlarda Forishdagi bir qator avliyo va shayxlar hayotiga suiqasd uyushtirilishi va o‘ldirilishi biln bog‘liq ma’lumotlar uchraydi. Bu ularning diniy-ma’rifiy faoliyati bilan bir qatorda mintaqada o‘sha davrlarda kechgan ommaviy siyosiy-mafkuraviy ta’qiblar va ziddiyatlarning xalq xotirasidagi mifologizatsiyalashganligining aksidir. Qoratoshdagi Xo‘ja Bog‘bon ota ziyoratgohi bugungi kunda ham obod qilingan bo‘lib, tepalikdagi maqbara, ko‘p asrlik keksa daraxtlar hamda shifobaxsh deb e’tiqod qilinadigan doimiy iliq buloq ushbu antroponekronimning tirik sakral va etnografik markaz sifatidagi maqomini to‘la saqlab kelmoqda (Rustamjon Rahmatullozoda, 2006: 45; Og‘a Burgutli, 2008: 62; Акчаев, 2021: 35, 47, 57, 103, 105, 113). F.Aqchayevga ko‘ra, buloqlarning shifobaxshligi hamda vohaning suvga bo‘lgan doimiy ehtiyoji, tabiiy buloqlarni muqaddaslashtirish va avliyolarning hislatlarini suv bilan

bog‘lash natijasida bu kabi rivoyatlar paydo bo‘lishiga asos bo‘lib xizmat qilgan. (Ақчаев, 2021: 48).

Hazrati Eshon Xalifa nekronimi. Tumanning tog‘li Andagin qishlog‘ida joylashgan “Hazrati Eshon xalifa” ziyoratgohi hududdagi muhim diniy-qadriyatli madaniy meros obyektlardan biridir. Ushbu qadamjo 2015-yilda rasman madaniy meros obyekti sifatida davlat ro‘yxatiga olingan bo‘lib, umumiy maydoni salkam 0,5 gektarni tashkil etadi.

Mahalliy aholining etnomadaniy xotirasi va onomastik qarashlarini o‘zda aks ettiruvchi ushbu majmua bir necha nekronimik qatlamni namoyon etadi. Jumladan, Hazrati Eshon xalifa (Domla Jaloliddin ibn Abdukarim) nekronimi bilan bog‘liq ma‘lumotlar o‘rganilganda ziyoratgohning bosh nomi XIX asrda yashab o‘tgan taniqli ulamo, Buxorodagi Mir Arab madrasasi tarbiyalanuvchisi hamda naqshbandiya tariqatining vo‘ha bo‘ylab keng yoyilishiga hissa qo‘shgan Domla Jaloliddin ibn Abdukarim shaxsi bilan bog‘liqligi ma‘lum bo‘ladi. Majmuaning o‘ng tomonidagi xonada ushbu avliyo zotning sag‘anasi (qabri) joylashgan.

Shu joyning o‘zida aniq yashash tarixi noma‘lum bo‘lgan va xalq tilida “Hazrati Bibi Ro‘shnoi” nomi bilan ataluvchi yana bir nekronim mavjud. Asosiy binoning chap tarafidagi xonada joylashgan qabr va u bilan bog‘liq xalq og‘zaki ijodi (rivoyatlar) nekronimning yana bir korpusini tashkil etadi. Mahalliy e‘tiqodiy qarashlarga ko‘ra, bu yerda dushmanlardan saqlanish maqsadida g‘oyib bo‘lgan ayol va uning farzandi dafn etilgan (Q. Xakimov va boshq., 2025: 5-6).

Umuman olganda, Forish tumanidagi qabr-mozor nomlari (nekronimlar) shunchaki diniy ehtirom maskanlari bo‘lib qolmasdan faol toponimik derivatsiya jarayonini boshdan kechirgan va keng hududiy geotoponimik birliklar – oykonimlar, gidronimlar hamda oronimlarning paydo bo‘lishiga asosiy lisoniy tayanch bo‘lgan. Forish tumani hududida aniqlangan nekronimik va nekrotoponimik birliklar semantik-motivatsion xususiyatlariga ko‘ra bir nechta tizimli leksik-tematik guruhlariga ajraladi:

2-rasm. Forish tumani nekronimik tizimi

Antroponekronimlar. Mazkur qatlam tarkibida tarixiy shaxs, pirlar, tasavvuf namoyandalari hamda ajdodlar kultini ifodalovchi formativ ko‘rsatkichlar (ota, xo‘ja, avliyo, ato, g‘ozi, bibi, eshon, mavlono) ustuvorlik qiladi. Jumladan, Aziz Xo‘ja, Xo‘ja G‘ozi (Go‘ji-g‘ozi), G‘oyib ota, Shibliy ato, Najmiddin ota, Mavlono ota kabi birliklar muayyan tarixiy yoki ma‘naviy shaxslarning diniy-ijtimoiy maqomi bilan bog‘liq holda shakllangan. Ba‘zi o‘rinlarda esa, islomgacha bo‘lgan davr elementlarining islomlashgan modellari saqlangan.

Etnosotsial va tarixiy-voqelik nekronimlari. Qora-mang‘it avliyo kabi birliklarda urug‘ homiysi kulti, Qoraabdal otada qalandarlik-darveshlik tariqatining abdal ijtimoiy tabaqasi o‘z ifodasini topgan. Shuningdek, Garasha toponimi vaqf hujjatlaridagi Mavlono Garishoh (Gari Shoh – “Darveshlar shohi”) antroponimidan kelib chiqqan bo‘lib, hududdagi 1515–1520-yillardagi siyosiy to‘qnashuvlar, epigrafik dalillar hamda Hazrat Imom ato, Hazrat Hisor ato kabi ziyoratgohlarda uchraydigan “dissotsiativ dafn” (bosh va tananing alohida ko‘milishi) afsonalari bilan genetik mushtaraklik hosil qiladi.

Geomorfologik, fitonimik va situativ nomlar. Bolamon /Balamon ota (tojikcha bolo – yuqori, mon – turar-joy / Balamansoy gidronimi), Xo‘ja Bog‘bon ota (kasbiy laqab), Pistalik ota (fitonimik), Qiz-uchkan (orofonimik-situativ afsona), Chaqar-Chuqur ota (relyef antonimiyasi), Tapa-ato (arxeologik istehkom), Uchoq (sakral olov o‘rni) hamda Nomsiz (tabulashtirilgan maskan) kabi birliklar tabiat, relyef va xalq mifologiyasining toponimiyadagi sintezini aks ettiradi.

Shunday qilib, Forish tumani hududidagi avliyo va shayxlarga nisbat berilgan ziyoratgohlar nomlarini faqat diniy mazmundagi atoqli otlar sifatida talqin qilish yetarli emas. Ular tarkibida hududning tarixiy xotirasi, xalq og‘zaki ijodi, diniy-ma‘rifiy an‘analari hamda muayyan siyosiy-tarixiy voqealarning izlari mujassam. Shu nuqtayi nazardan, mazkur ziyoratgohlar nomi asosida shakllangan nekrotoponimlarni tarixiy-tipologik jihatdan tadqiq etish hududining toponimik tizimi va uning etnomadaniy qatlamlarini yanada chuqurroq yoritish imkonini beradi.

Xulosa. Ushbu maqolada nekrotoponimlar va nekronimik tizimning lingvomadaniy xususiyatlari aniq bir hududiy birlik (Forish tumani) misolida o‘ganildi. Bundan tashqari, mavjud huquqiy-me‘yoriy hujjatlar, nomshunos olimlarning asarlari hamda ayrim tarixiy-ilmiy manbalar yordamida tahlil qilindi va quyidagi xulosalarni bayon qilishga asos bo‘ldi:

- Forish tumani onomastik merosi tarkibidagi nekronimlar va nekronimik tizimi hamda ular asosida shakllangan nekrotoponimlarining lisoniy tabiati, derivatsion mexanizmlari, ko‘p qatlamli lingvomadaniy asoslari yaxlit tizim sifatida o‘rganildi;

- toponimik tadqiqot metodlari, jumladan, etimologiya, manbashunoslik va etnolingvistika usullari sintezi shuni ko‘rsatadiki, Forish tumani nekronimlari shunchaki geografik obyektlarni nomlash va manzilini aniq belgilash vositasi bo‘lib qolmasdan, balki qadimgi turkiy va sharqiy eroniy lisoniy aloqalar, islomgacha bo‘lgan mifopoetik (olov, hosildorlik, ajdodlar ruhi kulti) hamda islomiy-tasavvufiy (Yassaviya, Qalandariya, Mavlaviya tariqatlari, abdollar silsilasi) qarashlarning asrlar davomida uzluksiz integratsiyalashuvidan hosil bo‘lgan lisoniy xotira fenomenidir;

- tadqiqotda nekronim (qabr, mozar, maqbara va nekropol nomenklaturasi) hamda nekrotoponim (ushbu obyektlar asosida vujudga kelib, qishloq, mahalla, tog‘, soy kabi relyef birliklarini ifodalovchi geografik nomlar) tushunchalarining chegarasi aniqlanib, tuman toponimiyasi tarkibida shaxs yoki relyef belgisidan boshlanib, ziyoratgoh maqomi orqali metonimiya yo‘li bilan to‘laqlonli oykonim va gidronimlarga ko‘chish qonuniyati ilmiy asoslandi. Ayniqsa, Razmas ota, Safar ota, Narvon ota, Qoraabdal ota, Haydar ota, Hasan ota, Bolamon, Garasha kabi o‘nlab aholi yashash manzillari, shuningdek, Bolamansoy singari yondosh tabiiy obyektlarning bevosita nekronimik asosdan unib chiqqanligi mintaqada sakral makonning toponim shakllantiruvchi bosh omillaridan biri bo‘lgani to‘liq isbotlandi;

- tarixiy vaqf hujjatlari (Mavlono Garishohga oid 1503-yilgi vaqfnoma), qabrtosh epigrafikasi (1515-1520-yillardagi siyosiy fojialar izlari), XIX asr sayohatnomalari (A.P.Xoroshxinning 1872-yilgi ekspeditsiya qaydlari) hamda A.I.Shevryakovning etnografik kuzatuvlari qiyosiy tahlilga tortilganda, hududdagi ko‘plab afsonaviy talqinlar, xususan, “ikki

qabr” yoki “bosh va tana” bilan bog‘liq sefalotoponimik qarashlar zahirida real tarixiy shaxslar, mintaqaviy urushlar va qatag‘onlar xotirasi yotganligi dalillandi;

- hududdagi qadimiy memorial maydonlarning islomiy davrda uzviy ravishda qayta sakrallashuvi (re-sakralizatsiya hodisasi) tadqiqotda moddiy va toponimik dalillar vositasida asoslandi. Xususan, Hasan ota ziyoratgohi yaqinidan zardushtiylik davriga oid qabriston va ossuariy (ostodon) qoldiqlarining aniqlanishi hamda mazkur shaxsning agrar-dehqonchilik homiysi sifatida e‘zozlanishi islomgacha bo‘lgan qadimiy dafn va e‘tiqodiy an‘analarni keyingi davrlarda yangi konfessional qatlam vositasida qayta ma‘naviy-toponimik maqom kasb etganidan dalolat beradi;

- Forish tumani nekronimik tizimi hududning tarixiy-ijtimoiy xotirasini ifodalash barobarida, o‘ziga xos an‘anaviy etnoekologik tartibga soluvchi hamda tabiatni muhofaza qiluvchi muhim mexanizm vazifasini o‘taganligi aniqlandi. Xususan, Xo‘ja Bog‘bon ota, Bolamon ota, Hazrati Imom ato, Safar ota kabi alohida qadamjolar misolida ko‘ringanidek, umuman hududdagi deyarli barcha ziyoratgohlar tevaragidagi ko‘p asrlik daraxtlar, tabiiy to‘qayzorlar, o‘simlik dunyosi va shifobaxsh buloqlar bugungi kungacha daxlsiz saqlanib kelgan. Bu holat xalq e‘tiqodidagi tabu (taqiq) tizimiga asoslangan bo‘lib, mintaqadagi barcha sakral maskanlar va ularning nekrotoponimik areali asrlar davomida amalda o‘ziga xos tabiiy mikroqo‘riqxonalar funksiyasini bajargan;

- xalq etimologiyasi orqali vujudga kelgan subyektiv talqinlar qat‘iy lisoniy qonuniyatlar va leksikografik manbalar orqali verifikatsiya qilinib, nomlar tarkibidagi ota, xo‘ja, avliyo, g‘ozi, bibi, abdal kabi diniy-sakral hamda ijtimoiy-maqom indikatorlarining toponimik konversiyadagi yetakchi o‘rni keng yoritildi.

Umuman olganda, Forish tumani nekronimik qatlami umumturkiy va umumo‘zbek nomshunosligining mushtarak qonuniyatlarini o‘zida aks ettirish bilan birga, o‘zining tog‘li-relyefiy landshafti, etnik qatlamlari va boy tarixiy voqealari bilan o‘zbek toponimiyasida mustaqil, o‘ziga xos va benazir lisoniy maydon sifatida alohida nazariy hamda amaliy qimmat kasb etadi.

Iqtiboslar/ References/ Kaynaklar/ Сноски:

1. Al-Buxoriy, Abu Abdulloh Muhammad ibn Ismoil. Sahih al-Buxoriy: Al-Jome‘ as-sahih. 3-jild. – Bayrut: Dor Ibn Kasir, 1997. – B. 1421.
2. Bobomurodova S. Qoratosh //Jizzax haqiqati. – 2007. – № 42. – B. 3.
3. Hakimov Q. Jizzax viloyati toponimlari. – Jizzax: Sangzor, 2014. – 204 b.
4. Hasanov H. O‘zbekiston joy nomlarining izohli lug‘ati (1-jild). – Toshkent: Fan, 1980. – 81 b.
5. Og‘a Burgutli. Jizzax viloyati ziyoratgohlari. – Toshkent: Fan, 2008. – 128 b.
6. O‘rinboyev B. Jizzax toponimlarining ta‘biri. – Jizzax: DPI, 2007. – 18 b.
7. O‘zbekiston joy nomlarining izohli lug‘ati. Ikki jildli. 1-jild. -Toshkent: G‘afur G‘ulom, 2024 – 459 b.
8. Qorayev S. O‘zbekiston viloyatlari toponimlari. – Toshkent: O‘zbekiston milliy ensiklopediyasi, 2005. – 71 b.
9. Rustamjon R. Ajdodlar merosiga ehtirom. – Toshkent: Fan, 2006. – 96 b.
10. Sugawara J., Rahilä D. (eds.). Mazar: Studies on Islamic Sacred Sites in Central Eurasia. – Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies Press, 2016. – 340 p.
11. Uludağ S. Vâsıtı, Ebû Bekir // TDV İslâm Ansiklopedisi. – İstanbul: Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları, 2012. – Cilt 42. – S. 544–546.

12. UNESCO World Heritage Centre. Sulaiman-Too Sacred Mountain (Kyrgyzstan) – Decision: 33 COM 8B.24 [Elektron resurs] //UNESCO World Heritage Convention, 2009. – URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/1959/>
13. Uxukbayeva M.T., Sarkulova M.S., Zhakin S.M. Philosophical dimensions of pilgrimage: ziyorat in the context of Central Asian culture //Bulletin of the Karaganda University. History. Philosophy Series, 2025, Vol. 30(1). – 382–389 b.
14. Valixon hoji o‘g‘li Zafarxon. Ko‘hna Garasha haqida yangi ma’lumotlar //Ishonch gazetasi, 2026-yil 23-may, № 62.
15. Hakimov K.M., Usmanov M.R., Hakimov B.B. Diniy turizmni rivojlantirishda muqaddas qadamjolarining o‘rni (Forish tumani misolida) // Respublika ilmiy-amaliy konferensiyasi materiallari to‘plami (7–8-may, 2025-yil). – Samarqand, 2025. 4–7 b.
16. Yusupov S.S. “Ota” indikatorli nekrotoponimlarning grammatik xususiyatlari // “Turkiy xalqlar filologiyasining dolzarb masalalari: nazariya va innovatsion ta’lim texnologiyalari” mavzusidagi Respublika ilmiy-amaliy konferensiyasi materiallari. – Nukus, 2023. 87–91 b.
17. Zohidov P.Sh. Me’mor olami. – Toshkent: Qomuslar bosh tahririyati, 1996. – 238 b.
18. Акчаев Ф. III. Жиззах воҳаси зиёратгоҳлари ва қадамжолари: Монография. – Тошкент, 2021. – 185 б.
19. Аҳмадалиев Ю. И. Фарғона водийси топонимлари (тарихий-географик ва этноэкологик таҳлил): Монография. – Тошкент: Фан, 2009. – 160 б.
20. Бозоров Х. Шарораи хотираҳо. – Тошкент: Давр пресс, 2014. – 128 б.
21. Гулямов Я.Г. Кладбище Кулпи-сар//ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961. – 92–96 б.
22. Майоров М.В. Некронимы и некротопонимы предполагаемые элементы ономастической системы. Электронный ресурс. URL: <http://hrono.info> (дата обращения: 19.08.2009).
23. Нурназаров М. Тоҷикони Фориш. – Гулистон: Зиё, 2000. – 244 б.
24. Оға Бургутли. Жиззах вилояти зиёратгоҳлари. – Тошкент: Фан, 2008. -50 б.
25. Пельц В. Очерки южных Кызыл-Кумов. – Самарканд: Издание Самаркандского областного Статистического Комитета, 1912.-С. 38-64
26. Ўзбек тилининг изоҳли луғати (5 жилдлик). 1-жилд (А–Д). – Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2006. – 680 б.
27. Ўролов Х. Чашмаи зиндагонӣ. – Тошкент: Муסיқа, 2012. – 144 б.
28. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷилдҳои 1-2. – Москва: Советская энциклопедия, 1969. –952 б.
29. Хорошхин А. П. Кизилкумский дневник // Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. С.-Петербург: Типография и хромофотография А. Траншеля, 1876. – 539 с.
30. Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. – С.-Петербург: Типография А. Траншеля, 1876. – С. 396–403.
31. Шевяков А. И. О коренном населении Нуратинских гор и прилегающих районов // Восток (Oriens). – Москва: Наука, 2000. – № 4. – С. 18–32.
32. السلمي، أبو عبد الرحمن. طبقات الصوفية / تحقيق: مصطفى عبد القادر عطا. – بيروت: دار الكتب العلمية، ١٤٢٤ هـ / ٢٠٠٣ م. – ص. ٢٧٤.
33. عبد الرحمن. نفحات الانس من حضرات القدس / تصحيح و مقدمه و تعليقات: محمود عابدی. – تهران: انتشارات جامی، ١٣٧٠ ش. / ١٩٩١ م. – ٩٢٤ ص.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА Л.ТОЛСТОГО «ПОСЛЕ БАЛА»

ЧОРИЕВА Шарофат Тураевна,

старший преподаватель кафедры русского языка и литературы
Денауского института предпринимательства и педагогики,
Доктор философии (PhD) по педагогическим наукам
(Денау, Узбекистан)

 E-mail: csharofat@gmail.com

 ORCID: 0009-0004-2338-8359

ЭШКУВВАТОВА Дилноза Музаффар кизи,

Магистрант Денауского института предпринимательства и педагогики,
(Денау, Узбекистан)

 E-mail: dilnozaeshquvattova@gmail.com

 DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.22082899>

Аннотация

Статья посвящена анализу способов выражения временных отношений в русском и узбекском языках с опорой на сопоставительный подход. В качестве эмпирического материала используется художественный текст Л.Н. Толстого «После бала», что позволяет выявить функционирование языковых средств в контексте реального дискурса. Особое внимание уделяется роли аффиксации в узбекском языке и системе предлогов и грамматических форм в русском языке, а также специфике использования послелогов как важного средства выражения временных значений в узбекском языке. В ходе исследования установлены как типологические сходства, так и существенные различия в способах репрезентации временных отношений, обусловленные структурными особенностями языков. Полученные результаты демонстрируют значимость морфологических и синтаксических средств в формировании временной семантики и вносят вклад в развитие контрастивной лингвистики, а также могут быть использованы в практике перевода и преподавания языков.

Ключевые слова: *русский и узбекский язык, синтаксис, сложноподчинённые предложения, придаточные предложения, временные отношения, аффиксы, союзы.*

L. TOLSTOYNING «BALLDAN KEYIN» HIKOYASI MATERIALLARI ASOSIDA RUS VA O‘ZBEK TILLARIDA ZAMON MUNOSABATLARINING IFODALANISH USULLARI

CHORIYEVA Sharofat To‘rayevna,

Denov tadbirkorlik va pedagogika instituti Rus tili va adabiyoti kafedrası
katta o‘qituvchisi, pedagogika fanlari bo‘yicha falsafa doktori (PhD)
(Denov, O‘zbekiston)

ESHQUVVATOVA Dilnoza Muzaffar qizi,

Denov tadbirkorlik va pedagogika instituti magistranti,
(Denov, O‘zbekiston)

Annotatsiya

Maqola rus va o‘zbek tillarida zamoniyl munosabatlarni ifodalash usullarini qiyosiy yondashuv asosida tahlil qilishga bag‘ishlangan. Empirik material sifatida L. N. Tolstoyning

“Posle bala” badiiy asari qo‘llanilib, bu til vositalarining real diskursdagi funksional xususiyatlarini aniqlash imkonini beradi. Tadqiqotda o‘zbek tilida affiksatsiyaning roli, rus tilida esa predloglar tizimi va grammatik shakllarning qo‘llanilishi alohida e‘tibor markazida bo‘lib, shuningdek, o‘zbek tilida zamoniy ma‘nolarni ifodalashda postpozitsiyalarning o‘ziga xosligi ko‘rib chiqiladi. Tadqiqot natijasida zamoniy munosabatlarni ifodalashda tipologik o‘xshashliklar va til tuzilishiga bog‘liq muhim farqlar aniqlandi. Olingan natijalar zamon semantikasini shakllantirishda morfologik va sintaktik vositalarning ahamiyatini ko‘rsatadi hamda kontrastiv lingvistika rivojiga hissa qo‘shadi, shuningdek, tarjima va til o‘qitish amaliyotida qo‘llanishi mumkin.

Kalit so‘zlar: *rus va o‘zbek tillari, sintaksis, qo‘shma gaplar, ergash gaplar, zamoniy munosabatlar, affikslar, bog‘lovchilar.*

WAYS OF EXPRESSING TEMPORAL RELATIONS IN RUSSIAN AND UZBEK BASED ON THE MATERIAL OF L. TOLSTOY’S SHORT STORY “AFTER THE BALL”

PhD, Sharofat CHORIEVA,

Teacher of department Russian Language and Literature,
Denau Institute of Entrepreneurship and Pedagogy,
(Denau, Uzbekistan)

Dilnoza ESHQUVVATOVA,

Master’s Student of Denau Institute of Entrepreneurship and Pedagogy
(Denau, Uzbekistan)

Abstract

The article analyzes the means of expressing temporal relations in the Russian and Uzbek languages using a comparative approach. The empirical material is drawn from the literary text “After the Ball” by L. N. Tolstoy, which makes it possible to identify the functioning of linguistic units in real discourse. Special attention is paid to the role of affixation in Uzbek and to the system of prepositions and grammatical forms in Russian, as well as to the specific use of postpositions as an important means of expressing temporal meanings in Uzbek. The study reveals both typological similarities and significant differences in the representation of temporal relations обусловленные structural features of the languages. The results demonstrate the importance of morphological and syntactic means in shaping temporal semantics and contribute to the development of contrastive linguistics, with practical implications for translation and language teaching.

Key words: *Russian and Uzbek languages, syntax, complex sentences, subordinate clauses, temporal relations, affixes, conjunctions.*

Вступление

Выражение временных отношений является одной из фундаментальных категорий любого языка, обеспечивающей логико-смысловую организацию высказывания. Сопоставительное изучение средств реализации этой категории в разноструктурных языках, каковыми являются русский (флективно-аналитический) и узбекский (агглютинативный), представляет значительный интерес для современной лингвистики. Временные отношения позволяют установить временную соотнесенность действий и событий, являясь важным элементом синтаксической организации предложения. При

сопоставительном анализе способов выражения временных отношений в русском и узбекском языках выявляются определённые трудности, обусловленные различиями в их грамматическом строе. В русском языке данные отношения, помимо наречий, преимущественно выражаются с помощью предлогов и подчинительных союзов, оформляющих придаточные предложения, тогда как в узбекском языке – посредством наречий, аффиксации, послелогов и постпозиций. Особенности узбекского языка, в частности широкое использование аффиксации и послелогов, определяют специфику выражения временных отношений по сравнению с русским языком.

Научная новизна настоящего исследования определяется комплексным сопоставительным анализом средств выражения временных отношений в русском и узбекском языках на материале рассказа Л. Н. Толстого «После бала». В отличие от большинства исследований, посвященных описанию отдельных грамматических явлений или основанных на разрозненном языковом материале, в работе используется единый художественный текст, что позволяет проследить особенности функционирования языковых средств в сопоставляемых языках в едином дискурсивном контексте.

Новизна исследования также заключается в комплексном рассмотрении морфологических, синтаксических и лексико-грамматических средств выражения временных отношений. Это позволило установить функциональные соответствия между разноуровневыми языковыми единицами русского и узбекского языков. Особое внимание уделено сопоставлению узбекских аффиксальных конструкций (например, *-ganda*, *-ganidan keyin*, *-guncha*) и русских союзных средств (когда, после того как, пока не), используемых для передачи временных отношений в художественном тексте.

Кроме того, в работе уточняется терминологический аппарат применительно к узбекским падежным формам (обосновывается предпочтительность использования терминов «местно-временной падеж» вместо «местный» и «аблативный» вместо «исходный»), что представляет интерес для исследований в области контрастивной грамматики и теории перевода и может послужить основой для дальнейших сопоставительных исследований тюркско-славянского языкового взаимодействия.

Целью настоящего исследования является сопоставительный анализ грамматических средств выражения временных отношений в русском и узбекском языках, а также выявление их структурно-функциональных особенностей. В современном русском и узбекском языках способы выражения временных отношений характеризуются как общими, так и специфическими особенностями.

Основная часть. В русском языке для выражения обстоятельств времени используются различные грамматические и лексико-грамматические средства. К ним относятся: наречия времени (вдруг, тотчас, давно, теперь и др.); предложно-падежные формы имён существительных, местоимений и субстантивированных частей речи (после ужина, в то время, к утру); деепричастия и деепричастные обороты (пройдя, сказав, не замечая и др.); фразеологизированные и несвободные сочетания (с минуты на минуту, день ото дня); сочетания числительных с существительными (в пятьдесят лет, в два часа, на третий день); сравнительные конструкции с временным значением (как только, едва лишь).

В сложноподчинённых предложениях временные отношения выражаются с помощью подчинительных союзов (когда, пока, как только, после того как и др.), которые указывают на одновременность, последовательность или предшествование действий.

В узбекском языке временные отношения выражаются с помощью аффиксов и постпозиций: -ganidan keyin, -ganidan so‘ng (после того как), -ganidan avval, -ganidan burun (до того как), -ganda (когда, в то время), -gan vaqtda, -gan paytda (в то время когда), -masdan (не делая, не сделав), -masdan oldin, -masdan burun (прежде чем), -a, -ib (деепричастные формы), -ib-gach (после того как), -guncha (пока не), -may (не делая), -ishi bilan (как только, сразу после того как) (Уринов, 2001: 133).

Перечисленные средства обеспечивают выражение различных временных отношений между действиями и событиями в предложении. Несмотря на наличие сходных способов выражения обстоятельств времени в русском и узбекском языках (см. таблицу 1), их грамматическая реализация имеет ряд существенных различий, обусловленных типологическими особенностями каждого языка.

Таблица 1.

Способы выражения обстоятельств времени в русском и узбекском языке	
В русском языке	В узбекском языке (узб. <i>payt holi</i>)
наречие времени предложно-падежные формы существительных и местоимениями деепричастие деепричастный оборот фразеологические и несвободные сочетания [7, с.105] Сочетание числительного с существительным сравнительные конструкции	наречие времени существительные в местно-временном падеже (o‘rin-payt kelishigi) (-da) – «когда» С падежными аффиксами Это ключевая особенность узбекского языка (агглютинация): послелогоми: ilgari, burun, avval, oldin, tomon, keyin, so‘ng, so‘ngra, beri, berli, buyon, boshlab, tortib, qadar/dovur (-gacha), ichida, deganda, bilan деепричастиями на – gan,- guncha,-ib формами на -gan,- il, формой -moq + местно-временной падеж, а также формами на -gan,-ish + послелоги [8, с.362] Сочетание числительного с существительным

Сопоставление данных, представленных в таблице 1, позволяет выявить как типологические сходства, так и существенные различия между русским и узбекским языками в способах выражения временных отношений. Общим для обоих языков является использование наречий времени, деепричастных форм и сочетаний числительных с существительными, которые выполняют сходную функцию – обозначают момент, период или длительность действия. Однако принципиальное различие заключается в способах грамматического оформления временных отношений. В русском языке преобладают аналитические средства – предлоги, падежные формы и союзная связь в сложноподчинённых предложениях, тогда как в узбекском языке ведущую роль играют агглютинативные аффиксы и послелоги, способные одновременно выражать временные и пространственные значения (например, аффикс местно-временного падежа -da). Анализ языкового материала показывает, что многие узбекские аффиксальные конструкции (например, -ganda, -ganidan keyin, -guncha) функционально соответствуют русским придаточным предложениям времени. Это свидетельствует о различной синтаксической организации средств выражения временных отношений: в русском языке они чаще оформляются в виде сложноподчинённых предложений, тогда как в узбекском языке

нередко реализуются в пределах простого предложения благодаря развитой системе нефинитных форм глагола.

Анализ научной литературы, в том числе фундаментальной «Грамматики современного узбекского литературного языка» А.Н. Кононова (1960), а также более поздних работ – «Ўзбек тилининг назарий грамматикаси» Н. Махмудова и А. Нурмонова (1995) и учебника «Хозирги ўзбек адабий тили» Б. Уринова (2001), – показывает, что в переводе названий узбекских падежей на русский язык отмечаются различные подходы. Это обусловлено тем, что падежные системы русского и узбекского языков существенно различаются как по составу, так и по значениям. В связи с этим представляется необходимым привести таблицу с названиями узбекских падежей, зафиксированными в научных источниках, и их значениями (см. таблицу 2).

Таблица 2

Падежные системы, зафиксированные в научных источниках, и их значения

Название падежей из научных источников		Буквальный перевод	Смысл названия	Окончания
Bosh kelishik	Именительный падеж	главный / основной падеж	базовая форма слова	–
Qaratqich kelishik	Родительный падеж	падеж направленности / принадлежности	указывает на принадлежность («чей?»)	-ning
Tushum kelishik	Винительный падеж	падеж направленности на объект	объект действия («кого? что?»)	-ni
Jo‘nalish kelishik	Дательный падеж	падеж направления в сторону объекта	движение к чему-то	-ga / -ka / -qa
O‘rin-payt kelishik	Местный падеж	падеж места и времени	где? когда?	-da
Chiqish kelishik	Исходный падеж(аблативный)	падеж выхода / точка исхода	откуда? из чего?	-dan

Использование терминов «местный падеж» и «исходный падеж» требует уточнения, поскольку они могут вызывать терминологическую неоднозначность. В связи с этим возникает необходимость обоснования терминов, используемых в настоящем исследовании.

«O‘rin-payt kelishigi» – падеж узбекского языка, выражающий значения места (где?) и времени (когда?). Ему соответствуют аффиксы -da / -de / -ta / -te (maktabda – в школе, uyda – дома, soat uchda – в три часа, yozda – летом).

Men maktabda o‘qiyman. – Я учусь в школе (где?)

U soat beshda keladi. – Он придёт в пять часов (когда?)

Поскольку данный падеж совмещает значения места и времени, наиболее точным представляется термин «местно-временной падеж». В отдельных случаях допустимо использование наименований «местный падеж» или «временной падеж», если актуализируется соответствующее значение. Однако в рамках настоящего исследования

для обеспечения терминологической точности используется термин «местно-временной падеж».

Термин «исходный падеж» также может вызывать неоднозначное толкование, поскольку способен ассоциироваться с понятием исходной (начальной) формы слова. Во избежание терминологической путаницы в работе используется термин «аблативный падеж».

Результаты и обсуждение. Результаты сопоставительного анализа способов выражения обстоятельств времени в простых предложениях русского и узбекского языков на материале рассказа Л.Н. Толстого «После бала» представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Сопоставительный анализ способов выражения обстоятельств временных отношений по рассказу Л.Н.Толстого «После бала»

Примеры	Вопросы	Синтаксическая роль	Способы выражения
<u>Вдруг</u> полковник остановился и быстро приблизился к одному из солдат.	Когда?	Обстоятельство времени	непроизводное наречие времени
<u>Birdan</u> polkovnik to‘xtadi va tezda askarlardan biriga yaqinlashdi.	Когда?	Обстоятельство времени	Производное наречие времени (bir – числительное («один»)-dan – аффикс исходного падежа bir + dan → birdan)
Она и <u>в пятьдесят лет</u> была замечательная красавица	Когда?	Обстоятельство времени	предложно-падежная форма сочетания числительного с существительным
U xatto <u>ellik yoshida</u> ham ajoyib go‘zal edi	Когда?	Обстоятельство времени	предложно-падежная форма сочетания числительного с существительным
Но не было у нас <u>в то время</u> в нашем университете никаких кружков	Когда?	Обстоятельство о времени	предложно-падежная форма сочетания существительного с указательным местоимением
<u>Ammo o‘sha paytda universitetimizda hech qanday to‘garaklar bo‘lmagan</u>	Когда?	Обстоятельство о времени	предложно-падежная форма сочетания существительного с указательным местоимением (П.п.)
<u>Пройдя шагов сто</u> , я из-за тумана стал различать много черных людей	После чего?	Обстоятельство о времени	деепричастный оборот с количественно-именным сочетанием (числ.+сущ.)
<u>Yuz qadamcha yurgach</u> , tuman orasidan ko‘plab qora odamlarni ajrata boshladim	После чего?	Обстоятельство о времени	деепричастный оборот с количественно-именным сочетанием (числ.+сущ.)

В сложноподчинённых предложениях временные отношения сохраняют ту же синтаксическую функцию, что и в простом предложении, уточняя время совершения действия, выраженного в главной части.

В русском языке временные отношения выражаются с помощью предлогов и подчинительных союзов (когда, пока, как, после того как, как только и др.), которые указывают на временную соотнесённость действия главного предложения с другим действием или событием (Алиева, 2023: 223).

В узбекском языкознании временные и другие виды придаточных предложений традиционно рассматриваются как относящиеся ко всему главному предложению. Вместе с тем по своему содержанию они близки обстоятельственным членам предложения, поскольку уточняют действие или состояние, выраженное сказуемым главной части. По этому поводу А.Н. Баскаков отмечает: «Таким образом, их содержание связано не с целостным содержанием главного предложения, а с содержанием его предиката, который в любом предложении является смысловым и грамматическим центром» (Баскаков, 1984: 164). Из приведённого положения следует, что придаточные предложения времени непосредственно соотносятся со сказуемым главной части, конкретизируя время совершения действия или состояния. Следовательно, по своей семантической и синтаксической функции они близки обстоятельствам времени. Аналогичную функцию выполняют и средства выражения временных отношений в русском языке. (*Когда делали фигуры мазурки вальсом*), [*я подолгу вальсировал с нею*] ... (Толстой, 1984: 312). (*Mazurka figuralarini vals bilan bajarayotganlarida*), [*men u bilan uzoq vaqt vals tushardim*] ... В обоих примерах придаточная часть обозначает время действия, выраженного сказуемым главной части, и отвечает на вопрос когда? Следовательно, в русском и узбекском языках придаточные предложения времени выполняют одинаковую синтаксическую функцию – указывают на время совершения действия главной части предложения.

В узбекском языке рассматриваемый пример также представляет собой сложноподчинённое предложение, состоящее из главной части (*Men u bilan uzoq vaqt vals tushardim*) и придаточного времени (*Mazurka figuralarini vals bilan bajarayotganlarida*). Придаточная часть указывает на время совершения действия, выраженного сказуемым главного предложения, и отвечает на вопрос qachon? («когда?»).

Сопоставление приведённых примеров показывает, что в русском языке временные отношения в сложноподчинённых предложениях обычно выражаются при помощи союзов (когда, пока, после того как и др.), тогда как в узбекском языке – аналогичную функцию выполняют глагольные формы с временными аффиксами *-ganda*, *-ganida*, *-ganlarida*. Так, в предложении *Mazurka figuralarini vals bilan bajarayotganlarida, men u bilan uzoq vaqt vals tushardim* аффикс *-ganlarida* самостоятельно выражает временное значение и связывает придаточную часть с главной.

Таким образом, классификация придаточных предложений в узбекском языке во многом соответствует их классификации в других языках. Это закономерно, поскольку теория сложноподчинённого предложения в тюркских языках тесно связана с теорией простого предложения (Махмудов, 1995: 104).

Результаты сопоставительного анализа способов выражения временных отношений в сложноподчинённых предложениях русского и узбекского языков на материале рассказа Л.Н. Толстого «После бала» представлены в таблице 3.

Таблица 3.

Сопоставительный анализ способов выражения обстоятельств временных отношений по рассказу Л.Н.Толстого «После бала»

Но не в том дело: <i>то</i> , что я хочу рассказать, было <i>в сороковых годах</i>	Когда?	Обстоятельст во времени	предложно-падежная форма сочетания существительного с относительным прилагательным (П.п.)
Lekin gap bunda emas: men aytmoqchi bo‘lgan voqea qirqinchi yillarda bo‘lgan	Когда?	Обстоятельст во времени	предложно-падежная форма сочетания существительного с порядковым числительным (o‘rin-payt kelishigi- местно-временным падежом)
<u>После ужина</u> я танцевал с нею обещанную кадрили, и, несмотря на то, что был, казалось, бесконечно счастлив, счастье мое все росло и росло	Когда?	Обстоятельст во времени	предложно-падежная форма существительного с предлогом после (Р.п.)
<u>Kechki ovqatdan keyin</u> men u bilan va‘da qilingan kadrilni raqs qildim, va, go‘yo cheksiz baxtli bo‘lganimga qaramay, baxtim yanada o‘sib borardi.	Когда?	Обстоятельст во времени	сочетанием имени существительного с относительным прилагательным в местно-временном падеже (o‘rin-payt kelishigi) с послелогом «кейин»
Только когда он был совсем близко, я расслышал эти слова	Когда?	Придаточное времени в СПП	придаточное предложение времени с союзом «когда», указательная частица «только» усиливает значение момента
Faqat u juda yaqin kelganda, men bu so‘zlarni eshitdim.	Когда?	Придаточное времени	деепричастной формой (ravishdosh) с аффиксом - ganda: kelganda – «когда был / когда оказался», что функционально соответствует значению придаточного времени с союзом «когда» в русском языке

Анализ языкового материала, представленного в таблицах 2 и 3, позволяет выявить ряд устойчивых соответствий между русскими и узбекскими средствами выражения временных отношений.

Во-первых, наблюдается регулярная корреляция между русскими предложно-падежными конструкциями с предлогами после, в, до и узбекскими сочетаниями послелогов keyin, oldin, burun с аффиксами исходного или местно-временного падежа (kechki ovqatdan keyin – после ужина; qirqinchi yillarda – в сороковых годах). Это свидетельствует о том, что оба языка используют сходную пространственную модель для

выражения временных отношений. Вместе с тем в русском языке она реализуется преимущественно посредством предлогов, тогда как в узбекском – с помощью послелогов и падежных аффиксов.

Во-вторых, русские деепричастные обороты систематически соответствуют узбекским деепричастным формам на *-ib* и *-gach* (Пройдя шагов сто – *Yuz qadamcha yurgach*). При этом в узбекском языке данные формы являются регулярным грамматическим средством выражения предшествования, тогда как в русском языке деепричастные конструкции отличаются большей стилистической ограниченностью.

В-третьих, сопоставление сложноподчинённых предложений показывает, что русское придаточное времени с союзом *когда* в узбекском языке передаётся глагольной формой с аффиксом *-ganda* (когда он был совсем близко – *u juda yaqin kelganda*). Это подтверждает, что в узбекском языке временная связь между действиями выражается непосредственно глагольной формой, благодаря чему конструкция сохраняет семантическую эквивалентность при более компактной синтаксической организации.

Таким образом, анализ языкового материала свидетельствует о закономерном различии в способах выражения временных отношений. Русский язык преимущественно использует аналитические синтаксические средства, тогда как узбекский – синтетические морфологические средства. Это обуславливает различия в синтаксическом оформлении предложений при сохранении их семантической эквивалентности.

Выводы

Проведённый сопоставительный анализ языкового материала рассказа Л.Н. Толстого «После бала» позволил выявить ряд устойчивых закономерностей в выражении временных отношений в русском и узбекском языках.

1. Структурная организация временной семантики. В русском языке временные обстоятельства преимущественно оформляются аналитическими средствами – предложно-падежными конструкциями (после ужина, в то время, в сороковых годах) и подчинительными союзами (когда, после того как), что предполагает развёртывание временного значения в рамках словосочетания или сложноподчинённого предложения. В узбекском языке, напротив, преобладают синтетические (агглютинативные) средства выражения времени: аффиксы местно-временного падежа (*-da*), деепричастные формы (*-ganda*, *-ib*) и послеложные конструкции (*keyin*, *oldin*, *burun*), позволяющие передавать аналогичные значения в пределах простого предложения. Иными словами, русский язык тяготеет к синтаксическому выражению временных отношений, тогда как узбекский – к их морфологическому оформлению.

2. Функциональная эквивалентность разноуровневых средств. Анализ показал, что узбекские аффиксальные формы (*-ganda* – «когда», *-ganidan keyin* – «после того как», *-guncha* – «пока не») регулярно соответствуют русским придаточным предложениям времени, вводимым союзами. Это свидетельствует о том, что в узбекском языке функцию временной конкретизации выполняют нефинитные глагольные формы, тогда как в русском языке она реализуется преимущественно средствами синтаксиса. Данное различие имеет практическое значение для перевода, поскольку при передаче подобных конструкций на русский язык нередко требуется преобразование простого предложения в сложноподчинённое.

3. Сочетаемость средств выражения времени. В обоих языках временные отношения могут передаваться сочетанием нескольких грамматических средств: наречием и падежной

формой, союзом и указательным словом, а также аффиксом и послелогом (*kechki ovqatdan keyin*). Вместе с тем в узбекском языке подобные сочетания отличаются большей регулярностью и степенью грамматикализации, поскольку послелоги и аффиксы образуют устойчивые аналитико-синтетические конструкции. В русском языке выбор предлогов и союзов в большей степени определяется лексико-семантическими особенностями высказывания.

4. Особенности выражения моментальности и длительности действия. В русском языке для передачи моментальности широко используются наречия (*вдруг, тотчас*) и частицы при союзах (*только когда, едва лишь*). В узбекском языке аналогичные значения преимущественно выражаются аффиксальными формами с соответствующей семантикой (*-ishi bilan* – «как только») и деепричастными конструкциями, что подтверждается материалом исследования.

Таким образом, проведённое исследование показывает, что различия в грамматическом строе русского и узбекского языков обуславливают не только различный набор языковых средств, но и разные способы выражения временных отношений. Если русский язык преимущественно реализует временную семантику посредством синтаксических конструкций, то узбекский язык – главным образом с помощью морфологических средств. Несмотря на структурные различия, оба языка обладают функционально сопоставимыми механизмами выражения временных отношений, обеспечивающими передачу одинаковых смысловых значений.

Полученные результаты могут быть использованы в исследованиях по контрастивной лингвистике, в теории и практике перевода, а также при преподавании русского языка узбекской аудитории и узбекского языка как иностранного.

Iqtiboslar/ References/ Kaynaklar/ Сноски:

1. Алиева Э.А. Современный русский язык. Синтаксис: учебник. – Сурхандарья: Фидокор ёш авлод, 2023. – 320 с.
2. Баскаков А.Н. Предложение в современном турецком языке. – М.: Наука, 1984. – 248 с.
3. Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 446 с.
4. Махмудов Н., Нурмонов А. Ўзбек тилининг назарий грамматикаси (Синтаксис). – Тошкент: Ўқитувчи, 1995. – 256 с.
5. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 12 т. – Т. 11. – М.: Правда, 1984. – 574 с.
6. Уринов Б. Ҳозирги ўзбек адабий тили. – Самарқанд: СамДУ нашр-матбаа маркази, 2001. – 220 с.

Чориева Ш.Т., Чориев Б.А., Хурсандова М. Научитесь шаг за шагом анализировать простое предложение. *Tadbirkorlik va pedagogika. Ilmiy-uslubiy jurnal*. ISSN: 2181-2659. [1/2024]. С. 3-9 <https://inlibrary.uz/index.php/entrepreneurship-pedagogy/article/view/43712> (Дата обращения 02.04.2026).

O‘ZBEK VA NEMIS TILLARIDA PREDMETLIK VA NOPREDMETLIK KATEGORIYALARINING PRONOMINAL IFODASI

AZIMOVA Zuhro Ismatilloevna,

Sharof Rashidov nomidagi Samarqand davlat universiteti
assistenti, (PhD) (Samarqand, O‘zbekiston)

 E-mail: zuhroazimova9@gmail.com

 ORCID: 0009-0006-4376-861X

 DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.22082580>

Annotatsiya

Maqolada o‘zbek va nemis tillarida son va jinsga oid umumiy va xususiy kategoriyalar, ular o‘rtasida kuzatiladigan morfologik hamda leksik parallelizm – jins kategoriyasining yo‘qligi, agglutinatив tuzilish, affiksatsiyaning ustuvorligi va ayrim ildiz shakllarining yaqinligi Helbig, Busha, Chomskiy, Grim, Sossyur qarashlari asosida tahlil qilinadi. Shuningdek, XX asrgacha son kategoriyasi falsafiy tushuncha sifatida, keyinchalik Ferdinand de Sossyur son kategoriyasining lingvistik asoslarini tizimlashtirib, tilni o‘z ichki tizimiga ega bo‘lgan mustaqil struktura sifatida o‘rganadi, son tushunchasini grammatik kategoriya sifatida tahlil qiladi va son belgilar tizimi ichida semantik va fonetik farqlanish vositasi ekanligini izohlaydi.

Aniqlik/noaniqlik kategoriyasi tilda referentning aniq yoki noaniq ekanligini bildiradi. Bu kategoriya, asosan, rod (Geschlecht) va son (Zahl) kategoriyalari bilan birga olmoshlar va predikatlarning grammatik xususiyatlarini shakllantiradi. Nemis va o‘zbek tillarida aniqlik/noaniqlik kategoriyalarining roli va ishlatilishi farqli, chunki bu tillarda grammatik tizimlar va semantik shakllar o‘ziga xosdir.

Kalit so‘zlar: *o‘zbek va nemis tillarida olmoshga xos xususiyatlar, rod kategoriyasi, son kategoriyasi, umumiy va xususiy kategoriyalar, aniqlik, noaniqlik, predikativlik, olmoshlar evolyutsiyasi.*

ПРОНОМИНАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИЙ ПРЕДМЕТНОСТИ И НЕПРЕДМЕТНОСТИ В УЗБЕКСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

АЗИМОВА Зухро Исматилловна,

ассистент Самаркандского государственного университета
имени Шарофа Рашидова, доктор философии (PhD) по филологическим наукам
(Самарканд, Узбекистан)

Аннотация

В статье анализируются общие и специфические категории числа и рода в узбекском и немецком языках, а также наблюдаемый между ними морфологический и лексический параллелизм — отсутствие категории грамматического рода, агглютинативная структура, преобладание аффиксации и сходство отдельных корневых форм. Анализ проводится на основе взглядов таких учёных, как Вольфганг Хельбиг, Йоахим Буша, Ноам Хомский, Якоб Гримм и Фердинанд де Соссюр.

Кроме того, отмечается, что до XX века категория числа рассматривалась преимущественно как философское понятие. Позднее Фердинанд де Соссюр систематизировал лингвистические основы категории числа, исследуя язык как самостоятельную структуру со своей внутренней системой. Он анализировал понятие числа

как грамматическую категорию и объяснял, что в системе языковых знаков число выступает средством семантической и фонетической дифференциации.

Категория определённости/неопределённости выражает степень конкретности или неконкретности референта в речи. Данная категория, наряду с категориями рода (Geschlecht) и числа (Zahl), формирует грамматические особенности местоимений и предикатов. Роль и употребление категорий определённости и неопределённости в немецком и узбекском языках различаются, поскольку грамматические системы и способы семантического выражения в этих языках имеют свои особенности.

Ключевые слова: особенности местоимений в узбекском и немецком языках, категория рода, категория числа, общие и специфические категории, определённость, неопределённость, предикативность, эволюция местоимений.

THE PRONOMINAL EXPRESSION OF THE CATEGORIES OF OBJECTIVITY AND NON-OBJECTIVITY IN UZBEK AND GERMAN

AZIMOVA Zuhro,

Assistant teacher (PhD) Samarkand State university
named after Sh. Rashidov (Samarkand, Uzbekistan)

Abstract

The article analyzes the general and specific categories of number and gender in the Uzbek and German languages, as well as the morphological and lexical parallelism observed between them, including the absence of the gender category, the agglutinative structure, the predominance of affixation, and the similarity of certain root forms. The study is based on the views of Wolfgang Helbig, Joachim Buscha, Noam Chomsky, Jacob Grimm, and Ferdinand de Saussure. Furthermore, the article notes that until the twentieth century, the category of number was mainly regarded as a philosophical concept. Later, Ferdinand de Saussure systematized the linguistic foundations of the category of number by studying language as an independent structure with its own internal system. He analyzed the concept of number as a grammatical category and explained that, within the system of linguistic signs, number serves as a means of semantic and phonetic differentiation.

The category of definiteness/indefiniteness indicates whether a referent is specific or non-specific. This category, together with the categories of gender (Geschlecht) and number (Zahl), shapes the grammatical characteristics of pronouns and predicates. The role and use of definiteness and indefiniteness differ in German and Uzbek because the grammatical systems and semantic forms of these languages are distinct.

Key words: characteristics of pronouns in Uzbek and German, gender category, number category, general and specific categories, definiteness, indefiniteness, predicativity, evolution of pronouns.

Kirish

“*Tilning predmetligi*” (nemischa *Gegenständlichkeit der Sprache*) – bu tilning atrofdagi narsalar yoki voqealarga ishora qilish va ularni tasvirlash qobiliyatini anglatib, til falsafasi va tilshunoslikdagi markaziy mavzulardan biridir. Tilning predmetligiga oid nazariyalaridan biri “organon modeli”da Karl Byuler tilni *tasvirlovchi (darstellende)*, *ifoda (Ausdrucksfunktion)* va *ta’sir etuvchi (Appellfunktion)* kabi uch asosiy funksiyaga ajratadi. Tilning *tasvirlovchi* funksiyasi aynan tilning predmetga yo’naltirilganligini bildiradi – til bu orqali real olmoshga ishora qiladi

(K.Byuler, 1934: 434 b.). E. Benvenist – til orqali subyektivlikni, E.Sepir *vorf gipotezasida* insonning fikrlashi dunyoni qabul qilishiga ta’sir qilishi, til orqali dunyo har xil tarzda tasvirlanishini ilgari suradi. Ferdinand de Sossyur esa strukturalizm nazariyasi til va real obyekt o’rtasidagi aloqa(arbitrar) mavjudligiga asoslanadi. Richard Ho’nigswald esa predmetlik va aniqlik til orqali faqat narsalarni emas, balki ularning xususiyatlari va o’zaro munosabatlarini ham belgilashi mumkinligini, til – bu tushunish va aniqlik vositasi; u orqali obyektlar ongda tushunarli bo’lishini ta’kidlaydi (Hönigswald, 1970: S. 81).

Asosiy qism.

Hind-yevropa tillaridagi olmosh tizimlarini taqqoslovchi tadqiqotlar ikki jihatni ko’rsatadi: a) hind-yevropa tillaridagi olmoshlar lug’at tarkibi, asosan, qadimiy ildizlarga borib taqaladi. So’z turkumlarining tarkibi til tizimining kichik qismlarida ko’rinadigan shakl o’xshashliklari va etimologik bog’liqliklar orqali aniqlanadi. Bunday yagona xususiyatni, masalan, *so’roq* (*interrogativ*), *noaniq* (*indefinit*) va *inkor* (*negativ*) olmoshlar ko’rsatadi. Ular boshqa olmosh turlaridan *son* (birlik/ko’plik) yoki *jins* farqlari bilan emas, balki shaxs va predmetga nisbatan ikki toifali tizim va shaxssizlik (*Zweiklassensystem für Personen und Nichtpersonen*) orqali farqlanadi. Bu olmoshlar umumiy shakllarda faqat shaxsga yoki predmetga nisbatan murojaatni bildiradi va *mavjudlik*, *so’rash*, *fikr yuritish* yoki *istisnoni ko’rsatish* uchun xizmat qiladi; b) parallelliklar semantik-funksional jihatdan “qatorlar” (Reihen) tashkil topishigacha ko’zga tashlanadi (Grimm J., Grimm W., 1960: 1545).

Olmoshlar katalogi har yerda o’ziga xos tarzda tizimlashtirilgan: so’roq so’zlari ro’yxatiga javob berish uchun mos keluvchi, tovush jihatdan (qisman) mos bo’lgan olmosh guruhlariga qarama-qarshi qo’yiladi. Nemis tilida, masalan, so’roq so’zlari birinchi tovushiga ko’ra “V-so’zlar” (W-Wörter) deb tasniflanadi, ularga qarama-qarshi qo’yilgan olmoshlar esa “D-so’zlar” (D-Wörter) deyiladi. Bunga misol sifatida *weswegen* – *deswegen* (nima uchun-shuning uchun) juftligini keltirish mumkin.

Olmoshlar tilning eng muhim grammatik vositalaridan biri bo’lib, ma’no va grammatik xususiyatlariga ko’ra shaxs va predmet nomlari o’rnida, ularni *ko’rsatish*, *so’rash*, *belgilash*, *jamlash*, *gumon*, *inkor qilish*, *ish-harakatni o’ziga yo’naltirish* orqali ko’rsatadi. Predmetlik tushunchasi grammatik umumlashtirish xususiyatiga, leksik ma’nosiga ega ot so’z turkumidagi so’zlardir. Olmoshlar gapda ular o’rnida turli sintaktik funksiyalarni bajaradi, masalan, *subyekt*, *obyekt*, yoki *predikatning bir qismi* (ot-kesim) vazifasida keladi. A.G’ulomov: “... *lekin shunday so’zlar ham borki, ularning yakka holda qaysi so’z turkumiga kirishini aniqlab bo’lmaydi*”, (A.G’ulomov, 2009: 165.) – degan izohidan so’ng sanab bergan holatlarni, qo’llanishlarini predmetlik, belgi-xususiyat va holat ma’nolari diffuz shaklda mujassamlashgan, taqlidlangan hol, aniqlovchi, ega va to’ldiruvchi vazifalarida kela olishini konversiyaga kiritib bo’lmaydi. Bunday hollarda *nimaningdir* (*qandaydir* so’zning) tushirib qoldirilishi sezilmaydi (Sayfullayeva R.R., Mengliyev B.R., Boqiyeva G.H., Qurbonova M.M., Yunusova Z.Q., Abuzalova M.Q., 2010: 153).

So’z semantik strukturasining o’zida predmetlik va belgi-xususiyat ma’noli semema mujassamlashgan (polisemiya), yoki undan ham farqlovchi, lekin tilshunoslikda hali maxsus o’rganilmagan difsemiya – so’zning semantik strukturasida bir-biridan mutlaqo ajralmagan holda turli xil yondosh sememalarning mavjudligi hodisasi va nutqiy sharoit shu sememalardan birini voqelantiradi.

Nemis va o’zbek tillarida olmoshlar umumiy kategoriyalari jihatidan o’xshash, lekin xususiy grammatik jihatlarida sezilarli farqlarga ega. Nemis tilida olmoshlarning *jins*, *kelishik* va *son* bilan bog’liq grammatik ko’rsatkichlari aniq, moddiy borliq, predmetli shakllari ot bilan

ifodalangan referentni ifodalab, grammatik jihatdan *ega yoki to'ldiruvchi* gap bo'lagi vazifasida keladi. *Nopredmet olmoshlar* mavhumlik, ko'rinadigan predmet emas, funksiya, sifat yoki jarayonni bildirib, gapda kesim, aniqlovchi yoki hol vazifasida keladi. Asosan, boshqa so'z turkumlari, gaplar, otlik xususiyatini yo'qotgan so'zlar bilan bog'lanib, “nomlanmaydigan referent”ni, noaniq yoki abstrakt tushunchani ifodalab keladi. Tilshunoslikda predmetlik (subyektivlik) va nopredmetlik (abstraktlik) kategoriyalari olmoshlarning semantik va grammatik xususiyatlarini aniqlashda muhim rol o'ynaydi. Nemis tilida olmoshlar aniq shaxs yoki predmetni emas, balki umumiy tushunchalar, miqdoriy ko'rsatkichlar yoki noaniq mazmunni ifodalab kelishi mumkin.

Etzel sprang auf. Er dachte, es sei ein Unglück geschehen. Er wollte zur Tür hin, jedoch Robert packte ihn an der Schulter, hielt ihn fest und raunte ihm mit verzerrter Miene, seine Hauerzähne bleckend, heiser zu: “Rühr dich nicht, oder du kriegst es mit mir zu tun!” Da war es also, was er bis zum Zittern gefürchtet, was er hatte verdecken wollen wie einen ekelhaften Ausschlag auf der Stirn. (Jakob Wassermann. Der Fall Maurizius)

Bu yerda es ibora tarkibida *ega* (mavhum ma'noda, *tarjima qilinmaydi*), was (*nimadir*) to'ldiruvchi vazifasida keladi.

Es shaxssiz olmoshi (*es*), odatda, nopredmetlik kategorial ma'nosiga *ega* bo'lib, gapda ish-harakatni bajaruvchi nafaqat noma'lum bo'lsa, balki to'liq ishtirok etmasa, *ega* vazifasini bajaradi.

1. Ob-havoni ifodalovchi fe'llarning aniq bajaruvchisi (*Agens*) yo'q bo'lsa: *Es scheint, es regnet* va boshqalar.

2. Tabiat hodisalarini ifodalovchi fe'llar “*es*” bilan: *Und es wallet und siedet und brauset und zischt, wie wenn Wasser mit Feuer sich menget* (Die Geräuschfarben, F. Schiller).

3. Ko'chma ma'noda keluvchi shovqinni ifodalovchi fe'llar: *es kritisierte von Fragen – Savollardan o't chaqnardi.* (A.Seghers, “Die Entscheidung”)

4. Jonli va jonsiz narsalarning noma'lum harakat bajaruvchisini ifodalash uchun: *Es klappt irgendwo – Qayerdir taqillab ketdi.*

5. “*Es*” hodisani ifodalovchi fe'llar bilan: *Es kommt vor, es geschieht, es handelt* (Saidov, 2003: 103 b.)

6. *Es* har bir fe'lda shaxssiz ma'noda, shaxs bilan munosabatga kirishuvchiga tegishli fe'llar haqida gap ketsa, bu shaxssizlantirishning vositasidir. *Es seufzte.. irgendwas. Oder irgendwer. Der Schnee verschwieg ihn... Manchmal bog sich ein Ast von dem Schnee. Und der rutsche dann zwischen den schwarzblauen zweigen zu boden. Und seufzte dabei ganz leise... (W. Borchert, Der viele viele Schnee.) Meiner Regen sind trocken, aber es weint in mir (B.Kellermann, Ingeborg) Es jubelte in mir. Es lachte in mir. Shaxssiz olmosh inson erkin hissiyotlaridan biri bo'lgan tasavvurni yodga soladi.*

7. *Es+nominale Prädikat.* *Es* ot kesim bilan tabiat va insonlarning holatini ifodalab keladi. *Es ist hell. Es ist Tag; es ist gemütlich.*

8. Bir qancha gap strukturalarida “*es*” muhim ahamiyatga *ega* va u faqat to'g'ri so'z tartibli gap shaklida bo'ladi. Masalan, majhul nisbatdagi strukturalarda hissiyot, sezishni ifodalovchi fe'llarda: *es friert mich-mich friert – Meni sovqottirdi, meni muzlatdi.* “*Es*” shaxssiz to'ldiruvchi sifatida ham qo'llanadi. *Du hast es hier gut.* “*es*” korrelat sifatida kelmoqda (V. Duden, 2022: 218.).

Es sintaktik jihatdan gapda *ega* vazifasini bajaradi, semantik jihatdan ko'p ma'nolarda ishlatiladi. Bundan ma'lum bo'ladiki, nemis tilida olmoshlar miqdor, shakl, rod, kelishik kategoriyalariga ko'ra o'zbek tilidan farq qiladi. Gapda bajargan vazifasiga ko'ra o'zbek tilidagi

olmoshlarga mos keladi.

1. *ein bisschen* va *ein wenig* birikmali noaniq olmoshlari “*etwas*” biroz degan ma’noni anglatadi. *ein* o’rniga *bisschen* bilan aniq artikl kelishi mumkin. *Kein* bilan esa egalik olmoshlari kabi bog’lanadi. Nemis tilida olmosh, o’zbek tilida esa ravish so’z turkumiga tegishli.

Kein inkor olmoshi salbiy ma’noda qo’llanilib, xuddi noaniq artikl *ein* kabi turlanishga ega. *Niemand* (*hech kim*) va *nichts* (*hech narsa*) inkor olmoshlari shaxs va narsani inkor qilishda qo’llanadi. Leksik ma’nosiga ko’ra nemis tilida noaniq olmosh, o’zbek tilida esa bo’lishsizlik olmoshiga kiritiladi.

Ich habe dort Leute. Ich hab dort ein Haus. Ich hab dort ein Boot. Ohne Vorträge, in keinem Kataster verzeichnet, nicht versichert: keine Investition, auf die man in einemschwankenden Leben ohne materielle Sicherheit zurückgreifen könnte, Ich besitze dort nichts. Hab auch keine Schulden. Auch kein schlechtes Gewissen; muß nicht Schuldgefühle in Heimweh verwandeln. (Christine Wolter. Die Alleinseglerin.)

U yerda odamlarim bor. U yerda mening uyim bor. U yerda mening qayig’im bor. Ma’ruzalar, kadastr ro’yxatidan o’tish, sug’urtalash ham yo’q: moddiy ta’minotsiz o’zgaruvchan hayotda qaytib keladigan sarmoya yo’q. Men u yerda hech narsaga ega emasman. Aybdorligim ham yo’q, vijdon azobi ham; Vatan sog’inchini aybdorlik hissiga aylantirishim ham shart emas (Kristin Volter. Yakkaxon dengizchi.).

Nemis tilidagi gaplarda eganing gapdagi o’rni qat’iy, olmoshlar bilan sermahsul qo’llanadi. O’zbek tilida esa, belgisiz ko’rinishda semantik jihatdan ma’no anglashiladi.

2. *ein paar, einige, wenige, etliche* ravishlari o’zbek tilida “*bir juft*“, “*bir qancha*“, “*biroz*“, “*ozgina*” ma’nolarida qo’llaniladi. Bosh harf bilan yoziladigan *Paar* esa turlanadigan otga qarama-qarshi juftlik o’xshashlik, ikkita o’zaro moslik yoki narsa va predmetga tegishlilikni ifodalaydi va uning oldidan noaniq artikl turlanadi:

mit einem/zwei Paar schwarzen Schuhen (oder: schwarzer Schuhe). (bir juft qora poyabzal).

Birikma ko’plik shaklda berilgan, tarjimada esa birlik shaklda. Bundan o’zbek tilidagi ot turkumidagi so’zlarning ko’plik shakli belgisiz ko’rinishda beriladi, nemis tilida esa ko’plik qo’shimchalarining ko’rsatilishi shart.

die, diese paar birikmalarda alohida ajratilgan ma’no, kattalikni ifodalab keladi, faqat aniq artiklgina turlanadi.

Ich soll ja mitmachen die paar Wochen (Th. Mann). In den diesen paar Tagen habe ich viel erlebt. Mit den paar Mark soll ich auskommen?

Jonlilik/jonsizlik tushunchalari lingvistikada shaxs, narsa va predmetlarning mavjudlik xususiyatlarini ifodalaydi. Bu kategoriya, ayniqsa, referentlarning real yoki noaniq mavjudligi bilan bog’liq bo’lib, olmoshlar va predikatlarning qanday ma’no yuklashini aniqlashda muhim rol o’ynaydi:

1. Jonli (animatsiya) shaxslar, hayvonlar yoki jonli mavjudotlar bilan bog’liq bo’lgan predikatlar yoki olmoshlar. Jonli mavjudotlar, masalan, odamlar, hayvonlar.

Jonli referent (o’zbek tili): *Hamma-hammasi Amirni jismonan hiyla toliqtirgandi. U kaltakni ko’tarolmay hushidan ketdi* (U.Hamdham. Muvozanat).

2. Jonsiz (inanimatsiya) narsa yoki obyektlar bilan bog’liq bo’lgan predikatlar va olmoshlar.

O’zbek tilida olmoshlarni eng yirik tasniflash *kim, nima, qayer, qaysi* so’roqlari asosida amalga oshiriladi: *kim* so’rog’iga javob bo’ladigan so’zlar *shaxsga oid otlar* (*inson, o’qituvchi,*

tarbiyachi) hisoblansa, qolgan qismi *nima* so‘rog‘iga javob bo‘lib, *predmetga oid otlar* (dars, kitob, mushuk, daraxt) sanaladi. Xususan, Sharq olamida, shu jumladan, o‘zbek tilida *borliq kishi va nokishi* deb ikkiga ajratiladi, shunga ko‘ra *nokishi* tushunchasi ostiga jonsiz predmetlar bilan birga jonli predmetlar ham mansub deb tushuniladi (Rahmatullayev, 2006:204).

Mein Freund Peter hatte vorher gewusst, dass sie *übrigens ohne Absprache* untereinander entschlossen waren, Demokratie zu spielen, und welche Rolle jedem einzelnen in diesem Stück zufiel. *Er selbst* hatte natürlichenttäuscht zu sein, bekümmert, dann halb und halbwaffnet, *er* hatte gut dosierten Widerstand zu leisten und ihn genau im richtigen Moment zögernd, aber den besseren Argumenten weichend, aufzugeben. (Christa Wolf. Unter den Linden.)

Bu misoldagi *mein Freund Peter* va *er* jonli referentni ifodalab, anaforik vazifa bajarib kelgan.

Die schwarze Maserung bildete ein Muster von eigentümlicher Schönheit. Es überraschte mich, dass *ich* so etwas überhaupt bemerkte, aber dann wurde *mir* klar, dass nicht *ich* es war, *der das* wahrnahm. *Es* war Iwan.

Qora don o‘ziga xos go‘zallik namunasini yaratdi. Men buni hatto payqaganimga hayron bo‘ldim, lekin keyin buni men emasligimni angladim. Bu Ivan edi.

Bu yerda *die schwarze Maserung* va *es* olmoshi jonsiz referentga ishora qiladi.

2.2.1-jadval

Jonli va jonsiz referentlarning farqlari

Asosiy parametrlar	Jonli referentlar (animatsiya)	Jonsiz referentlar (inanimatsiya)
Referent turi	Odamlar, hayvonlar, jonli mavjudotlar	Buyumlar, obyektlar, tushunchalar
Olmoshlar	<i>ich</i> (men), <i>du</i> (sen), <i>er</i> (u), <i>wir</i> (biz)	<i>das</i> (bu), <i>es</i> (u)
Grammatik yondashuv	Jonli predmetlar bilan bog‘liq predikatlar va gaplar	Jonsiz predmetlar bilan bog‘liq predikatlar va gaplar

Jonli/jonsiz kategoriyasi tilda predikatlar va olmoshlarning semantik o‘zgarishini ifodalaydi. Jonli referentlar bilan bog‘liq gaplar jonli subyektlarni bildiradi va bu gaplarda olmoshlar o‘zgaradi, chunki ular jonli mavjudotlarni ifodalash uchun ishlatiladi. Jonsiz referentlar esa buyumlar yoki tushunchalar bilan bog‘lanib, grammatik jihatdan boshqacha shakllanadi.

Xulosa

Tilshunoslikda *aniqlik/noaniqlik, predmetlik/nopredmetlik, son va jins* kategoriyalari har bir tilning leksik va grammatik tizimida muhim o‘rin egallaydi. Son va jins tushunchasining tilshunoslikdagi izohi faqat grammatik birlik sifatida emas, balki falsafiy-mantiqiy asosga ega bo‘lgan lingvistik kategoriya sifatida tahlil qilinishi lozim. Nemis va o‘zbek tillaridagi olmoshlarda son, kelishik, predmetlik kategoriyalari, umumiy va xususiy jihatlari o‘rganilgan bo‘sa ham, hali bu borada o‘z yechimini kutayotgan masalalar ham mavjud.

Iqtiboslar/ References/ Kaynaklar/ Сноски/ Колдонулган адабияттар:

1. Bühler, K. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. Jena: Gustav Fischer, 1934. 434 p.
2. Benveniste E. Probleme der allgemeinen Sprachwissenschaft. Suhrkamp Verlag, 1999. – 468 p.
3. Benjamin W. Language, Thought and Reality. – Chicago: MIT Press, 2012. – 448 p.
(<https://de.wikipedia.org/wiki/Sapir-Whorf-Hypothese>) Ferdinand de Saussure – Vikipediya
(https://de.wikipedia.org/wiki/Ferdinand_de_Saussure)
4. Duden V. Die Grammatik. – Berlin: Dudenverlag, 2022. – 218 p.
5. Hönlswald R. Philosophied Sprache. Problemkritik und System. – Basel, ND: Darmstadt, 1970. – 81 p.
6. Sapir E. The Status of Linguistics as a Science. // Language. Vol. 5, No. 4, 1929. – p. 207–214.
7. Сосюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – Москва: Издательство ЭКСМО-Пресс, 1999. – 132 с.
8. Rahmatullayev Sh. Hozirgi adabiy o‘zbek tili. – Toshkent: Universitet, 2006. 204 b.
9. Saidov S. Deutsche Grammatik in Übungen. – Toshkent: O‘zbekiston, 2003. – 103 b.
10. Sayfullayeva R.R., Mengliyev B.R., Boqiyeva G.H., Qurbonova M.M., Yunusova Z.Q., Abuzalova M.Q. Hozirgi o‘zbek adabiy tili. – Toshkent: Fan va texnologiya, 2010. – 153 b.
11. Ulug‘bek Hamdam. Muvozanat. – Toshkent: Yangi asr avlodi, 2024. – 164 b.

FITRAT PUBLITSISTIKASIDAGI SEMANTIK DOIRASI TORAYGAN O‘ZLASHMA LEKSEMALAR

MIRZATILLAYEVA Sayyora Zokirjon qizi,

Farg‘ona davlat universiteti, Tilshunoslik kafedrası
2-bosqich tayanch doktoranti (Farg‘ona, O‘zbekiston)

 E-mail: sayyoramirzatillayeva97@gmail.com

 ORCID: 0009-0001-3273-0951

 DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.22082052>

Annotatsiya

Ushbu maqolada o‘zlashma leksemalarning mazmuniy mundarijasida yuz beradigan semantik o‘zgarishlar muammosi ko‘rib chiqilgan. Bu jarayonda o‘zlashma leksemalardagi semantik torayish hodisasi batafsil tahlil qilingan. Semantik tahlil uchun obyekt sifatida Abdurauf Fitrat publitsistikasi tarkibida qo‘llanilgan o‘zlashma leksemalar olingan. Tahlil mobaynida Abdurauf Fitratning publitsistik maqolalari tarkibidagi o‘zlashma leksemalarning manba tili va retsipient tildagi semik tarkibi solishtirilgan. O‘zlashma leksemalar etimologiyasiga to‘xtalib o‘tilgan. O‘xshash va farqli jihatlar ko‘rsatilgan. Natijada o‘zlashma leksemalarda ma‘noning torayish jarayoni bu – leksik birlikning retsipient til semantik tizimiga kirishi jarayonida uning semantik strukturasi soddalashuvidir degan xulosa chiqarilgan. Ya‘ni semantik torayish bevosita so‘zning semantik strukturasi bilan bog‘liqligi ko‘rsatib berilgan. Abdurauf Fitrat publitsistikasi tarkibidagi o‘zlashma leksemalar manba tili va retsipient tilga oid izohli lug‘atlar asosida tahlil qilingan. Keltirilgan namunalardagi o‘zlashma leksemalarning barchasi, asosan, arab tiliga oid ekanligi aniqlangan.

Kalit so‘zlar: *leksema, semantik tarkib, semantik o‘zgarish, nomutanosiblik, o‘zlashma, ekvivalent, publitsistika, retsipient til, prototip.*

ASSIMILATED LEXEMS WITH A NARROW SEMANTIC SCOPE IN FITRAT PUBLICISTICS

MIRZATILLAYEVA Sayyora Zakirjon kizi,

Second-year PhD Student, Department of Linguistics,
Fergana State University (Fergana, Uzbekistan)

Abstract

This article examines the problem of semantic changes that occur in the content of borrowed lexemes. The phenomenon of semantic narrowing in borrowed lexemes is analyzed in detail. As an object for semantic analysis, borrowed lexemes used in the composition of Abdurauf Fitrat’s journalism were taken. During the analysis, the absorption of the content of Abdurauf Fitrat’s publicistic articles was compared with the source language of the lexemes and the Semitic content in the recipient language. Appropriation refers to the etymology of lexemes. Similarities and differences are shown. As a result, it was concluded that the process of narrowing the meaning of borrowed lexemes is the simplification of their semantic structure during the entry of a lexical unit into the semantic system of the recipient language. That is, it is shown that semantic narrowing is directly related to the semantic structure of the word. Borrowed lexemes in the publicist Abdurauf Fitrat’s work were analyzed using explanatory dictionaries of the source and recipient languages. It was found that all the borrowed lexemes in the given examples are mainly of Arabic origin.

Key words: *lexeme, semantic content, semantic change, disproportion, assimilation, equivalent, journalism, recipient language, prototype.*

ЗАИМСТВОВАННЫЕ ЛЕКСЕМЫ, ПОДВЕРЖЕННЫЕ СЕМАНТИЧЕСКОМУ СУЖЕНИЮ, В ПУБЛИЦИСТИКЕ ФИТРАТА

МИРЗАТИЛЛАЕВА Сайёра Закиржон кизи,

докторант 2-го курса базовой докторантуры кафедры языкознания
Ферганского государственного университета
(Фергана, Узбекистан)

Аннотация

В статье рассматривается проблема семантических изменений в значениях заимствованных лексем. В ходе этого процесса подробно анализируется явление семантического сужения в заимствованных лексемах. Объектом семантического анализа стали заимствованные лексемы в публицистике Абдурауфа Фитрата. Проведён сравнительный анализ семантико-содержательного состава заимствованных лексем в публицистических статьях Абдурауфа Фитрата на языке-источнике и языке-реципиенте. Затронута этимология заимствованных лексем. Указаны сходства и различия. В результате сделан вывод, что процесс сужения значения заимствованных лексем заключается в упрощении семантической структуры лексической единицы в процессе ее вхождения в семантическую систему языка-реципиента. То есть показано, что семантическое сужение напрямую связано с семантической структурой слова. Заимствованные лексемы в публицистике Абдурауфа Фитрата анализировались на основе толковых словарей языка-источника и языка-реципиента. Установлено, что все заимствованные лексемы в приведенных примерах в основном арабские.

Ключевые слова: *лексема, семантическое содержание, семантическое изменение, несоответствие, заимствование, эквивалент, публицистика, язык-реципиент, прототип.*

Kirish

Milliy tilini o'rganishda boshqa tilning ta'sirini hisobga olish zarur va ahamiyatli hisoblanadi.

Hayotda paydo bo'lgan yangi hodisalarni nomlash uchun tayyor so'z tilda har doim ham yetishavermaydi (Eshonqulov, 1996: 4).

O'zlashma leksik birliklar semantikasi kengayish tendensiyasiga ega. Ushbu hodisa arab va fors o'zlashmalarining retsipient tillardagi eng kam uchraydigan semantik o'zgarish turi sifatida alohida ahamiyat kasb etadi. O'zlashma so'zning semantik hajmining kengayish jarayoni, xuddi torayish jarayoni kabi tilda amalda bo'lgan semantik o'zgarishlar qatoriga kiradi.

Bu jarayonda leksema qo'llanish doirasining kengayishi yangi qo'llanishda so'z tushunchalarning keng doirasini qamrab olgan hollarda yuzaga keladi, ya'ni u avvalgiga qaraganda kengroq nomlash vositasi sifatida ishlatilishi mumkin.

Fikrimizcha, so'z ma'nosining kengayishi so'zlashuvchilar ongida so'z haqidagi tasavvurlardan birining (uning ma'nolaridan birining) boshqa barcha tasavvurlardan ustunligi tufayli yuzaga kelishi mumkin. Ya'ni so'zlovchi leksema haqidagi ma'lum tasavvurlarga asoslanib, uni shu tasavvurga mos keladigan biror narsani ifodalash uchun qabul qiladi.

Shuningdek, o‘zbek tilida o‘z ma’no qiymatini butunlay yo‘qotib, etimologik ma’no va tushunchasi bilan aloqador bo‘lmagan boshqa semantik birlikka aylangan so‘zlar ham uchray turadi (Eshonqulov, 1996: 5).

Maqolada semantik ko‘lamning kengayishi deganda nafaqat so‘z semantik strukturasining kengayishini, balki tushuncha maydonining kengayishini ham tushunamiz. Ya’ni boshqa til muhitida so‘z o‘zining semantik hajmini sezilarli darajada oshiradi va dastlabki holatiga qaraganda kengroq qo‘llaniladi.

Xorijiy tildagi leksemalar – “begona” voqelik yoki tushunchalarni ifodalash uchun retsipient tilga kirib kelar ekan, tilda nomi allaqachon mavjud bo‘lgan hodisalar, narsalar yoki tushunchalarni ifodalash uchun qo‘llanishi mumkin. So‘z o‘zlashtirishning bu davri so‘zning semantik to‘ldirilishining kengayishi bilan tavsiflanadi, chunki so‘zda birinchi “ekzotik” ma’no saqlanib qolgan holda yangi voqelikka mos keladigan ma’no paydo bo‘ladi. Ba’zan o‘zining chet tilidagi prototipining ma’nosidan yetarlicha farq qiladi. Aynan shu davrda manba tilning o‘zlashayotgan tillardagi ekvivalent so‘zlarga semantik ta’siri kuchayadi.

Asosiy qism

O‘zbek tiliga o‘zga tillardan kirgan so‘zlarning taqdiri tarixan turlichadir. Shunday so‘zlar ham mavjudki, ularning hozirgi o‘zbek tilidagi semantik evolyutsiyasi, ayniqsa, xarakterlidir. Bunda xalq tomonidan ijodiy qayta ishlangan, xalqning so‘zlashuv tiliga singib ketgan ko‘pgina so‘zlar o‘z ma’nolarini kengaytirgan yoki o‘zgartirgan. Odatda o‘zlashmalar kamdan-kam holatlardagina barcha ma’nolari bilan o‘zbek tiliga kirib keladi. Chunki o‘zlashmalarining leksik ma’nolari alohida-alohida, bir-biriga bo‘ysunmagan muayyan bir obyektiv sabablar bilan o‘zlashtirilishi ularning semantik tuzilishining to‘laligicha kirib kelishiga to‘sqinlik qiladi. Zero, har bir tilda mavjud bo‘lgan o‘zlashma so‘z, o‘simlik yoki hayvonlarning hujayralari singari o‘zlariga xos hayot kechiradilar va ularning semantikasi, orfografiyasi to‘xtovsiz o‘zgarib turadi.

Shuningdek, so‘zlarning ma’nosi ham o‘zgarib boradi. Har bir so‘z ma’no e’tibori bilan dialektik harakatda bo‘ladi. Vaqt o‘tishi bilan uning ma’nosi o‘zgaradi. Ba’zi so‘zlar o‘z ma’nolarini toraytiradi, o‘zgartiradi va yo‘qotadilar. Ba’zilari so‘z o‘zgartiruvchilar til tarkibida o‘z ma’no tuzilishlarini kengaytirishlari ham mumkin. So‘zlarning ma’nolari shaklan emas, jamoatchilik dunyoqarashi talabi bilan belgilangan vazifalarga ko‘ra vujudga keladi. O‘zbek tiliga so‘zlar o‘zlashishining o‘ziga xos tadrijiy bosqichlari bor. O‘zbek tilidagi mumtoz badiiy manbalar kuzatilganda, ularda arab va fors-tojik tillaridan o‘zlashgan so‘zlarning o‘z davriga qarab o‘zlashish va qo‘llanilish ko‘lami kengaya borgani kuzatiladi.

Natijalar va muhokama

O‘zlashma so‘zlar o‘z tilidan boshqa tilga o‘zlashar ekan, ma’lum muddat o‘z qatlam so‘zlariga qaraganda barcha uchun birday tushunarli bo‘lmagan, ishlatilish doirasi o‘z qatlam so‘zlariga qaraganda passiv xususiyatga ega bo‘lgan. Professor E.Begmatov o‘zlashma so‘zlar masalasiga yondashar ekan, quyidagicha fikrni bildiradi: “O‘zbekcha so‘zlar uchun asos bo‘luvchi arabcha, forsha-tojikcha kabi so‘zlar materiali va genetik manbaiga ko‘ra chet til elementi bo‘lsa ham, ularni hozirgi o‘zbek adabiy tili nuqtai nazaridan, ya’ni davriy (sinxronik) holatga ko‘ra, tashqi resurs deyish bir tomondan to‘g‘ri, ikkinchi tomondan esa shartlidir. Bu so‘zlar endilikda o‘zbek tiliga o‘zlashtirilgan, ko‘p davrdan beri bu tilda iste’molda bo‘lgan, o‘zbek tilining qonuniy boyligiga aylangan leksikadir. Shuning uchun bu so‘zlarning ko‘pchiligi o‘zbek tilida gaplashuvchi hozirgi davr kishilari uchun o‘zlashma so‘z tarzida tuyulmaydi. Mana shu xususiyatiga ko‘ra, yangi o‘zbekcha so‘zlar uchun baza bo‘luvchi arabcha, forsha-tojikcha so‘zlar

funksiyasiga ko‘ra traditsion tub turkiy so‘zlarga yaqin turadi. Demak, o‘zbekcha so‘zlar yasallishiga xizmat qiluvchi arabcha, fors-tojikcha so‘zlarning aksariyati keltirilgan ma’noda ichki resurs xarakteridadir” (Begmatov, 1985: 130).

Ma’noning torayishi va kengayishi jarayonlari o‘zlashma leksemalarda ularning semantikasini o‘zlashtiruvchi tilda rivojlanishi natijasida sodir bo‘lishi mumkin, bunda o‘zgargan ma’no (torroq yoki kengroq) bilan bir qatorda o‘zlashtiruvchi tilda so‘zning avvalgi asl ma’nosi ham mavjud bo‘ladi. Shuningdek, o‘zlashtirish jarayonining o‘zida ham sodir bo‘lishi mumkin, bunda avvalgi asl ma’no faqat manba tilda mavjud bo‘lib, qabul qiluvchi tilda esa faqat o‘zgargan ma’no amal qiladi.

Amaliyotda bu ikki hodisani aniq ajratib bo‘lmaydi, chunki har qanday o‘zlashma so‘zning tarixi uning nutqda qo‘llanilishidan boshlanadi, bu esa yozma manbalarda qayd etilmagan bo‘lishi ham mumkin. Ya’ni o‘zlashma so‘zning ma’no ko‘lamini uning kirib kelishi va qabul qiluvchi til tizimiga integratsiyalashuvi davrida har doim ham taqqoslab bo‘lmaydi. U yoki bu leksik birlikning retsipient til semantik tizimiga kirishi jarayonida, odatda, uning semantik strukturasi soddalashadi.

Retsipient tilga xorijiy tildagi so‘zning to‘liq semantik tarkibi emas, balki faqat retsipient til talab qiladigan semantik tomonlari o‘zlashtiriladi. Shunday qilib, ko‘p ma’noli xorijiy so‘zning semantik jihatdan torayishi deganda, uni ba’zi ma’nolaridan voz kechgan holda retsipient tilga o‘zlashtirish jarayoni tushuniladi. Bu o‘zlashma so‘zlarning semantik hajmi o‘zgarishining eng ko‘p uchraydigan turidir.

L.P.Yefremovning fikricha, agar chet tildagi so‘zga polisemiya xos bo‘lsa, odatda uning butun semantik tizimi emas, balki faqat bitta ma’nosi o‘zlashtirilayotgan til uchun material vazifasini bajaradi (Yefremov, 1974: 22).

O‘zlashma birliklar faoliyatining birinchi bosqichida, ya’ni kirib kelish bosqichida ular ona tilida o‘ziga xos bo‘lgan xilma-xil ma’nolar doirasidan uziladi, bitta o‘ziga xos ma’nodan, ko‘pincha, denotativ ma’nodan ajralib chiqadi. Bu davrda retsipient tildagi o‘zlashmalarning bir ma’noliligi shundan kelib chiqadi.

Chet tilidagi so‘z ma’lum vaqt davomida, asosan, uning ma’nosi anglashilgan nutqiy kontekstlarda qo‘llaniladi.

Avvalo, retsipient tilida so‘zlashuvchilar o‘zga tildagi nomlarga ega bo‘lgan voqeliklarni ifodalash uchun o‘ziga xos so‘zlar va so‘z birikmalarini topishga harakat qiladilar. Bularning barchasi u yoki bu chet tili so‘zining ma’nosini yaxshiroq tushunish, uning aloqalari va tipik kontekstlarini aniqlash, okkazional qo‘llanishni uzual qo‘llanishga aylantirish, o‘zlashmalarning uslubiy xususiyatlarini aniqlash imkonini beradi.

O‘zlashma leksemada ma’noning torayish jarayoni so‘zning mazmuniy tuzilishida qo‘shimcha semantik tarkibiy qismlarning paydo bo‘lishida namoyon bo‘ladi. Jumladan, hozirda o‘zbek tiliga arab tilidan o‘zlashgan so‘zlarning iste’mol ko‘lami shu qadar kengayib ketganki, o‘zbek tilining izohli lug‘atida ularning o‘z qatlam so‘zlari kabi ma’no doirasi yoyilganini kuzatish mumkin.

Tilimizdagi o‘zlashma so‘zlar semantikasi o‘rganilsa, leksik ma’no taraqqiyotining natijasi sifatida uch xil holat – leksik ma’no hajmining kengayishi, torayishi yoki butunlay o‘zgarishi kuzatiladi.

Masalani Fitrat publitsistikasi misolida tahlil qilganimizda kelib chiqishi arabcha-forscha bo‘lgan so‘zlarning keyinchalik retsipient tillarda o‘z ma’nolarini kengaytirishi bilan bog‘liq misollar nisbatan kam. Bu aksariyat leksemalarning o‘zlashtirilish davomiyligi, shuningdek ma’no

kengayishining, ko‘pincha, ko‘rib chiqilayotgan leksik birliklarda sodir bo‘ladigan boshqa semantik jarayonlar bilan uyg‘unlashuvi bilan izohlanadi. Masalan:

Yaxshi so‘zlar bilan, tavozelar bilan, yolborishlar bilan Buxoro hukumatini yo‘lga keturmak bo‘lmas (Fitrat, 2003: 199). Tavoze leksemasi “o‘zini xoksor, odob bilan tutish; xoksorlik, kamtarlik” (O‘zbek tilining izohli lug‘ati, II tom, 2008: 631) deb izohlanadi. Arab tilida bu “o‘zini past tutish, kamtarlik”, “til biriktirish, o‘zaro kelishuv”, “tubanlik” (An-Naim arabcha-o‘zbekcha lug‘ati, 2008: 919) degan ma’nolarni bildiradi. Izohlardan ma’lum bo‘ldiki, tilimizga o‘zlashish jarayonida ushbu leksemaning semik tarkibi toraygan. O‘zbek tilida bu leksema, asosan, ijobiy atributni ifodalaydi. Masalan:

Turkiyaga tobe bo‘lgan muqaddas shayxlari xonaqoh ichidan tortilib, dor yog‘ochiga osildilar (Fitrat, 2003: 220). Shayx leksemasi “Islom dini tarqalgan mamlakatlarda, avvalo, bilimdon kishilarga, so‘ngra ulamo va faqihlarga berilgan nom”, “muqaddas joylarning mutasaddilarining nomi” (O‘zbek tilining izohli lug‘ati, 2008, IV: 535) tarzda izohlangan. Arab tilida esa “chol, mo‘ysafid”, “shayxlar palatasi a‘zosi”, “shayx, oqsoqol”, “boshliq”, “ma‘naviy yetakchi, murshid”, “olim”, “o‘qituvchi, ustoz” (An-Naim arabcha-o‘zbekcha lug‘ati, 2008: 443) kabi ma’nolarni bildiradi. O‘zbek tilida bu leksema faqatgina yirik diniy ulamolarga hamda muqaddas joylarning mutasaddilariga nisbatan qo‘llaniladi. Shayx so‘zi asliyatidan uzoqlashgan va o‘zlashish jarayonida bu so‘zning ma’nosi toraygan. Masalan:

To‘g‘ridir: har yonga yugurdilar, istamaymiz, o‘ldiramiz, g‘azo qilamiz, – dedilar (Fitrat, 2003: 205). G‘azo leksemasiga “diniy urush”, “musulmonlarning din yo‘lidagi muqaddas urushi, jang” (O‘zbek tilining izohli lug‘ati, IV tom 2008: 428) deb izoh berilgan. Tilimizda bu leksema din yo‘lidagi urushni ifodalaydi. Arab tilida esa “harbiy yurish qilish”, “intilish, nazarda tutish, e‘tiborda tutmoq” (An-Naim arabcha-o‘zbekcha lug‘ati, 2008: 588) deb ta’riflanadi. Fitratdan olingan namunada “jang qilish” ma’nosi nazarda tutilgan. Islom dini ta’sirida kirib kelgan g‘azo leksemasi tilimizda diniy urushni ifodalab kelyapti. Demak, bu leksemada asliyatidan uzoqlashish, ya’ni ma’no torayishi kuzatilgan. Hozirda bu leksema eskirgan hisoblanadi.

Ot arobag‘a pul bergan bechora dehqon har yili hashar uchun muncha oqchani qayerdan topib beradir? (Fitrat, 2003: 207). Aroba, arava leksemasi “transport vositasi” (O‘zbek tilining izohli lug‘ati, I tom, 2008: 530) deb izohlanadi. Arab tilida esa “tez oqar kichik daryo”, “yarim ton (musiqqa)”, “avtomashina”, “vagon, arava” (An-Naim arabcha-o‘zbekcha lug‘ati, 2008: 92) deb izohlanadi. Leksemaning bosh ma’nosi qilib “tez oqar kichik daryo” ta’rifi berilgan. Ya’ni bu leksemaning bosh semasi emas, tilimiz uchun zarur bo‘lgan “arava” semasi qabul qilingan. Tilimizga qabul qilinishida leksemaning ma’nosi toraygan. Aniqroq qilib aytganda, biz uchun aynan “kerak” bo‘lgan sema tilimizga o‘zlashtirilgan.

Kelib daftarda yozib zakotini olib ketdilar (Fitrat, 2003: 210). Zakot leksemasi “shariatga muvofiq puldor, badavlat musulmon o‘ziga qarashli mol-mulki va daromadining 1/40 ulushini beva-bechora, kambag‘allarga bergan sadaqasi” (O‘zbek tilining izohli lug‘ati, III, 2008: 125) deb izohlanadi. Tarixda Buxoro xonligidagi soliq turning nomi sifatida ham zakot leksemasi qo‘llanilgan. Olingan namunada Fitrat ham aynan shu soliq turi nomini keltirib o‘tgan. Arab tilida bu so‘z “poklanish, soflik, tozalik, musaffolik; sadaqa” (An-Naim arabcha-o‘zbekcha lug‘ati, 2008: 343) ma’nolarini bildiradi. Ko‘rinadiki, zakot leksemasining ikkinchi ma’nosi tilimizga o‘zlashgan. Ya’ni bu leksemaning o‘zlashish jarayonida tushunchaviy maydoni toraygan.

Fitna qo‘zg‘atuvchi o‘rninda Qur‘on birla Hadis o‘qub shunday oliy so‘zlarni o‘rgansalar va bilg‘an narsalarini durust yozarg‘a tirishsalar yaxshiroq bo‘lur edi (Fitrat, 2003: 211). Fitna leksemasiga “g‘arazli maqsadga erishish yo‘lida qilingan qarshilik xatti-harakati” deb izoh

berilgan (O‘zbek tilining izohli lug‘ati, V tom, 2008: 349). Bu leksema arabcha “fatana” (فتن) fe‘lidan hosil qilingan bo‘lib, “*maftunlik*”, “*yo‘ldan ozish*”, “*qo‘zg‘olon, isyon*”, “*aqlsizlik, jinnilik*” (An-Naim arabcha-o‘zbekcha lug‘ati, 2008: 607) degan ma’nolarni bildiradi. Bundan ko‘rinadiki, o‘zlashish jarayonida bu leksemaning ma’nosida torayish yuz bergan. Fitrat ham aynan “qarshilik xatti-harakati” ma’nosida ushbu leksemani keltirgan.

Qur‘on leksemasi “*Musulmonlarning Alloh tomonidan Muhammad payg‘ambarga vahiy orqali nozil qilingan, musulmon dinining aqidalari va qonun-qoidolari to‘plamidan iborat bo‘lgan muqaddas kitobi*”, “*tilovat*” (O‘zbek tilining izohli lug‘ati, III tom, 2008: 388) deb izohlangan.

An-Naimda esa Qur‘on leksemasiga (القرآن) – “*o‘qish, qiroat qilish*”, “*Qur‘oni Karim*” (An-Naim arabcha-o‘zbekcha lug‘ati, 2008: 655) deb ta’rif berilgan. Ushbu leksemaning arab tilidagi birinchi ma’nosi *o‘qish, qiroat qilish* degani. O‘zbek tili leksikasida esa bu leksema atoqli ot hisoblanib, musulmonlarning muqaddas diniy kitobi nomini hamda so‘zlashuv tilida *tilovat qilishni* ifodalab keladi.

Semantik ko‘lam torayishining yorqin misoli sifatida arabcha hadis leksemasini keltirish mumkin. Hadis leksemasi “*Qur‘ondan keyingi muqaddas manba, Muhammad payg‘ambarning faoliyati va ko‘rsatmalari haqidagi rivoyatlar majmui*”, “*biror kishining aytgan so‘zlari*”, “*kurash, bellashuvda qo‘llanadigan o‘ziga xos usul*”, “*biror ishni uddalashga bo‘lgan ep: malaka, mahorat*” (O‘zbek tilining izohli lug‘ati, V tom, 2008: 473-474) deb izohlangan. An-Naimda esa “*yangi, eng yangi*”, “*gap, so‘z, suhbat*”, “*intervyu*”, “*hikoya, rivoyat*”, “*hadisi sharif*” (An-Naim arabcha-o‘zbekcha lug‘ati, 2008: 162) deb izohlangan. O‘zbek tilida bu so‘zning “*Qur‘ondan keyin turuvchi muqaddas kitob*” ma’nosi yetakchilik qiladi. Fitrat ham hadis leksemasini aynan yuqoridagi ma’noda qo‘llagan. Ko‘rinadiki, hadis leksemasi tilimizda o‘z semantik tarkibini toraytirgan.

Dinni xurofotdan ajratish degan xayolga berilgan edim (Fitrat, 2003: 228). Din leksemasi “*ilohiy kuchga, xudoga ishonishga asoslangan dunyoqarash, tasavvur, urf-odat va marosimlar majmui*” (O‘zbek tilining izohli lug‘ati, I tom, 2008: 621) deb izohlangan. Arab tilida bu leksema “*imon, din*”, “*mukofot, qilingan ishga yarasha berilgan haq*” (An-Naim arabcha-o‘zbekcha lug‘ati, 2008: 279) ni bildiradi. Ko‘rinadiki, bu leksemaning bosh ma’nosi har ikkala tilda bir xil, faqat o‘zlashish jarayonida ma’no toraygan.

Xulosa

Maqolada Fitrat publitsistikasi tarkibidagi o‘zlashmalar misolida o‘zlashma leksemalarning asliyat bilan nomutanosibligi, semantik tarkibining torayishi hodisasini tadqiq qildik. Namuna sifatida o‘zlashma leksemalarni keltirib, ularni izohli hamda etimologik lug‘atlar asosida tahlil qildik. Bu jarayonda o‘zlashma leksemaning semantik jihatdan o‘zgarishi, asosan, arabcha so‘zlarda uchradi. Ularning ichida ma’nosi qisman toraygan leksemalar ko‘rib chiqilib, tahlilga tortildi.

Tahlillardan shu ma’lum bo‘ldiki, Fitrat publitsistikasi tarkibida arabcha o‘zlashmalar salmoqli o‘rin egallaydi. Darhaqiqat, arabcha o‘zlashmalar turkiy tillar leksikasida ham faol qo‘llaniladi. Turkiy tillar lug‘at tarkibining 30-35% ini arabcha leksemalar tashkil qiladi (Muhammadjonova, 1982: 40). Arab tili nafaqat o‘zbek tiliga, balki islom dinini qabul qilgan barcha xalqlar tiliga kuchli ta’sir ko‘rsatgan (Omonov, 2020: 11).

Xulosa qilib aytganda, dunyodagi hech bir tilning leksik tarkibi o‘zlashma so‘zlarsiz mavjud bo‘lmaydi va tillar bir-birining ta’sirisiz rivojlanmaydi. Bir tilga o‘zga tillardan so‘zlar kirib kelar ekan, ularning ma’nosida turli o‘zgarishlar ro‘y beradi. Bunday holatlarda ma’no torayishi yoki kengayishi mumkin. Boshqa tildan kirib kelgan o‘zlashma so‘zning ma’nosida asliy hamda

semik mutanosiblik yo‘qolib ketish holatlari ham uchrab turadi. Shuningdek, ko‘p ma’noli so‘zlarning aksariyati o‘zlashtiruvchi tilda moslashish jarayonida o‘zining bir yoki bir nechta asl ma’nosini yo‘qotadi, ko‘p holatda esa butunlay bir ma’noda o‘zlashadi. Kuzatishlarimizdan shu ma’lum bo‘ldiki, Fitrat publitsistikasidagi o‘zlashma leksemalar nafaqat miqdoriy, balki sifat jihatidan ham prototiplar bilan katta aloqani saqlab qolishga muvaffaq bo‘lgan.

Iqtiboslar/ References/ ʻOdbiyyatlar/ Kaynaklar/ Сноски:

1. An-Naim (arabcha-o‘zbekcha lug‘at). – Toshkent: Abdulla Qodiriy, 2003. – 919 b.
2. Begmatov E. Hozirgi o‘zbek adabiy tilining leksik qatlamlari. – Toshkent: Fan, 1985. –130 b.
3. Эшонкулов Б.Х. Хозирги узбек адабий тилида арабча луғавий ўзлашмаларнинг парадигматик асимметрияга муносабати: Филол.фан.номз. ... дисс.автореф. – Тошкент, 1996. – 21 б.
4. Абдурауф Фитрат. Танланган асарлар: III жилд. Драмалар, мақолалар. – Тошкент: Маънавият, 2003. – 193 б.
5. Муҳаммаджонова Г. Ўзбек тили лексикаси тараққиётининг баъзи масалалари. – Тошкент: Фан, 1982. – 40 б.
6. Омонов М. “Бобурнома” даги изофий бирикмаларнинг лисоний тадқиқи: филол.фан.б.фалс.док. ... дисс.автореф. – Фарғона, 2020. – 56 б.
7. Ефремов, Л.П. Основы теории лексического калькирования. – Алма-Ата, 1974. – 22 с.
8. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. I. – Тошкент: Ўзбекистон Миллий энциклопедияси Давлат илмий нашриёти, 2006. – 675 б.
9. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. II. – Тошкент: Ўзбекистон Миллий энциклопедияси Давлат илмий нашриёти, 2006. – 783 б.
10. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. IV. – Тошкент: Ўзбекистон Миллий энциклопедияси Давлат илмий нашриёти, 2008. – 605 б.
11. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. V. – Тошкент: Ўзбекистон Миллий энциклопедияси Давлат илмий нашриёти, 2008. – 594 б.

PEDAGOGIKALIQ TERMINLERDI INGLIS TILINE AWDARMALAWDAĞI LESIKA-SEMANTIKALIQ MÁSELELER

SULTANOVA Difuza Kamalovna,

Berdaq atındağı Qaraqalpaq mámleketlik universiteti
tayanış doktorantı (Nókis, Qaraqalpaqstan)

 E-mail: zamir.bek@bk.ru

 ORCID: 0009-0004-5151-3700

 DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.22081946>

Annotaciya

Bul maqalada pedagogikalıq terminlerdi inglis tilinen qaraqalpaq tiline awdarıwda ushırasatúǵın leksik-semantikalıq máseleler úyreniledi. Onda pedagogikalıq terminologiyanıń mánilik ózgeshelikleri, kontekstuallıq mánisi, ekvivalentligi, mádeniy-aǵartıwshılıq faktorlarınıń awdarmaǵa tásiiri sıyaqlı máselelerge itibar qaratılǵan. Izertlewde túrli awdarma strategiyaları, sonıń ishinde, kalka, transformaciya, deskriptivlik awdarma, funkcional ekvivalentlik hám beyimlesiwdiń nátiyjeliligi kórgizbeli mısallar arqalı tallanadı. Pedagogikalıq túsiniqlerdi anıq hám izbe-iz awdarıwdaǵı tiykarǵı mashqalalardı anıqlaw maqsetinde salıstırmalı hám kontekstual tallaw usıllarınan paydalanıladı. Nátiyjeler kópshilik pedagogikalıq terminlerdiń lingvistikalıq dúzilisi hám milliy bilimlendiriw sistemalarındaǵı ayırmashılıqlar sebepli olardıń tikkeley leksikalıq ekvivalentleri joq ekenligin kórsetedi. Sonıń ushın awdarma strategiyasın tańlawda mánilik anıqlıq hám kontekstke sáykeslilikke esapqa alıw zárúr. Izertlew nátiyjesinde pedagogikalıq terminologiyanı standartlastırıw hám awdarmada kontekstke baylanış usıllardı qollanıw awdarma sapasın jaqsılaw hám qaraqalpaq tiliniń ilimiy terminologiyasın bayıtıwǵa úlken úles qosadı, degen juwmaqqa kelindi.

Gilt sózler: *Pedagogikalıq termin, leksika-semantika, awdarma, ekvivalentlik, kontekst, transformaciya, kalka, funkcional ekvivalent, sıpatlap awdarmalaw, terminologiya, pedagogika, qaraqalpaq tili, inglis tili.*

PEDAGOGIK TERMINLARNING INGLIZ TILIGA TARJIMASIDAGI LEKSIK- SEMANTIK MASALALAR

SULTANOVA Difuza Kamalovna,

Berdaq nomidagi Qoraqalpoq davlat universiteti
tayanch doktorantı (Nukus, Qoraqalpog‘iston)

Annotatsiya

Ushbu maqolada pedagogik terminlarni ingliz tilidan qoraqalpoq tiliga tarjima qilishda uchraydigan leksik-semantik masalalar o‘rganiladi. Unda pedagogik terminologiyaning semantik xususiyatlari, kontekstual ma‘nosi, ekvivalentligi, madaniy-ma‘rifiy omillarning tarjimaga ta‘siri kabi masalalarga e‘tibor qaratilgan. Tadqiqotda turli tarjima strategiyalari, jumladan, kalka, transformatsiya, deskriptiv tarjima, funksional ekvivalentlik va moslashuvning samaradorligi ko‘rgazmali misollar orqali tahlil qilinadi. Pedagogik tushunchalarni aniq va izchil tarjima qilishdagi asosiy muammolarni aniqlash maqsadida qiyosiy va kontekstual tahlil usullaridan foydalaniladi. Natijalar aksariyat pedagogik terminlarning lingvistik tuzilishi va milliy ta‘lim tizimlaridagi tafovutlar tufayli ularning bevosita leksik ekvivalentlari mavjud emasligini ko‘rsatadi. Shuning uchun tarjima strategiyasini tanlashda ma‘no aniqligi va kontekstga moslikni hisobga olish zarur. Tadqiqot natijasida pedagogik terminologiyani standartlashtirish va tarjimada

kontekstga bog‘liq usullarni qo‘llash tarjima sifatini yaxshilash va qoraqalpoq tilining ilmiy terminologiyasini boyitishga katta hissa qo‘shadi, degan xulosaga kelindi.

Kalit so‘zlar: *Pedagogik termin, leksika-semantika, tarjima, ekvivalentlik, kontekst, transformatsiya, kalka, funksional ekvivalent, sifatlab tarjima qilish, terminologiya, pedagogika, qoraqalpoq tili, ingliz tili.*

LEXICO-SEMANTIC ISSUES IN THE ENGLISH TRANSLATION OF PEDAGOGICAL TERMS

SULTANOVA Difuza,

PhD Student of Karakalpak State University
named after Berdakh (Nukus, Karakalpakstan)

Abstract

This article examines the lexico-semantic issues encountered in translating pedagogical terms from English into Karakalpak. It focuses on the semantic characteristics of pedagogical terminology, contextual meaning, equivalence, and the influence of cultural and educational factors on translation. The study analyzes the effectiveness of various translation strategies, including calque, transformation, descriptive translation, functional equivalence, and adaptation, through illustrative examples. Comparative and contextual analysis methods are employed to identify the main challenges in translating pedagogical concepts accurately and consistently. The findings reveal that many pedagogical terms lack direct lexical equivalents due to differences in linguistic structure and national educational systems. Therefore, selecting appropriate translation strategies while considering semantic precision and contextual relevance is essential. The study concludes that the standardization of pedagogical terminology and the application of context-based translation approaches contribute significantly to improving translation quality and enriching the scientific terminology of the Karakalpak language.

Key words: *Pedagogical term, lexico-semantics, translation, equivalence, context, transformation, calque, functional equivalent, descriptive translation, terminology, pedagogy, Karakalpak language, English language.*

Kirisiw

Globalasıw hám xalıqaralıq bilimlendiriw baylanıslarınıń rawajlanıwı pedagogikalıq terminlerdi sapalı awdarmalaw máselesin aktual etpekte. Pedagogikalıq terminlerdiń semantikalıq quramı, mádeniy ózgeshelikleri hám kontekstke baylanıslı mánileri olardı awdarmalawda arnawlı ilimiy jandasıwdı talap etedi. Maqalanıń maqseti – pedagogikalıq terminlerdi awdarmalawdaǵı leksika-semantikalıq mashqalalardı anıqlaw hám olardı sheshiw usılların izertlew.

Pedagogikalıq terminler – pedagogikalıq hám ilimiy tarawda ónimli qollanılatusın, anıq túsiniqlerdi ańlatatusın leksikalıq birlikler bolıp, olardı basqa tillerge durıs hám anıq awdarma etiw – joqarı dárejedegi leksika-semantikalıq bilim hám tájiriybeni talap etedi. Bul process máni tarayıwı, máni keńeyiwı, semantikalıq ózgerislerge ushıraw sıyaqlı bir qatar jaǵdaylardı qamtıydı. Mısalı, qaraqalpaq tilindegi «*tárbiya*» sózi inglis tilindegi ayırım tekstlerde «*education*» formasında awdarmalanıwı kózge taslanadı, biraq bul jerde terminniń semantikası tolıq sáwlelenbegen bolıwı múmkin. Al, inglis tilindegi «*learning outcomes*» leksikalıq birliğin «*oqıw nátiyjeleri*» dep qaraqalpaq tiline awdarmalaw mánilik jaqtan durıs bolsa da, ayırım jaǵdaylarda «*oqıwshınıń nátiyjeleri*», «*oqıwshınıń tabısları*» yamasa «*úyretilgen bilimler*» formasında qollanılǵanlıǵın kóriwimiz múmkin. Bunday jaǵdayda leksikalıq birliktiń semantikası, mazmunlıq

aniqlığı hám stilistikalıq jaqtan durıslığı kontekst arqalı támiyinlenedi. Demek, pedagogikalıq terminlerdiń awdarması máselesinde neytrallıqtı saqlaw, artıqsha emocionallıqqa berilmew hám terminniń teksttegi lingvistikalıq wazıypasın anıqlap alıw talap etiledi.

Bul maqaladağı bárshe pedagogikalıq terminler hám olardıń sózliklerdegi markerleri **qaraqalpaq tilinde:** Qaraqalpaq tiliniń túsindirmesózligi. 4 tomlıq. 1982-1992; **inglis tilinde:** <https://dictionary.cambridge.org> hám <https://www.oed.com> veb-saytlarınan alındı.

Tiykargı bólim

Terminlerdi, atamaları, leksikalıq birliklerdi bir tilden ekinshi tilge awdarmalaw máselesi dúnya til biliminde bir qatar ilimpazlardıń, anıǵraǵı: L.N.Shadrin, Ya.I.Recker, E.M.Soloduxo, R.Z.Zagidullin, L.K.Bayramova, G.V.Grishkova, Yu.V.Vannikov, A.Ya.Kovalenko, L.I.Borisova hám basqalardıń ilimiy miynetlerinde tereń izertlengen. Atap aytatuǵın bolsaq, L.N.Shadrin ekvivalentler, analoglar, bir strukturalıq hám hár túrli strukturalıq sinonimlik sáykeslikler, turaqlı leksikalıq sáykeslikler sıyaqlı nızamlı sáykeslikler, frazeologiyalıq hám leksika-frazeologiyalıq kontekstualıq sáykeslikler boyınsha kontekstualıq sáykeslikler, kalkalar, okkazional leksikalıq sáykeslikler hám deskriptiv sáykeslik yamasa sıpatlamalardı salıstırmalı analiz etken (Шадрин, 1991: 63).

O.O.Karabanova óziniń ilimiy miynetinde tiller aralıq sáykesliklerdi ekvivalentlik, adekvatlıq sıyaqlı túrlerge ajıratadı (Карабанова, 2000: 166).

L.K.Latishev etiket formulalarınan tiller aralıq sáykeslikleriniń tórt túrin ajıratıp kórsetedi (Латышев, 2001: 119). Olar:

- 1) ekvivalentli sáykeslikler;
- 2) variantlı sáykeslikler;
- 3) kontekstli sáykeslikler;
- 4) eki túrdegi lakunalar.

Ilimpazdıń pikirinshe, lakunalar salıstırılıp atırǵan tillerdegi yamasa olardıń semalarınan sanına qaray eki túrge bólinedi:

- 1) Bólekli;
- 2) Tolıq.

Qaraqalpaq tilindegi pedagogikalıq terminler kópshilik jaǵdaylarda milliy bilimlendiriw sistemasına sáykes túsiniqlerdi ańlatıp keledi. Mısalı: «*ruwxıylıq tárbiya*», «*ustaz-shákirt dástúri*», «*aǵartıwshılıq jumısları*», «*oqıw xanası*», «*tárbiya saatı*», «*kitap oqıw*», «*bilimler sınaǵı*», «*imtixan alıw*» [Qaraqalpaq tiliniń túsindirme sózligi. 4 tomlıq 1982-1992] hám taǵı basqa sıyaqlı sóz dizbekleri awdarmada kontekstten úzilse, óziniń mazmunın pútkilley joǵaltıwı múmkin. Bunday jaǵdaylarda adaptaciya (maslasıw) usılınan paydalanıwımız kerek boladı. Sebebi, bunday sóz dizbeklerin tuwrıdan-tuwrı awdarmalaw múmkin emes, al, oǵan jaqın mánidegi, biraq sol ekinshi tilde bar bolǵan atama, termin hám sóz dizbegi yamasa leksikalıq birlik penen túsindiriw talap etiledi.

Pedagogikalıq terminlerdi awdarmalawda bir qansha usıllar qollanıladı. Olardan tómendegilerdi atap ótiwimiz ornlı:

Kalka usılı – atamanı, termindi tuwrıdan-tuwrı awdarmalaw. Mısalı: «inclusive education» → inklyuziv bilimlendiriw; «teacher» → muǵalim, «student» → student; educational technology → bilim texnologiyası hám basqa da.

[Terminlerdiń sózliklerdegi markerleri **qaraqalpaq tilinde:** Qaraqalpaq tiliniń túsindirme sózligi. 4tomlıq. 1982-1992; **inglis tilinde:** <https://dictionary.cambridge.org> hám <https://www.oed.com> veb-saytlarınan alındı].

Transformaciya (transkripsiya, transliteraciya) usuli – atamanı, termindi kontekstke sáykes ráwishte ózgertip beriw. Mısalı: «The professional identity of a teacher» → oqıtıwshınıń kásiplik qábileti. Bul jerde «professional identity» túsinigi tek ǵana jeke qábilette emes, al, oqıtıwshınıń kásiplik-etikalıq dárejesi, pedagogikalıq úlgesi, jeke insan sıpatınaǵı qábiletlerin de ańlatıp turıptı; «Spiritual and moral upbringing» → ruwxıy-etikalıq tárbiya. Bul jerdegi inglis tilinde «spiritual» diniy túsinikke jaqın sóz bolıp, pedagogikalıq tekstte qollanılǵanında túp mánisti burmalap jiberiwi múmkin. «Moral and ethical education» → adamgershilik-etikalıq tárbiya. Bul jerdegi awdarmada konteksttegi mazmun saqlanǵan. Monitoring → Monitoring, dissertation → dissertaciya – bul jerde xalıq-aralıq terminler bazalıq til fonetikasına beyimlesiwge sáykes awdarmalanǵan hám taǵı basqa.

Sıpatlap awdarmalaw (túsindiriw) usuli – teksttiń mazmunınan kelip shıǵıp, tolıq túsinindiriw arqalı bayan etiw. Kópshilik jaǵdaylarda milliy bilimlendiriw sistemasına, mádeniyatqa, úrip-ádet, salt-dástúrlerge tán bolǵan pedagogikalıq terminlerdi hám atamalarǵı awdarmalawda qollanıladı. Mısalı: «Traditional mentor-disciple relationship based on moral and spiritual values» → Adamgershilik-ruwxıylıq qádiryatlarǵa tiykarlanǵan dástúrli ustaz-shákirt qatnasıqları. Bul jerde mazmun biraz keńeytilip, mádeniy, etikalıq kontekstli mazmundı óz ishine alǵan.

Sıpatlap awdarmalaw tómendegi ózgesheliklerdi qamtıydı:

- 1) Anıq ekvivalenti joq termin hám atamalarǵı teksttiń mazmunınan kelip shıǵıp awdarmalaw;
- 2) Pedagogikalıq hám tálim-tárbiyaǵa tiyisli tekstti túsinindiriw arqalı bayan etiw;
- 3) Tekstte adakvat hám túsiniklilikke durıs saqlaw usılı.

Funkcional ekvivalentli awdarma usuli – basqa tildegi uqsas túsinik, atama hám termin menen almasırıp sáwlelendiriwshi awdarma. Bunda bir tildegi atama hám termindi basqa tilge awdarmalaǵanda onıń mánisi hám xızmeti saqlap qalınadı, yaǵnıy eki tilde de birdey pedagogikalıq túsinik ańlatıladı. Mısalı: oqıtıw → teaching (hár eki tilde de bilim beriw processin ańlatadı); tárbiya → education (hár eki tilde de moral, etika hám ruwxıylıq jaqtan qalıplesiw processin ańlatadı); oqıtıw metodikası → teaching methodology (hár eki tilde de bilim beriw usılları hám olardı shólkemlestiriwge baylanıslı túsiniklerdi ańlatadı); learning outcomes → bilim nátiyjeleri (hár eki tilde de bilim beriwdiń nátiyjelerin ańlatadı). Bul mısallardaǵı sózler, atamalar hám terminler hár túrli kóriniste bolıwı múmkin, biraq olar birdey pedagogikalıq wazıypanı túsindiriwi menen funkcional ekvivalent esaplanadı.

Ekspressivli awdarma usuli – geybir terminlerdiń ekinshi tilde anıq mánisi bar bolıp, olardı basqa tilde bildiriw ushın qosımsha sózler yamasa sóz dizbeklerin qollanıw talap etiledi. Mısalı: «bilim beriw procesi» → «educational process»; «ózin-ózi basqarıw» → «self-directed learning» hám taǵı basqa.

Solay etip, hár bir awdarma strategiyası belgili bir anıq jaǵdayda nátiyjeli bolıwı múmkin, biraq dılmashtıń wazıypası – kontekst, maqset hám mazmundı inabatqa alǵan jaǵdayda durıs joldı tańlawı, teksttiń túsinikli hám mazmunlı awdarmalanıwına erisiwden ibarat.

Globalasıw, xalıq-aralıq bilimlendiriw standartları hám akademik mobilliktiń kúsheyiwi nátiyjesinde pedagogikalıq terminlerdiń inglis tilinen milliy tillerge, sonıń ishinde qaraqalpaq tiline awdarması máselesi de oǵada áhmiyetli hám aktual máselelerdiń biri. Biraq, pedagogikalıq terminologiyada mániniń anıq bolmawı, milliy bilimlendiriw sistemasındaǵı ózgeshelikler hám terminologiyalıq sáykeslikler bar bolıp, bul awdarmada biraz mashqalalardı keltirip shıǵaradı.

Bilimlendiriw tarawında xalıq-aralıq baylanıslardıń, birge islesiwlerdiń rawajlanıwı menen birge pedagogikalıq terminlerdi bir tilden ekinshi tilge awdarıw máselesine kóbirek itibar qaratıldı. Pedagogika tarawı óziniń quramalı túsiniń, atama, termin hám sóz dizbeklerine bay ekenligi menen belgili. Bul terminlerdiń kópshiligi ulıwma qollanılatuǵın sózlerden parıq qıladı, sebebi olar arnawlı ilimiy mánige iye túsinińler bolıp esaplanadı. Sonlıqtan da, olardı awdarmalaǵanda tek lingvistikalıq emes, al konceptual dárejedeги ayırıqsha itibar talap etiledi.

Qaraqalpaq hám inglis tillerindegi pedagogikalıq terminlerdi salıstırıw arqalı awdarmalaw barısında bir qatar leksika-semantikalıq mashqalalar da anıqlanadı. Olardıń qatarında tómendegi máseleler kóbirek dıqqat-itibardı tartadı:

- 1) Terminlerdiń ekvivalentligin anıqlaw mashqalası;
- 2) Kontekstke baylanıslı mánilerdiń ózgeriwi;
- 3) Mádeniy ózgesheliklerge baylanıslı terminologiyalıq ayırmashılıqlar;
- 4) Neologizmler hám olardı aylanısqa engiziw;
- 5) Kóp mánili terminler hám olardı awdarmalawdaǵı mashqalalar.

Bul baǵdardaǵı analizler hám izertlew nátiyjeleri tek awdarma máselesine tiyisli bolıp qalmastan, al, sonıń menen birge pedagogika tarawındaǵı xalıqaralıq baylanıslardı bekkemlew, sabaqlıq hám oqıw qollanbalardı islep shıǵıw, bilimlendiriw sistemasın xalıqaralıq dárejege jetkeriw máselelerine de tikkeley baylanıslı. Sonıń menen birge, qaraqalpaq hám inglis tillerindegi pedagogikalıq terminlerdiń leksika-semantikalıq ózgesheliklerin salıstırmalı tallaw – bul eki tildiń pedagogika tarawındaǵı terminologiyalıq qorın ele de tolıǵıraq hám keńirek túsiniwge, eki tildiń tariyxı, mádeniy hám bilim beriw sistemasındaǵı ayırmashılıqlardı anıqlawǵa járdem beredi. Bul máseleler til biliminde tómendegi aspektlerde úyreniledi.

- 1) Terminlerdiń payda bolıw jolları;
- 2) Dástúriy bilim beriw sisteması;
- 3) Diniy bilim beriw sisteması;
- 4) Keńes dáwiri hám latin/kiril álipbesi;
- 5) Gárezsizlikten keyingi jańalanıw dáwiri;
- 6) Globalasıw hám informaciyalıq texnologiyalar dáwiri (Yusupova, 2021: 100).

Qaraqalpaq tilindegi pedagogikalıq terminleriniń qalıplesiwi xalıqlıq tárbiyadan baslanıp, hár túrli tarixıy dáwirlerden ótken, sırtqı tillik hám mádeniy tásirler menen qalıplesken quramalı process bolıp, oqıw-tárbiya procesiniń tiykarǵı elementleriniń biri esaplanadı. Degen menen, globalasıw dáwirinde inglis tilindegi pedagogikalıq terminlerdi qaraqalpaq tiline durıs jáne dál awdarıw máselesi áhmiyetli mazmunǵa iye bolmaqta.

Pedagogikalıq terminler oqıw-tárbiya procesinde anıq uǵımlardı bildiriwde áhmiyetli rol atqarıw menen birge, olar bilim beriwshiler menen bilim alıwshılar arasındaǵı baylanıstı jeńillestiredi, bilim beriw usılların keńnen túsiniwge hám bilimniń sapasın ele de arttırıwǵa járdemlesedi. Terminlerdiń bilim beriwdi, ilimiy izertlewler menen innovaciyalardı rawajlandırıwda da áhmiyeti úlken. Qaraqalpaq tilindegi pedagogikalıq terminler kóp jaǵdayda anıq hám birgelki mánige iye bola bermeydi. Máselen, «úyretiw» → *to educate*, «oqıtıw» → *teaching* sıyaqlı feyil mánige iye sózler hár túrli kontekstte hár túrli mánige iye bolıwı múmkin.

Qaraqalpaq tili menen inglis tilindegi pedagogikalıq terminlerdiń arasında milliy-mádeniy ayırmashılıqlar da bar. Ayırım túsinińler tek bir tilge tán bolıp, onı basqa tilge durıs awdarmalaw qıyın. Mısalı, «óz betinshe oqıtıw» sóz dizbegi inglis tiline «self-directed learning» dep awdarıladı, biraq bul túsiniń qaraqalpaq tilindegi basqa kontekstte basqasha qollanıluwı múmkin. Sonıń menen birge qaraqalpaq tilinde pedagogikalıq terminlerdiń birdey standartları joq. Bul dilmashlarǵa

awdarmashılıqta qıyınshılıqlardı payda etip, hár túrli mazmundağı awdarma tekstlerin júzege shıǵaradı. Mısalı, «muǵalim» sóziniń «teacher» dep awdarılıwı jıyı ushırasqanı menen, ayırım jaǵdayda «ustaz» yamasa «tárbiyashı» sıyaqlı sinonimleri menen qollanıwǵa tuwra keledi.

Pedagogikalıq terminlerdiń bilim beriwde jańa ideyalar menen usıllardı túsindiriw, bilim beriw siyasatı hám strategiyaları menen interaktivlik oqıtıwdı rawajlandırıwdaǵı áhmiyeti oǵada úlken. Bul xızmetlerdiń nátiyjesinde jobalıq oqıtıw, basqa da pedagogikalıq hárezetler hám hár túrli oqıtıw usılları menen baylanıslı terminler keńnen engizilip, pedagogika tarawındaǵı terminlerdi oqıw-tárbiya sistemasında sapalı qollanıwǵa erisiledi.

Pedagogikalıq terminlerdi awdarmalaw procesinde bir qatar semantikalıq mashqalalar da payda boladı. Olardı tómendegi jaǵdaylar menen sıpatlawımız múmkin:

1) Awdarmalaw barısında teksttiń dáslepki mánisi menen reńkleriniń joǵalıw jaǵdayları. Mısalı: «classroom management» → «klasstı basqarıw» dep awdarma etiledi. Mánisi boyınsha tek tártip hám baqlawdı názerde tutıladı. Al, negizinde «*classroom management*» → *oqıw atmosferasını jaratıw, oqıwshılardıń minez-qulqın baqlaw, sabaq ótiwdi rejelestiriw hám nátiyjeli bilim beriwdi támiyinlew* degen mánlerdi de ańlatadı. Sonlıqtan da, «classroom management» sóz dizbegin «klasstı basqarıw» dep awdarmalaw onıń tıp mánisin shekleydi hám tereń pedagogikalıq mazmunınıń joǵalıwına alıp keledi.

2) Ayırım sózler yamasa sóz dizbekleriniń basqa tilge sáykes kelmegenlikten, olardıń mánisiniń ózgerip ketiw jaǵdayları. Mısalı: «gap year» – tuwrıdan-tuwrı awdarması «bos jıl», «boshıq jıl». Biziń milliy bilimlendiriw sistemamızda bunday úzilis dástúri názerde tutılmaǵan, sonlıqtan da, ol «oqıwdan shetletiw», «oqıwdı taslap ketiw» yamasa «májbúriy dem alıs» degen sıyaqlı unamsız túsiniкте beriliwı múmkin. Negizinde bul leksikalıq birlik mazmunı boyınsha oqıwdan málim waqıt azat etilip, jeke rawajlanıwǵa, tájiriye toplawǵa ajratılǵan dáwir bolıp, biziń joqarı bilimlendiriw sistemamızdaǵı «akademiyalıq dem alıs»qa biraz jaqın túsiniк bolıp esaplanadı. Sonday-aq, «curriculum», «community of practice», «lifelong learning» leksikalıq birlikleri de bilimlendiriw sistemasında hár túrli mánilerde túsindiriledi.

3) Hár bir tildiń ózine tán bolǵan mádeniyatı bolıp, awdarma procesinde milliy-mádeniy kontekstti esapqa almaw jaǵdayına baylanıslı teksttiń nadırı bayanlanıw jaǵdayları. Mısalı: tárbiya → «education»; ata-analar tárbiyası → «parental education» hám t.b. Bul jerde «tárbiya» sózi tek bilim beriwdi ańlatpastan, sonıń menen birge *ádep-ikramlılıq, úrp-ádet, salt-dástúr, insanıyılıq, jámaát penen birge islesiw mádeniyatı, úlkenge húrmet, kishige izzet* sıyaqlı qádiriyatlardı da óz ishine aladı. Al, onı «education» dep awdarmalasaq *tek akademiyalıq bilim beriw, mektep yamasa universitettegi bilim beriw* túsiniledi, al, *ádep-ikramlıq, ruwxıyılıq hám qádiriyatlarǵa tiykarlangan* bólimin qamtımaydı.

4) Bazı-bir terminlerdiń basqa tillerge sáykes kelmewi yamasa olardıń mánisiniń ózgerip qollanıwı. Mısalı: «óz betinshe oqıw» - inglis tiline «self-directed learning» dep awdarmalanganda, onıń mazmunı «ózin ózi basqarıw» mánisin beredi. Qaraqalpaq tilindegi «óz betinshe oqıw» bilim alıwshınıń hesh kimge ǵárezsiz óz ústinde islewı, shuǵıllanıw túsinilse, inglis tilindegi «self-directed learning» jámiyette, mektepte, muǵalim, ustaz, kurator járdeminde ámelge asırılıwı múmkin. Yaǵnıy, bul oqıtıwshısız oqıw emes, al, oqıwshınıń jedelligine tiykarlangan erkin oqıw bolıp esaplanadı. «Pedagogical content knowledge (PCK)» → oqıtıwshınıń tek pándi jaqsı biliwin ańlatıp qoymastan, onı oqıwshıǵa jetkizip beriw nátiyjesin de ańlatadı. Sonlıqtan da, onı «pedagogikalıq bilim», «pánge tiyisli bilimler» dep awdarmalaw túsiniktiń tereńdegi mazmunın bermeydi. Sebebi, bul túsiniк pándi oqıtıw strategiyaların da óz ishine qamtıydı.

5) Tildin ózine tán sintaksislik qağıydalarına baylanisli awdarmalaw barısında gáp dúziwde qıyınshılıqlardıń júzege keliwi. Mısalı: «Active learning encourages student participation». Bul tekstti «Jaqsı oqıtıw oqıwshılardıń qatnasın talap etedi» dep emes, «Jaqsı oqıtıw oqıwshılardıń sabaqqa qatnasına imkaniyat jaratadı» dep awdarmalaw maqsetke muwapıq bolıp, mazmunnıń túsiniqliligin támiyinlewge xızmet etedi.

6) Teksttiń dáslepki mánisi menen stilin saqlap qalıwdağı qıyınshılıqlar. Mısalı: «Effective classroom management is not about strict control, but about creating a positive learning environment where students feel respected and motivated». Bul tekstti «Topardı nátiyjeli basqarıw qatal baqlaw arqalı emes, al, oqıwshılardıń húrmet hám xoshametti seziniwine sharayat jaratıw» – dep emes, «Topardı nátiyjeli basqarıw – bul oqıwshılarga húrmet penen qatnas jasaw, olardı xoshametlew hám húrmetti seziniwshi dóretiwsilik ortalıqtı jaratıw bolıp, ol qatal baqlawdı emes, al, óz-ara túsiniwge tiykarlanadı» – dep awdarmalaw maqsetke muwapıq.

7) Dilmashtıń teksttiń mazmunın, formasın yamasa stilin dál kórsete almaw jaǵdayları. Mısalı: «Student-centered learning fosters autonomy and intrinsic motivation» – awdarması «Studentke baǵdarlangan bilim erkin pikir alıw hám ishki xoshametti rawajlandıradı». Bul jerde «fosters» → «tárbiyalaydı», «rawajlandıradı» mánisin beredi.

8) Bazı bir pedagogikalıq termin, atama, sóz hám sóz dizbekleriniń tek bir tilge ǵana tán bolıwı hám awdarma etilmew jaǵdaydarı. Mısalı: «Bul metod Italiyada Miriya Montessori tárepinen islep shıǵılǵan hám onıń koncepciyasına tiyisli» – awdarması «This method was developed in Italy by Miria Montessori and belongs to her concept». Bul jerde «Montessori» adamnıń ismi menen baylanisli bolıp, onı basqa tilge awdarmalap bolmaydı.

9) Ayırım jaǵdaylarda awdarma barısında tekstti qısqartıw yamasa keńeytiw zárúrligine baylanisli dáslepki mazmunnıń ózgerip ketiwi. Mısalı: «Pedagogikalıq texnologiya – bul bilim beriw processinde oqıwshılardıń individual ózgesheliklerin esapqa alıp, olardıń rawajlanıwına sáykes túrde shólkemlestirilgen bilim beriw usıllarınıń jıyındısı» – awdarması «Pedagogical approach involves methods tailored to students' individual development».

10) Dilmashtıń yamasa awdarmashınıń jeke stili, pikiri hám usılınıń awdarmaǵa kerı tásiiri. Mısalı: «Oqıwshı óziniń bilimin erkin túrde arttırıp barıwı kerek» - neytral awdarması «The student needs to improve their knowledge independently», dilmashtıń jeke pikiri hám stiliń tásirindegi awdarma «The student must diligently work on enhancing their knowledge on their own to succeed» (Федоров, 1983: 303).

Bunday mashqalalardıń sheshimine belgili awdarmashılardıń tájiriybelerin úyrenip, másláhatlerin esapqa alıp, óz-ara birge islesip, teksttiń hám ondağı terminlerdiń mánisin durıs túsiniw hám termindi qollanıw barısında durıs sheshim qabıl etiw arqalı erisiw múmkin.

Pedagogikalıq terminlerdi inglis tiline awdarmalawda da bir qansha usıllardı qollanıwǵa boladı. Bazı pedagogikalıq terminlerdi inglis tilinen basqa tillerge tikkeley awdarmalaw múmkin. Mısalı, «teacher» sóziniń «múǵállim» degen awdarması bar bolıp, al, geypara jaǵdaylarda basqa tillerde alternativ terminler arqalı (mısalı: «educator», «instructor», «tutor», «trainer», «mentor», «professor», «coach») túsindiriledi. Sonday-aq, «bilim», «bilim beriw» sózi «education» degen awdarma menen berilgeninde, bul terminniń tuwra alternativasını tabıw qıyın bolsa, túsindirme awdarmalaw usılınan paydalanıp, pikirdi beriwge boladı. Bul terminniń mánisi menen kontekst haqqında qosımsha maǵlıwmat (túsiniq) beriledi. Al, «curriculum» sóziniń awdarması «oqıw baǵdarlaması (mektepte yamasa universitette usınılatuǵın kurslar menen olardıń mazmunı)» bolıp tabıladı.

Juwmaq

Pedagogika tarawında durıs, anıq, nátiyjeli awdarmaǵa terminologiyanı izertlew hám úyreniw arqalı erisiwgeboladı. Bul usılda qollanıw júrgen terminler, atamalar hám leksikalıq birliklerdiń inglis tilindegi alternativası izertlenedi. Awdarma procesinde kontekstke sáykes terminlerdi qollanıw zárúr (Paluanova, Musumonova, Riskulova, Qurbanniyozova, 2012: 45). Mısalı, «learning process» degendi «oqıw procesi» dep awdarmalaw múmkin. Geypara pedagogikalıq terminler waqıt ótiwi menen ózgeredi. Sonlıqtan da, jańartılǵan terminler menen olardıń inglis tilindegi alternivasın da jaqsı biliw kerek. Sonday-aq, pedagogikalıq terminlerdi awdarmalaǵanda qánigeli dilmashlar yamasa tájiriybeli awdarmashılar menen keńesiw de ádewir paydalı. Olar ózleriniń tarawı boyınsha anıq jáne durıs terminlerdi usınıs etedi. Anıq pedagogikalıq terminler ushın awdarma sózlikleri menen internet-resurslardı paydalanıw anıq hám dál awdarma islewge járdemlesedi. Bul usıllardı durıs qollanıw pedagogikalıq terminlerdi inglis tiline durıs jáne dál awdarmalaw ushın áhmiyetli (Yusupova, 2021: 105).

Pedagogika tarawına tiyisli ayırım sózler menen sóz dizbeklerin tikkeley awdarmalawǵa boladı. Biraq, bul usıl hámme waqıtta da durıs nátiyje bermewi múmkin. Sonlıqtan da, terminlerdi, atamalar, sóz hám leksikalıq birliklerdi bir tilden ekinshi tilge awdarmalaǵanda sáykes ekvivalentlerin tabıw maqsetke muwapıq. Bul awdarma máselesinde anıq nátiyjeler alıwǵa xızmet etedi.

Pedagogikalıq terminlerdi awdarmalaǵanda teksttiń mazmunına hám áhmiyetine de ayırıqsha itibar qaratılıwı kerek. Sebebi, termin yamasa sóz dizbeginiń mánisi kontekstke baylanıslı ózgeriwi múmkin, sonlıqtan da, tiyisli awdarmanı tańlap alıw zárúrligi payda boladı. Terminniń tuwrı alternativasını tabıw qıyın bolsa, interpretaciyalıq awdarma usılın qollanıw kerek. Bul terminniń mazmunı menen kontekst haqqında qosımsha maǵlıwmatlar beredi.

Pedagogikalıq terminlerge arnalǵan awdarma sózlikler menen internet-resurslardan paydalanıw da awdarmanıń anıq, dál, mazmunlı hám túsiniqli bolıwına tiykar boladı. Bul usıllardı durıs qollanıw awdarmanıń sapalılıǵın arttıradı jáne anıq nátiyjelerge erisiwge járdemlesedi.

Awdarma hám awdarma usılları mádeniyat, salıstırmalı hám kontrastlı lingvistika, sonday-aq, leksikografiya tarawlarında jumıs alıp barıp atırǵan tilshilerdiń itibarın tartadı. İnsan pikiriniń rawajlanıwı menen awdarmanıń mazmun-mánisine hám onıń tiykarǵı principlerine baylanıslı kóz-qaraslar ózgerdi, kóbinese mashqala boyınsha hár qıylı hám birin-biri biykarlaytuǵın kóz-qaraslar bildirilmekte (Федоров, 1983: 303).

Qaraqalpaq hám inglis tilleriniń pedagogikalıq terminologiyası tarawındaǵı baylanıslar, bul eki tildiń til bilimi tarawlarınń jetilisiwi, keńeyiwi hám rawajlanıwında, eki tillik sózlikler dúziwde hám pedagogikalıq xızmettiń nátiyjeli bolıwında úlken áhmiyetke iye bolmaqta. Ásirese, awdarma procesi – bul eki tildiń ámeliy qollanıwın óz ishine alatuǵın obektiv hám subektiv kommunikaciya procesi bolıp, tillerdiń strukturalıq hám funkcional ózgeshelikleri, awdarmanıń obektivligi hám terminologiyalıq awdarmanıń nátiyjesin anıqlaw ushın áhmiyetli.

Iqtiboslar/ References/ Kaynaklar/ Сноски:

1. Шадрин Н. Л. Фразеологизм как объект сопоставительной стилистики (теория и метод перевода): дисс. ... д. филол. н. – Л.: 1991. – стр. 63.
2. Карabanova O.O. Переводческие трансформации как понятие и явление: Дис. ... канд. филол. наук. – М.: 2000. – С. 166.
3. Латышев Л.К. Технология перевода. – М.: 2001. – Р. 119-125.
4. Paluanova Kh., Musumonova M, Riskulova K, Qurbanniyozova Z. // List of pedagogical terms. 11/16/2012. – P. 45-58.

5. Yusupova S.A. Translation of pedagogical terms into English and Uzbek languages, English and Uzbek terminology. 2021 year. – P. 100-105.
6. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). - М.: Высшая школа, 1983. – С. 303.
7. Qaraqalpaqtiliniń túsindirmesózligi. 4tomlıq. 1-tom. Nókis – 1982
8. Qaraqalpaqtiliniń túsindirmesózligi. 4 tomlıq. 2-tom. Nókis – 1984
9. Qaraqalpaqtiliniń túsindirmesózligi. 4 tomlıq. 1-tom. Nókis – 1988
10. Qaraqalpaqtiliniń túsindirmesózligi. 4 tomlıq. 1-tom. Nókis – 1992
11. <https://dictionary.cambridge.org>
12. <https://www.oed.com>.

PALINDROM – TIL O‘YINI SIFATIDA: O‘ZBEK VA INGLIZ KOGNITIV USLUBIYOTIDA SIMMETRIK TAFAKKUR MODELLARI

SHODIYEVA Gulrux Nazir qizi,

Farg‘ona davlat universiteti mustaqil izlanuvchisi (DSc),
filologiya fanlari bo‘yicha falsafa doktori (PhD)

(Farg‘ona, O‘zbekiston)

 E-mail: g.n.shodiyeva@pf.fdu.uz

 ORCID: 0000-0003-2190-5741

 DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.22081851>

Annotatsiya

Mazkur maqolada palindrom hodisasi tilshunoslikning kognitiv va uslubiy yo‘nalishlari kesimida chuqur tahlil qilinadi. Palindrom nafaqat qadimdan mavjud bo‘lgan so‘z o‘yini, balki tilning ichki mantiqiy, fonetik va estetik tuzilishini aks ettiruvchi murakkab kognitiv hodisa sifatida ko‘rib chiqiladi. O‘zbek va ingliz tillarida palindromlarning shakllanish mexanizmlari, fonetik-grafik xususiyatlari va simmetrik tafakkur modellaridagi o‘rni qiyosiy-tipologik tahlil asosida yoritiladi. Tadqiqot shuni ko‘rsatadiki, o‘zbek tilining agglyutinatativ tabiati va bo‘g‘in uyg‘unligi leksik darajadagi palindromlarni ko‘paytirgan bo‘lsa, ingliz tilining analitik tuzilishi grafik simmetriyaga asoslangan, gap darajasidagi murakkab palindromik konstruksiyalarni rivojlantirgan. Shuningdek, palindromlarning neyropsixologik ta’siri, ya’ni miyaning ikkala yarimsharini bir vaqtda faollashtirish qobiliyati alohida tahlil qilinadi. Maqolada palindromlarning stilistik, didaktik va lingvodidaktik ahamiyati ham ochib beriladi, bu esa ularni zamonaviy kognitiv tilshunoslikning istiqbolli tadqiqot yo‘nalishlaridan biri sifatida belgilashga asos bo‘ladi.

Kalit so‘zlar: *palindrom, kognitiv uslubiyat, simmetrik tafakkur, fonetik simmetriya, grafik simmetriya, agglyutinatativ til, til o‘yini, adabiy estetika.*

ПАЛИНДРОМ КАК ЯЗЫКОВАЯ ИГРА: МОДЕЛИ СИММЕТРИЧНОГО МЫШЛЕНИЯ В УЗБЕКСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ КОГНИТИВНОЙ СТИЛИСТИКЕ

ШОДИЕВА Гулрух Назир кизи,

Соискатель (DSc) Ферганского государственного университета,
доктор философии (PhD) по филологическим наукам

(Фергана, Узбекистан)

Аннотация

В данной статье глубоко проанализирован феномен палиндрома на стыке когнитивного и стилистического направлений языкознания. Палиндром рассматривается не только как древняя форма языковой игры, но и как сложное когнитивное явление, отражающее внутреннюю логическую, фонетическую и эстетическую структуру языка. На основе сравнительно-типологического анализа исследуются механизмы формирования палиндромов в узбекском и английском языках, их фонетико-графические особенности и роль в моделях симметричного мышления. Результаты показывают, что агглютинативная природа узбекского языка и слоговая гармония способствуют увеличению числа лексических палиндромов, тогда как аналитическая структура английского языка обусловила развитие сложных палиндромических конструкций на уровне предложений, основанных на графической симметрии. Отдельно анализируется нейropsychологическое

воздействие палиндромов – их способность одновременно активизировать оба полушария мозга. В статье также раскрывается стилистическое, дидактическое и лингводидактическое значение палиндромов, что позволяет рассматривать их как перспективное направление современной когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: *палиндром, когнитивная стилистика, симметричное мышление, фонетическая симметрия, графическая симметрия, агглютинативный язык, языковая игра, литературная эстетика.*

PALINDROME AS A LANGUAGE GAME: MODELS OF SYMMETRICAL THINKING IN UZBEK AND ENGLISH COGNITIVE STYLISTICS

SHODIYEVA Gulrukh

Independent researcher (DSc) at Fergana State University,
Doctor of Philosophy (PhD) in Philological Sciences
(Fergana, Uzbekistan)

Abstract

This article offers an in-depth examination of the palindrome phenomenon at the intersection of cognitive and stylistic branches of linguistics. Palindromes are treated not merely as an ancient form of wordplay, but as a complex cognitive phenomenon reflecting the internal logical, phonetic, and aesthetic structure of language. Through comparative-typological analysis, the study explores the mechanisms of palindrome formation in Uzbek and English, their phonetic-graphic characteristics, and their role within models of symmetrical thinking. The findings demonstrate that the agglutinative nature of Uzbek, together with its syllabic harmony, fosters a greater number of lexical-level palindromes. In contrast, the analytical structure of English has given rise to complex sentence-level palindromic constructions grounded in graphic symmetry. The neuropsychological impact of palindromes, namely, their capacity to simultaneously activate both cerebral hemispheres, is examined separately. The article further reveals the stylistic, didactic, and pedagogical significance of palindromes, establishing them as a promising direction for contemporary cognitive linguistics research.

Key words: *palindrome, cognitive stylistics, symmetrical thinking, phonetic symmetry, graphic symmetry, agglutinative language, wordplay, literary aesthetics.*

Kirish

Palindrom hodisasi tilshunoslik tarixida uzoq o‘tmishga ega bo‘lib, u dastlab yunon tilidagi “palindromon” so‘zidan kelib chiqqan va “orqaga qaytuvchi” ma’nosini bildiradi. Qadimgi yunon va rim madaniyatida palindromlar sof estetik yoki sirli-diniy maqsadlarda qo‘llanilgan bo‘lsa, zamonaviy tilshunoslikda ular kognitiv, stilistik va didaktik hodisa sifatida ham faol o‘rganilmoqda (Crystal, 2003:106). Turli tizimli tillarda palindromlarning namoyon bo‘lish shakli bir-biridan sezilarli darajada farq qiladi va bu farqlar faqat grafik yoki fonetik tafovutlar bilan cheklanmaydi, balki har bir tilning tipologik tabiatidan kelib chiqadi. Shu nuqtayi nazardan, o‘zbek va ingliz tillarini qiyosiy asosda o‘rganish palindromning universal va milliy-xos jihatlarini bir vaqtda ochib berishga imkon yaratadi. Zamonaviy kognitiv tilshunoslik til hodisalarini faqat tuzilma sifatida emas, balki inson tafakkuridagi aks sifatida ko‘radi (Kovecses, 2010:375). Palindromlar ham aynan shu tamoyilga asoslanib, insonning simmetriyaga bo‘lgan tabiiy intilishini, tartib va muvozanat tamoyillarini til vositasida ifodalash mexanizmini namoyon qiladi. Shu bois palindromlarni o‘rganish nafaqat lingvistik, balki psixolingvistik va kognitiv jihatdan

ham ahamiyatlidir. Mazkur maqolaning maqsadi o‘zbek va ingliz tillarida palindromlarning kognitiv-stilistik tahlilini o‘tkazish, ularning simmetrik tafakkur modellaridagi o‘rnini aniqlash va qiyosiy tahlil asosida har ikki tilning palindrom yaratish imkoniyatlarini ko‘rsatishdan iborat.

Ingliz leksikografik manbalarda palindrom atamasi uzoq va izchil tadqiqot tarixiga ega bo‘lib, uning kelib chiqishi va rivojlanish bosqichlari bir qator lug‘atlarda batafsil qayd etilgan. Xususan, “Oxford English Dictionary” ma’lumotlariga ko‘ra, mazkur atama qadimgi yunoncha “παλίνδρομος” so‘zidan olingan bo‘lib, ingliz tilida uning eng qadimgi qo‘llanilishi 1636-yilga, geraldika bilan shug‘ullangan Jon Filipotning yozuvlariga borib taqaladi. Shu bilan bir qatorda, “Merriam-Webster” lug‘ati atamaning etimologik tuzilishini yunoncha “palindromes” – “orqaga yuguruvchi” so‘zidan, aniqrog‘i “palin” (orqaga, yana) va “dramein” (yugurmoq) birliklaridan tarkib topganligi bilan izohlaydi, shuningdek uning ingliz tilida taxminan 1637-yildan buyon qo‘llanib kelinayotganligini ta’kidlaydi. Bunday izohli lug‘atlarda palindrom orqaga o‘qilganda ham asl shaklini saqlab qoluvchi so‘z, raqam, ibora yoki har qanday belgilar ketma-ketligi sifatida yetarli darajada tizimli va aniq tavsiflanadi, bu esa ingliz leksikografiyasida ushbu terminologik birlikning barqaror ilmiy maqom kasb etganligidan dalolat beradi.

O‘zbek tilshunosligi palindrom atamasining o‘rganilish holati ingliz tiliga nisbatan farqli tarzda namoyon bo‘ladi. “O‘zbek tilining izohli lug‘ati” yoki “Tilshunoslik terminlarining izohli lug‘ati” kabi umumfoydalanuvchi izohli lug‘atlarda palindrom atamasi alohida lug‘aviy birlik sifatida keng va mustaqil tarzda yoritilmagan. Shunga qaramay, unga mazmunan yaqin bo‘lgan hodisa so‘zlarning teskari tartibda o‘qilishi asosida tuzilgan “ters lug‘at” tushunchasi kompyuter tilshunosligiga bag‘ishlangan ilmiy-metodik adabiyotlarda qayd etilgan holatlarga duch kelinadi. Ushbu holat o‘zbek leksikografik amaliyotida palindrom kabi stilistik-lingvistik hodisalarni tizimli va terminologik jihatdan izchil tavsiflashga bo‘lgan ehtiyojni yaqqol namoyon etadi hamda mazkur sohaning yanada chuqurroq ilmiy ishlab chiqilishini taqozo etadi.

So‘nggi yillarda o‘zbek tilshunos olimlari tomonidan palindrom hodisasi tadqiq qilindi. Jumladan, Hojiyevning ta’kidlashicha, “Palindrom (yunoncha palíndromos – “orqaga qaytuvchi”, “teskari yo‘nalishda harakatlanuvchi”) – chapdan o‘ngga va o‘ngdan chapga bir xil tarzda o‘qiladigan so‘z, so‘z birikmasi, gap yoki matn birligi bo‘lib, u tilning fonetik-grafik simmetriyasiga asoslangan o‘ziga xos til hodisasidir; bunday birliklar harflar yoki tovushlar ketma-ketligining ikki yo‘nalishda ham bir xil shaklda saqlanishi bilan ajralib turadi va ko‘pincha so‘z o‘yini, stilistik vosita yoki lingvodidaktik material sifatida qo‘llaniladi” (Hojiyev, 2002).

Asosiy qism

Mazkur tadqiqotda qiyosiy-tipologik tahlil metodi qo‘llanildi. Palindromlarning fonetik, morfologik va grafik xususiyatlari “O‘zbek tilining katta imlo lug‘ati” (Nizomiddin Mahmudov tahriri ostida) hamda ingliz tilidagi leksikografik manbalarga asosanib o‘rganildi. Bundan tashqari, palindromlar hodisasini kognitiv va stilistik nuqtayi nazardan yoritgan rus, o‘zbek va xorijiy tadqiqotchilarning ilmiy ishlari tahlil qilindi. Palindrom hodisasi rus tilshunosligida Semyon Kirsanov tomonidan tilning ritmik va intonatsion jihatlari bilan bog‘lab o‘rganilgan. Kirsanov palindromlarni “o‘zi o‘ziga ritm” deb ta’riflagan bo‘lib, ularning fonetik simmetriya va ritmik tuzilishga ta’sirini yoritgan (Kirsanov, 1962:180). Velimir Xlebnikov esa palindromni “inversiya” tushunchasi orqali izohlab, tilning semantik va sintaktik qatlamlarini birlashtiruvchi vosita sifatida baholagan (Xlebnikov, 1914:45). Vladimir Ribinskiy, o‘z navbatida, palindromlarni “amfritma” tushunchasi bilan yoritib, ularni nafaqat individual so‘z, balki jumla va matn darajasida ham tahlil qilgan (Ribinskiy, 1921:140).

O‘zbek tilshunosligida Ibodulla Mirzayev palindromni “tilning minimal shaklda maksimal ma’no ifodalash” xususiyati sifatida baholaydi va shu orqali palindromik birliklarning psixolingvistik ahamiyatini alohida ta’kidlaydi (Mirzayev, 2023:100). Professor H. Dusmatov esa palindromni “so‘z o‘yinlarining fonografik turlaridan biri; so‘zni chappa o‘qiganda ham ma’lum ma’no chiqadigan tarzda qo‘llash” sifatida ta’riflaydi (Dusmatov, 2019:220). Nusratulla Jumaxo‘ja zamonaviy o‘zbek she’riyatida palindromlarni intellektual va poetik vosita sifatida tahlil qilib, ular matnga evfoniya, aks-sado effekti va ikki qatlamli semantik yuk berishini ko‘rsatadi (Jumaxo‘ja, 2022:75). Kognitiv tilshunoslikning asosiy tamoyillariga ko‘ra, inson tafakkuri abstrakt mantiqiy modellarga emas, balki tajriba va idrok asosida shakllanadi (Kovecses, 2010:124). Palindromlar aynan shu nuqtada qiziqarli hodisaga aylanadi: ular simmetriyani nafaqat vizual, balki audial va semantik darajada ham yaratib, miyaning ikkala yarimsharini bir vaqtda ishga soladi. Chap yarimshar til birliklarini ketma-ket tahlil qilsa, o‘ng yarimshar simmetrik tasvirni yaxlit vizual obraz sifatida qabul qiladi. Crystal o‘zining tilshunoslik entsiklopediyasida so‘z o‘yinlari va palindromlarning kognitiv ta’sirini muhim didaktik hodisa sifatida ta’kidlaydi (Crystal, 2010:234). Saussure tomonidan asoslangan til va nutq o‘rtasidagi farq nuqtayi nazaridan ham palindromlar ahamiyatlidir: ular tilning ikki qatlami, ya’ni langue va parole o‘rtasida ko‘prik vazifasini bajaradi (Saussure, 1966: 240).

Natijalar va muhokama

Qiyosiy tahlil shuni ko‘rsatadiki, o‘zbek va ingliz tillaridagi palindromlar o‘z shakllanish mantig‘i va strukturaviy xususiyatlari jihatidan sezilarli darajada farqlanadi. O‘zbek tili agglyutinativ tabiatga ega bo‘lib, so‘z shakllanishida qo‘shimchalar aniq ajraladi va bo‘g‘in uyg‘unligi tilning fonetik barqarorligini ta’minlaydi. Shu xususiyat leksik darajadagi palindromlarning ko‘plab misollarini yuzaga keltirgan: “alla”, “non”, “amma”, “quduq”, “kiyik”, “tut”, “qoq”, “radar”, “yoy” kabi birliklar fonetik simmetriya va bo‘g‘in uyg‘unligini bir vaqtda namoyon qiladi. “O‘zbek tilining katta imlo lug‘ati” tahlili davomida aniqlangan palindromik birliklar nafaqat fonetik simmetriya, balki semantik to‘liqlik nuqtayi nazaridan ham qimmatlidir. Masalan, “Madad – dadam”, “Malol – lolam”, “Magnat – tangam”, “Loya – ayol”, “Rubob – Bobur”, “Yaroq – qoray”, “Azot – toza”, “Ovqat – taqvo”, “Aholi – iloha” kabi juftliklar shartli palindrom kategoriyasiga kiradi: bir so‘z orqadan o‘qilganda boshqa bir mustaqil ma’noli so‘zni hosil qiladi. Bu holat o‘zbek leksikasining ichki boyligini va morfologik moslashuvchanligini yaqqol ko‘rsatadi. Palindromlar o‘zbek badiiy asarlarida ham ko‘plab uchraydi. Masalan,

1) *Qaro qoshing, qalam qoshing,*

Qiyiq qayrilma qoshing, qiz. (E. Vohidov, 1961:9).

2) *Qo‘llarimdan tut o‘zing, dilbar,*

Oydin yo‘lga yetakla meni. (E. Vohidov, 1961:13).

3) *Chunki oro kirib joningga,*

Bag‘ring bir kun kelar yoningga. (E. Vohidov, 1961:25).

4) *“...Bizning mahallamiz kichkinagina bo‘lsa ham gavjum. Karim qori degan gazlamafurush, Yoqub qovoq degan mumfurush, Abdullaxo‘ja degan bo‘yoqfurush boylarni hisobga olmaganda, qolganlari bosmaxona va qandolatxona (konditerskiy) ishchilari edi.* (G‘. G‘ulom, 1936:9)

O‘zbek tilida palindrom yaratishning asosiy qiyinchiligi shu tilning morfologik xususiyatidan kelib chiqadi: so‘z oxiriga qo‘shiladigan grammatik ko‘rsatkichlar simmetriyani buzmasa ham, uzoq so‘z shakllari palindrom hosil qilishni qiyinlashtiradi. Shuningdek, o‘zbek alifbosidagi harfiy birikmalar (sh, ch, ng) va tutuq belgisi grafematik simmetriyani

murakkablashtiradi. Masalan, “shash” soʻzi kirill alifbosida palindrom boʻlsa-da, lotin yozuvida “shash – hsahs” koʻrinishida simmetriyani toʻliq saqlamaydi. Bu esa oʻzbek tilida palindromlarning yozuv tizimiga bevosita bogʻliqligini koʻrsatadi. Ingliz tilidagi palindromlar boshqacha tabiatga ega. Ingliz tilining analitik, grammatik tuzilishi, soʻzlarning qisqa va morfologik jihatdan sodda shakllari grafik simmetriyani rivojlantirishga qulay sharoit yaratgan. “Level”, “radar”, “civic”, “madam”, “rotor”, “kayak”, “tenet”, “refer” kabi soʻzlar harfiy simmetriyaga asoslangan. Ingliz tilida gap darajasidagi palindromlar ham keng tarqalgan: “Was it a rat I saw?”, “Madam, I'm Adam”, “No lemon, no melon”, “A Santa at NASA” singari misollar nafaqat grafik, balki semantik jihatdan ham izchillikni saqlab qoladi.

Ingliz tilida fonetika va yozuv oʻrtasidagi tafovut katta boʻlgani uchun fonetik palindromlar grafik palindromlarga nisbatan ancha kam uchraydi. Yaʼni ingliz tilidagi palindromlar asosan koʻzga qaratilgan, koʻrish idrokiga asoslangan boʻlsa, oʻzbek tilidagi palindromlar quloqqa ham, koʻzga ham bir xil taʼsir koʻrsatadi. Bu farq oʻzbek tilida quruq haqiqatni bayon qilish bilan birga musiqiy-ritmik estetikani ham yaratadigan palindromlarning alohida goʻzalligini asoslaydi. Kognitiv nuqtayi nazardan qaraganda, palindromlar inson miyasining simmetriyaga tabiiy moyilligini bevosita aks ettiradi. Tadqiqotlar shuni koʻrsatadiki, palindromik matnlarni qayta ishlash jarayonida miya standart matnlarni qayta ishlashdan farqli tarzda ishlaydi: simmetrik strukturani tanib olish visual pattern recognition mexanizmlarini faollashtiradi. Shu sababli palindromlar nafaqat estetik, balki neyropsixologik jihatdan ham qiziqarli tadqiqot obyekti hisoblanadi.

Oʻzbek va ingliz tillarida palindromlarning stilistik funksiyasi ham eʼtiborga loyiq. Oʻzbek sheʼriyatida palindromlar anʼanaviy “maqlub” sanʼati bilan bogʻliq boʻlib, mumtoz adabiyotda tajnis sanʼatiga yaqin shakllardan foydalanilgan. Zamonaviy oʻzbek sheʼriyatida esa palindromlar matnga aks-sado effekti va ikki qatlamli semantik yuk beradi. Ingliz adabiyotida palindromlar koʻproq hazil-mutoyiba, bosh maqola sarlavhalari va reklama matnlarida ijodiy vosita sifatida qoʻllaniladi. Har ikkala tilda ham palindromlarning didaktik qiymati kattadir: ular fonetik sezgirlikni oshiradi, soʻz tarkibiga diqqatni qaratadi, mantiqiy tafakkurni va ijodiy fikrlashni rivojlantiradi.

Tahlillar natijasida aniqlanishicha, palindromlarning shakllanishida tilning tipologik xususiyatlari hal qiluvchi omil hisoblanadi. Oʻzbek tilida morfologik vositalarning serqirraligi va boʻgʻin tuzilishining nisbatan barqarorligi qisqa leksik palindromlarning koʻproq uchrashiga imkon yaratadi. Ingliz tilida esa grafik shaklning ustuvorligi sababli harfiy simmetriyaga asoslangan murakkab palindromik konstruksiyalar, jumladan, gap va ibora darajasidagi namunalar kengroq rivojlangan. Bu holat har ikki tilning ichki strukturasi palindrom hosil qilish usullariga bevosita taʼsir koʻrsatishini tasdiqlaydi. Shuningdek, qiyosiy tahlil palindromlarning universal lingvistik hodisa boʻlishiga qaramay, ularning funksional va stilistik imkoniyatlari har bir tilning fonetik, morfologik hamda grafematik tizimiga mos ravishda shakllanishini koʻrsatdi.

Bundan tashqari, tadqiqot natijalari palindromlarning til oʻrgatish metodikasida ham muhim didaktik vosita boʻla olishini koʻrsatdi. Xususan, palindromlardan foydalanish oʻquvchilarda fonematik sezgirlikni rivojlantirish, soʻz tarkibini tahlil qilish koʻnikmalarini shakllantirish hamda ijodiy va mantiqiy fikrlashni faollashtirishga xizmat qiladi. Kognitiv yondashuv nuqtayi nazaridan esa palindromik birliklar simmetrik tafakkurni rivojlantirish, vizual va verbal axborotni uygʻun holda qayta ishlash jarayonlarini faollashtirish orqali tilni oʻzlashtirish samaradorligini oshiradi. Shu sababli palindromlarni nafaqat stilistik vosita, balki zamonaviy

lingvodidaktika va kognitiv tilshunoslikning istiqbolli tadqiqot obyektlaridan biri sifatida baholash mumkin.

Xulosa

O'tkazilgan qiyosiy tahlil palindrom hodisasining universal lingvistik xususiyatga ega ekanini, ayni vaqtda uning namoyon bo'lish shakli har bir tilning tipologik tabiatiga bog'liqligini tasdiqlaydi. O'zbek tilida agglyutinatив tuzilish va bo'g'in uyg'unligi fonetik-leksik palindromlarni ko'paytirs, ingliz tilining analitik tuzilishi grafik simmetriyaga asoslangan palindromlarni rivojlantirgan. Kognitiv nuqtayi nazardan palindromlar simmetrik tafakkur modellarini bevosita aks ettiruvchi lingvistik hodisa bo'lib, miya faoliyatida maxsus o'rin egallaydi. Stilistik jihatdan ular she'riyatda evfoniya, matnda semantik ko'p qatlamlilik va nutqda estetik ohang vositasi sifatida xizmat qiladi. Palindromlarni o'rganish va o'quv jarayoniga tatbiq etish tilning fonetik, morfologik va grafematik tuzilishini chuqurroq anglash, so'z boyligini oshirish va ijodiy tafakkurni rivojlantirish imkonini beradi. Kelajakdagi tadqiqotlarda o'zbek tili korpusi asosida palindromik lug'at yaratish, ularning stilistik xususiyatlarini monografik darajada o'rganish hamda kompyuter lingvistikasida palindrom algoritmlarini ishlab chiqish dolzarb yo'nalishlar sifatida ko'zda tutiladi.

Iqtiboslar/ References/ Kaynaklar/ Сноски:

1. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. - Cambridge: Cambridge University Press, 2003. - 506 p.
2. Kovecses Z. Metaphor: A Practical Introduction. - Oxford: Oxford University Press, 2010. - 375 p.
3. Кирсанов С. Палиндромы и ритм языка. - Москва: Наука, 1962. - 180 с.
4. Хлебников В. Инверсия и семантические пласты языка // Русское языкознание. - 1914. - № 3. - С. 45–60.
5. Рыбинский В. Амфритма: структурный анализ палиндромов. - Санкт-Петербург, 1921. - 140 с.
6. Mirzayev I. Palindromlarning o'zbek tilidagi morfologik va fonetik tahlili // Til va adabiyot. - 2023. - № 4. - B. 100–104.
7. Dusmatov H. O'zbek milliy so'z o'yinlarining lingvostilistik tadqiqi. - Toshkent: Fan, 2019. - 220 b.
8. Jumaxo'ja N. Zamonaviy o'zbek she'riyatida palindromlarning poetik funksiyasi // O'zbek tili va adabiyoti. - 2022. - № 2. - B. 75–82.
9. Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. - Cambridge: Blackwell, 2010. - 529 p.
10. Saussure F. de. Course in General Linguistics. - London: Duckworth, 1966. - 240 p.
11. Hojiyev A. Tilshunoslik terminlarining izohli lug'ati. - Toshkent: "O'zbekiston Milliy ensiklopediyasi" Davlat ilmiy nashriyoti, - 168 b., 2002.
12. Vohidov, E. Tong nafasi: She'rlar / E. Vohidov. – Toshkent: O'zdavnashr, 1961. – 48 b.
13. G'ulom, G'. Shum bola: Qissa / G'. G'ulom. – Toshkent: O'zdavnashr, 1936. – 124 b.

PHRASEOLOGICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT “BALA” IN THE KARAKALPAK LINGUISTIC WORLDVIEW

ORAZGALIEVA Ayjamal,

3rd-year Doctoral Student (PhD), Nukus State Pedagogical Institute,
(Nukus, Republic of Karakalpakstan, Uzbekistan)

 E-mail: orazgalieva.ayjamal@mail.ru

 ORCID: 0009-0007-1212-9740

Scientific Supervisor: USENOVA Gulmira,

Associate Professor (PhD), Department of English Language and Literature,
Nukus State Pedagogical Institute
(Nukus, Republic of Karakalpakstan, Uzbekistan)

 E-mail: gulmirausenova@gmail.com

 ORCID: 0009-0004-1501-0057

 DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.22081580>

Abstract

This study examines the phraseological representation of the concept “Bala” in the Karakalpak linguistic worldview from semantic and linguocultural perspectives. The research material is based on phraseological units documented in A. Pirniyazova’s *Qaraqalpaq tili frazeologiyalıq sisteması hám onıń stilistikalıq imkaniyatlari* (2020), Q. Paxratdinov and Q. Bekniyazov’s *Qaraqalpaq tiliniń frazeologizmler sózligi* (2018), J. Eshbaev’s *Qaraqalpaq tiliniń qısqasha frazeologiyalıq sózligi* (1985), as well as in the studies of B. Yusupova (2020; 2022). The data were collected using the method of continuous sampling. The findings demonstrate that phraseological units function as an important mechanism for preserving cultural memory, value systems, and ethnopsychological features of the Karakalpak people. The concept “child” is verbalized through both direct and indirect nominations and is closely associated with family continuity, lineage, moral values, and social responsibility. The analysis identifies major metaphorical models (genealogical, ornithomorphic, somatic, and domestic) and systematizes semantic groups related to childbirth, upbringing, maturation, and behavioral evaluation. The results indicate that the concept “Child/Bala” occupies a central position in Karakalpak phraseology, functioning as a key linguocultural unit that reflects the national worldview and value system.

Key words: *phraseology, child concept, Karakalpak language, linguistic worldview, metaphor, ethnolinguistics.*

QORAQALPOQ TILINING LINGVISTIK MANZARASIDA “BALA” KONTSEPTINING FRAZEOLOGIK IFODALANISHI

ORAZGALIEVA Ayjamal Marat qizi,

Nukus davlat pedagogika instituti, 3-kurs tayanch doktoranti,
(Nukus, Qoraqalpog‘iston Respublikasi, O‘zbekiston)

Ilmiy rahbar: USENOVA Gulmira Alillaevna

Dotsent (PhD), Nukus davlat pedagogika instituti,
Ingliz tili va adabiyoti kafedrası o‘qituvchisi,
(Nukus, Qoraqalpog‘iston Respublikasi, O‘zbekiston)

Annotatsiya

Mazkur tadqiqotda “bola” konseptining qoraqalpoq tilidagi frazeologik ifodalanishi lingvokulturologik va semantik nuqtayi nazardan tahlil qilinadi. Tadqiqot materiali A. Pirniyazovaning *Qaraqalpaq tili frazeologiyalıq sisteması hám onıń stilistikalıq imkaniyatları* (2020), Q. Paxratdinov va Q. Bekniyazovning *Qaraqalpaq tiliniń frazeologizmler sózligi* (2018), J. Eshbaevning *Qaraqalpaq tiliniń qısqasha frazeologiyalıq sózligi* (1985), shuningdek, B. Yusupovanning (2020; 2022) asarlarida keltirilgan frazeologik birliklarga asoslanadi. Materiallar uzluksiz tanlash usuli asosida jamlandi. Tahlil natijalari frazeologizmlar til orqali madaniy xotira, qadriyatlar va etnopsixologik xususiyatlarni saqlovchi muhim vosita ekanligini ko‘rsatadi. “Bola” konsepti bevosita va bilvosita nominatsiyalar orqali ifodalanib, oilaviy davomiylik, nasl, axloqiy qadriyatlar hamda ijtimoiy mas’uliyat bilan uzviy bog‘liq holda namoyon bo‘ladi. Tadqiqot davomida genealogik, ornitomorfik, somatik va maishiy metaforik modellarning mavjudligi aniqlandi hamda bola tug‘ilishi, tarbiyasi, voyaga yetishi va xulq-atvori bilan bog‘liq semantik guruhlar tizimlashtirildi. Natijalar shuni ko‘rsatadiki, qoraqalpoq frazeologiyasida “bola” konsepti markaziy lingvomadaniy birlik sifatida shakllanib, milliy dunyoqarash va qadriyatlar tizimini aks ettiradi.

Kalit so‘zlar: *frazeologiya, bola konsepti, qoraqalpoq tili, lingvistik manzara, metafora, etnolingvistika.*

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «БАЛА» В КАРАКАЛПАКСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

ОРАЗГАЛИЕВА Айжамал Марат кызы,

Докторант (PhD), 3 курс, Нукусский государственный педагогический институт,
(Нукус, Республика Каракалпакстан, Узбекистан)

Научный руководитель: УСЕНОВА Гулмира Абиллаевна

Доцент (PhD), кафедра английского языка и литературы,
Нукусский государственный педагогический институт
(Нукус, Республика Каракалпакстан, Узбекистан)

Аннотация

В статье анализируется фразеологическая репрезентация концепта «bala» в каракалпакской языковой картине мира с лингвокультурологической и семантической точек зрения. Материал исследования основан на фразеологических единицах, представленных в работах А. Пирниязовой «Qaraqalpaq tili frazeologiyalıq sisteması hám onıń stilistikalıq imkaniyatları» (2020), К. Пахратдинова и К. Бекниязова «Qaraqalpaq tiliniń frazeologizmler sózligi» (2018), Ж. Эшбаева «Qaraqalpaq tiliniń qısqasha frazeologiyalıq sózligi» (1985), а также в исследованиях Б. Юсуповой (2020; 2022). Материал собран методом сплошной выборки. Результаты анализа показывают, что фразеологизмы выступают важным средством сохранения культурной памяти, ценностных установок и этнопсихологических особенностей народа. Концепт «bala» вербализуется как прямыми, так и косвенными средствами и тесно связан с идеями семейной преемственности, родства, моральных ценностей и социальной ответственности. В работе выявлены основные метафорические модели (генеалогическая, орнитоморфная, соматическая и бытовая), а также систематизированы семантические группы, связанные с рождением, воспитанием, взрослением и оценкой поведения детей. Полученные результаты свидетельствуют о том, что в каракалпакской фразеологии концепт «bala» выступает как ключевая

лингвокультурная единица, отражающая национальную систему ценностей и мировоззрение.

Ключевые слова: *фразеология, концепт «bala», каракалпакский язык, языковая картина мира, метафора, этнолингвистика.*

Introduction

In modern linguistics, phraseology is considered an important domain for studying the interaction between language, culture, and cognition. Phraseological units function not only as fixed expressions, but also as carriers of cultural memory, social experience, and value orientations, reflecting the linguistic worldview of a speech community (Fernando, 1996: 15; Wierzbicka, 1992: 34). As noted in cognitive linguistics, language encodes culturally significant concepts through figurative and metaphorical structures, which are especially evident in phraseological systems (Lakoff & Johnson, 1980: 56). Within the framework of linguoculturology, special attention is paid to key cultural concepts that structure the linguistic picture of the world. One of such concepts is the concept “child,” which is closely related to fundamental categories such as family, reproduction, continuity of generations, and socialization (Maslova, 2001: 21) . The conceptualization of the child reflects both biological and sociocultural dimensions and reveals important aspects of a society’s value system.

In Turkic languages, including Karakalpak, the concept “bala” has a distinct ethnocultural significance. It is strongly associated with lineage, family continuity, and collective identity. Children are perceived not only as members of the family but also as the embodiment of its future and the carriers of moral and cultural traditions. These meanings are widely reflected in the phraseological system of the language, which serves as a repository of traditional knowledge and cultural values.

Despite the existence of studies devoted to Karakalpak phraseology, including lexicographical and stylistic descriptions, the phraseological representation of the concept “child” has not yet been comprehensively analysed from a semantic and linguocultural perspective. In particular, the systematisation of phraseological units and the identification of underlying conceptual and metaphorical models remain insufficiently developed.

Therefore, the aim of the present study is to characterise the phraseological representation of the concept “child” in the Karakalpak linguistic worldview and to identify its main semantic and conceptual features.

To achieve this aim, the following objectives are set:

- to systematise phraseological units related to the concept “child”;
- to classify them into semantic groups;
- to identify key metaphorical models;
- to analyse their cultural significance.

Materials and methods

The empirical basis of the present study consists of a systematically compiled corpus of Karakalpak phraseological units representing the concept “Bala.” The material was extracted from authoritative lexicographical and scientific sources, including *Qaraqalpaq tili frazeologiyalıq sisteması hám onıń stilistikalıq imkanıyatları* (Pirniyazova, 2020), *Qaraqalpaq tiliniń frazeologizmler sózligi* (Paxratdinov & Bekniyazov, 2018), *Qaraqalpaq tiliniń qısqasha frazeologiyalıq sózligi* (Eshbaev, 1985), as well as a number of monographic studies by Yusupova (2020; 2022) devoted to the structural, semantic, and stylistic aspects of Karakalpak phraseology.

The use of multiple sources ensured the reliability, diversity, and representativeness of the linguistic material.

The selection of phraseological units was carried out using the method of *continuous (total) sampling*, which made it possible to include all relevant units containing either direct lexical markers of the concept (e.g., *bala*) or indirect, metaphorically motivated representations associated with offspring, lineage, and childhood. This approach minimized subjective bias and ensured the completeness of the dataset. In addition to dictionary data, contextual examples from literary texts were also considered in order to account for the functional and stylistic realization of phraseological units in discourse.

The collected material comprises phraseological units of different structural types and semantic complexity, including both stable idiomatic expressions and figurative constructions with a high degree of lexical fixation. Special attention was given to preserving the original linguistic form and semantic integrity of each unit, as well as to identifying culturally marked components that contribute to the conceptualization of the child.

The methodological framework of the study is based on an integrated, multi-level approach combining several complementary methods. *Semantic analysis* was applied to determine the core meanings of phraseological units and to classify them into thematic groups reflecting key domains of the concept “bala,” such as family formation, pregnancy, childbirth, upbringing, developmental stages, and social evaluation. *Componential analysis* was used to examine the internal structure of phraseological units and to identify the semantic roles of individual lexical elements.

Within the framework of cognitive linguistics, *cognitive-conceptual analysis* was employed to reconstruct the underlying metaphorical models organizing the phraseological material. This made it possible to identify dominant conceptual patterns, including genealogical, ornithomorphic, somatic, and domestic-spatial models. In addition, *linguocultural analysis* was used to interpret phraseological units as carriers of cultural meanings, value orientations, and traditional beliefs related to family, fertility, and social continuity.

Finally, elements of *contextual and interpretative analysis* were applied to phraseological units extracted from literary sources, allowing for the identification of their pragmatic functions and stylistic features. The combination of these methods ensured a comprehensive and reliable analysis of the phraseological representation of the concept “child/bala” in the Karakalpak linguistic worldview and made it possible to reveal both its semantic structure and its cultural significance.

Results and Discussion

The material analysed in the present section shows that the concept “child/bala” in the Karakalpak language is verbalised through a wide range of phraseological units that include both direct and indirect nominations. In many cases, the child is represented not only as a biological descendant but also as the continuation of the lineage, the bearer of family hope, the centre of the household, and the object of blessing, protection, and emotional attachment. The phraseological embodiment of this concept is therefore inseparable from the broader ethnocultural understanding of the family and the social value of posterity.

From a semantic perspective, Karakalpak phraseological units connected with the concept “bala” may be grouped into several interrelated categories: phraseological units denoting the establishment of a family and the expectation of offspring; units connected with pregnancy, birth, and the newborn child; units expressing blessing and good wishes; phraseological units describing stages of childhood and maturation; units denoting affection. Such semantic diversity confirms

that the concept “child” occupies a central position in the Karakalpak phraseological picture of the world.

Family Formation, Lineage and the Idea of Future Offspring. One of the significant semantic domains in the Karakalpak material is formed by phraseological units in which the idea of child is linked with *family formation and genealogical continuity*. This semantic model is developed in the usage cited by M. Nizamov: *júregi ekew bolmay, bótekesi tórtew bolmaydı* (Pirniyazova, 2020: 23-30). In this expression, the lexeme *bóteke* serves as an indirect figurative marker of childbearing and offspring. The child is not directly nominated by the lexical unit *bala*; rather, it is conveyed through an associative bodily image, which intensifies the expressiveness of the utterance and reveals the figurative mechanisms of Karakalpak phraseological thought. Such examples demonstrate that the Karakalpak language often resorts to secondary nomination and metaphorical displacement in conceptualising reproduction and family continuation.

The same semantic field includes phraseological units denoting worthy and morally valuable descendants. In the line “*Pák tuqımnan, pák násil kógeredi, pák tuyaq ósedi dep isenemen*” (T. Qayıpbergenov) (Pirniyazova, 2020: 150-155), the phraseological units *pák násil* and *pák tuyaq* express the idea of pure, noble, and positively valued offspring. Here, the child is represented not merely as a member of the family but as the continuation of a morally approved lineage. The lexical components *násil* and *tuyaq* are especially important because they connect the idea of the child with descent, bloodline, and intergenerational continuity. Thus, in Karakalpak phraseology, the child is frequently conceptualised in genealogical rather than purely individual terms.

This orientation toward lineage is particularly clearly expressed in the blessing formula *Túbi bir, shaqası mıń bolsın*, which literally means “may there be one root and a thousand branches.” The metaphorical structure of this expression is transparent: the family is represented as a tree, and children as its multiplying branches. The formula encodes the wish that the descendants of a person or young family be numerous, healthy, and enduring. In this case, fertility is conceptualised as abundance, while posterity is viewed as a sign of blessing and prosperity. Such phraseological units reveal the high social and spiritual value attributed to children in Karakalpak culture.

Ornithomorphic imagery and the Figurative Representation of Children.

A highly characteristic feature of the Karakalpak phraseological representation of the concept “bala” is the active use of *ornithomorphic imagery*. Children, especially small children, are often compared to birds, nestlings, or vulnerable winged creatures. This figurative tendency is rooted in the semantic association of childhood with fragility, defenselessness, tenderness, and dependence.

A striking example is found in T. Qayıpbergenov’s *Suwıq tamshı*, where the author employs an original symmetrical two-component phraseological construction: *Esime tússe tordağı palapanday pıtırlap, shelektegi suwğa túsken shabaqtay baslarımni ernekke tuyemen*. The component *palapan* (“nestling, chick”) serves as the key image of helpless and restless motion. This phraseological structure is remarkable not only for its semantic content but also for its stylistic organisation, since it demonstrates the author’s creative reworking of traditional figurative models. The child here is not directly named; rather, the image of a nestling is used to evoke vulnerability, agitation, and emotional tension.

The same ornithomorphic principle underlies the phraseological expression *palapan basına, turımtay tusına degendey zaman boldı*, cited from T. Qayıpbergenov’s *Mamanbiy* legend.

In this case, the phrase conveys the meaning that disaster or disorder spread everywhere. Although the lexeme *palapan* retains its direct avian meaning, in phraseological use it contributes to the expression of a broader social and emotional situation. Of particular interest is the component *turımtay*, which is semantically opaque from the perspective of the modern language. However, as noted in the material, Mahmud al-Kashgari’s dictionary records *Turımtay* as the name of a predatory bird (Pirniyazova, 2020: 155). This etymological observation is important because it shows that Karakalpak phraseology preserves archaic lexical-cultural elements whose original meanings can only be reconstructed through historical lexicography. Consequently, the phraseological system functions as a repository of older Turkic cultural and lexical strata.

The same figurative tendency is visible in expressions describing the upbringing of daughters. Thus, the phrase *qanathıǵa qaqtırmay, tumsıqlıǵa shoqtırmay ósiriw* means to raise a child with extreme care, literally “not letting the winged strike, not letting the beaked peck.” The image clearly evokes the idea of protecting a fragile being from all possible harm. A related example occurs in the line *Anası qızın tawıstay tarap, sılap-sıypap oǵada álpeshledi*, where the girl is compared to a bird like the former example. The comparison reinforces the connotations of delicacy, beauty, and tenderness. In both examples, the child is conceptualised through avian imagery, which constitutes one of the most expressive symbolic models in Karakalpak phraseology.

Pregnancy, Prenatal Blessing, and the Euphemistic Representation of the Unborn Child.

The semantic field of *pregnancy* occupies an important place in Karakalpak phraseology and is closely connected with traditional etiquette, blessing formulas, and euphemistic nomination. The material shows that pregnant women are not referred to in an exclusively direct manner; rather, speech etiquette favours figurative and benevolent expressions that indirectly represent both the woman’s condition and the unborn child.

Among the best-known traditional expressions are *Ishıń-tisiń menen aman jurgeyseń, Eki janıń bir bersin*, and *Tikenıń sırtqa shıqsın*. These phraseological units function as blessings and good wishes addressed to a pregnant woman. Their semantics are especially noteworthy because the unborn child is represented not directly, but through alternative lexical signs: *ish-tis* (“inside/outside”), *jan* (“soul, life”), and *tiken* (“thorn”). Such indirect nomination reflects the euphemistic and culturally delicate manner in which the Karakalpak language conceptualises pregnancy. The unborn child is understood as an inseparable inner life, as a second soul, or as something that must safely emerge into the external world. These units, therefore, reveal both the metaphorical richness of phraseology and the cultural ethics of speaking about pregnancy.

A broader group of phraseological units directly denotes *the state of pregnancy*: *qursaq kóterdi, júkli boldı, eki qabat, boyında bar, bala kóterdi*, and *awır ayaq*. All of these expressions mean “to be pregnant,” yet they differ in figurative motivation. Some emphasize the physical condition of carrying a burden (*awır ayaq*), some focus on the embodied presence of the child within the woman (*boyında bar, bala kóterdi*), and others function as conventional euphemistic designations in traditional speech (*eki qabat*). The unborn child itself is denoted in the expression *anasınıń qarnında*, meaning “in the mother’s womb.”

Another phraseological unit related to pregnancy is *jerik boldı*, which denotes the particular cravings or unusual desires experienced by pregnant women. This phenomenon is culturally marked and widely recognised in traditional societies. Its phraseological nomination in Karakalpak indicates that pregnancy is not conceptualised merely as a physiological condition, but as a

complex social and cultural state accompanied by specific expectations, behaviors, and verbal practices.

Childbirth, the Newborn Child, and Postnatal Blessing.

The birth of a child is one of the most culturally significant events reflected in Karakalpak phraseology. The semantic field connected with *childbirth* includes both direct phraseological designations of giving birth and special blessing formulas addressed to the newborn and the mother.

The phraseological units *kózi jardı* and *jas bosandı* mean “she gave a birth” or “she became a mother.” These expressions show that childbirth is conceptualised through figurative predicates rather than through neutral descriptive vocabulary. In contrast, the phrase *bala tasladı* refers to the tragic situation in which the baby is born dead. The existence of such units demonstrates that Karakalpak phraseology reflects not only joy associated with childbirth but also grief and loss.

Newborn infants are designated by expressions such as *qızıl shaqa*, meaning “a newborn baby, an infant.” Very small babies are further characterised by the phraseological units *buwını qatpağan* and *súyegi qatpağan*, both referring to a newborn who is not yet physically formed enough to sit or support its body. These expressions are motivated by bodily imagery: the softness of joints and bones becomes the basis for figurative nomination. Such examples show that the physiological characteristics of the newborn serve as an important source for phraseological conceptualisation.

After a child is born, special blessings are traditionally pronounced. The phrase *bawı berik bolsın* is addressed to a newborn with the meaning “may the baby be strong,” “may the baby live long,” or “may the baby remain safe.” The expanded blessing *Bawı berik bolsın, bawırında qıymildasın!* intensifies this wish and reflects the emotional significance of the newborn for the family and community. In such expressions, the phraseological formula is not merely decorative; it performs a ritual speech function and serves as an instrument of social solidarity and cultural continuity.

Domestic Space, Preciousness, and the Child as the Centre of Family Life.

A number of Karakalpak phraseological units conceptualise children through the imagery of domestic space and through metaphors of precious bodily parts. These units reveal that the child is perceived as inseparable from the home and as one of the highest values within the emotional hierarchy of the family.

Thus, the expressions *úy ishi*, *oshaq bası*, and *ot bası* all refer to children, household members, or the family circle. In these cases, the child is represented through spatial images associated with the home, the hearth, and the centre of domestic life. Such phraseological nominations are highly significant because they show that the notion of child in Karakalpak is not purely individual or biological; rather, it is embedded in the collective structure of the household. The child is one of the defining components of the home itself.

Parental affection and the exceptional value of children are verbalized in phraseological units such as *qara kóz*, *kóziniñ qarashıǵı*, *kóziniñ aǵı-qarası*, and *kóziniñ nurı*. All these expressions refer to a child or offspring, literally equating the child with the pupil, light, or most delicate parts of the eye. The metaphorical basis is clear: just as the eye is protected with utmost care, so too is the child regarded as precious and irreplaceable. These phraseological units vividly reveal the emotional and axiological dimension of the concept “child” in Karakalpak culture.

The same semantic field includes *bir tırnaq*, meaning “an offspring,” and *izine ergen jalǵız qara*, denoting an only child. The phrase *tuyaq qaldı (qaldırdı)* means “to leave descendants” or

“to leave offspring.” Here, the child is conceptualised through the metaphor of a trace or hoofprint, that is, as the continuation of the human line after death. Such units confirm that in Karakalpak phraseology the child is strongly associated with family survival, continuity, and symbolic immortality.

Conclusion

The present study has demonstrated that the concept “child” (bala) occupies a central and structurally complex position in the Karakalpak linguistic worldview, as reflected in its rich phraseological system. The analysis revealed that phraseological units encode the concept through both direct and indirect nominations, systematically linking it with key cultural domains such as family formation, lineage continuity, fertility, upbringing, and social evaluation.

The findings show that the conceptualisation of the child is predominantly organised through a set of recurrent metaphorical models, genealogical, ornithomorphic, somatic, and domestic-spatial, which together construct a multidimensional ethnocultural representation. These models not only reflect biological and social aspects of childhood but also embody deeply rooted cultural values, including the ideas of continuity, protection, moral responsibility, and emotional attachment.

Importantly, the study confirms that Karakalpak phraseology preserves archaic cultural knowledge and traditional beliefs, functioning as a repository of collective memory and ethnolinguistic identity. The concept “child/bala” emerges not merely as a referential category but as a symbolic core of cultural continuity and social stability. Thus, the results contribute to the broader field of cognitive linguistics and linguoculturology by providing a systematic account of how culturally significant concepts are structured and transmitted through phraseological means.

Iqtiboslar/ References/ Kaynaklar/ Сноски:

1. Eshbaev, J. (1985). *Qaraqalpaq tiliniń qısqasha frazeologiyalıq sózligi*. Nókis: Qaraqalpaqstan baspası. – 158 b.
2. Fernando, C. (1996). *Idioms and idiomacity*. Oxford: Oxford University Press. – 265 p.
3. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press. – 242 p.
4. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В.А. Маслова. – Москва: Академия, 2001. – 208 с.
5. Paxratdinov Q., Bekniyazov Q. *Qaraqalpaq tiliniń frazeologizmler sózligi*. – Nókis: Qaraqalpaqstan baspası, 2018. – 158 b.
6. Pirniyazova A. *Qaraqalpaq tili frazeologiyalıq sisteması hám onıń stilistikalıq imkaniyatları*. – Nókis: Qaraqalpaqstan baspası, 2020. – 166 b.
7. Wierzbicka A. *Semantics, culture, and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations*. – New York: Oxford University Press, 1992. – 500 p.
8. Yusupova B. *Qaraqalpaq tiliniń frazeologiyası hám onıń geypara máseleleri*. – Tashkent: Tafakkur bóstoni baspası, 2020. – 223 b.
9. Yusupova B. *Qaraqalpaq tilindegi frazeologizmlerdiń fonostilistikalıq analizi*. – Nókis: Qaraqalpaqstan baspası, 2022. – 167 b.

COMPLIMENT RESPONSES IN ENGLISH AND UZBEK: A CROSS-CULTURAL PRAGMALINGUISTIC PERSPECTIVE

Durdonakhon OMONIDDINOVA,

Researcher, Fergana State University,
(Fergana, Uzbekistan)

 E-mail: durdonakhonnorinboeva@gmail.com

 ORCID: 0009-0004-7119-0865

YUSUPOVA Zuhra,

Student of Fergana State University,
(Fergana, Uzbekistan)

 E-mail: yusupovazuhra204@gmail.com

 ORCID: 0009-0005-6274-0172

 DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.22081429>

Abstract

Compliments and the ways people respond to them have long attracted the attention of researchers in pragmatics and cross-cultural linguistics because they reflect the interaction between language, culture, and social behavior. Although compliments are typically intended to express admiration, approval, or solidarity, responses to them differ noticeably from one language and culture to another. Such differences arise from culturally shared values, social expectations, politeness conventions, and speakers' communicative intentions. This study explores the pragmalinguistic features of compliment responses in English and Uzbek from a comparative cross-cultural perspective. It examines both the similarities and the differences in the linguistic realization of compliment responses and considers how cultural values shape speakers' pragmatic decisions. The analysis is based on authentic examples drawn from literary texts, spoken interaction, and digital communication using a qualitative comparative approach. The findings show that English speakers more frequently accept compliments directly through expressions of gratitude or agreement. In contrast, Uzbek speakers more often prefer modesty-based responses, including self-denial, praise deflection, and reciprocal compliments.

These differences reflect broader cultural orientations toward individualism and collectivism, as well as distinct politeness conventions.

By comparing compliment-response behavior in English and Uzbek, the study broadens current research in pragmalinguistics and offers further insight into the relationship between language use and culture. The findings may also be useful for intercultural communication, translation practice, and the teaching of English in multilingual educational settings.

Key words: *pragmalinguistics, compliment response, speech act, politeness strategies, cross-cultural communication, English, Uzbek, pragmatics.*

INGLIZ VA O‘ZBEK TILLARIDA MAQTOVGA JAVOBLAR: KROSS-MADANIY PRAGMALINGVISTIK YONDASHUV

OMONIDDINOVA Durdonaxon Janobiddin qizi,

Tadqiqotchi, Farg‘ona davlat universiteti,
(Farg‘ona, O‘zbekiston)

YUSUPOVA Zuhra Abdurahim qizi

Farg‘ona davlat universiteti talabasi,
(Farg‘ona, O‘zbekiston)

Annotatsiya

Maqtovlar va ularga bildiriladigan javoblar shaxslararo muloqotning muhim tarkibiy qismi bo‘lib, pragmatika hamda kross-madaniy tilshunoslik sohasida keng tadqiq etiladigan masalalardan biridir. Maqtovdan hayrat, e’tirof yoki birdamlikni ifodalash maqsadida qo‘llansa-da, unga javob berish usullari turli tillar va madaniyatlarda sezilarli darajada farqlanadi. Bunday farqlar ijtimoiy me‘yorlar, madaniy qadriyatlar, xushmuomalalik strategiyalari hamda so‘zlovchilarning kommunikativ niyatlari bilan belgilanadi. Mazkur tadqiqot ingliz va o‘zbek tillarida maqtovgacha javoblarning pragmatolingvistik xususiyatlarini kross-madaniy nuqtai nazardan tahlil qilishga bag‘ishlangan. Tadqiqotning maqsadi maqtovgacha javoblarning til vositalari orqali ifodalanishidagi o‘xshash va farqli jihatlarni aniqlash hamda so‘zlovchilarning pragmatik tanloviga ta‘sir etuvchi madaniy omillarni izohlashdan iborat. Tadqiqotda badiiy asarlar, og‘zaki nutq va raqamli muloqotdan olingan autentik misollar sifatli qiyosiy tahlil usuli asosida o‘rganildi. Tadqiqot natijalari shuni ko‘rsatdiki, ingliz tili so‘zlovchilari asosan minnatdorchilik bildirish va maqtovgacha qabul qilish kabi ochiq qabul strategiyalaridan foydalanadilar. O‘zbek tili so‘zlovchilari esa ko‘proq kamtarlikka asoslangan javoblarni, jumladan, o‘zini past tutish, maqtovgacha o‘zidan chetlashtirish hamda javoban maqtovgacha bildirish strategiyalarini afzal ko‘radilar. Ushbu farqlar individualizm va kollektivismga xos bo‘lgan kengroq madaniy yo‘nalishlarni hamda turli xushmuomalalik me‘yorlarini aks ettiradi. Tadqiqot pragmatolingvistika sohasiga til va madaniyat jihatidan farqlanuvchi ikki jamiyatda maqtovgacha javob berish xulq-atvorini qiyosiy tahlil qilish orqali o‘z hissasini qo‘shadi. Shuningdek, olingan natijalar madaniyatlararo muloqot, tarjimashunoslik hamda ko‘p tilli ta‘lim muhitida ingliz tilini o‘qitish jarayonida amaliy ahamiyat kasb etishi mumkin.

Kalit so‘zlar: *pragmatolingvistika, maqtovgacha javob, nutq akti, xushmuomalalik strategiyalari, madaniyatlararo muloqot, ingliz tili, o‘zbek tili, pragmatika*

ОТВЕТЫ НА КОМПЛИМЕНТЫ В АНГЛИЙСКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Дурдонахон Жанобиддин кизи ОМОНДИНОВА

Исследователь, Ферганский государственный университет
(Фергана, Узбекистан)

ЮСУПОВА Зухра Абдурахим кизи,

Студентка Ферганского государственного университета
(Фергана, Узбекистан)

Аннотация

Комплименты и ответы на комплименты являются важной составляющей межличностного общения и привлекают значительное внимание исследователей в области прагматики и кросс-культурной лингвистики. Хотя комплименты обычно служат выражением восхищения, одобрения или солидарности, способы реагирования на них существенно различаются в разных языках и культурах. Эти различия обусловлены социальными нормами, культурными ценностями, стратегиями вежливости и коммуникативными намерениями говорящих. Настоящее исследование посвящено анализу прагмалингвистических особенностей ответов на комплименты в английском и узбекском языках с кросс-культурной точки зрения. Цель исследования заключается в выявлении

сходств и различий в языковой реализации ответов на комплименты, а также в объяснении культурных факторов, влияющих на прагматический выбор говорящих. Для анализа аутентичных примеров, собранных из художественной литературы, устной речи и цифровой коммуникации, был использован качественный сравнительный метод. Результаты исследования показывают, что носители английского языка преимущественно используют стратегии явного принятия комплимента, такие как выражение благодарности и согласия, тогда как носители узбекского языка чаще предпочитают ответы, основанные на скромности, включая самоуничижение, отклонение похвалы и ответные комплименты. Эти различия отражают более широкие культурные ориентации на индивидуализм и коллективизм, а также различные нормы вежливости. Исследование вносит вклад в развитие прагмалингвистики, предлагая сравнительный анализ поведения при ответах на комплименты в двух лингвистически и культурно различных сообществах. Кроме того, полученные результаты могут быть полезны для межкультурной коммуникации, переводоведения и преподавания английского языка в условиях многоязычия.

Ключевые слова: прагмалингвистика, ответ на комплимент, речевой акт, стратегии вежливости, межкультурная коммуникация, английский язык, узбекский язык, прагматика.

Introduction

Language serves not only as a system of grammatical structures but also as a means of accomplishing social interaction.

In communication, utterances serve functions that go beyond the mere exchange of information. The meaning of an utterance is determined not only by its linguistic form but also by the communicative context, cultural norms, and the relationship between participants. Among various speech acts, compliments and their responses warrant particular attention because they simultaneously convey evaluation, politeness, solidarity, and interpersonal attitudes. Analyzing these exchanges requires attention to both linguistic meaning and the shared cultural knowledge that interlocutors contribute to interaction.

Compliments are commonly used to express a positive evaluation of another person's appearance, abilities, achievements, possessions, or personal qualities. Although the intention behind a compliment is often to establish rapport and reinforce positive social relations, how compliments are expressed and responded to differ considerably across cultures. For this reason, compliment responses have become an important topic in intercultural pragmatics, as they reveal how speakers negotiate politeness, face, modesty, and social distance in everyday interaction.

In many English-speaking settings, accepting a compliment by expressing gratitude is generally viewed as an appropriate and polite response.

Conversely, Uzbek communicative culture frequently encourages modesty and humility, leading speakers to reject, downplay, or redirect compliments rather than accepting them directly.

Differences of this kind may lead to misunderstandings in intercultural communication, particularly for learners of English whose responses continue to reflect the pragmatic conventions of their first language.

Increasing interaction among speakers from diverse linguistic and cultural backgrounds has heightened the need to understand how compliment responses function across languages. As communication occurs more frequently through social media, online learning, and multilingual workplaces, speakers require not only grammatical competence but also pragmatic awareness of

culturally appropriate language use. In the absence of such awareness, misunderstandings, unintended impoliteness, and communication challenges are likely to occur.

In this context, the present study conducts a pragmalinguistic comparison of compliment responses in English and Uzbek. It identifies the main communicative strategies used in both languages and analyzes the influence of cultural values on speakers' linguistic choices. This approach contributes to comparative pragmatics by demonstrating how similar communicative intentions are realized through distinct linguistic practices in each speech community.

Methodology

The present study employs a qualitative comparative research design to investigate the pragmalinguistic characteristics of compliment responses in English and Uzbek.

A comparative design was adopted to examine how compliment responses are realized in English and Uzbek and to identify both shared and culture-specific patterns in their use. Rather than concentrating on grammatical form, the analysis examines the pragmatic functions of these responses, with particular attention to the ways cultural values and communicative context shape speakers' intentions and language choices (Austin, 1962: 168).

The data for this study consist of authentic examples collected from English and Uzbek literary texts, academic publications, conversational discourse, and publicly accessible digital communication platforms. The examples were selected according to three criteria: first, they had to contain an explicit compliment; second, the interlocutor had to provide an observable verbal response (Yule, 1996: 138); and third, the communicative context had to be sufficiently clear for pragmatic interpretation. In total, one hundred compliment-response pairs were analyzed, including fifty examples from English and fifty from Uzbek discourse.

The use of comparable datasets from both languages enabled the identification of recurring pragmatic tendencies while minimizing the influence of individual speaking styles.

The analytical framework is based on speech act theory and contemporary pragmalinguistic approaches to politeness and interpersonal communication. Each compliment response was classified according to its dominant communicative strategy. The principal categories included acceptance, appreciation, rejection, disagreement, compliment return, modesty, explanation, and avoidance (Herbert, 1989: 335).

Each category was interpreted in relation to the communicative context, including the relationship between speakers, their age and gender, the setting of the interaction, and their relative social status, since these factors often shape pragmatic behavior.

A descriptive and interpretative approach was employed throughout the analysis. Instead of focusing solely on statistical frequencies, the study prioritizes the communicative intentions underlying each response and the cultural motivations influencing speakers' linguistic choices. The comparison also incorporates the concepts of positive face and negative face, illustrating how English and Uzbek speakers maintain interpersonal harmony through distinct politeness strategies.

To ensure analytical reliability, all examples were examined within their immediate discourse context rather than as isolated utterances.

Considering each example within its original communicative setting made it possible to interpret implied meanings, indirect speech acts, and culturally specific communicative practices more accurately. The analysis also takes into account that the same linguistic expression may perform different pragmatic functions in different social situations.

The comparative findings are examined from both linguistic and cultural perspectives.

The discussion further examines how modesty, reciprocity, gratitude, and face-saving strategies influence the ways speakers respond to compliments (Holmes, 2013: 512).

This methodology enables the study to explain both how English and Uzbek speakers respond to compliments and why these responses differ, considering broader sociocultural conventions and communicative expectations.

Results and Discussion

The analysis of the collected data demonstrates that both universal pragmatic principles and culture-specific communicative norms influence compliment responses in English and Uzbek. Although speakers of both languages use compliments to establish rapport, strengthen interpersonal relationships, and express positive evaluation, they differ considerably in the strategies employed to respond to such compliments (Leech, 1983: 250). These differences are closely associated with cultural perceptions of politeness, modesty, interpersonal distance, and face management.

English-speaking communities generally regard compliments as expressions of friendliness and social support. Consequently, accepting a compliment directly is usually interpreted as appropriate and polite. The most frequent response strategy observed in the English corpus is explicit appreciation, typically expressed through gratitude formulas such as Thank you, thank you very much, I really appreciate that, or That's kind of you to say. These responses simultaneously acknowledge the compliment and reinforce positive interpersonal relations without threatening the speaker's social image (Mey, 2001: 401).

For example:

Speaker A: Your presentation was excellent.

Speaker B: Thank you. I'm glad you enjoyed it.

In this interaction, the recipient openly accepts the compliment and reinforces the positive evaluation through an additional expression of appreciation (Austin, 1962: 168). From a pragmalinguistic perspective, the response functions as a positive politeness strategy because it recognizes the complimenter's favorable attitude while maintaining conversational harmony.

Another frequently occurring strategy in English discourse is acceptance with elaboration, where speakers provide additional information after expressing gratitude.

Speaker A: I love your new jacket.

Speaker B: Thank you. My sister gave it to me for my birthday.

Here, the speaker accepts the compliment and extends the conversation by sharing background information (Searle, 1969: 203). Such responses contribute to conversational continuity and demonstrate cooperative interaction, consistent with the conversational principles proposed in pragmatic studies.

English speakers also employ agreement strategies, particularly when discussing professional achievements or personal accomplishments.

Speaker A: You handled the meeting really well.

Speaker B: Thank you. I worked hard to prepare for it.

Rather than rejecting the compliment, the speaker acknowledges personal effort while expressing gratitude. This response reflects the cultural acceptance of recognizing individual achievement, provided that it is presented in a socially appropriate manner (Wolfson, 1983: 85).

However, direct acceptance is not universal in English communication. In situations involving close friendships or informal interaction, speakers may reduce the seriousness of a compliment through humor or playful understatement.

Speaker A: You look like a movie star today.

Speaker B: Only because the lighting is perfect!

Although humorous, this response still implicitly accepts the compliment while creating a relaxed conversational atmosphere. Humor functions as a pragmatic device that minimizes potential embarrassment without rejecting the compliment itself.

The data also reveal the use of compliment return, although less frequently than explicit gratitude.

Speaker A: You have a wonderful smile.

Speaker B: Thank you. Yours is beautiful too.

This reciprocal strategy strengthens interpersonal solidarity by shifting positive evaluation back to the original speaker (Brown & Levinson, 1987: 340).

These findings indicate that English communicative culture typically promotes explicit acknowledgment of positive evaluations and maintains politeness through sincerity, appreciation, and cooperative interaction.

Unlike English communicative culture, Uzbek compliment responses are strongly influenced by cultural norms emphasizing modesty, humility, and respect. In Uzbek society, directly accepting a compliment may sometimes be interpreted as arrogance or excessive self-confidence (Thomas, 1995: 220).

Consequently, speakers frequently employ indirect strategies that minimize personal achievement while simultaneously maintaining interpersonal harmony. These strategies reflect deeply rooted cultural values associated with collectivism, respect for others, and social modesty.

One of the most common response patterns in Uzbek discourse is modesty through self-denial. Rather than openly accepting praise, speakers often reduce the value of the compliment by denying or minimizing the positive evaluation.

Speaker A: Ko'ylagingiz juda chiroyli ekan.

Speaker B: Yo'q, oddiygina-ku.

From a pragmalinguistic perspective, the recipient does not reject the speaker's goodwill but instead avoids explicit self-praise. Such responses function as face-saving strategies that preserve the speaker's image as a modest and respectful member of society (Holmes, 2013: 512). The communicative purpose is not disagreement but conformity to cultural expectations regarding humility.

Another widespread strategy is attributing success to external factors instead of personal ability.

Speaker A: Sizning ingliz tilingiz juda zo'r ekan.

Speaker B: Rahmat, ustozlarimizning mehnati katta.

In this example, the compliment is partially accepted through gratitude while the achievement is attributed to teachers rather than to the speaker's own competence. This response illustrates the cultural tendency to avoid excessive self-recognition and to acknowledge the contributions of others (Mey, 2001: 392).

Uzbek speakers also frequently employ compliment return as a politeness strategy.

Speaker A: Bugun juda chiroyli ko'rinyapsiz.

Speaker B: Rahmat, o'zingiz ham juda yaxshi ko'rinyapsiz.

This reciprocal response not only expresses gratitude but also reinforces mutual respect and solidarity. Returning a compliment is particularly common among close friends, relatives, and

colleagues because it creates communicative balance and strengthens positive interpersonal relationships.

Another characteristic feature of Uzbek compliment responses is the use of religious or cultural expressions.

Speaker A: Farzandingiz juda aqlli ekan.

Speaker B: Rahmat, Xudoga shukur.

Such expressions indicate that success, beauty, or ability is ultimately attributed to divine blessing rather than individual merit (Searle, 1969: 203). From a pragmalinguistic perspective, these responses simultaneously express gratitude, modesty, and religious identity, reflecting the close relationship between language, culture, and belief systems in Uzbek society.

In family communication and interactions with older people, compliment responses often include respectful lexical units and honorific expressions. For instance, younger speakers frequently accompany their responses with respectful forms such as *rahmat*, *baraka toping*, or *sizning duolaringiz bilan*. These expressions serve not only to accept a compliment but also to demonstrate deference and preserve hierarchical social relationships.

The analysis shows that Uzbek speakers typically avoid direct acceptance of compliments unless the communicative context strongly favors it. Instead, they tend to use indirect responses marked by modesty, reciprocity, gratitude, and acknowledgment of external influences (Austin, 1962: 168). These pragmatic choices demonstrate that compliment responses in Uzbek are closely linked to cultural expectations of humility and collective social harmony, rather than individual self-expression.

The comparative analysis reveals that although English and Uzbek speakers use compliment responses to achieve similar communicative goals, the linguistic strategies employed differ significantly due to cultural values and pragmatic conventions (Holmes, 2013: 512). In both languages, compliment responses contribute to maintaining interpersonal relationships, expressing politeness, and promoting social solidarity. However, the realization of these functions reflects different perceptions of face, modesty, and social appropriateness.

One of the most noticeable differences concerns the acceptance of compliments. English speakers generally consider direct acceptance to be an appropriate and expected response. Expressions such as *Thank you*, *I'm pleased you think so*, and *I appreciate your kind words* acknowledge the compliment without creating social discomfort. These responses support positive face by recognizing both the complimenter's goodwill and the recipient's achievement. In contrast, Uzbek speakers often perceive immediate acceptance as potentially immodest. Therefore, they are more likely to minimize the compliment, redirect praise to other people, or attribute success to external circumstances.

Another important distinction relates to the concept of modesty. In English-speaking cultures, modesty is appreciated, but it is generally balanced with self-confidence and openness. Excessive rejection of compliments may even appear insincere or socially awkward (Thomas, 1995: 79). Conversely, Uzbek communicative behavior encourages speakers to avoid explicit self-praise. As a result, responses such as *Yo'q, unchalik emas*, *Oddiygina-ku*, or *Hali o'rganadigan joylarim ko'p* occur frequently because they demonstrate humility and respect for established cultural norms.

The analysis also demonstrates differences in compliment return strategies. While both English and Uzbek speakers occasionally respond with another compliment, the pragmatic motivation differs slightly. In English discourse, returning a compliment often functions as an

expression of friendliness and conversational continuity. In Uzbek communication, reciprocal compliments additionally serve to maintain equality between interlocutors and prevent one participant from appearing socially superior. This strategy therefore performs both politeness and face-saving functions simultaneously.

The influence of social hierarchy represents another significant difference. In Uzbek communication, age, professional status, and family relationships strongly affect pragmatic choices. Younger speakers typically employ more respectful lexical items and indirect strategies when responding to compliments from elders. Likewise, interactions between teachers and students or employers and employees often involve honorific expressions and explicit markers of respect (Brown, Levinson, 1987: 72). English speakers, by comparison, usually demonstrate less variation in compliment responses based on hierarchical status, relying instead on relatively stable expressions of gratitude across different communicative situations.

The findings further indicate that globalization and digital communication have begun to influence compliment response behavior in both languages. Young Uzbek speakers communicating through social media increasingly use direct expressions such as "Thank you" or simply "Thanks," especially in English-language online environments.

Nevertheless, traditional Uzbek responses emphasizing modesty remain dominant in face-to-face interaction. This coexistence of traditional and globalized pragmatic norms illustrates the dynamic nature of contemporary communication and highlights the influence of intercultural contact on speech behavior.

Overall, the comparison confirms that compliment responses should not be interpreted solely based on their linguistic forms. Their communicative meaning arises from the interplay of language, culture, context, and shared social expectations. English speakers primarily use acceptance-oriented strategies to reinforce positive interpersonal relationships, whereas Uzbek speakers prioritize modesty, reciprocity, and respect for cultural traditions. These differences highlight the necessity of developing pragmatic competence in foreign language education, since grammatical accuracy alone does not ensure successful intercultural communication.

Conclusion

The present study has examined the pragmalinguistic characteristics of compliment responses in English and Uzbek from a comparative cross-cultural perspective.

The findings suggest that, although compliments fulfill broadly similar communicative purposes in both English and Uzbek—such as expressing admiration, reinforcing interpersonal relationships, and promoting social harmony—the ways speakers respond to them vary substantially across the two languages. These differences arise from culturally shaped pragmatic conventions and social expectations. The study therefore shows that compliment responses are more than simple linguistic forms; they also reflect culturally grounded patterns of interaction and politeness.

The analysis further shows that English speakers most often respond to compliments through direct expressions of gratitude or appreciation. Such responses acknowledge the compliment directly while supporting positive interpersonal relations and conversational cooperation.

By contrast, Uzbek speakers are more likely to adopt indirect response strategies, including modesty, self-denial, praise deflection, reciprocal compliments, or attributing success to external sources such as family members, teachers, or divine blessing. These patterns illustrate the importance of humility, respect, and collectivist values within Uzbek communicative practice.

The comparison also highlights the influence of contextual factors, including age, social status, interpersonal distance, and cultural expectations, on the selection of compliment-response strategies. Whereas English-speaking communities generally accept open acknowledgment of personal achievement, Uzbek speakers more often avoid direct self-praise to preserve social balance and demonstrate modesty.

Consequently, speakers of the two languages may interpret identical responses differently, creating the potential for pragmatic misunderstanding during intercultural communication.

The results of this study may be useful in several fields, including foreign language education, intercultural communication, translation studies, and pragmatics. They underline the importance of developing learners' pragmatic competence alongside grammatical knowledge, since effective communication also requires an understanding of culturally appropriate patterns of speech. For this reason, language instruction should include authentic communicative situations that help learners recognize and produce culturally appropriate compliment responses.

Further research could extend the present investigation by exploring compliment responses across different age groups, professional communities, regional varieties, or social media users. Similar comparative studies involving additional languages would further enhance our understanding of the relationship between language, culture, and pragmatic behavior in multilingual settings.

Iqtiboslar/ References/ Kaynaklar/ Сноски:

1. Austin J. L. How to Do Things with Words. – Oxford: Oxford University Press, 1962. – 168 p.
2. Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some Universals in Language Usage. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
3. Herbert R. K. The ethnography of English compliments and compliment responses: A contrastive sketch // Contrastive Pragmatics. – 1989. – Vol. 3. – P. 335.
4. Holmes J. An Introduction to Sociolinguistics. – 4th ed. – London: Routledge, 2013. – 512 p.
5. Leech G. N. Principles of Pragmatics. – London: Longman, 1983. – 250 p.
6. Mey J. L. Pragmatics: An Introduction. – 2nd ed. – Oxford: Blackwell Publishing, 2001. – 392 p.
7. Searle J. R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1969. – 203 p.
8. Wolfson N. An Empirically Based Analysis of Complimenting in American English // Sociolinguistics and Language Acquisition / ed. by N. Wolfson, E. Judd. Rowley, MA: Newbury House, 1983. – P. 82–95.
9. Yule G. Pragmatics. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 138 p.
10. Thomas J. Meaning in Interaction: An Introduction to Pragmatics. - London: Longman, 1995. – 224 p.

TURKIY ADABIYOT VA BADIY TAFAKKUR

SHE'RIY MATNDA ESXATOLOGIK ONG POETIKASI

XURSANOV Dilshod Baxtiyorovich,

Sharof Rashidov nomidagi Samarqand davlat universiteti dotsenti,
filologiya fanlari bo'yicha falsafa doktori (PhD)

(Samarqand, O'zbekiston)

 E-mail: dilshodxursanov111@gmail.com

 ORCID: 0000-0001-5850-0778

 DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.22081314>

Annotatsiya

Mazkur maqola she'riy matnda esxatologik ong poetikasining badiiy ifodalanish xususiyatlarini o'rganishga bag'ishlangan. Unda esxatologik tasavvurlarning poetik tafakkurdagi o'rni, qiyomat, oxirat, o'lim, abadiyat va intihoning ramziy-semantik talqini hamda ularning obrazlar, motivlar, arxetiplar va badiiy til vositalari orqali ifodalanish mexanizmlari Rauf Parfining “Sakina” hamda Abduvali Qutbiddinning “Bor” she'riy to'plamidan joy olgan esxatologik mazmun kasb etuvchi she'riy parchalar misolida tahlil qilinadi. Shuningdek, maqolada esxatologik ongning individual va madaniy-estetik qatlamlari, lirik subyekt dunyoqarashi, poetik makon va zamon qurilishi bilan uzviy aloqasi ochib beriladi. Natijada she'riy matnda esxatologik ong poetikasining nazariy asoslari, o'ziga xos kategoriyalari, yetakchi motivlari hamda badiiy-falsafiy mazmunni shakllantirishdagi funksional xususiyatlari metodologik jihatdan asoslanib, zamonaviy o'zbek she'riyati poetikasini anglash, esxatologik tafakkurning estetik imkoniyatlarini yoritish hamda ushbu yo'nalishdagi nazariy qarashlarni rivojlantirishga xizmat qiladi.

Kalit so'zlar: *esxatologik ong, lirik qahramon, oxirat tasavvuri, badiiy motiv, poetik palingenez, xronotop, Rauf Parfi, Abduvali Qutbiddin.*

THE POETICS OF ESCHATOLOGICAL CONSCIOUSNESS IN POETIC TEXTS

Dilshod KHURSANOV,

Associate Professor of Samarkand State University named after Sharof Rashidov,
Doctor of Philosophy (PhD) in Philological Sciences
(Samarkand, Uzbekistan)

Abstract

This article examines the distinctive features of the artistic representation of the poetics of eschatological consciousness in poetic texts. It analyzes the role of eschatological concepts in poetic thinking, the symbolic and semantic interpretations of the Day of Judgment, the afterlife, death, eternity, and the end of the world, as well as the mechanisms through which these concepts are expressed by means of images, motifs, archetypes, and poetic language. The study is primarily based on the poetry of Rauf Parfi and Abduvali Qutbiddin, whose works are comparatively analyzed to reveal the poetic manifestations of eschatological consciousness. The article identifies the individual and cultural-aesthetic dimensions of eschatological consciousness. It explores its relationship with the worldview of the lyrical subject, as well as with the construction of poetic space and time. As a result, the theoretical foundations, specific categories, dominant motifs, and functional characteristics of the poetics of eschatological consciousness in poetic texts are methodologically substantiated, contributing to a deeper understanding of the poetics of

contemporary Uzbek poetry, revealing the aesthetic potential of eschatological thinking, and advancing theoretical perspectives in this field of research.

Key words: *eschatological consciousness, lyrical subject, concept of the afterlife, artistic motif, poetic palingenesis, chronotope, Rauf Parfi, Abduvali Qutbiddin.*

ПОЭТИКА ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

ХУРСАНОВ Дилшод Бахтиёрович,

доцент Самаркандского государственного университета имени Шарофа Рашидова,
доктор философии (PhD) по филологическим наукам
(Самарканд, Узбекистан)

Аннотация

Настоящая статья посвящена исследованию особенностей художественной репрезентации поэтики эсхатологического сознания в поэтическом тексте. В ней анализируются место эсхатологических представлений в поэтическом мышлении, символично-семантическая интерпретация Судного дня, загробной жизни, смерти, вечности и конца мира, а также механизмы их художественного воплощения посредством образов, мотивов, архетипов и средств поэтического языка. В качестве основного материала исследования рассматривается поэзия Рауфа Парфи и Абдували Кутбиддина, в которой формы проявления эсхатологического сознания раскрываются на основе сравнительного анализа. В статье выявляются индивидуальные и культурно-эстетические уровни эсхатологического сознания, его взаимосвязь с мировоззрением лирического субъекта, а также с построением поэтического пространства и времени. В результате методологически обосновываются теоретические основы поэтики эсхатологического сознания в поэтическом тексте, её специфические категории, ведущие мотивы и функциональные особенности формирования художественно-философского содержания, что способствует более глубокому осмыслению поэтики современной узбекской поэзии, раскрытию эстетического потенциала эсхатологического мышления и дальнейшему развитию теоретических представлений в данном научном направлении.

Ключевые слова: *эсхатологическое сознание, лирический субъект, представление о загробном мире, художественный мотив, поэтический палингенез, хронотон, Рауф Парфи, Абдували Кутбиддин.*

Kirish

O‘zbek she’riyatida inson ruhiyati va borliq haqidagi falsafiy qarashlardan biri o‘lim, abadiyat, va oxirat bilan bog‘liq tushunchalarning badiiy aks etishi hisoblanadi. Keyingi davr she’riyatida bu tushunchalar alohida motivlar va ramziy tasvirlar orqali ochib berila boshlandi. Bu davr ijodida ijtimoiy-siyosiy o‘zgarishlar, milliy o‘zlikni anglash jarayonlari va shaxs erkinligi muammosi shoirlarni borliqni anglash, hayot va o‘lim, mavjudlik va yo‘qlik oralig‘idagi chegaraviy kechinmalar haqida fikr yuritishga undadi. Rauf Parfi va Abduvali Qutbiddin ijodi mana shu yo‘nalishdagi izlanishlarning eng yorqin namunalaridan biri sifatida qaraladi. Rauf Parfi she’riyati o‘zining individual lirik ohangi, an’anaviy va modernistik uslublarning uyg‘unligi bilan ajralib turadi. Uning matnlarida o‘lim, mahshar, ruhning bir holatdan ikkinchisiga o‘zgarishi, shaxsiy taqdir bilan milliy fojining kesishuvi kabi mavzular markaziy o‘rin egallaydi. Abduvali Qutbiddin ijodida esa xuddi shu mavzular boshqacha badiiy shaklda, ko‘proq tasavvufiy-falsafiy izlanish, ruhiy poklanish va borliqning botiniy ma’nosini anglashga intilish tarzida ifodalanadi.

Ikki shoir ijodini bir-biriga qiyoslash asosida esxatologik ongning turli poetik ifoda ko‘rinishlarini aniqlash, ularning umumiy va farqli jihatlarini ochib berish imkoniyati yuzaga keladi.

Esxatologik ong tushunchasining adabiyotshunoslikdagi talqinlari. Esxatologiya (yun. ἔσχατον, esxaton – “oxir”, λόγος, logos – “gap”, “hikoya”) deb odamzod, tamaddun yoki olam yakuni (oxir zamon) mavzusiga bag‘ishlangan teologiya, fizika, falsafa va futurologiya sohalariga aytiladi. Esxatologiya diniy, falsafiy va metafizik g‘oyalar tizimi bo‘lib, inson hayotining, dunyo tarixining va koinotning oxiri, ya‘ni “oxirat”, qiyomat kuni, najot, yoki abadiy hayot haqidagi ta‘limotlarni o‘rganadi. Esxatologik qarashlar deyarli barcha yirik dinlarda mavjud bo‘lib, ular insoniyatning oxiri, halokat, qayta tirilish yoki najot masalalarini muhokama qiladi¹. Biroq badiiy adabiyot, xususan, she‘riyat esxatologik tasavvurlarni faqat diniy qarashlar bilan emas, balki lirik subyektning ekzistensial holati, vaqt va makonni idrok etish tarzi sifatida qayta ishlaydi. Jahon adabiyotshunosligida badiiy asarlar nuqtayi nazaridan esxatologik qarashlar bo‘yicha bir talay tadqiqotlar amalga oshirilgan. Bu borada eng ko‘p ilmiy farazlarni ilgari surgan olim Mirche Eliade hisoblanadi. Uning ta‘kidlashicha, arxaik ongga xos bo‘lgan “abadiy qaytish” modeli insonni chiziqli va qaytarilmas tarixiy vaqtdan xalos etib, uni davriy, muqaddas vaqt doirasiga qaytaradi (Eliade, 1998: 48-63). Bu jarayonda “*xaos*” (kosmosgacha bo‘lgan tartibsizlik, o‘lim va zulmat) hamda “*kosmos*” (tartib, yorug‘lik va qayta tug‘ilish) o‘zaro uzluksiz almashinuv jarayonida ko‘proq oydinlashadi. Shu bois har bir yangi yil va har bir bahor arxetipik jihatdan dunyo yaratilishining takrorlanishi sifatida idrok etiladi. Xuddi shu mantiq lirik matnda ham kuzatiladi. Lirik subyekt o‘limni yakuniy intiho sifatida emas, balki mavjudlikning yangi shakliga o‘tish bosqichi sifatida badiiy talqin etadi. Mirche Eliadening “*sakral*” (muqaddas) va “*profan*” (dunyoviy) borliq shakllari o‘rtasidagi farqlanish haqidagi konsepsiyasi (Eliade, 1994: 17-34) ham esxatologik she‘riy matnni tahlil qilishda muhim nazariy tayanch bo‘lib xizmat qiladi. Ushbu konsepsiyaga ko‘ra, lirik subyekt ko‘pincha *profan* (kundalik, jismoniy, ijtimoiy-siyosiy) borliqdan *sakral* (abadiy, ruhiy, milliy-tarixiy) borliqqa o‘tish arafasida tasvirlanadi. Aynan ana shu o‘tish jarayonining o‘zi esxatologik ongning asosiy poetik syujetini tashkil etadi.

O‘zbek adabiyotshunosligida badiiy obraz va lirik kechinma nazariyasi I. Sulton, D. Quronov, H. Umurov, N. Rahimjonov, U. Hamdam kabi olimlar tomonidan atroflicha tadqiq etilgan. D. Quronov ta‘kidlaganidek, lirik asarda voqelik bevosita va obyektiv tarzda aks ettirilmaydi; u lirik subyektning kechinmalari hamda hissiy-intellektual munosabati prizmasi orqali badiiy ifodalanadi (Quronov, 2018: 118). Ushbu xususiyat esxatologik mavzudagi she‘rlarda yanada kuchliroq tasvirlanadi. O‘lim va oxirat bevosita kuzatish mumkin bo‘lmagan, faqat tasavvur hamda ruhiy kechinmalar orqali anglanadigan hodisalardir. Shu sababli esxatologik she‘riy matn lirik subyektning ichki olami proyeksiyasi sifatida mavjud bo‘lib, unda qo‘rquv, isyon, umid va poklanish kabi kechinmalar badiiy obrazlar vositasida ifodalanadi.

Lirik subyekt nazariyasi va bo‘zag‘aviylik kategoriyasi. Rus adabiyotshunosi Boris Osipovich Korman ilgari surgan “poetik nutq subyektlari” nazariyasiga ko‘ra, badiiy matnda muallif, lirik subyekt (lirik “men”) va lirik qahramon o‘zaro farqlanuvchi poetik kategoriyalar hisoblanadi. Bu kabi unsurlar matnning badiiy tuzilishida bir xil emas, balki turli funksional vazifalarni bajarib keladi (Korman, 2009: 17). Zamonaviy subyektologiyaga oid tadqiqotlarda, xususan, Henning Stahl va Yekaterina Yevgrashkina tahriri ostida nashr etilgan ishlarda lirik subyekt yaxlit va o‘zgarmas hodisa sifatida emas, balki ko‘p qatlamli hamda ichki jihatdan murakkab tuzilishga ega badiiy fenomen sifatida talqin etiladi (Stahl, Yevgrashkina, 2018: 14).

¹ <https://uz.wikipedia.org/wiki/Esxatologiya> (murojaat sanasi: 10. 06. 2026)

Bunday matnlarda lirik subyekt bir vaqtning oʻzida oʻlim muqarrarligini angelayotgan jismoniy “men” va kechayotgan jarayonni mushohada qiluvchi ruhiy “men” sifatida ajralib turadi. Shu tariqa uning badiiy ongi ikki qatlamli tuzilish kasb etadi.

Lirik subyektning bir ontologik holatdan ikkinchisiga oʻtish jarayonida yuzaga keladigan oraliq, yaʼni boʻsagʻaviy (liminal) holatini nazariy jihatdan izohlashda fransuz etnografi Arnold van Gennepning oʻtish marosimlari (rites de passage) haqidagi konsepsiyasi muhim metodologik asos boʻlib xizmat qiladi. Olimning taʼkidlashicha, har qanday oʻtish marosimi uch bosqichni qamrab oladi. Birinchi bosqich *ajralish* (separation) boʻlib, unda subyekt avvalgi ijtimoiy yoki ontologik maqomidan ajraladi. Ikkinchi bosqich *boʻsagʻaviy* (liminal) holat boʻlib, bu davrda subyekt eski maqomni tark etgan, biroq yangisiga hali toʻliq kirmagan oraliq vaziyatda mavjud boʻladi. Uchinchi bosqich *qoʻshilish* (incorporation) bosqichi boʻlib, unda subyekt yangi maqomni egallaydi va yangi tartibga integratsiyalashadi. Uch bosqichli model nafaqat marosimlar tizimini, balki oʻtish va transformatsiya gʻoyasiga asoslangan badiiy matnlarni tahlil etishda ham muhim nazariy vosita sifatida xizmat qiladi. Oʻlim va oxirat motivlariga asoslangan esxatologik sheʼriy matnlarda lirik subyektning ruhiy hamda ontologik oʻzgarishlarini tadqiq etishda ushbu konsepsiyaning metodologik salohiyati alohida ahamiyat kasb etadi.

Boʻsagʻaviy holatning badiiy vaqt va makon bilan uzviy bogʻliqligini rus olimi Mixail Baxtin xronotop nazariyasi orqali yanada kengroq tahlil qiladi (Baxtin, 1975: 234). Olimning fikricha, badiiy asarda vaqt va makon bir-biridan ajralgan holda emas, balki yagona estetik butunlikni tashkil etuvchi xronotop shaklida ifodalanadi (Baxtin, 1975: 391). Aynan xronotop asarda voqealar rivoji, qahramon harakati va ichki kechinmalarining yuzaga chiqish imkoniyatlarini belgilaydi. Esxatologik sheʼriy matnlarda boʻsagʻaviy xronotop alohida poetik funksiyani bajaradi. *Tungi makon, zulmat qaʼriga choʻkkan osmon, qorongʻilik, cheksiz boʻshliq* kabi makoniy obrazlar lirik subyektning chegaraviy ruhiy holatini ifodalovchi badiiy makon sifatida oʻz aksini topadi. Aynan shu xronotop doirasida uning mavjudlik haqidagi tasavvuri oʻzgaradi, oʻlim va abadiyat haqidagi mushohadalari esa yangi mazmun kasb etadi.

Muhokama va natijalar

Fojiaviylik va inkor. Rauf Parfi sheʼriyatida esxatologik ong, avvalo, oʻlimning muqarrarligi bilan bogʻliq ichki ziddiyat va unga qarshi ruhiy isyon orqali ifoda etiladi. Shoirning “Sakina” toʻplamida keltirilgan quyidagi sheʼriy parcha ushbu poetik xususiyatni yaqqol namoyish etadi:

Men-ku istamasman oʻlimni,

Biroq har soatda, har daqiqada

Bu yorugʻ dunyoning har tomonidan

Hukm etmoqdalar oʻlimga meni (Rauf Parfi, 2013: 15).

Ushbu parchada lirik subyekt oʻlimni qatʼiy inkor etuvchi ruhiy pozitsiyada turgani bilan xarakterlanadi. Bu holat, avvalo, “*istamasman*” feʼlining inkor shakli orqali ifodalanadi. Biroq keyingi misralarda oʻlim subyektning shaxsiy tanlovi yoki tabiiy taqdiri sifatida emas, balki tashqaridan yuklatilayotgan muqarrar hukm sifatida talqin etiladi. “*Hukm etmoqdalar oʻlimga meni*” misrasidagi “*hukm*” obrazi oʻlimni jamiyat, tarix yoki zoʻravon tuzum tomonidan inson taqdiriga majburan singdirilayotgan kuch timsoli darajasiga olib chiqadi. Shu bois lirik subyekt hukmni soʻzsiz qabul qiluvchi emas, balki unga ichki qarshilik koʻrsatayotgan shaxs sifatida gavdalanadi. Arnold van Gennepning oʻtish marosimlari nazariyasi jihatidan ushbu holat ajralish (separation) bosqichining boshlanishi sifatida talqin qilinishi mumkin. Lirik subyekt avvalgi hayotiy tartib bilan aloqasini uzishga majbur boʻlayotgan boʻlsa-da, u hali bu olamdan toʻliq

ajrilmagan. Shu sababli o‘lim unga tabiiy yakun emas, balki mavjud hayot tartibini buzuvchi zo‘ravon aralashuv sifatida idrok etiladi. Ana shu ichki qarshilik esxatologik ongning dastlabki poetik ko‘rinishlaridan birini yuzaga keltiradi. Ushbu inkor faqat shaxsiy kechinma doirasida qolmay, tarixiy va ijtimoiy mazmun kasb etadi. Buni quyidagi misralarda yaqqol kuzatish mumkin: *“Men Yulius Fuchik – dorga osildi boshim, / To‘ychi Eryigit o‘g‘li – otim manim, / Ko‘ksimda sovigan qo‘rg‘oshin”*. Bu o‘rinda lirik subyekt o‘zini alohida bir inson taqdiri bilan cheklamay, turli davr va makonlarda zulm qurboniga aylangan insonlarning umumlashgan badiiy timsoli sifatida ko‘rsatadi. Yulius Fuchik obrazi fashizmga qarshi kurashda qurbon bo‘lgan umuminsoniy taqdirni anglatadi, To‘ychi Eryigit o‘g‘li timsoli ushbu umumjahon fojiasidagi milliy qahramonlik va fojiali qismatni ifodalaydi. Natijada bir-biridan uzoq tarixiy voqealar yagona poetik makonda tutashib, lirik subyektning individual kechinmasi umuminsoniy hamda milliy-tarixiy mazmun bilan boyiydi. Shu tariqa esxatologik ong dastlabki bosqichning o‘zidayoq shaxsiy iztirobdan milliy xotira va tarixiy ong darajasiga tomon kengayib boradi.

Fojiaviy inkorning ikkinchi ko‘rinishi shoirning *“Shoir, men uyg‘ondim. dovdirab turdim”* sonetida kuzatiladi.

*Shoir, men uyg‘ondim. dovdirab turdim,
Ko‘zimda tushimning qo‘rqinch suvrati.
O‘chirdim suvratni falakka burdim,*

Qani Uning So‘zi? Qani Qudrati?! (Rauf Parfi, 2013: 242)

She‘rdagi esxatologik ong tush va uyg‘onish qarama-qarshiligi orqali badiiy ifodasini topadi. *“Ko‘zimda tushimning qo‘rqinch suvrati”* misrasi mahshar, ilohiy hukm va o‘lim haqidagi tasavvurlarning ramziy ifodasi sifatida tasvirlanadi. Lirik subyekt ushbu qo‘rquvdan uyg‘onish orqali qutulishga intiladi, biroq keyingi misralar bu uyg‘onishning mutlaq xalos bo‘lish emasligini ko‘rsatadi. Chunki u ko‘z ochgan voqelik ham ruhiy iztirob va mavjudlik fojiasidan xoli emas. She‘r davomida *“Uyquda olam”*, *“Ko‘rpalini yirtib ingradi xotin”*, *“Mendan bir to‘g‘ram non tiladi bolam”* kabi obrazlar uyg‘onish bilan erishilgan borliqning ham azob, iztirob va ma‘naviy tanazzul bilan yo‘g‘rilganini anglatadi. Demak, tushdagi qo‘rquv uyg‘oq hayotda boshqa shaklda davom etadi. Shu jihatdan tush va uyg‘onish bir-biriga qarama-qarshi emas, balki esxatologik holatning ikki ko‘rinishi sifatida talqin etiladi.

She‘rning *“Qaytib keldim, ey va‘dasi yolg‘on kun”* satri ushbu poetik qurilishning semantik yakunini tashkil etadi. Bu yerda *“va‘dasi yolg‘on kun”* iborasi najot keltirishi kutilgan voqelikning umidni oqlamaganini bildiradi. Natijada uyg‘onish najot emas, balki insonni yana bir bor iztirob va ma‘naviy sinov qarshisiga olib keluvchi holat sifatida tasvirlanadi. Shunday qilib, she‘rda esxatologik ong oxirat manzaralarini bevosita tasvirlash orqali emas, balki tush, uyg‘onish, qo‘rquv va aldangan umid o‘rtasidagi poetik munosabat vositasida shakllantirilgan.

Fojiaviy inkordan so‘ng lirik subyekt o‘zini chegaraviy (bo‘sag‘aviy) mavjudlik holatida anglaydi. U na to‘liq halokatga yuz tutgan, na najotga erishgan ruhiy makonda qoladi. Rauf Parfi she‘riyatida aynan shu oraliq holat yuksak badiiy umumlashtirish va serqatlam obrazlar tizimi orqali ifodalanadi. Bunda esxatologik ong individual kechinma doirasidan chiqib, butun borliq taqdirini qamrab oluvchi kosmik miqyosdagi falokat tasavvuri bilan uyg‘unlashadi.

Bo‘sag‘aviy (liminal) holat. Shoirning *“Tangri sog‘inchi”* she‘rida keltirilgan quyidagi parcha bo‘sag‘aviy holatning eng yorqin namunasi hisoblanadi.

*Bir zamon falakning ko‘zlari so‘ndi,
Asta qora kiydi mudragan jahon.
Ruhimning asrluk muzlari sindi,*

Nimadir bo‘g‘zimni kesdi beomon (Rauf Parfi, 2013: 270).

Ko‘rib chiqilayotgan parchada M. Eliade ta‘riflagan kosmogonik kaos arxetipi kosmosning ibtidoiy tartibdan kaosga qaytishi modeli asosida badiiy talqin etiladi. *“Falakning ko‘zlari so‘ndi”*, *“jahon qora kiydi”* obrazlari koinot miqyosidagi kosmik tartibning yemirilishi va mavjudlik asoslarining izdan chiqishini ifodalaydi. Bu holat faqat tashqi borliqdagi o‘zgarish emas, balki lirik subyektning ichki olamidagi metafizik inqiroz bilan hamohang kechadi. Shu bois *“Ruhimning asrlik muzlari sindi”*, *“Nimadir bo‘g‘zimni kesdi beomon”* misralari kosmik halokatning inson ruhiyatidagi aks-sadosi sifatida ifoda etiladi. M. Eliade konsepsiyasiga ko‘ra, har qanday esxatologik yakun mutlaq nihoya emas, balki yangi kosmogoniyaning boshlanish nuqtasidir (Eliade, 1998: 95). She‘rda ushbu arxetipik qonuniyat ramziy obrazlar tizimi orqali ochiladi. Xususan, *“qora lola”* timsoli an‘anaviy ma‘nodagi motam va halokat belgisi bo‘lishiga qaramay, u *“yorug‘lik”* bilan bog‘lanadi. Natijada qora va yorug‘, o‘lim va hayot, yakun va ibtido o‘rtasidagi qarama-qarshiliklar bo‘zag‘aviy holatda o‘zaro almashinuvchi ma‘nolar kasb etadi. Shu tariqa she‘rda esxatologik ong halokatni mutlaq yo‘qolish sifatida emas, balki mavjudlikning yangi sifat bosqichiga o‘tishini anglatuvchi poetik hodisa sifatida talqin etiladi.

Bo‘zag‘aviy holatning navbatdagi muhim belgisi sirli ovoznin paydo bo‘lishi hamda lirik subyektning jismoniy va ruhiy mavjudligi o‘rtasidagi uzilishning kuchayishidir. Ushbu motiv esxatologik tajribaning ichki dinamikasini ochib beradi. Subyekt odatiy borliq chegaralaridan uzoqlashib, metafizik makon bilan yuzma-yuz keladi. Xuddi shu she‘rning keyingi qismida ushbu holat izchil rivojlantirilib, bo‘zag‘aviy mavjudlik yangi poetik obrazlar orqali yanada chuqurroq yoritiladi.

Otildim, noma‘lum, qorong‘u nigoh,
Birov qulog‘imga sovuq shivirlar.
Aziz bir tovushni esladim nogoh,
Rangin ovozdir bu, go‘zal g‘imirlar.

Taqdim etilgan misralarda bo‘zag‘aviy holat qarama-qarshi poetik belgilar uyg‘unligi orqali ifodalanadi. *“Sovuq shivir”* obrazi noma‘lumlik, xavotir va metafizik tahdidni anglatadi, *“aziz tovush”* hamda *“rangin ovoz”* timsollari ruhiy taskin va muqaddaslik hissini uyg‘otadi. Shu tariqa dahshat va umid, begonalik va yaqinlik bir poetik makonda tutashib, lirik subyektning o‘tish jarayonidagi ruhiy kechinmalarini ochib beradi. Arnold van Gennep ta‘kidlaganidek, bo‘zag‘a (liminal) bosqichida inson avvalgi maqomidan chiqib ketgan, biroq yangi holatni hali egallamagan oraliq mavjudlikda bo‘ladi. Ana shu sababli liminal makon bir vaqtning o‘zida ham xavfli, ham muqaddas xususiyat kasb etadi (Van Gennep, 1999: 70). Rauf Parfi ushbu arxetipik holatni *“sovuq shivir”* va *“aziz tovush”* qarama-qarshiligi orqali badiiylashtiradi. Natijada lirik subyekt tashqi voqelikdan ko‘ra ko‘proq ruhiy-metafizik makonda harakat qiladi. Uning eshitayotgan ovozlari esa esxatologik o‘tish jarayonining poetik belgilariga aylanadi. Bu obrazlar tizimi subyektning transformatsiya arafasidagi ruhiy holatini, ya‘ni eski borliq bilan yangi mavjudlik oralig‘ida kechayotgan ichki tajribasini ifodalaydi.

Bo‘zag‘aviy tajribaning keyingi bosqichi vujudning zaiflashuvi va parchalanish hissining kuchayishi, shuningdek, *“qora lola”* timsoli bilan ifodalangan fojiaiy ruhiy holat orqali ochiladi. Ushbu obrazlar tizimi lirik subyektning eski mavjudlikdan uzilib, yangi ontologik maqom sari o‘tish jarayonini ramziy jihatdan ifodalaydi.

Naqadar go‘zaldir chirkin bu tovush,
Ohang vujudimni chirmadi butkul.
Bo‘g‘ildim, ingradim, titradim, behush,

Ojiz badanimga suykandi bir gul.

Nadir bu? Qo‘limda qora loladir,

Ul ko‘zdan g‘oyibdir, tirik noladir (Rauf Parfi, 2013: 270).

Ushbu parchada bo‘sag‘aviy ong poetik tilning o‘zida aks etadi. “*Go‘zaldir chirkin bu tovush*”, “*ko‘zdan g‘oyibdir, tirik noladir*” kabi oksimoron qurilmalar o‘zaro zid ma’nolarni bir badiiy makonda birlashtirib, lirik subyektning odatiy mantiq doirasidan tashqariga chiqqan ruhiy holatini ifodalaydi. Bunday poetik tafakkurda qarama-qarshi tushunchalar bir-birini inkor etmaydi, aksincha, bo‘sag‘aviy tajribaning murakkab tabiatini ochishga xizmat qiladi. Misralardagi jismoniy holatni ifodalovchi “*bo‘g‘ildim*”, “*ingradim*”, “*titradim*”, “*behush*” fe’llari subyektning ruhiy va jismoniy yaxlitligi izdan chiqayotganini ko‘rsatadi. Bu parchalanish biologik emas, balki ontologik mazmunga ega bo‘lib, mavjudlikning bir maqomidan ikkinchisiga o‘tish jarayonining badiiy ifodasidir. Shu bois tananing ojizligi ruhning yangi tajriba sari yo‘nalishi bilan uyg‘un holda tasvirlanadi. Parchaning semantik markazini tashkil etuvchi “*qora lola*” timsoli motam, o‘lim va go‘zallik ma’nolarini o‘zida jamlaydi. U bir tomondan yo‘qotish va iztirobni anglatga, ikkinchi tomondan ruhiy poklanish va poetik idrokning ramziga aylanadi. “*Ul ko‘zdan g‘oyibdir, tirik noladir*” misrasi timsolning ko‘z bilan idrok etiladigan narsa emas, balki ruhiy kechinma sifatida mavjudligini anglatadi. Natijada “qora lola” esxatologik ong poetikasida hayot va o‘lim, yo‘qlik va mavjudlik oralig‘ida yuzaga keladigan bo‘sag‘aviy tajribaning ko‘p qatlamli ramzi sifatida talqin etiladi.

Bo‘sag‘aviy xronotopning navbatdagi muhim ko‘rinishi Abduvali Qutbiddinning “*Suvora*” she‘rida tasvirlanadi. Ushbu asarda esxatologik makon individual ruhiy kechinma doirasidan chiqib, Vatan va koinot miqyosidagi falokat tasviri bilan uyg‘unlashadi. Natijada bo‘sag‘aviy holat alohida shaxsning ichki tajribasi emas, balki tarixiy xotira, milliy taqdir va kosmik mavjudlikni qamrab oluvchi badiiy xronotop sifatida shakllanadi.

Suronlar sasi ketar toshloq yerlarda changib,

Burqsiraydi to‘zoni.

Chodirini burdalab qaytib keladi quyosh,

Yorug‘ Vatan osmoni. (Abduvali Qutbiddin, 2011: 8)

Berilgan parchada bo‘sag‘aviy xronotop kosmik va milliy makonning o‘zaro tutashuvi orqali shakllantiriladi. “*Chodirini burdalab qaytib keladi quyosh*” obrazi tabiiy hodisani emas, balki kosmik tartibning izdan chiqishini ifodalovchi ramziy tasvirdir. Quyoshning parchalangan holda ko‘rinishi olamning odatiy muvozanati buzilganini anglatadi. Shu bilan birga, ushbu falokat “*Yorug‘ Vatan osmoni*” obrazi bilan bog‘lanib, kosmik halokat milliy makon taqdiri bilan uzviy aloqada talqin etiladi. M. Baxtin xronotop nazariyasida makon va zamon syujetning ichki harakatini belgilovchi asosiy poetik omillardan biri sifatida izohlanadi. Ushbu she‘rda ham kosmik-milliy xronotop voqealar rivojining yangi semantik yo‘nalishini yuzaga chiqaradi. Dastlab urush, vayronalik va izdan chiqqan borliq manzarasi ustuvor bo‘lsa, keyingi poetik qatlamlarda ushbu holat asta-sekin yangilanish imkoniyatini yuzaga keltiradi. Xususan, “*Beg‘ubor tinchlik qo‘nar qilichlar dastasiga*” obrazi vayronkorlik makonining tinchlik makoniga aylanishini bildiradi. Shu tariqa bo‘sag‘aviy holat mutlaq yakun emas, balki palingenez, ya’ni yangilanish va qayta tiklanish sari yo‘nalgan esxatologik jarayonning boshlanish nuqtasi sifatida tasvirlanadi.

Xuddi shunday kosmik-esxatologik ko‘lam Abduvali Qutbiddinning “*Firdavsiyga tatabbu*” she‘rida ham kuzatiladi. Unda esxatologik tasavvur alohida shaxs taqdiri bilan cheklanmay, tarix, tabiat va koinotning yaxlit mavjudligi bilan bog‘liq holda badiiy talqin etiladi. Natijada kosmik

falokat va tarixiy xotira o‘zaro tutashib, bo‘sag‘aviy xronotopning yangi poetik ko‘rinishini yuzaga keltiradi.

Endi, obihayot topilmas, Bahodir!

Endi, bodi najot ufurmas, Bahodir!

Endi, bo‘lolmassan aslo zabardast,

Endi, rasvolik posboning, Bahodir! (Abduvali Qutbiddin, 2011: 30)

Taqdim etilgan parchada esxatologik ong Sharq mumtoz adabiyotiga mansub ramzlar vositasida ifodalanadi. “*Obihayot*” va “*bodi najot*” timsollari azaldan hayotning davomiyligi, ilohiy marhamat va najot g‘oyalarini anglatuvchi poetik belgilar hisoblanadi. She’rda esa ularning inkor shaklida qo‘llanishi najot yo‘lining berk ekani, mavjud tartibning inqirozga yuz tutganini va halokat muqarrarligini anglatadi. Shu tariqa an‘anaviy qutqaruvchi ramzlar esxatologik mazmun kasb etib, oxirzamon kayfiyatini kuchaytiradi. Parchadagi “*Bahodir*” obrazi alohida shaxs timsolidan ko‘ra kengroq semantik yukni o‘zida mujassamlashtiradi. U dunyoni o‘zgartirish, uni o‘z irodasiga bo‘ysundirish da’vosidagi kuch timsoli sifatida xarakterlanadi. Biroq “*obihayot*” va “*bodi najot*”ning yo‘qligi ushbu qudratning ham cheklanganini, inson irodasi mutlaq hukmronlikka qodir emasligini ko‘rsatadi. Natijada esxatologik tasavvur individual kechinma doirasidan chiqib, hokimiyat, qudrat va mavjudlikning chegaralari haqidagi falsafiy mushohadaga aylanadi. Shuningdek, obrazlar tizimi Sharq adabiy-mifologik an‘anasi bilan uzviy bog‘liq. Xususan, “*obihayot*” motivi Sharq mifologiyasi hamda Firdavsiy badiiy olamida shakllangan semantik qatlamni yodga soladi. Abduvali Qutbiddin ushbu an‘anaviy timsollarni takrorlamaydi, balki ularni zamonaviy poetik tafakkur asosida qayta talqin qiladi. Natijada mumtoz ramzlar yangi esxatologik mazmun kasb etib, insonning qudratga intilishi va uning muqarrar chegaralari o‘rtasidagi ziddiyatni ochishga xizmat qiladi.

Bo‘sag‘aviy bosqichning navbatdagi muhim ko‘rinishi qabr makoni va marhumlar olami bilan bog‘liq dialogik tuzilma orqali ochib beriladi. Abduvali Qutbiddinning “*Bahrom va Dilorom*” she’rida tirik va marhum qahramonlarning navbatma-navbat so‘zlashi hayot va o‘lim chegarasida yuzaga keladigan liminal makonni badiiylashtiradi. Bu yerda qabr yakun nuqtasi emas, balki ikki olamni tutashtiruvchi bo‘sag‘aviy makon sifatida talqin qilinadi.

Dil dedi: Keturman ketmagim oson,

Azobdan qutulmoq yo‘li go‘riston.

Dilorom Bahromning suyagin yig‘ib,

Jo etar ko‘ksida sag‘ana, makon... (Abduvali Qutbiddin, 2011: 38)

Bu misralardagi “go‘riston” bo‘sag‘aviy makonning markaziy ramzi sifatida talqin etiladi. U oddiy dafn joyi emas, balki azob va taskin, hayot va o‘lim oralig‘idagi o‘tish hududini ifodalovchi poetik makondir. “*Azobdan qutulmoq yo‘li go‘riston*” misrasi o‘limni mutlaq yakun emas, balki iztirobdan xalos bo‘lishning ramziy bosqichi sifatida anglatadi. Shu ma’noda go‘riston esxatologik ongda mavjudlikning bir holatidan ikkinchisiga o‘tishni ifodalovchi bo‘sag‘aviy makon vazifasini bajaradi. Keyingi misralarda Diloromning Bahrom suyaklarini yig‘ib, ularga “*ko‘ksida sag‘ana, makon*” yaratishi qabr timsolining semantik doirasini yanada kengaytiradi. Bu yerda qabr faqat marhumning maskani emas, balki xotira, sadoqat va ruhiy davomiylikni o‘zida mujassamlashtirgan muqaddas makonga aylanadi. Shunday qilib, o‘lim va qabr obrazlari halokatning so‘nggi nuqtasi sifatida emas, balki yangilanish imkoniyatini saqlab qoluvchi bo‘sag‘aviy holat sifatida talqin qilinadi. Aynan shu poetik mantiq keyingi bosqichda keladigan palingenez, ya’ni yangilanish va qayta tiklanish g‘oyasining badiiy asosini tayyorlaydi. Shunday qilib, ikkinchi bosqichda esxatologik ong o‘zining eng yuqori badiiy kuchiga ega bo‘ladi: kosmik

katastrofa (falakning so‘nishi), zulmat va qora rang ramziyoti, oksimoron qurilmalar, notanish ovozlari va qabriston xronotopi orqali lirik subyekt “bo‘sag‘a”da tiriklik va o‘lim, xaos va kosmos oralig‘ida tasvirlanadi. Bu bosqich Arnold van Gennep va Eliade nazariyalari nuqtayi nazaridan eng “xavfli”, ammo shu bilan birga eng “muqaddas” va transformativ bosqich hisoblanadi.

Poetik palingenez va ruhiy qayta tug‘ilish. Uch bosqichli modelning yakuniy bosqichi bo‘sag‘aviy xaosdan yangi ontologik holatga o‘tish, ya‘ni palingenez bilan tavsiflanadi. Rauf Parfi va Abduvali Qutbiddin she‘riyatida ushbu jarayon tashqi voqelikning yangilanishidan ko‘ra, lirik subyektning ruhiy va poetik qayta tug‘ilishi orqali o‘z ifodasini topadi. Esxatologik tajriba shu bosqichda halokat tasviridan yangi ma‘naviy mavjudlikni anglash darajasiga ko‘tariladi. Natijada so‘z, ruh va xotira yangilanishning asosiy poetik omillariga aylanadi. Bu bosqichda lirik subyekt o‘limni mavjudlikning mutlaq intihosi sifatida emas, balki ruhiy kamolot sari olib boruvchi o‘tish nuqtasi sifatida qabul qiladi. Shu sababli uning diqqati halokatning o‘ziga emas, balki undan keyingi ma‘naviy davomiylikka qaratiladi. Poetik tamoyil Abduvali Qutbiddinning *“Sohibdilim – diloru”* she‘rida ayniqsa yorqin aks etadi. Asarda dunyodan kechish va oxiratga yuzlanish motivi lirik subyektning profan borliqdan sakral borliqqa ongli ravishda yo‘nalishini ifodalaydi. Shu tariqa palingenez tashqi olamning qayta yaratilishi emas, balki inson ruhining yangi ontologik maqom kasb etishi sifatida badiiy talqin etiladi.

Sohibdilim diloru,

Ko‘p riyozat chekdim-ku.

O‘zim ketdim. Yo‘lingga

Toatimni ekdirim-ku (Abduvali Qutbiddin, 2011: 4).

Tahlil qilinayotgan misralarda palingenez tashqi hukm yoki majburiyat natijasi emas, balki lirik subyektning ongli ruhiy tanlovi sifatida ifoda etiladi. Ayniqsa, *“O‘zim ketdim”* iborasi muhim semantik yukni o‘zida mujassamlashtiradi. Unda subyekt o‘z taqdirining faol ishtirokchisiga aylanadi. Dunyodan ketish jazolanish yoki mag‘lubiyat emas, balki ixtiyoriy ma‘naviy yuksalish sari qo‘yilgan qadam sifatida talqin qilinadi. *“Toatimni ekdirim”* metaforasi esa ushbu o‘tishning poetik mohiyatini yanada chuqurlashtiradi. Ekin ekish obrazi islomiy va Sharq badiiy tafakkurida ezgu amalning samara berishi bilan bog‘liq ramziy ma‘noga ega. Shu bois toatning *“ekilishi”* dunyoviy hayotda bajarilgan ma‘naviy sa‘y-harakatlarning davomiyligini, ularning kelajakdagi natijaga yo‘naltirilganini anglatadi. Esxatologik poetika nuqtayi nazaridan bu metafora yakunli emas, balki yangi mavjudlikning ibtidosini bildiradi. She‘rdagi *“toatimni ekdirim”* obrazi ham ma‘naviy qayta tug‘ilishning poetik ifodasiga aylanadi. Natijada lirik subyektning dunyodan ketishi yo‘qolish emas, balki yangi ontologik maqomga o‘tish sifatida talqin etiladi. Aynan shu jihat she‘rda palingenezning asosiy mazmunini tashkil etadi.

Poetik palingenezning navbatdagi muhim ko‘rinishi so‘z vositasida ruhiy uyg‘onish va milliy xotiraning qayta tiklanish motivida ifodalanadi. Rauf Parfi she‘riyatida so‘z estetik hodisagina emas, balki ruhni yangilovchi va tarixiy xotirani qayta jonlantiruvchi ma‘naviy kuch sifatida talqin etiladi. Ushbu poetik tamoyil shoirning quyidagi misralarida ayniqsa yorqin ifodasini topadi.

Tun qo‘ynida // bo‘shliqning qo‘llari ko‘ksimni qisarkan, // ruhim taslim bo‘lmaydir-da, // olg‘a intilar, // qarshimda biroq bino paydo bo‘lar, // oq binoda qalin va oq ko‘rpalariga // o‘ranib-chirmanib qator so‘rilarda // uxlab yotgan so‘zlarni ko‘raman. // So‘zlarni ushlab ko‘raman, // tishlab ko‘raman. // Yana tun qo‘ynida // bo‘shliqning temir qo‘llari ko‘ksimni qisarkan: // – Yordam bering, uxlab yotavermang, – deya hayqiraman. Shunday uyg‘otaman qadimiy So‘zlarni. (Rauf Parfi, 2022: 283)

Bundagi esxatologik ong o‘zining eng yuksak poetik-falsafiy bosqichiga yetadi. Endilikda “*bo‘shliqning temir qo‘llari*” obrazi bo‘sag‘aviy holatning bosimi, tahdidi va metafizik iztirobini ifodalasa-da, lirik subyekt bu bosimni endi passiv qabul qilmaydi. Aksincha, u “*uxlab yotgan so‘zlar*”ni uyg‘otishga intilish orqali ushbu tahdidni yengishga harakat qiladi. Demak, esxatologik tajriba bu bosqichda halokatni kuzatish emas, balki ma‘naviy qarshilik ko‘rsatish va ruhiy tiklanish harakatiga aylanadi. She‘rda “*uxlab yotgan so‘zlar*” va “*qadimiy So‘zlar*” timsollari alohida semantik ahamiyat kasb etadi. Ular faqat til birliklarini emas, balki xalqning tarixiy xotirasi, ajdodlardan meros bo‘lib kelayotgan ma‘naviy qadriyatlari va madaniy davomiyligini ifodalaydi. So‘zlarni “*ushlab ko‘rish*”, “*tishlab ko‘rish*” kabi poetik detallar esa ularning mavhum tushuncha emas, balki tirik ma‘naviy mavjudlik sifatida idrok etilganini ko‘rsatadi. Shuning uchun ham lirik subyektning “*Yordam bering, uxlab yotavermang*” degan murojaati aslida milliy ruhni uyg‘otishga qaratilgan da‘vat sifatida yangraydi. Shu tariqa she‘r yakunida individual esxatologik tajriba umumxalq miqyosidagi ma‘naviy tiklanish g‘oyasi bilan tutashadi. Lirik subyektning “*qadimiy So‘z*”ni uyg‘otishga intilishi yangi ontologik holatga o‘tishning, ya‘ni poetik palingenezning badiiy ifodasidir. Natijada qayta tug‘ilish alohida shaxs taqdiridagina emas, balki til, xotira va madaniy uzviylikning qayta jonlanishida ham ko‘rinadi. Esxatologik ongning poetik yechimi ham aynan shu nuqtada o‘zining to‘laqonli badiiy-falsafiy mazmunini kasb etadi.

Yuqoridagi tahlillarni umumlashtirganda, esxatologik ong poetikasining taklif etilgan uch bosqichli modeli muayyan poetik belgilar tizimi orqali kelishi kuzatiladi. Birinchi bosqichdagi *fojiaiy inkor* grammatik inkor shakllari, hukm va buyruq ohangi, shuningdek, tashqi zo‘ravonlikni ifodalovchi obrazlar bilan tavsiflanadi. Ikkinchi bosqichdagi *bo‘sag‘aviy holat* oksimoronlar, qora rang ramziyligi, kosmik falokat manzaralari hamda noaniqlik va izlanishni ifodalovchi so‘roq intonatsiyasi orqali yuzaga chiqadi. Uchinchi bosqichdagi *palingenez* hayqiriq va da‘vat ohangi, yorug‘lik hamda oq rang timsollari, shuningdek, individual ongning milliy va jamoaviy o‘zlik bilan uyg‘unlashuvi orqali ifodalanadi. Biroq ushbu bosqichlar she‘riy matnda har doim ham qat‘iy ketma-ketlikda kelavermaydi. Ayrim hollarda ular bir poetik makonda o‘zaro kesishadi va bir-birini to‘ldiradi. Masalan, “*Qora lola bag‘ri bo‘lib yorug‘lik*” misrasida bo‘sag‘aviy holat va palingenezning semantik belgilari bir obraz doirasida uyg‘unlashadi. “*Qora lola*” halokat va motamni anglatga, “*yorug‘lik*” yangilanish va ruhiy tiklanish ma‘nosini ifodalaydi. Shu tariqa yakun va ibtido, o‘lim va qayta tug‘ilish bitta poetik struktura tarkibida birlashadi. Bu holat Rauf Parfi she‘riyatida esxatologik ongning chiziqli rivojlanish emas, balki spiral va dialektik harakat tamoyiliga asoslanganini ko‘rsatadi. Ya‘ni har bir yangi bosqich avvalgisini inkor etmaydi, balki uning ma‘nosini o‘zida saqlagan holda yangi poetik sifat hosil qiladi. Ushbu xususiyat M. Baxtinning turli xronotoplar bitta badiiy matn tarkibida dialogik munosabatga kirishishi haqidagi nazariy qarashlari bilan hamohangdir. Abduvali Qutbiddin lirikasida ham esxatologik xronotoplar o‘zaro almashinib, ba‘zan esa bir vaqtning o‘zida aralash holatda keladi. Natijada esxatologik ong statik hodisa emas, balki doimiy ichki harakat va ma‘no yangilanishi orqali shakllanuvchi poetik tizim sifatida o‘z aksini topadi.

Xulosa

Izlanishlar natijasi she‘riy matnda esxatologik ong statik hodisa emas, balki dinamik poetik jarayon sifatida shakllanishini ko‘rsatadi. Ushbu jarayon fojiaiy inkor, bo‘sag‘aviy (liminal) holat va poetik palingenezdan iborat uch bosqichli model asosida tavsiflandi. Ushbu model M. Eliadening “sacral-profan” va “abadiy qaytish” konsepsiyasi, A. van Gennepning liminallik nazariyasi, M. Baxtinning xronotop haqidagi qarashlari hamda zamonaviy adabiyotshunoslikdagi lirik subyekt konsepsiyalari sintezi asosida ishlab chiqildi.

Rauf Parfi va Abduvali Qutbiddin she'riyatida fojiaiy inkor bosqichi lirik subyektning o'lim, mahshar, yo'qotish va mavjudlikning chegaraviy holatlariga munosabati orqali ochib beriladi. Ushbu bosqichda individual esxatologik kechinma shaxsiy iztirob doirasidan chiqib, tarixiy xotira, ma'naviy tanazzul va inson mavjudligining mohiyati haqidagi falsafiy mushohadalar bilan uyg'unlashadi.

Bo'sag'aviy (liminal) holat shoirlar poetikasida kosmik falokat manzaralari, zulmat va rang ramziyoti, oksimoronlar, qabr xronotopi hamda metafizik makon obrazlari orqali ifodalanadi. Bu bosqichning asosiy poetik xususiyati qarama-qarshi ma'nolarning bir badiiy tizimda tutashishidir. Hayot va o'lim, zulmat va yorug'lik, iztirob va najot kabi qutblar aynan liminal makonda yangi semantik mazmun kasb etadi.

Poetik palingenez bosqichida so'z, ruh va milliy xotira esxatologik yangilanishning asosiy poetik omillariga aylanadi. “Qadimgi So'zlar”, “Turkiston” va boshqa ramziy obrazlar orqali individual tajriba milliy ma'naviy xotira bilan tutashadi. Natijada o'lim mutlaq intihodan ko'ra ruhiy va madaniy davomiylikni ta'minlovchi poetik hodisa sifatida talqin etiladi.

Tahlillarimiz Rauf Parfi va Abduvali Qutbiddin she'riyatida individual, milliy va umumbashariy esxatologik tasavvurlar o'zaro uzviy bog'langanligini ko'rsatdi. Individual kechinmalar milliy tarixiy xotira bilan uyg'unlashsa, milliy poetik tafakkur jahon adabiyoti va falsafasiga xos ekzistensial qarashlar bilan semantik aloqaga kirishadi. Shu tariqa esxatologik ong ko'p qatlamli poetik tizim sifatida shakllanadi.

Taklif etilgan uch bosqichli model Rauf Parfi va Abduvali Qutbiddin she'riyati misolida ishlab chiqilgan bo'lsa-da, u esxatologik motiv ustuvor bo'lgan boshqa lirik matnlarni tahlil etishda ham metodologik asos sifatida qo'llanishi mumkin. Rauf Parfi va Abduvali Qutbiddin she'riyatida esxatologik ong poetikasi o'zbek mumtoz adabiyoti, tasavvufiy tafakkur va zamonaviy modernistik poetika kesishgan nuqtada shakllangan murakkab badiiy tizimdir. Ushbu poetik model milliy adabiy an'anadagi oxirat, qiyomat, ruh va qayta tug'ilish haqidagi tasavvurlarni XX asrning ekzistensial va modernistik estetikasi bilan uyg'unlashtiradi. Natijada esxatologik obrazlar nafaqat diniy-falsafiy, balki milliy tarixiy xotira hamda umumbashariy ma'naviy tajribaning badiiy ifoda vositasiga aylanadi.

Yakuniy fikr sifatida ta'kidlash mumkinki, Rauf Parfi va Abduvali Qutbiddin she'riyatida esxatologik ong faqat o'lim yoki qiyomat haqidagi fojiaiy tasavvurlar bilan cheklanmaydi. U so'z, ruh, tarixiy xotira va milliy o'zlikni anglash bilan uzviy bog'langan murakkab poetik tizimni hosil qiladi. Shu jihatdan esxatologik motivlar shoirlar ijodida yakun timsoli sifatida emas, balki ma'naviy yangilanish, poetik davomiylik va badiiy tafakkurning yangi bosqichiga o'tishni ifodalovchi estetik tamoyil sifatida kuzatiladi. Mazkur tadqiqotda taklif etilgan uch bosqichli model ana shu poetik mexanizmning ichki qonuniyatlarini tizimli ravishda yoritish imkonini berdi.

Iqtiboslar/ References/ Kaynaklar/ Сноски:

1. Qur'onov D. Adabiyot nazariyasi asoslari. – Toshkent: Akademyashr, 2018. – 480 b.
2. Qur'onov D. Adabiyotshunoslikka kirish: O'quv qo'llanma. – Toshkent: Xalq merosi, 2004. – 176 b.
3. Rauf Parfi. Sakina (she'rlar). – Toshkent: Muharrir, 2013. – 352 b.
4. Sulton I. Adabiyot nazariyasi: Oliy o'quv yurtlari filologiya fakultetlari uchun darslik. – Toshkent: O'qituvchi, 2005. – 406 b.
5. Umurov H. Adabiyot nazariyasi. – Toshkent: Sharq, 2002. – 224 b.

6. Абдували Қутбиддин. Бор [Матн]: Шеърлар. – Тошкент: Ғафур Ғулом номидаги нашриёт-матбаат ижодий уйи, 2011. – 320 б.
7. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234–407.
8. Ван Геннеп А. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. – М.: Восточная литература РАН, 1999. – 198 с. – С. 7–28, 64–107.
9. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. – М.: Просвещение, 1972. – 110 с.; қайта нашр: Методика вузовского преподавания литературы. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2009. – С. 17–18.
10. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость / Пер. с фр. Е. Морозовой, Е. Мурашкинцевой. – СПб.: Алетейя, 1998. – 258 с.
11. Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.
12. Stahl H., Yevgrashkina Ye. (Hrsg.). Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика. – Berlin: Peter Lang, 2018. – S. 9–41.

QOZOQ TILSHUNOSLIGI VA ADABIYOTSHUNOSLIGIDA AXMET BAYTURSINOVNING O‘RNI

QODIROVA Barno Ibragimovna,

Sharof Rashidov nomidagi Samarqand davlat universiteti
o‘zbek tili va adabiyoti kafedrasida dotsenti (Samarqand, O‘zbekiston)

 E-mail: kodirova.b86@gmail.com

 ORCID: 0000-0001-6281-0111

 DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.22081210>

Annotatsiya

Ushbu maqolada XX asr boshlarida sobiq sovet davrida milliy madaniyat va til taraqqiyoti yo‘lida faol kurash olib borgan qozoq ma‘rifatparvari va olimi Axmet Baytursinov (1872-1937)ning hayoti, ijtimoiy-siyosiy faoliyati hamda ilmiy merosi yoritiladi. Bunda Baytursinovning qozoq tilshunosligi va adabiyotshunosligi terminologiyasini shakllantirishdagi o‘rni alohida ko‘rsatilib, uning “Til – qur‘al” va “Әдебиет танытқыш” asarlari ilmiy jihatdan tahlil etiladi. Olim tomonidan yaratilgan terminlarning nazariy va amaliy ahamiyati, ularning bugungi qozoq ilmiy terminologiyasiga ta‘siri hamda keyingi davr ilmiy an‘analarga ko‘rsatgan bevosita yoki bilvosita ta‘siri ochib beriladi. Shuningdek, sovet davrida uning asarlariga nisbatan qo‘llanilgan cheklovlar natijasida qozoq adabiyotshunosligida yuzaga kelgan qayta shakllanish jarayonlari ham yoritiladi. Umuman olganda, matn Axmet Baytursinovning milliy terminologiya va ilm-fan rivojidadagi o‘rni hamda uning ilmiy merosining tarixiy ahamiyatini kompleks tarzda ochib beradi.

Kalit so‘zlar: *Axmet Baytursinov, milliy terminologiya, qozoq adabiyotshunosligi, tilshunoslik, “Til – qur‘al”, “Әдебиет танытқыш”, ma‘rifatparvarlik.*

РОЛЬ АХМЕТА БАЙТУРСЫНОВА В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

КОДИРОВА Барно Ибрагимовна,

Доцент кафедры узбекского языка и литературы
Самаркандский государственный университет имени
Шарофа Рашидова (Самарканд, Узбекистан)

Аннотация

В данной статье рассматриваются жизнь, общественно-политическая деятельность и научное наследие казахского просветителя и учёного Ахмета Байтурсынова (1872–1937), активно выступавшего в начале XX века в период советской власти в защиту развития национальной культуры и языка. Особое внимание уделяется его роли в формировании терминологии казахского языкознания и литературоведения, а также научному анализу его трудов «Til – qur‘al» и «Әдебиет танытқыш». Раскрываются теоретическая и практическая значимость терминов, созданных учёным, их влияние на современную казахскую научную терминологию, а также их прямое и косвенное воздействие на последующие научные традиции. Кроме того, освещаются процессы переосмысления и реконструкции казахского литературоведения, возникшие в результате ограничений, наложенных на его труды в советский период. В целом статья комплексно раскрывает роль Ахмета Байтурсынова в развитии национальной терминологии и науки, а также историческое значение его научного наследия.

Ключевые слова: Ахмет Байтурсынов, национальная терминология, казахское литературоведение, языкознание, “Тіл-құрал”, “Әдебиет танытқыш”, просветительство.

THE ROLE OF AKHMET BAITURSYNOV IN KAZAKH LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

BARNO Qodirova,

Associate Professor, Department of Uzbek Language and Literature
Samarkand State University named after Sharof Rashidov
(Samarkand, Uzbekistan)

Abstract

This article examines the life, socio-political activity, and scholarly legacy of the Kazakh educator and scholar Akhmet Baitursynov (1872–1937), who actively advocated for the development of national culture and language during the early twentieth century under the Soviet regime. Special attention is given to his role in the formation of Kazakh linguistic and literary terminology, as well as to the scholarly analysis of his works “*Til – kural*” and “*Adebiet tanytqish*”. The article reveals the theoretical and practical significance of the terms introduced by the scholar, their impact on contemporary Kazakh scientific terminology, and their direct and indirect influence on subsequent academic traditions. It also highlights the processes of reconstruction and reformation in Kazakh literary studies that emerged as a consequence of restrictions imposed on his works during the Soviet period. Overall, the study comprehensively demonstrates Baitursynov’s contribution to the development of national terminology and scholarship, as well as the historical importance of his scientific heritage.

Key words: Akhmet Baitursynov, national terminology, Kazakh literary studies, linguistics, “*Til – kural*”, “*Adebiet tanytqish*”, enlightenment.

Kirish

Turkiy xalqlar ma’naviy-ma’rifiy taraqqiyoti tarixida XX asr boshlarida yuzaga kelgan jadidchilik harakati alohida o’rin tutadi. Mazkur harakat vakillari milliy ongini uyg’otish, ta’lim tizimini isloh qilish, ona tilining mavqeyini mustahkamlash va ilm-fan taraqqiyotini ta’minlash yo’lida salmoqli ishlarni amalga oshirdilar. Ana shunday buyuk ma’rifatparvar, olim va jamoat arboblardan biri Axmet Baytursinovdir. U qozoq xalqining milliy uyg’onish davrida til, adabiyot, maorif va madaniyat rivojiga beqiyos hissa qo’shgan yirik ilmiy va ijtimoiy siymolardan biri sifatida e’tirof etiladi.

Axmet Baytursinov qozoq tilshunosligining ilmiy asoslarini yaratgan olim sifatida mashhurdir. U qozoq tili fonetikasi, morfologiyasi, sintaksisi hamda yozuv masalalarini ilmiy jihatdan tadqiq etib, milliy tilshunoslik terminologiyasini shakllantirishga katta hissa qo’shdi. Olim tomonidan yaratilgan lingvistik terminlarning aksariyati bugungi kunda ham qozoq tilshunosligida faol qo’llanib kelmoqda. Ayniqsa, uning qozoq yozuvini arab grafikasi asosida isloh qilishi, milliy alifbo va imlo tamoyillarini ishlab chiqishi turkiy tilshunoslik tarixidagi muhim voqealardan biri hisoblanadi.

Baytursinovning ilmiy faoliyati faqat tilshunoslik bilan cheklanib qolmagan. U qozoq adabiyotshunosligining nazariy asoslarini yaratishda ham muhim o’rin egallaydi. Olimning «Әдебиет танытқыш» asari qozoq adabiyot nazariyasining dastlabki mukammal ilmiy manbalaridan biri bo’lib, unda badiiy adabiyotning mohiyati, janrlar tizimi, she’riyat nazariyasi, badiiy tasvir vositalari hamda adabiy terminologiya masalalari keng yoritilgan. Mazkur asar

nafaqat qozoq, balki umuman turkiy adabiyotshunoslik tarixida muhim ilmiy manba sifatida baholanadi.

Bugungi kunda Axmet Baytursinovning ilmiy merosi tilshunoslik va adabiyotshunoslikning turli yo‘nalishlarida tadqiq etilmoqda. Uning lingvistik va adabiy-nazariy qarashlari zamonaviy ilm-fan taraqqiyoti nuqtayi nazaridan qayta baholanib, milliy terminologiya, til siyosati, adabiyot nazariyasi va matnshunoslik kabi sohalar bilan bog‘liq holda o‘rganilmoqda. Shu jihatdan Baytursinov merosini tadqiq etish nafaqat qozoq ilm-fani tarixini, balki turkiy xalqlar ilmiy tafakkurining shakllanish jarayonlarini anglashda ham muhim ahamiyat kasb etadi.

Mazkur maqolaning maqsadi Axmet Baytursinovning qozoq tilshunosligi va adabiyotshunosligi taraqqiyotidagi o‘rnini yoritish, uning ilmiy merosini tahlil qilish hamda olimning milliy terminologiya, til nazariyasi va adabiyotshunoslik rivojiga qo‘shgan hissasini baholashdan iborat.

Asosiy qism

A.Baytursinovning terminologik faoliyati haqida fikr yuritishdan oldin uning hayoti va faoliyatiga nazar tashlaymiz. U 1920-1921-yillarda Qozoq ASSR Xalq maorifi komissari, 1921-1922-yillarda esa O‘lkaviy Xalq Komissarligi huzuridagi Akademik markaz raisi lavozimlarida faoliyat yuritgan. 1922-1925-yillarda u Qozog‘iston Xalq Maorifi Komissarligi qoshidagi ilmiy-adabiy komissiya raisi, shuningdek, Qozoq o‘lkasini o‘rganish jamiyatining faxriy raisi vazifalarini bajargan.

1922-yilda Orenburg shahrida Qozoq xalq maorifi instituti ochilib, A.Baytursinov mazkur institutda adabiyot nazariyasi fanidan ma‘ruzalar o‘qigan. A.Baytursinov Qozoq ASSR Xalq maorifi komissari lavozimida faoliyat olib borgan davrida maktablar, o‘rta maxsus hamda oliy ta‘lim muassasalari uchun darsliklar yozish va tarjima ishlarini amalga oshirish to‘g‘risida qaror qabul qilinishiga tashabbus ko‘rsatgan. Natijada 1912-1929-yillar oralig‘ida Alash arboblari tomonidan 20 dan ortiq fan sohalariga bag‘ishlangan, mazmuni va hajmi jihatidan rang-barang ko‘plab ilmiy asarlar nashr etildi. Jumladan, J.Aymautovning *“Тәрбие жетекшісі”*, *“Психология”*, *“Жан жүйесі және өнертану”* asarlari; M.Jumabayevning *“Педагогика”* (*“Баланы тәрбие қылу құралы”*) (1922, 1923-yy.); M.Dulatovning *“Қирағат”* kitobi (1914), *“Есеп құралы”* (1922, 1924-yy.); M.Tinishpayevning *“Қазақ халқының тарихынан деректер”* (1925); X.Dosmuxamedovning *“Жануарлар”*, *“Табиғаттану”* (1922), *“Адамның тән тірлігі”* (1927); S.Qojanovning *“Есептану құралы”* (*Арифметика*) (1924); Q.Kemengerovning *“Қазақ тарихы”*, *“Бұрынғы езілген ұлттар”* (1926); T.Shonanovning *“Қазақ тілінің оқу құралы”* (*орыс мектептері үшін*) (1923), *“Тұрмыс жүйесі ғылымының қысқа курсы”* (A.Bogdanovning *“Курс политэкономии”* asari tarjiması) (1924), *“Бастауыш мектептегі қазақ тілінің әдісі”* (S.Jiyenbayev, G‘.Begaliyev bilan hammualliflikda) (1935), shuningdek, geografiya fanini o‘qitishga bag‘ishlangan maqolalari (1927, 1929-yy.); S.Saduakasovning o‘sha davrdagi respublika geografiyasini ilmiy asosda yoritgan *“Қазақстан”* nomli maqolalar to‘plami (1922), *“Күнбатыс пен Күншығыстың бостандық жолындағы күрестерінің тарихы”* nomli ilmiy-ommabop to‘plami (1923) shular jumlasidandir (Sharapatuli, 2019: 12). Ana shunday asarlardan biri A.Baytursinovning *“Тіл – құрал”* (Baytursinuli, 2009) va *“Әдебиет танытқыш”* (Baytursinov, 2003) nomli darsliklari hisoblanadi.

Ma‘lumki, Axmet Baytursinov alifbo masalasida ham bir qancha ishlarni amalga oshirib, milliy yozuvning shakllanishi kerakligini ta‘kidlaydi hamda xalqni savodli qilishga urinadi. Shuningdek, ilm-ma‘rifat zarurligini xalqqa tushuntirish bilan cheklanib qolmay, ta‘lim-tarbiya ishini boshlashga harakat qiladi. Bu haqida uning tarjimaiyati holidan ham bilib olish mumkin:

“...Орынборға келгеннен кейін, ең алдымен, қазақ тілінің дыбыстық жүйесі мен грамматикалық құрылысын зерттеуге кірістім; одан кейін қазақ әліпбиі мен емлесін ретке салып, жеңілдету жолында жұмыс істедім, үшіншіден, қазақтың жазба тілін бөтен тілдерден келген қажетсіз сөздерден арылтуға, синтаксистік құрылысын өзге тілдердің жат әсерінен тазартуға әрекеттендім; төртіншіден, қазақ прозасын жасанды кітаби сипаттан арылтып, халықтық сөйлеу тәжірибесіне ыңғайластыру үшін ғылыми терминдерді қалыптастырумен айналыстым” (Baytursinuli, 2013: 38).

Natijalar va muhokama

Olimning terminlar yaratishdagi faoliyati faqat bitta fan sohasi bilan chegaralanmasdan turli sohalarni qamrab oladi va qozoq terminologiyasining shakllanishida uning alohida oʻrni borligini koʻrsatadi (Yevrosiyo milliy universiteti kutubxonasi, 2022). Xususan, qozoq tili tilshunoslik va adabiyotshunoslik terminologiyasining shakllanishi hamda rivojlanishida Axmet Baytursinovning roli katta ahamiyatga ega. U qozoq milliy ilmiy terminologiyasining asoschisi hisoblanadi (Qurmanbayuli, 2014: 9). Olim qozoq tilini rus va nugʻay tillari bilan qiyoslar ekan, kuyunchaklik bilan: “Bizdın jasyınan oryssha ya noғайsha oқyғan baуырларымыз сөздін жүйесін, қисынын нағыз қазақша келтіріп жаза алмайды, я жазса да қиындықпен жазады. Себебі жасынан қазақша жазып дағдыланбағандық. Орысша оқығандар орыс сөзінің жүйесіне дағдыланып үйренген. Ноғайша оқығандар ноғай сөзінің жүйесіне дағдыланып үйренген. Қазақ сөздерін алып, орыс я ноғай сөзінің жүйесімен тізсе, әрине, ол нағыз қазақша болып шықпайды. Сондай кемшілік болмас үшін һәр жұрт баласын әуелі өз тілінде оқытып, өз тілінде жазу-сызу үйретіп, өз тілінің жүйесін білдіріп, жолын танытып, балалар әбден дағдыланғаннан кейін басқаша оқыта бастайды. Біз де тіліміз бұзылмай сақталуын тілесек, өзгелерше әуелі өз тілімізбен оқытып, сонан соң басқаша оқыту тиіс” (Baytursinuli, 2009: 6), – degan fikrlarni bildirgan va qozoq maktablari uchun qozoq tilini fan sifatida oʻqitadigan birinchi darslik – “Til – құрал” (“Til – qurol”)ni yozgan. Olim ushbu kitobida *cəz мүшелері, сөйлем, буын, дыбыс, жұрнақтар, атауыш сөздер, зат есім, сын есім, сан есім, есімдік, етістік, шылау сөздер, үстеу, демей, жалғаулық, одағай сөз* kabi tilshunoslik terminlari va ularning izohlari haqida qimmatli fikrlarni keltirgan. Jumladan, lingvistik terminlarga bergan taʼriflari hozirda ham oʻz ahamiyatini yoʻqotgani yoʻq. Axmet Baytursinov tomonidan ishlatilgan tilshunoslik terminlari (fonologiya, leksikologiya, morfologiya, sintaksis, stilistika, qiyosiy tipologiyaga doir) qozoq tilshunosligida terminlar yaratishning mukammal namunasini koʻrsatdi, bu esa termin yaratishning uslubiy va nazariy asosiga aylandi. Oʻsha davrda yaratilgan tilshunoslik terminlari bugungi kunda qozoq tilida faol terminlar sifatida ishlatilib kelinmoqda.

Uning adabiyotshunoslik terminologiyasiga qoʻshgan hissasi ham alohida ahamiyatga ega. Bu haqida gapirishdan oldin uning hayotiga yana bir nazar tashlaymiz. Chunki keyingi davr adabiyotshunoslik terminologiyasini shakllanishida hayoti bilan bogʻliq ayrim jihatlar koʻzga tashlanadi.

Axmet Baytursinov 1937-yilda “xalq dushmani” sifatida repressiyaga uchraydi va uning adabiyot nazariyasiga bagʻishlangan “*Әдебиет танытқыш*” (“Adabiyot tanitgich”) asarini nashr etish va undan foydalanish taqiqlab qoʻyildi. Shu sababli qozoq olimlari qozoq adabiyoti nazariyasini qaytadan, yangidan yaratishga majbur boʻldilar. Natijada 1932-yilda S.Seyfullinning “*Қазақ әдебиеті*” (“*Qozoq adabiyoti*”), 1938-yilda Q.Jumaliyevning “*Әдебиет теориясы*” (“*Adabiyot nazariyasi*”), 1940-yilda E.Ismoilovning “*Әдебиет теориясы*” (“*Adabiyot nazariyasi*”), 1970 va 1973-yillarda Z.Axmedovning “*Қазақ өлеңінің құрылысы*” (“*Qozoq*

she'rining tuzilishi”), “Өлең сөздің теориясы” (“*She'riy so'z nazariyasi*”), 1976-yilda esa Z.Qabdolovning “*Әдебиет теориясының негіздері*” (“*Adabiyot nazariyasining asoslari*”) nomli asarlari yozildi.

“*Әдебиет танытқыш*” asari “Сөз өнерінің ғылымы” (“*So'z san'ati ilmi*”) va “Сөз өнерінің жүйесі” (“*So'z san'ati tizimi*”) deb nomlangan ikki bo'limdan iborat. Birinchi bo'lim hozirgi tushunchalar bilan aytganda, adabiyotshunoslikka kirish va adabiyot nazariyasi masalalarini qamrab oladi. Ikkinchi bo'limda esa nasr va she'riyat janrlari, yozma va og'zaki adabiyot, qozoq adabiyotining davrlari kabi masalalar yoritiladi. Shu nuqtayi nazardan qaralganda, ikkinchi bo'limda adabiyot nazariyasi, adabiyot tarixi hamda adabiyot tanqidiga doir masalalar ham qamrab olinganini kuzatish mumkin.

Shu sababli mazkur ilmiy asar faqat qozoq adabiyoti nazariyasiga bag'ishlangan emas, balki qozoq adabiyotshunosligiga oid kompleks tadqiqot hisoblanadi.

“*Әдебиет танытқыш*” asarini, umuman olganda, A.Baytursinov merosini o'rganish va o'zlashtirish uchun har bir nom, tushuncha, termin hamda kategoriyaning mazmun-mohiyati va semantik qamrovini tubdan anglab olish zarur. Mazkur asarda adabiyotshunoslikka oid 389 ta termin qo'llanilgan bo'lib, ulardan 82 tasi (21%) hozirgi kungacha ilmiy muomalada qo'llanilmoqda. 307 tasi (79%) esa hozirgi davrda iste'moldan chiqqan (Sharapatuli, 2019: 12). Misol tariqasida quyidagi jadvalga diqqatimizni qaratishimiz mumkin:

A.Baytursinov “Әдебиет танытқыш” asarida qo'llanilgan adabiyotshunoslik terminlari

Faqat o'sha davrda qo'llanilgan terminlar	Hozirgi kunda ham qo'llanilayotgan terminlar
арнау әсерлеу	ауыз әдебиеті
ауыстыру	айтыс
ауысу түрлері	арнау
әлектеме	беташар
әнді өлең	бата
кескін өнері	бунақ
күлдіргі тартыс	жұмбақ
теңеу түрлері	терме өлең
толғау табы	шумақ
тартыс сөз	шешен сөз

A.Baytursinov tomonidan taklif etilgan 389 ta terminning faqat 82 tasi (21%) amaliyotda saqlanib qolib, 307 tasi (79%) hozirgi davrda qo'llanilmayotganining uchta asosiy sababi mavjud.

Birinchidan, olimlar A.Baytursinov terminlarining taxminan beshdan bir qismini qo'llashga majbur bo'ldilar. Chunki olim adabiy hodisa va tushunchalarga bergan nomlar aniq, lo'nda va mazmunan to'g'ri bo'lgan.

Ikkinchidan, A.Baytursinov terminlarining barchasidan foydalanish mumkin emas edi, zero “xalq dushmani” deb e'lon qilingan shaxsning asarlariga tayangan holda ish olib borilgan degan ayblov qo'yilishi ehtimoli yuqori edi. Shu bois adabiyotshunoslar bundan cho'chiganlar.

Uchinchidan, keyingi davr olimlari A.Baytursinovga ochiq havola bera olmas edilar; havola keltirilmagan taqdirda esa “ko'chirib olingan” degan ayblov bilan duch kelish xavfi mavjud bo'lgan.

Xulosalar

Tilshunoslik va adabiyotshunoslik terminlari tadqiqini o'rganish natijasida aytish mumkinki, Qozog'istonda terminologiya masalalari bugungi kunga qadar sezilarli darajada rivojlanib taraqqiy etgan. Garchi sobiq sovet davrida milliy madaniyat va milliy til masalalari hukmron sovet mafkurasiga bo'ysundirilib, uning ustidan nazorat o'rnatilgan bo'lishiga qaramasdan XX asrning dastlabki 20-30-yillarida qozoq tilshunoslik terminologiyalarining atoqli vakili Axmet Baytursinovning milliy terminologiyani rivojlantirish harakatini olib borganligi ma'lum bo'ladi. Bu qozoq tilshunosligi va adabiyotshunosligi terminologik tizimining taraqqiyoti milliy ilm-fan rivoji, madaniy-ma'rifiy jarayonlar va ijtimoiy-siyosiy omillar bilan chambarchas bog'liq holda kechganligini ko'rsatadi.

Baytursinov ilmiy tushunchalarni ifodalashda qozoq tilining ichki leksik-semantik imkoniyatlariga tayanish, termin yaratishda milliylik tamoyillarini ustuvor qo'yish hamda ilmiy uslubni xalq tiliga yaqinlashtirish g'oyalarini ilgari surdi. Natijada u tomonidan yaratilgan ko'plab lingvistik va adabiyotshunoslik terminlari qozoq ilmiy terminologiyasining mustahkam poydevorini tashkil etdi.

Olimning termin yaratishdagi asosiy yondashuvi ilmiy tushunchalarni milliy til vositalari orqali ifodalashga qaratilganligi bilan ajralib turadi. Bu tamoyil keyinchalik qozoq terminologiyasi rivojida muhim metodologik asos vazifasini bajardi. Ayniqsa, tilshunoslik va adabiyotshunoslikka oid ko'plab terminlarning milliylashuvi, ilmiy muomalaga kiritilishi va me'yorlashuvida Baytursinov merosining ta'siri yaqqol namoyon bo'ladi.

Bugungi kunda Qozog'istonda terminologiya masalalari davlat til siyosatining ustuvor yo'nalishlaridan biri sifatida rivojlanib bormoqda. Mustaqillik yillarida terminologik tizimni takomillashtirish, milliy terminlarni yaratish, xalqaro terminlarni moslashtirish va terminologik me'yorlarni ishlab chiqish borasida keng ko'lamli ishlar amalga oshirilmoqda. Ushbu jarayonlarda Axmet Baytursinov tomonidan asos solingan ilmiy an'analar o'z ahamiyatini saqlab qolmoqda.

Iqtiboslar/ References/ Kaynaklar/ Сноски:

1. Байтұрсынұлы А. Тіл – құрал. Алматы, «Сардар» баспасы, 2009. – 348 б.
2. Байтұрсынов А. Әдебиет танытқыш [Мәтін] : зерттеу мен өлеңдер / А. Байтұрсынов ... – Алматы : Атамұра, 2003. – 208 б.
3. Байтұрсынұлы А. Шығармалар жинағы: 6 томдық. 6-том. – Алматы, 2013. – 400 б.
4. Шарапатұлы Ш. Алаш арыстарының лингвистикалық мұрасы мен көзқарастары. Оқу құралы. – Алматы: Отан, 2019. – 210 б.
5. Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева Научная библиотека. “Ақын, әдебиет зерттеушісі Ахмет Байтұрсынұлы туғанына 150 жыл”/ Библиографическая запись. 2022.
6. Құрманбайұлы Ш. Қазақ терминологиясы: зерттеулер, оқулық, сөздік, библиография. Алматы: «Сардар», 2014. – 928 б.
7. Ұлттың ұлы ұстазы: Халқымыздың көрнекті қоғам қайраткері, ғалым-ағартушы Ахмет Байтұрсыновқа арналады / Құраст. В.К. Кузембаева. – Алматы: Орталық ғылыми кітапхана, 2001. – 267 б.
8. Әдебиеттану терминдерінің сөздігі /Құрастырушылар: З.Ахметов, Т.Шаңбаев/ Алматы: “Ана тілі”, 1996. – 240 б.
9. Қазақ әдебиеті. Энциклопедиялық анықтамалық. – Алматы: Аруна Ltd, 2005. – 576 б.
10. <https://z-taraz.kz/mirin-aza-tilinde-o-uly-tar-zhazu-a-arnady/>
11. <https://termincom.kz/>
12. https://uz.wikipedia.org/wiki/Axmet_Baytursinov.

KICHIK LIRIK JANRLAR TARAQQIYOTI VA NOMANAVISLIKDA SHAXS TASVIRI

Dilorom MUMINOVA,

Sharof Rashidov nomidagi Samarqand davlat universiteti
mumtoz adabiyot tarixi kafedrası dotsenti, (PhD)

(Samarqand, O‘zbekiston)

 E-mail: muminovadilya86@gmail.com

 ORCID: 0000-0001-8011-7791

 DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.22081116>

Annotatsiya

Ushbu maqolada XIV-XV asrlarda yashab ijod qilgan va turkiy adabiyotni keng ko‘lamda boyishi uchun o‘z hissasini qo‘shgan nomanavis adiblar ijodi haqida to‘xtalib o‘tilgan. Kichik lirik janrlardan foydalanish bo‘yicha mumtoz adabiyotimizga murojaat qilar ekanmiz, avvalambor, ikki tilda ijod qilish, ya‘ni zullisonaynlik an‘anasi mavjudligini ko‘rish mumkin. Ba‘zi o‘rinlarda forsiy zabonda qo‘llanilgan janrlarni uchratish ham mumkin. Maqolada nomanavis ijodkorlarning asarlarida nafaqat noma janrini uchratish mumkin, balki turli kichik lirik she‘riy – qit‘a, fard, masnaviy, soqiynoma, hikoyat kabi janrlar qamrab olingan. Shu bilan birga ijodkor o‘z fikrini nafaqat asar (noma)da yoritib bergan, balki kichik lirik janrlar orqali ham fikrini ochib berishga harakat qilgan o‘rinlarni kuzatish mumkin. Bundan tashqari qo‘llanilgan kichik janrlarda tarbiyaviy ahamiyatga ega bo‘lgan masalalar ham o‘rin olganligi tahlilga tortilgan. Bu esa asar ko‘lamining boyishi va janrga bo‘lgan qiziqishni oshirishga xizmat qiladi.

Kalit so‘zlar: *janr, noma, qit‘a, masnaviy, fard, Humo, qofiya, detal (kiprik, ko‘z, lab).*

DEVELOPMENT OF SMALL LYRIC GENRES AND THE PORTRAYAL OF PERSONALITY IN EPISTOLARY WRITING

Dilorom MUMINOVA,

Assoc. Professor, Department of the History of Classical Literature,

Sharof Rashidov Samarkand State University,

Doctor of Philosophy (PhD) in Philology

(Samarkand, Uzbekistan)

Abstract

This article examines the creative legacy of the epistolary writers of the fourteenth and fifteenth centuries who made a significant contribution to the development and enrichment of Turkic literature. An analysis of the use of small lyric genres in classical literature reveals, first of all, the existence of the tradition of bilingual literary creativity (zullisonayn), that is, composing works in two languages. In some cases, genres originating from the Persian literary tradition are also encountered. The article demonstrates that the works of epistolary authors include not only the genre of the noma (epistle or poetic letter), but also various small lyric genres such as qit‘a, fard, masnavi, saqinama, and hikayat. At the same time, the authors sought to express their ideas not only through the epistle itself but also by employing these small lyric forms, thereby enriching the artistic and ideological content of their works. The study further reveals that these small lyric genres often incorporate themes of moral and educational significance. Such an approach contributes to the artistic richness of the works, broadens their generic scope, and enhances readers' interest in the epistolary genre.

Key words: *genre, noma (epistle), qit'a, masnavi, fard, Humo, rhyme, artistic detail (eyelashes, eyes, lips).*

РАЗВИТИЕ МАЛЫХ ЛИРИЧЕСКИХ ЖАНРОВ И ОБРАЗ ЛИЧНОСТИ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Дилором МУМИНОВА,

доцент кафедры истории классической литературы
Самаркандского государственного университета имени Шарофа Рашидова,
доктор философии (PhD) по филологическим наукам
(Самарканд, Узбекистан)

Аннотация

В данной статье рассматривается творчество писателей-эпистографов XIV–XV веков, внесших значительный вклад в развитие тюркской литературы. При обращении к классической литературе с точки зрения использования малых лирических жанров прежде всего обращает на себя внимание существование традиции двуязычного творчества (зуллисонайн), то есть создания произведений на двух языках. В ряде случаев встречаются жанры персоязычной литературной традиции. В статье показано, что в произведениях авторов-эпистографов представлены не только образцы жанра письма (нома), но и различные малые лирические жанры — кыта, фард, месневи, сакинаме, хикаят и другие. При этом авторы стремились раскрыть свои мысли не только в самом письме, но и посредством малых лирических форм, что позволяет глубже понять художественный замысел произведений. Кроме того, анализ показывает, что в использованных малых жанрах значительное место занимают вопросы нравственно-воспитательного характера. Всё это способствует художественному обогащению произведений, расширению их жанровых возможностей и повышению интереса к эпистолярному жанру.

Ключевые слова: *жанр, нома (послание), кыта, месневи, фард, Хумо, рифма, художественная деталь (ресницы, глаза, губы).*

Nomanavis ijodkorlarning nomalarida turli kichik lirik she'riy – qit'a, fard kabi janrlar qamrab olingan. Jumladan, Xorazmiyning “Muhabbatnoma” asarida qit'a janri o'n birinchi noma ostida berilgan:

Tama' dominda qolur qush emas men,
Tilim ayvon uza uchqon Humomen.
Qilichtek til bila tuttum jahonni,
Qanoat mulki ichra podshomen.
Xarobot ichra masjidda yerim bor,
Kim ush ham rindmen, ham podshomen.
Necha hashamatli sulton bo'lsa bo'lsun,
Ayitmon mol uchun madhu sanomen.
Qiyomatqa tekin qolsin oting teb,
Sening topqunchda bo'ldum oshnomen (Muborak m., 1987: 39).

Qit'ada Xorazmiy har qanday vaziyatdan chiqqan oladigan, tili shirin so'zligi go'yo Humo kabi baxt-omad keltirishi, tilining keskirliги sabab jahonni egallab, hukumronlik qilishi (ijodi orqali barcha tanishi)ni aytib o'tgan. Oddiy yashash joyi bo'lsa ham ibodat, ta'lim olish sharoiti

yaratilganligi va shu joyning shohu gadosi ham o‘zi ekanligi keltirilgan. Kishi qancha buyuk, kuchli bo‘lsa hamki baribir oddiy inson bo‘lish kerakligi va bir kun bu dunyoni tark etganda o‘zidan yaxshi nom qoldirishi haqidagi g‘oyani keltirib o‘tgan. Bundan tashqari nomaning oxirgi qismida bitta fard keltirgan:

Niyozim bu turur sendin nigoro,
Unutma bandani bahri xudoro (Muborak m., 1987: 41).

Xorazmiy asarining oxirgi qismida keltirilgan fard nomadagi fikrlarning mag‘zi va fikrlarga xulosa hamdir.

Yusuf Amiriy “Dahnoma”sida har bir nomaning yakunida alohida o‘nta fard keltirilgan. Fardlarning har biri nomalarga monand tarzda qo‘llanilgan. Biroq asardagi yetakchi janr nomadir. Noma masnaviy usulida qofiyalangan bo‘lib (Tohirov S., 2010: 43), Xorazmiy “Muhabbatnoma”sidagi nomalar faqat oshiqning ma’shuqaga yozgan she’riy maktublari xarakterini olib, oshiqning kayfiyati va ishq yo‘lidagi kuyishlariga ma’shuqa munosabati ko‘rsatilmagan, lekin epik tasvirni kuchaytirishda o‘ziga xos original asar yaratilgan. Bugungi badiiy asarlar ifodasiga e’tibor beradigan bo‘lsak, she’riy asarlarda ham, nasriy asarlarda ham shaxs qiyofasini ochuvchi barcha detallar uning ichki qiyofasini ochishga qaratilgan. Xususan, Xorazmiy ijodida detallarning aksariyati shaxsning tashqi qiyofasini yoritishga qaratilgan. “Muhabbatnoma” sadoqatli oshiqning o‘z sevgilisiga yo‘llagan maktublari yig‘indisidan iborat. Shuning uchun har bir maktubda oshiqning chuqur kechinmalari bayoni asosiy o‘rin tutishi lozim. Lekin bu masalaga har bir nomada bir, ba’zan bir nechagina bayt bag‘ishlangan bo‘lib (saboga murojaat tarzida yozilgan ikkinchi noma mustasno) mahbubaning tashqi go‘zalligi tasviri (har bir detal chetda qoldirilmaganligi holda) asosiy o‘rin egallagan. Hatto bitta detal (kiprik, ko‘z, lab, xol va h.) tasviri barcha nomalarda, ba’zan bitta nomaning o‘zida ham, turli stilistik tarzda bir necha marta takrorlanadi.

Xorazmiy asarda ishqni inkor etmagan holda, uni haqiqiy ishq yo‘lidagi bir bosqich deb hisoblaydi, bu o‘z davri uchun muhim ahamiyatga ega. Xuddi shu g‘oya unga real inson va uning fazilatlarini, turmush go‘zalliklarini, lazzatlarini kuylash uchun keng yo‘l ochib bergan. Binobarin, uning tasvir ob’ekti mavhum emas, balki real inson va uning xususiyatlaridir, hatto tajalliy nazariyasining ta’siri sezilib turgan mana bu baytda ham aniq inson tasviri asosiy o‘rin tutadi.

Mango uchmoq erur vasling huzuri,
Yuzungdin shu’la urur tengri nuri (Muborak m., 1987: 25).

Ya’ni anglashiladiki, oshiq mahbubasining vaslini. Shu vasl onlarini mahbubaning yuzidagi sehrli, nurafshon nurni Ollohning mo’jizakor nuridek yuksak mubolag‘a bilan ta’kidlaydi.

Bizga ma’lumki, tasvir – bu insonning tashqi qiyofasiga berilgan chizgilar. Mumtoz adabiyotlarda, albatta, shoir ma’shuqa, ba’zan dostonlarda oshiq va boshqa shaxslar tasvirini e’tibordan chetda qoldirmagan, har bir detalni o‘z o‘rnida hayot haqiqati mantig‘idan kelib chiqib ishlatgan. Yuqorida aytganimizdek, “Muhabbatnoma”dagi nomalar ko‘proq ma’shuqa tasviri chizgilariga bag‘ishlangan. Xorazmiy “Avvalgi nomani aytur” bobida ma’shuqa siymosini yorqinroq chizish, uning fazilatlarini bo‘rttirib ko‘rsatish va ulug‘lash uchun o‘z mahoratini to‘laligicha safarbar etadi:

Ayo ko‘rk ichra olam podshohi,
Jahon tutti sening husnung sipohi.
Pari ruxsoralarning ko‘rkka boyi,
Yuzung navro‘z-u, qoshing bayram oyi (Muborak m., 1987: 16).

Anglashiladiki, oshiq soʻzning boshidanoq mahbubasini goʻzallik bobida barcha goʻzallarning podshohi deb taʼriflarkan, husnini podshohning lashkarlariga oʻxshatadi va ana shu lashkar bilan jahonni mavh etgani mubolagʻa qilinadi (Isoqov Y., 2014: 36), ikkinchi baytda esa yorning taʼrifini yana yuksaltiradi. Uni farishta yuzlilarning ham goʻzalrogʻi deb taʼriflarkan, yuzini yangi chiqqan oyga oʻxshatadi. Shu oʻrinda aytib oʻtish joizki, shoir (Xorazmiy) maʼshuqa taʼrifida oʻz novatorligini namoyon etadi. U har bir taʼrifida imkon qadar yangi bir jumlagi murojaat etadi. Yuqorida yorning yuzi navroʻz, yaʼni yangi kunga, qoshi esa bayram oyi-yangi chiqqan oyga oʻxshatilishining oʻziyoq buning isboti, quyidagi baytlarda ham ana shu novatorlik sezilib turadi.

Koʻngul Shirin soʻzunggʻa boʻldi Farhod,
Koʻzung Kashmir jodusigʻa ustod.
Qaro meng ol yanoqinggʻa yaroshur,
Boshim doyim adoqinggʻa yaroshur (Muborak m., 1987: 16).

Shoir yorning Shirin soʻzlariga maftunlikni Farhod hajrida kuyish holati bilan tenglasa, koʻzlarining maftunkorligini Kashmir jodusi (Kashmirning jodu, sehri azaldan kishilar eʼtiborini oʻziga tortib kelgan va Kashmir sheʼriyatda goʻzallik timsoli sifatida vositaga aylangan)ga ustozlikka qiyoslaydi (Yusuf B., 2010: 19). Hatto shunday goʻzallik diyor tarovati mahbubani koʻzlari oldida ip esholmasligi orqali kitobxon eʼtiborini oʻziga tortadi.

Keyingi baytda maʼshuqaning qizil yanoqlari ustidagi qora xoli (meng)ning joylashuviga ishora qiladi. Demak, koʻz oʻngimizda beixtiyor yuzlari tiniq begʻubor (tong kabi), qoshlari hilol, koʻzlari joduvash, yanoqlari qizil, yanoqlari ustidagi xol qop-qora, soʻzlari shirin bir parivash namoyon boʻladi. Shoir oshiqning sevgilisi qaddi-bastini quyidagicha tavsiflaydi.

Boʻyung sarv-u sanubardek beling qil,
Vafo qilgʻon kishilarga vafo qil (Muborak m., 1987: 16).

Maʼshuqaning qaddi qomati sarv, sanobar daraxtining tikligiga, belining ingichkaligi soch tolasiga oʻxshatiladi, qaddi qomatining sarv daraxtiga oʻxshatilishi anʼanaviy tasvir boʻlsa-da, ammo bu mantiqiylik asosida keltirilgan tashbeh (Ҳоҗиаҳмедов А., 1999: 22). Agar mahbubaning qaddi majnuntolga oʻxshatilganda edi, ana shu mantiqiylik buzilar edi. Belning qilga oʻxshatilishi ham mubolagʻali tashbeh asosida toʻgʻri taʼriflangan (Ҳоҗиаҳмедов А., 1999: 23).

Aqiqing suhbatindin jon boʻlur soʻz,
Qamartek chehrangga boqsa qamar koʻz (Muborak m., 1987: 16).

Eʼtibor beradigan boʻlsak, yorning lablari aqiqqa – qizgʻish rangli qimmatbaho toshga oʻxshatilibgina qolmay, toʻgʻridan toʻgʻri aqiq deb ataladi. Yorning yuzi esa yuqoridagi taʼrifga ham qanoatlanmay, kamar oyning yor-chehrasiga boqqanda koʻzi qamashishi bilan baholanadi deya izoh beriladi. Keyingi baytlarda esa yorning koʻzini nargiz, kipriklarini novak deb taʼriflasa, yuzining kulib turishi argʻuvon gullariga oʻxshatiladi.

Urur nargislaring novakni jongʻa,
Kular chehrang chechaktek argʻuvongʻa (Muborak m., 1987: 16).

Shundan keyingi baytlarda shoir yana oʻz sevgilisining husni haqida taʼrif berarkan, uning taʼrifi hatto Chin-Mochin, yaʼni Xitoy va Turkistonning uzoq yerlariga ham borib yetganligini, dunyodagi jami shohlar uning oldida yer oʻpishlarini mubolagʻa (Isoqov Y., 2014: 33) qiladi-da, soʻng yana maʼshuqaning tashqi qiyofasiga chizgilar beriladi.

Tabassum qilsangiz shakar uyolur,
Tishing injusidan gavhar uyolur.
Jamoling yetti olamgʻa sipahlar,

Qotingda yer o‘parlar jumla shahlar.
 Falak ishqing yo‘linda besar-u poy,
 Isirg‘ang donasi Zuhra, yuzing oy,
 Latofat mulkida sultonsen, ey jon,
 Qamuq boshdin-ayoqqa jon sen, ey jon.
 Qatiq kulsang magar og‘zing bilurgay,
 Pari ko‘rsa seni mendek telurgay.
 Soching bir torina ming hur yetmas,
 Yuzungnung nurina ming nur yetmas (Muborak m., 1987: 17).

Ma’shuqaning tabassumi shu qadar yoqimli va shirinki, hatto undan shakar ham uyaladi. Tishining injusidan esa gavhar uyaladi. Gavhar sof va tozalikda yorning tishlari o‘zidan a‘lologini ko‘rgach yanada xijolat bo‘ladi. Oshiqning nazaridan yor quloqlaridagi sirg‘a-ziraklari ham chetda qolmaydi. Ma’shuqaning har bir ko‘zga ko‘rinar detali oshiq tilidan mubolag‘a va tashbehlar bilan ta’riflanadi. Ziraklar yorug‘likda go‘yo Zuhro yulduzidek yorqin va nafis bo‘lsa, yorning yuzi oy kabidir. Oshiq mahbubasining yuzi oydek nafis, beg‘ubor va yorug‘ligini bot-bot takrorlaydi. Og‘zini esa shu qadar kichikligidan faqatgina qattiq kulganda bilinishini va bu holatni hatto pari ko‘rganda ham o‘zidek (telba) uni istab qolishini o‘ta zukkolik bilan chizadi. Birinchi nomaning so‘nggi baytlarida oshiqning go‘zallikda tengsiz ma’shuqa tufayli chekayotgan iztiroblari, ichki kechinmalari go‘zal satrlarda ifoda etiladi. Birinchi nomadagi ta’rif-u tavsiflar kitobxon uchun ma’shuqa obrazini, aniqrog‘i tasvirini tasavvur qilishi uchun yetarli manba hisoblanadi va oy yuzli, hilol yuzli, nargiz ko‘zli, aqiq labli, sarv qomatli, beli qildek, tabassumi shakardan nozik, tishlari inju, yuzlari nurli, joduvash ko‘zli, faqatgina kulganda (og‘zi) borligi bilinadigan darajada nozik og‘izli, go‘zal parivash ko‘z o‘ngimizda ko‘zgudagi aks kabi namoyon bo‘ladi. Ammo shoir faqat shu bilan cheklanib qolmaydi, aksincha keyingi nomalarda ham yorning go‘zalligini yanada nafis maqtovlar bilan ta’riflash orqali uning bahosini oshiradi.

Shu o‘rinda aytib o‘tish joizki, shoir xuddi ana shu ta’rifni, ya’ni «Maseh ansofliq, Yusuf liqosen» jumlasini ikki maqsadda ishlatadi. Bir o‘rinda ma’shuqaga nisbatan qo‘llasa, undan oldinroq “Muhabbatnoma”ning yozilishiga tashabbuskorlik qilgan Muhammad Xojabekka nisbatan ishlatadi. Endi o‘ylab ko‘raylik, bu ta’rif har ikki o‘rinda o‘zini qay darajada oqlay olgan. Ma’shuqa ta’rifida mubolag‘aga keng yo‘l ochish, bizningcha asar qiymatini, jumladan, yorning qiymat bahosini tushirmaydi. Chunki ma’shuqa namuna sifatida barcha go‘zal fazilatlarni o‘zida mujassam etishi tabiiy hol. Ammo ma’lum bir tarixiy shaxsga nisbatan bunday ta’rif biroz shubhali tuyuladi.

Xorazmiy Muhammad Xo‘jabek (Jonibekxonning a‘yoni)ka nisbatan bergan ta’rif bu o‘rinda o‘zini oqlamaganday, shaxsga singishib ketmaydi, balki ta’rif egasini madh uchun ishlatilgan tashbeh-u mubolag‘aning sun‘iyiligini ko‘rsatadi. Bu hol esa Xorazmiy ijodiga nisbatan o‘quvchida biroz nojo‘ya fikr tug‘ilishiga olib keladi.

Noma davomida oshiq shoir mahbubasi go‘zalligining kuch qudratini shunday izohlaydi:
 Qilur zulfung qamuq olamni shaydo,
 Bo‘lur jodu ko‘zingdin fitna paydo.
 Yarar ming jon bir ishkoling fidosi,
 Ko‘zum mardumi xolingning fidosi.
 Seni ko‘rgan o‘zindin yot bo‘lur,
 Ruhungni ko‘rsa, ming shoh mot bo‘lur.
 Iki zulfung ko‘ngullarni panohi,

Eshiking tuprog‘i jon sajdagohi (Muborak m., 1987: 20).

Oshiq ta’riflagan ma’shuqa shu qadar go’zalki, uning birgina qaro sochlari butun olamni o’ziga shaydo qiladi, joduvash ko’zlari esa dunyodagi jami fitnalarni paydo qiladi. Bu go’zallarni ko’rgan har qanday kishi esa hushini yo’qotadi. Shohlarning ko’zi uning yuziga tushsa, shaxmatda mot bo’lgan shohdek qotadi. Xuddi shu asnoda davom ettirilgan ta’riflarda shoir endi ma’shuqani chechakka qiyoslaydi. “Sen toza bir gulsanki, sening dushmaning tikandir”, – deydi. O’z fikrini esa:

Raqibingdur tikan, siz toza gulsiz,
Chechak chimgan aro bo’lmas tikansiz,
jumlasini keltirish orqali isbotlaydi. Quyidagi baytda:
Shakardin totli so’zli dilrabosen,
Dareg’okim, chechaktek bevafofen, – deya ma’shuqaga xolis baho beradi.

Shoir uchinchi nomada ma’shuqa ta’rifini yanada mukammalroq ifoda etishga va shu yo’l bilan oshiqning ma’shuqaga munosabatini yanada kuchliroq bog’lab uning vasliga yetish yo’li naqadar olis va xavf-xatarga boyligi hamda visol yo’lida umidsizlikka tushish sababini izohlab beradi. Shoir birinchi va uchinchi nomalarda ma’shuqa obrazini umumlashma xarakterda bo’lsa-da, tasvir usuli an’anaviy ko’tarinki ruhda, biroq ba’zan u bilan bog’liq detallarda aniq ta’riflar, shuningdek, ma’shuqaning tashqi qiyofasi bilan birga ichki dunyosini nazardan chetda qoldirmaydi. Beshinchi nomada xuddi ana shu holat yaqqol ko’zga tashlanadi.

Ayo gulchehralar molik rikobi,
Qamuq olam sening g’amzang xarobi.
Latofat mulkining sohibqironi,
Muvofiq surating birla maoni.
Hiradni ozdurur g’amzang xumori,
Yanoqlaring Xalillulloh nori (Muborak m., 1987: 24).

Ko’rinadiki, shoir ma’shuqani ham ichki, ham tashqi dunyosiga chizgi berish orqali tom ma’nodagi go’zallik ichki va tashqi fazilatlarining uyg’unligidan yuzaga chiqishini bayon etadi. Shu o’rinda shoirning oshiq tilidan aytgan ayrim mulohazali fikrlariga ham e’tibor qaratishni joiz deb bildik. Bu borada so’z yuritilganda, shu narsalarni qayd qilish joizki, shoir mahbubaning go’zalligini ming turli tashbehlarida berishga intiladi. Ammo u insoniy ishqni nazarda tutganini inobatga olib, bu dunyoning bevafofigi, foniyligini, shuningdek, go’zallikning ham o’tkinchiligini e’tirof etadi. U boylikning hayotbaxsh latofatiga maftun bo’lib, butun vujudi bilan unga intiladi, ammo ularning bebaqoligi uni qalbdan afsuslanishga majbur etadi. Masalan, oshiq tilidan:

Ayo, nomehribon ahdi baqosiz,
Jahon yeltekt, umur gultek vafosiz (Muborak m., 1987: 23),

baytini keltirish orqali shoir ma’shuqani mehrsiz, ahdi ham foniyl deb ta’riflagan. Ularning barchasi “yeltekt”, “gultek” umri foniyl ekanligini ham ta’kidlab o’tadi. Shunisi xarakterliki, shoir hayotning qisqaligini idrok etishi bilan birga butunlay tushkunlik girdobiga tushib qolmaydi, aksincha u aniq real mulohaza yuritib, umrini xush o’tkazishi, borliqning barcha go’zalliklaridan, jumladan, uning bir bo’lagi bo’lgan go’zal ma’shuqaning chiroyidan lazzatlanib, umrini xush o’tkazishga chorlaydi. Biz buni oshiqning ma’shuqaga bitgan keyingi nomalarida, ya’ni tushkun kayfiyatdagi oshiq emas, balki o’z ma’shuqasiga yanada chuqurroq bog’langan, uning husnini yanada go’zal va jozibali tashbehlarida ifodalagan misralarda ko’ramiz. Masalan, beshinchi nomada keltirilgan quyidagi ta’riflarga e’tibor beraylik:

Men asr-u benavo, siz muhtashamsiz,
Latif-u nozik-u zebo sanamsiz.
Chechak dermen yuzunguzga kamar ham,
Xaloyiq sevganin xoliq sevar ham (Muborak m., 1987: 25).

Ushbu ta’riflardan ko’rinadiki, go’zallikda latif-u nozikliklarga boy bo’lganlar yorning vasli oshiq uchun jannatda yashagandek huzurbaxsh. Chunki u yorning yuzidagi nurda Tangrining nurlari shu’lasini ko’radi. Uning barchaga suyuqli ekanligi uchun Allohning suyuqli bandasi deb e’tirof etadi. Shuningdek, oshiq sevgilisini mag’rurlikdan, o’ziga bino qo’yishdan saqlanishga chaqirib shunday yozadi:

Sening ishqing kamandin bizni tortar,
Jamoling ravnaqi olamni o’rtar (Muborak m., 1987: 25).

Haqiqatan ham, ijodkor ta’kidlaganidek, oshiq o’zining sof muhabbatiga erishgusidir. Oltinchi noma ham to’g’ridan to’g’ri ma’shuqa ta’rifini madh etish bilan boshlanadi:

Ayo bo’yi sanubar, chehrasi oy,
Quyosh yanglig’ jamoling olamoroy,
Xating to’tisi la’l uzra qo’nub bor,
Beribtur pistaga qand-u shakarbor.
Turubtur ko’zda qaddingiz xayoli,
Aningdekkim suv uzra tol niholi (Muborak m., 1987: 26).

Oshiq bu maktubida yorning sanubar bo’yi (qaddi)ni, oy chehrasini, quyoshdek issiq va munavvar jamolini, jonga mador berguvchi so’zlarini unutilmasligini, uning butun qaddi, bo’yi oshiqning ko’z oldidan ketmasligini yozar ekan, bu holatini suv yuzida majnuntol aksining yorqin ko’rinishiga qiyoslaydi. Xayolida yorini o’ylar ekan, beixtiyor uning tishlari, lablarining jon qutisi ichra gavhar ekanligini, yuzi, qoshlari quyosh-u oy ichra tengsizligiga yana bir bor iqrar bo’ladi. Shu bilan birga sumanga o’xshash yuzini – tikansiz gul, qaddi-qomatiga latofat ko’ylakdek loyiq, deb ta’rif beradi:

Sumantek orazing guldur tikansiz,
Mango do’zax erur uchmoq sensiz.
Yuzunguzda ko’runur ko’zkutek nur,
Bo’yunguzg’a latofat kisvati tuz.
Tishing, la’ling guhar jon durji ichra,
Yuzung, qoshing Quyosh, Oy burji ichra (Muborak m., 1987: 26).

Quyidagi baytda keltirilgan ta’rif ifodasi esa oshiqning mahbubasiga bergan yuksak bahosidir. Shoir mubolag’a bilan shunday deydi:

Yuzung nuri quyoshning nurin o’rtar.
Saqoqing shu’lasi olamni o’rtar (Muborak m., 1987: 26).

Nomalardagi ko’pgina o’xshatishlarning takror qo’llanishiga qaramay, mahbuba, ma’shuqa obrazini yaratishda shoir o’ziga xos she’riy san’atlar (tashbeh, mubolag’a)dan foydalanadi. Asarni sinchiklab o’qigan kishi ko’z o’ngida go’zallikda tengsiz, latif-u nozik pardadan ko’ylak kiygan, ko’rkam bir sanam paydo bo’ladi. Shuningdek, kishi beixtiyor shu go’zalga moyillik sezadi. Bu esa shoirning shaxs tasvirini ochib berishdagi mahoratidan darak beradi. Asarda keltirilgan janrlar tarkibida o’rinli va me’yorida tasvir usulidan foydalanganligi shoir mahoratining yaqqol dalilidir.

Xulosa. XIV-XV asrlarga mansub Xorazmiyning “Muhabbatnoma” Xo’jandiyning “Latofatnoma” va shu kabi asarlar masnaviy shaklda yozilgan yirik asarlardandir. Xorazmiyning

“Muhabbatnoma” asarida har bir nomadan keyin g‘azal, undan keyin uch baytdan iborat masnaviy o‘rin olgan. Nomalarning ko‘pchiligida masnaviy soqiyga murojaat bilan boshlangan. Sayid Ahmadning “Taashshuqnoma”sida ham har bir nomadan keyin g‘azal va masnaviy shaklidagi so‘zning xulosasi keltirilgan. Bu esa asarni tushunish uchun yengillik yaratadi va shu bilan birga ohangdorligini oshirishga xizmat qiladi. Nomalar tarkibida munozara janrini ham ko‘rib o‘tish mumkin (Muminova D., 2023: 20). Bu janr nomalar ostida o‘rinli qo‘llanilgan bo‘lib, baytdagi ta’sirchanlik doirasini oshirish va keltirilgan fikr kuchli ritmda yetib borish vazifasini bajaradi. Nomalarda keltirilgan kichik janrlarda, asosan, noma orqali aytilishi mumkin bo‘lgan fikrlar kichik lirik janrlarda ixcham tarzda bayon etilgan. Shu bilan birga nomanavis ijodkorlar mumtoz adabiyotimiz tarkibida mavjud bo‘lgan an‘analardan foydalangan holda shaxs tasviridan ham unumli tarzda foydalanib, yorning, ya’ni oshiq va ma’shuqalarning his-tuyg‘ulari baytlar ko‘lami orqali aks ettirilgan.

Iqtiboslar/ References/ Kaynaklar/ Сноски:

1. Муборак мактублар. – Тошкент: Фафур Фулом, 1987. – 300 б.
2. Ҳожиаҳмедов А. Мумтоз бадиият малоҳати. – Тошкент, 1999. – 236 б.
3. Бердақ Юсуф. Мумтоз адабий асарлар луғати. – Тошкент: Шарқ, 2010. – 532 б.
3. Tohirov S. O‘zbek she’riyatida aruz. – Samarqand, 2010. – 68 b.
4. Isoqov Yo. So‘z san’ati so‘zlari. – Toshkent, 2014. – 318 b.
5. Muminova D. Nomanavislik an‘anasi va lirik janrlar taraqqiyoti (XIV-XV asrlar she’riyati misolida): Filol.fan.b.fals.dok. ... diss. avtoref. – Samarqand, 2023. – 46 b.

TURKIY XALQLAR TARIXI, MADANIYATI VA TILLARARO ALOQALAR

**RESEARCH ON TRANSLATION STRATEGIES FOR THE EXTERNAL PROMOTION
OF INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE FROM THE PERSPECTIVE OF
ECOLOGICAL TRANSLATION**

Yu Li,

PhD in Comparative Literary Criticism, Comparative Linguistics and
Translation Studies “Silk Road” International University of Tourism and
Cultural Heritage (Semerkant, Özbekistan)

 E-mail: 1154192971@qq.com

 ORCID: 0009-0008-1015-2717

 DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.22080802>

Abstract

The Chinese nation has given birth to a profound and extensive Chinese culture during its long historical development, and within Chinese culture, there are many high-quality and precious intangible cultural heritages. In the current context of full cultural exchange around the world, intangible cultural heritage, in addition to being well-known to the Chinese people, should also actively go global, and this requires doing a good job in translation. As a language and culture, the translation of intangible cultural heritage is deeply rooted in the natural world where human beings survive and has obvious ecological attributes. Therefore, it is necessary to guide research on the external publicity translation of intangible cultural heritage from the perspective of ecological translation. It has positive significance for intangible cultural heritage to go global and can also enrich the research results on the external publicity of intangible cultural heritage.

Key words: *Ecological translation; Intangible cultural heritage Translation; Publicity; Strategy.*

**EKOLOGIK TARJIMASHUNOSLIK NUQTAI NAZARIDAN NOMODDIY MADANIY
MEROSNI XALQARO MIQYOSDA TARG‘IB ETISH BO‘YICHA TARJIMA
STRATEGIYALARINI TADQIQ QILISH**

Yu Li,

“Ipak yo‘li” turizm va madaniy meros xalqaro universiteti
qiyosiy adabiyotshunoslik, qiyosiy tilshunoslik va tarjimashunoslik
yo‘nalishi bo‘yicha falsafa doktori (PhD)
(Samarqand, O‘zbekiston)

Annotatsiya

Xitoy xalqi o'zining uzoq tarixiy taraqqiyoti davomida boy va keng qamrovli Xitoy madaniyatini yaratdi. Qadimiy xitoy madaniyati ko'plab yuqori sifatli va qimmatbaho nomoddiy madaniy merosni ham o'z ichiga oladi. Hozirda dunyoda yuz berayotgan madaniy o'zaro ta'sir sharoitida ushbu nomoddiy madaniy meros, Xitoy xalqiga yaxshi ma'lum bo'lishdan tashqari, faol ravishda global miqyosga dunyoda faol tarqalmoqda: bu hol tarjima faoliyati va jarayonlarini jiddiy yaxshilashni talab qiladi. Til va madaniyat shaklidagi nomoddiy madaniy merosni asliga mutanosib ravishda tarjima qilish tarjima jarayonini yaxlit bir ekotizim (muhit) sifatida amalga oshirish maqsadga muvofiqdir. Shuning uchun nomoddiy madaniy merosni tashqi reklama tarjimasi bo'yicha tadqiqotlarni ekologik tarjima nuqtai nazaridan olib borish zarur. Ushbu maqolada asosan nomoddiy madaniy merosni xorijiy tillarga qanday qilib yaxshi tarjima qilish

mumkinligi masalasi ko'rib chiqiladi. Ekologik tarjima nomoddiy madaniy merosni global miqyosga olib chiqishda muhim ijobiy ahamiyatga ega va shuningdek, nomoddiy madaniy merosni tashqi reklama qilish bo'yicha tadqiqot usul va yondashuvlarini boyitishi mumkin.

Kalit soʻzlar: *Tarjima, Ekologik tarjima, nomoddiy madaniy meros, oshkoralik, strategiya.*

ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОДВИЖЕНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ С ПОЗИЦИЙ ЭКОПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Юй Ли,

доктор философии (PhD) по сравнительному литературоведению,
сравнительному языкознанию и переводоведению,
Международный университет туризма и культурного
наследия «Шёлковый путь» (Самарканд, Узбекистан)

Аннотация

Китайский народ на протяжении своей многовековой истории создал богатую и многогранную национальную культуру. Важной составной частью китайского культурного наследия являются многочисленные уникальные объекты нематериального культурного наследия, обладающие высокой исторической и культурной ценностью. В условиях современного активного межкультурного взаимодействия нематериальное культурное наследие должно быть не только широко известно в самом Китае, но и последовательно продвигаться в мировое культурное пространство, что требует совершенствования переводческой деятельности. Поскольку нематериальное культурное наследие существует в форме языка и культуры, его адекватный перевод предполагает рассмотрение процесса перевода как целостной экосистемы, в которой взаимодействуют языковые, культурные и коммуникативные факторы. В связи с этим исследование перевода материалов, направленных на международное продвижение нематериального культурного наследия, целесообразно осуществлять с позиций экопереводоведения. В статье рассматриваются основные подходы к обеспечению качественного перевода объектов нематериального культурного наследия на иностранные языки. Показано, что экологический перевод играет важную роль в распространении нематериального культурного наследия на международном уровне, а также способствует развитию теоретико-методологических подходов к его международному продвижению.

Ключевые слова: *экопереводоведения; нематериальное культурное наследие; перевод; международное продвижение; переводческие стратегии.*

In the process of intangible cultural heritage going global, special attention must be paid to its translation issues. Accurate, appropriate, and flexible translation can enable foreigners to better recognize and understand them, truly realize the value of intangible cultural heritage, and actively showcase Chinese culture to the world. However, there are still some problems in the current translation of intangible cultural heritage for external promotion, which have affected the global dissemination of intangible cultural heritage. The English translation of intangible cultural heritage must follow the principle of ecologicalization, build an ecological translation environment, adhere to the translator as the center, pursue the infiltration of ecological rational thought in translation, pay attention to overall connection, and highlight dynamic balance. I. As a precious cultural

heritage, intangible cultural heritage has received great attention in the new era, and the state has also intensified its support for its development.

In protecting intangible cultural heritage, the principle of emphasizing development and protection is adhered to. The principle is to do a good job in the inheritance and global display of intangible cultural heritage. However, in practice, it is often the case that development is the main focus and protection is insufficient, which affects the external display of intangible cultural heritage. The protection and inheritance of intangible cultural heritage largely correspond to external publicity. The problem of discontinuity in the protection and inheritance of intangible cultural heritage should be reduced as much as possible. For the protection of material cultural heritage, it is necessary to rely on the power of external publicity to make it recognized by the world and enhance China's cultural soft power. If intangible cultural heritage is to go global truly, it is essential to do a good job in external publicity and translation. The translation effect has a direct impact on cultural output and the global display of intangible cultural heritage. In terms of functional positioning, the external publicity of intangible cultural heritage strives to achieve the development of marginalized cultural content and carriers towards cultural centralization. It is difficult to do a good job in the inheritance and global publicity of intangible cultural heritage. The translation of external publicity of intangible cultural heritage is rather difficult, which is itself determined by the national uniqueness of intangible cultural heritage. In the external promotion of cultural heritage, the focus is on displaying the essence of traditional culture. It is required that the language output be reasonable and appropriate, eliminating cross-cultural background differences as much as possible and minimizing or avoiding misunderstandings caused by cultural differences between China and the West, so that intangible cultural heritage can be accurately understood by foreign audiences.

II. Ecological translation studies and ecological rationality

In 1999, Mr. Hu Gengshen first proposed the concept of ecological translation studies, conducting translation research from an ecological perspective. It is a new theory of translation that takes the isomorphic metaphor between translation ecology and natural ecology as its foundation and does translation work based on the overall ecological concept. Cognitive translation based on ecological translation studies must highlight ecological rationality, strive to create a favorable translation ecological environment, adhere to the translator as the center, pay attention to the adaptive selection and dynamic inheritance of translation, based on the ecological rationality view, grasp the correlation between the whole and the part, emphasize dynamic balance, highlight ecological aesthetics, build a translation community, and advocate the diverse symbiosis of translation carriers. Enable the dynamic inheritance of intangible cultural heritage.

III. Translation Strategies for the External Promotion of Intangible Cultural Heritage from the Perspective of Ecological Translation

1. Create a translation ecological environment for the external promotion of intangible cultural heritage. The ecological environment of translation is comprehensive, encompassing various elements such as language, culture, society, readers, and translators, and these elements influence and restrict each other. The ecological environment is an integrated organic whole. The direct purpose of English translation for the external promotion of intangible cultural heritage is to promote culture abroad and achieve the global promotion of intangible cultural heritage. If translators want to do a good job in external publicity translation, they must recognize the interrelated attributes of these factors, determine the "focus" of the external translation of intangible cultural heritage among these factors, strive to build a good translation environment,

and cooperate with good translation skills to promote the in-depth development of translation work. Translation should break through the limitations of interpreting the original text and, as much as possible, be based on the cultural context of foreign readers, allowing them to feel the cultural connotations behind the original content and enabling them to have a deeper understanding and in-depth thinking about China's intangible culture. In translation, it is essential to accurately handle the differences, heterogeneity, and diversity of national cultures. Heterogeneous cultures possess distinct cultural charm. When translating for external publicity, efforts should be made to showcase the characteristics of Chinese culture as much as possible, rather than unthinkingly applying a large number of translation techniques for mechanical language conversion. This is also very likely to distort the translation of intangible cultural heritage.

2. Firmly center on the translator. From the perspective of ecological translation, to do a good job in the translation of intangible cultural heritage for external publicity, it is necessary to adhere to the principle of putting the translator at the center. The translation of texts for the external promotion of intangible cultural heritage from English to Chinese requires translators to select the corresponding language output materials based on their own cognition, experience, and the actual requirements of translation. It is necessary to consider various factors comprehensively, select the corresponding translation methods, and strive to build an ecological environment suitable for the external promotion of intangible cultural heritage so that that translation can have more initiative. Adhering to the principle of putting the translator at the center also requires translators to hold a firm cultural stance. Whether it is literal translation, transliteration, or foreignization translation, they should be able to provide a rational and comprehensive introduction to intangible cultural heritage with a firm cultural stance. The external promotion of intangible cultural heritage has a significant impact on cultural diversity. When translating intangible cultural heritage for external promotion, one should place oneself in an ecological translation environment and conduct subjective thinking and selection regarding specific culturally loaded words or culturally specific terms involved in the translation, to ultimately ensure the balance of ecological translation. In fact, in the practice of translating intangible cultural heritage into foreign languages, many cultural and artistic forms often encounter problems that cannot be described in words, let alone effective translation. This requires the translator's subjective initiative to be brought into play, and they can try to handle the special components in the culture through fuzzy translation. Only by always adhering to the translator's central position in translation can the ideal ecological translation effect be achieved.

3. Actively pursue the symbiotic diversity of translation. Attach importance to the dynamic inheritance of intangible cultural heritage. Intangible cultural heritage can be divided into cultural products and culture, and its carriers can be in both material and intangible forms. Common intangible cultural heritages in material form include books, calligraphy and paintings, utensils, etc. Intangible cultural heritage in non-material forms is mostly folk tales, folk songs and customs, skills and knowledge, artistic performances, etc. Given the diverse types of intangible cultural heritage, different media should be selected when translating and promoting it abroad. Adhering to the principle of "coexistence of diversity" in the English translation for the external promotion of intangible cultural heritage means ensuring the diversity of the translation versions for external promotion. When translating, different modalities are utilized to reconstruct the translation, so as to make the meaning of the translation for external publicity more comprehensive and complete. If pictures are provided on the translated text for intuitive and vivid explanation, and combined with music videos, etc., it can help the audience understand better. Achieving an

ecological balance in translation through static translation and dynamic information presentation makes the translation effect more ideal. Taking the path of diverse coexistence in the translation of intangible cultural heritage for external promotion may increase translation costs, require translators to invest more energy, and may also interfere with the information in the external promotion translation text. This requires translators to firmly adhere to the position of ecological translation when translating and flexibly choose media methods for external promotion translation. Translation measures for intangible cultural heritage with dynamic attributes, which achieve complementary advantages and disadvantages in the translation content of different modalities, also promote better inheritance and development of intangible cultural heritage. The inheritors of intangible cultural heritage are themselves restricted by factors such as educational attainment and growth environment, which will affect the inheritance effect of intangible cultural heritage. As interpreters for the external promotion of intangible cultural heritage, they are also protectors and inheritors of intangible cultural heritage. The effectiveness of their translation also determines the inheritance and development of intangible cultural heritage. If they have a thorough understanding and comprehensive grasp of the historical origin and expression forms of intangible cultural heritage, and can flexibly and scientifically use communication media, they can choose different modalities to enhance foreign translation and achieve a more ideal translation effect. Translators should control modalities, media, and the interaction between the two when translating to ensure the balance of ecological translation.

IV. Principles for the English Translation of Intangible Cultural Heritage for International Promotion.

The principle of the correlation between the whole and its parts. From the perspective of ecological translation, intangible cultural heritage is stored in the ecological environment, and the same translation corresponds to the ecological environment of the translation. When translating, one should understand the ecological integrity and relevance, and make the right choice after adapting to the ecological environment of the original text, so as to promote the inheritance and promotion of intangible cultural heritage. If the guidance of ecological translation studies is ignored and the integrity of the intangible cultural heritage environment is disrupted, such as directly translating some cultural-loaded words without any annotations, it will lead to ambiguity and ambiguity in translation, the ecological integrity of intangible cultural heritage will be damaged, and the original correlation structure of each system will also be disrupted, affecting the publicity effect of intangible cultural heritage to the outside world.

2. Dynamic regulation and overall balance principle. When conducting the translation work for the external publicity of intangible cultural heritage from the perspective of ecological translation, the principle of dynamic adjustment and overall balance should be adhered to. Attention should be paid to building a "translation community", and internal dynamic adjustment should be used to bring about the overall balance of the translation ecosystem, allowing the excellent traditional culture of the Chinese nation to exist and develop in a new form in another ecological and cultural environment. It is necessary to find the convergence point between the original text and the translation, taking it as the balance point of translation. Do not add or omit translations at will, so that the translation is faithful to the original text but of higher value.

3. Highlight ecological aesthetics. The translation of intangible cultural heritage for external publicity from the perspective of ecological translation should also adhere to the principle of highlighting ecological aesthetics. Intangible cultural heritage is rich in aesthetic value, especially the ethnic cultural load words give people a unique rhythmic beauty. It requires

translators to ensure the accurate transmission of the original text information while presenting its cultural beauty and charm at the same time during translation. Some intangible cultural heritage texts are not only pleasant to the ear and pleasing to the eye, but also present the beauty of structure through unique word collocations. In daily translation, many translators are accustomed to translating the original content, precisely neglecting the rhythmical beauty and structural beauty corresponding to the original text of intangible cultural heritage. This leads to a sharp decline in the original cultural beauty of intangible cultural heritage during its international dissemination, which is a huge loss for the inheritance of intangible cultural heritage and the international dissemination of Chinese culture. If translators have a good understanding of intangible cultural heritage, they can well grasp its rhythmic beauty and structural beauty and present them effectively in translation. For instance, there are many auspicious items from daily life in traditional patterns, such as “A Hundred Birds Paying Homage to the Phoenix”, “Butterflies Loving Flowers”, “Carp Leaping Over the Dragon Gate”, “Two Dragons Playing with a Pearl”, and “Lions Rolling Embroidered Balls”. Many four-character idioms appear in this original text, and the word collocation is nouns paired with verbs, which gives the sentence a distinct sense of rhythm and structural beauty. When translating, one can try simple sentences and antithetical sentence patterns to retain the symmetry and sense of rhythm of the original text. It can be translated as “There are many auspicious objects in the traditional patterns, such as a hundred birds to the Phoenix a butterfly to the flower, a carp to the dragon's gate, a dragon to the pearl a lion to the embroidered ball, and so on”.

V. Conclusion

Intangible cultural heritage, serving as an invaluable and irreplaceable component of our cultural legacy, stands out as a supremely precious cultural asset that belongs to the Chinese nation. Given its significance, there is an imperative need to proactively embrace the strategy of “going global”. This entails actively presenting and showcasing the profound charm and unique allure of our traditional culture on the international stage, thereby effectively enhancing and elevating China's overall cultural competitiveness in the global arena.

In the course of this global outreach initiative, it is of paramount importance to meticulously and diligently execute the tasks related to external publicity and translation. These activities are crucial for ensuring that the essence and nuances of our intangible cultural heritage are accurately conveyed and appreciated by a diverse international audience.

From the vantage point of ecological translation- a holistic and context-sensitive approach to translation-it is essential to endeavor to construct and foster a conducive and favorable environment that supports and facilitates ecological translation practices. This involves creating an ecosystem where translation activities can thrive and evolve in harmony with the cultural contexts they aim to bridge.

Furthermore, it is imperative to pay close attention to and actively explore the concept of the “coexistence of diversity” among various media forms. This entails embracing and leveraging the multifaceted nature of media-whether textual, auditory, visual, or digital-to create translations that are not confined to the traditional boundaries of text-based translation alone.

By doing so, translation can transcend the inherent limitations of mere textual translation and evolve into a more enriched, dynamic, and contextually resonant form of cultural communication. This approach not only enhances the value and impact of the translation but also ensures that the intangible cultural heritage of the Chinese nation is communicated in a manner that is both authentic and accessible to a global audience.

Iqtiboslar/ References/ Kaynaklar/ Сноски:

1. Ji Mengting, Meng Fanxu. A Study on the English Translation of Intangible Cultural Heritage from the Perspective of Ecological Translation Studies: Taking Guangxi Zhuang Brocade as an Example [J]. Journal of Multimedia and Network Teaching in China (Upper Edition), 2020 (12): 161-163.
2. Pan Yiting Research on Translation Strategies for the External Promotion of Hunan Intangible Cultural Heritage from the Perspective of Ecological Translation [J]. Economist, 2020 (10): 150-151.
3. Zheng Wei Research on the Translation of Intangible Cultural Heritage under the Guidance of Ecological Translation Theory: Taking Tai Chi Chuan as an Example [J]. Young Writers, 2020 (03): 166-167.
4. Lu Daoen Research on Translation Skills of Intangible Cultural Heritage Publicity from the Perspective of Ecological Translation [J]. Journal of Hubei Open Vocational College, 2019,32 (23): 162-163.
5. Zhou Nan, Wu Lini. Research on the English Translation of Intangible Cultural Heritage Publicity from the Perspective of Ecological Translation Studies: A Case Study of the English Translation of Intangible Cultural Heritage Publicity in Wulong, Chongqing [J] Journal of Chongqing Radio and Television University, 2018,30 (1): 49-56.
6. Wang Li Research on the Translation of Intangible Cultural Heritage of Leshan City from a Cross-cultural Perspective [J]. Popular Literature and Art, 2021 (2): 145-146.
7. Liang Yanling. Analysis of Translation Methods for the Promotion of Intangible Cultural Heritage in Guangxi: A Case Study of Guilin's Color Song "Five Sons Picture" [J]. Overseas English, 2021 (2): 84-85.
8. Shan Meiling, Li Xuexin, Zhai Peiwen. Research on the Translation and Publicity of Shanghai's Intangible Cultural Heritage: A Case Study of Shadow Puppetry [J]. Popular Literature and Art, 2021 (1): 144-145.

SUG‘DDA SIYOSIY JARAYONLAR (QANG‘ DAVLATI DAVRIDA): KULTO‘BA YODGORLIGI MA’LUMOTLARI ASOSIDA

XOLMATOVA Umida Normaxammad qizi,

Sharof Rashidov nomidagi Samarqand davlat universiteti
tayanch doktoranti (Samarqand, O‘zbekiston)

E-mail: uholmatova58@gmail.com

 ORCID: [0009-0002-1609-864X](https://orcid.org/0009-0002-1609-864X)

 DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.22080576>

Annotatsiya

Mazkur maqolada Qang‘ davlati hukmronligi davrida Sug‘dda kechgan siyosiy jarayonlar Kulto‘ba yodgorligi bitiklari asosida tahlil qilinadi. Tadqiqotda Kulto‘ba bitiklarining tarixiy manba sifatidagi ahamiyati, ularda aks etgan siyosiy boshqaruv tizimi, mahalliy hokimiyat vakillari, Sug‘d va Qang‘ davlati o‘rtasidagi siyosiy munosabatlar hamda mintaqadagi siyosiy integratsiya jarayonlari yoritilgan. Shuningdek, epigrafik ma’lumotlar arxeologik va yozma manbalar bilan qiyosiy tahlil qilinib, Sug‘dning Qang‘ davlati tarkibidagi siyosiy o‘rni va mavqei aniqlashtiriladi. Tadqiqot natijalari Kulto‘ba bitiklarining ilk davlat boshqaruvi, siyosiy tuzilma va mintaqalararo aloqalarni o‘rganishda muhim ilmiy manba ekanligini ko‘rsatadi hamda Qang‘ davri Sug‘d tarixiga oid mavjud ilmiy qarashlarni yangi epigrafik dalillar asosida to‘ldirishga xizmat qiladi.

Kalit so‘zlar: *Sug‘d, Qang‘ davlati, Kulto‘ba bitiklari, sug‘diy yozuvlar, epigrafika.*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОГДЕ (В ПЕРИОД ГОСУДАРСТВА КАНГЮЙ): ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА КУЛЬТОБЕ

Холматова Умида Нормакхаммад кизи,

докторант Самаркандского государственного университета
имени Шарофа Рашидова (Самарканд, Узбекистан)

Аннотация

В данной статье анализируются политические процессы в Согде в период господства государства Кангюй на основе надписей памятника Культоба. Рассматривается значение надписей Культобы как исторического источника, отражающего систему политического управления, деятельность представителей местной власти, политические отношения между Согдом и государством Кангюй, а также процессы политической интеграции в регионе. Эпиграфические материалы сопоставляются с археологическими и письменными источниками, что позволяет уточнить политическое положение и статус Согда в составе государства Кангюй. Результаты исследования свидетельствуют о том, что надписи Культобы являются важным научным источником для изучения ранних форм государственного управления, политической структуры и межрегиональных связей, а также способствуют дополнению существующих научных представлений о политической истории Согда эпохи Кангюй на основе новых эпиграфических данных.

Ключевые слова: *Согд, государство Кангюй, Культобинские надписи, согдийская письменность, эпиграфика.*

POLITICAL PROCESSES IN SOGD (DURING THE KANGJU STATE PERIOD): EVIDENCE FROM THE KULTOBE ARCHAEOLOGICAL SITE

Umida KHOLMATOVA,

PhD Student of Samarkand State University
named after Sh. Rashidov (Samarkand, Uzbekistan)

Abstract

This article analyzes the political processes that took place in Sogd during the rule of the Kangju State based on the inscriptions of the Kultoba archaeological monument. The study examines the significance of the Kultoba inscriptions as a historical source reflecting the system of political administration, the activities of local authorities, the political relations between Sogd and the Kangju State, and the processes of political integration in the region. The epigraphic evidence is analyzed comparatively with archaeological and written sources to clarify the political position and status of Sogd within the Kangju State. The findings demonstrate that the Kultoba inscriptions represent an important scholarly source for the study of early state administration, political organization, and interregional relations, while also contributing to the existing knowledge of the political history of Sogd during the Kangju period through new epigraphic evidence.

Key words: *Sogd, Kang state, Kultoba inscriptions, Sogdian writings, epigraphy, political life, confederation.*

Kirish

Qang' davlati tashkil topgach, o'z tarkibidagi davlat uyushmalari bilan faol aloqalarni yo'lga qo'ygan. Jumladan, Qang'ning ajralmas qismi hisoblangan Sug'd ham markaziy hokimiyat uchun tashqi dushman hujumi davrida qo'shin yetkazib berish majburiyatini olganligi borasida manbalarda ma'lumotlar uchraydi. Jumladan, bu haqida Kulto'ba sug'diy epigrafik yodgorliklari muhim ma'lumotlar beradi.

Janubiy Qozog'iston hududi ilk o'rta asrlarda sug'diy tilda so'zlashuvchi aholi anchayin zich yashagan mintaqalardan hisoblangan. Buning nishonasi o'laroq bugungi kunda ham sug'diylar yaratgan madaniyat va turli yozuv namunalari ushbu mintaqadan topilmoqda.

Asosiy qism

2006-yilda Qozog'istonning “Shygys” jurnalida ingliz eronshunosi N. Sims-Vilyams va fransuz eronshunos arxeologi F.Grene tomonidan nashr etilgan “The sogdian inscriptions of Kultobe” maqolasi (Sims-Williams N., Grenet F, 2006: 95-111) ayni shu masala – sug'diy tilning butun Markaziy Osiyoda keng tarqalganligi va ahamiyatiga bag'ishlangan. Kulto'ba (Janubiy Qozog'iston) sug'diy epigrafik materiallari keyinchalik N.Sims-Vilyams tomonidan qayta to'ldirilgan holda nashr etildi. (Sims-Williams N. 2009:153-177) 2013-yilda A.N.Podushkin o'z maqolasida Kulto'ba sug'diy yozma yodgorliklar va ayni hududdan topilgan arxeologik artefaktlar tafsilotlarini e'lon qildi. (Подушкин А.Н. 2013: 82-95) Oradan ko'p vaqt o'tmay sug'dshunos V.A.Livshits Kulto'ba hujjatlari to'g'risida o'z xulosalarini ilmiy jamoatchilik e'tiboriga havola qildi. (Лившиц В.А. 2015: 59-66)

Yuqorida keltirilgan ilmiy ishlarni alohida e'tirof etgan holda aytish mumkinki, Kulto'ba hujjatlarining noma'lum va bahsli jihatlari mavjud. Ushbu hujjatlarning tarixiy sanasi, hujjatlarda keltirilgan birgalikda harakatlanish aynan kimga qaratilganligi borasida bahsli jihatlari mavjud. Bu esa ushbu sug'diy epigrafik yozuvlarni yana bir bora qayta ko'rib chiqishni taqozo etadi.

Janubiy Qozog'istonning Turkiston shahri hududida joylashgan Kulto'ba qadimiy shahri, Sirdaryoning o'rta oqimi bo'lgan Aris daryosi bo'yida joylashgan. Shahar qulay geografik hududda joylashgan bo'lib, G'arbda Sirdaryo havzasi, Sharqda Qoratov tog'lari va Janubda Alatov

tog‘lari bilan o‘ralgan. Kulto‘bada birinchi arxeologik tadqiqotlar 1973-yilda Ch.Valixonov nomidagi Tarix va arxeologiya instituti Turkiston arxeologiyasi bo‘limi tomonidan boshlangan. Shahar Buyuk ipak yo‘li chorrahalaridan birida joylashganligi bois arxeologik izlanishlarda turli madaniyatlarning izlari namoyon bo‘ladi.

Arxeologik tadqiqotlar Kulto‘ba shahri bir necha bosqichlarda rivojlanganligini isbotlagan. Kulto‘badagi arxeologik yodgorliklardan Qang‘ davlati hukmdorligi davriga (mil.avv. II – milodiy IV asrlar) oid qatlamli muhim materiallarni berdi. Shulardan biri sug‘diy yozuvli sopolga bitilgan epigrafik yozma manbalar hisoblanadi.

Ushbu epigrafik materiallar Janubiy Qozog‘istonning Aris daryosi bo‘yidagi Kulto‘ba shahar xarobasining g‘arbiy qismidan topilgan. Yodgorliklarning tili sug‘diy, yozuvi qadim sug‘diy shaklga xos. Bu hudud Xitoy yilnomalarida keltirilgan Kanguy (mil. avv. II – milodiy IV asr) davlatining tarkibiy qismi bo‘lib, Kulto‘ba yodgorliklari ayni shu davrlarni qamrab oladi. Shu bois Kulto‘ba yodgorligi Xitoydan topilgan “Ko‘hna xatlar”dan ham oldingi davrga tegishli bo‘lishi mumkin.

Bitiklarning umumiy xronologik davri mil. avv. II va milodiy III asr oralig‘i hisoblanadi. Kulto‘ba yodgorligi 1940-yillar va 1960-yillar davomida o‘rganilgan bo‘lib, 1992-yilda bu hududda sug‘diy yozuv namunasi aks etgan sopol parchasi topilganini mahalliy maktab direktori xabar bergan. 2000-yillarning boshidagi arxeologik qazishmalar natijasida sug‘diy yozuvlar bitilgan 13 ta sopol parcha topilgan bo‘lib, ularning 2 tasi to‘liq saqlanib qolgan. 1- sopol parchada 6 qator, 3-parchasida 6 qator, 4-parchada 7 qator, 5-parchasi 4 qator, 6-parchasida 1 qator (7 va 9-parchalarda yozuv saqlanib qolmagan), 8-chisida 2 qator, 10-parchada 6 qator va 11-sopol parchada 2 qator sug‘diy jumla saqlanib qolgan (ba’zi ma’lumotlarga ko‘ra, 17 ta sopol parchasi topilgan va bugungi kunda yana topilmoqda). Obyektdagi qazishmalar chog‘ida 50 sm chuqurlikda 7x7,5x9x3x13 sm hajmda, qalinligi 5,5 sm, 6 qator 26 ta harfdan iborat ilk sug‘diy yozuv namunali sopol parchalar topilgan. Sopol parchalari 15x50 sm hajmgacha kattalikka ega. (Гойи́бов, Лурье, Бегматов, Распопова, Бобоёров, 2022:29-35)

Yodgorliklar haqida A.N.Podushkin ilmiy jamoatchilikka xabar bergan edi. Kulto‘ba bitiklari N. Sims-Vilyams tomonidan ingliz tiliga tarjima qilingan. Bugungi kunda ushbu sopol parchalaridagi sug‘diy bitiklar o‘rtasidagi bog‘liqliklar o‘rganilmoqda. Kulto‘ba sug‘diy epigrafik yodgorliklari Olmaota shahridagi Qozog‘iston markaziy muzeyida saqlanadi (Sims-Williams N. 2006:95-111).

Kulto‘badan topilgan sopol parchalaridagi bitiklarda “Choch lashkarboshisi” bilan hamkorlikda “Samarqand hukmdori” (*symrkntč MR’Y*), “Kesh hukmdori” (*kšynk MR’Y*), “Naxshab hukmdori” (*nxšpyk MR’Y*), “Buxoro hukmdori” (*nw(k!)mytnk MR’Y*) kabi hukmdorlarning dashtlik ko‘chmanchilarga qarshi kurashganliklari haqida gap boradi (Байпаков, 2009:5-15). Sug‘dshunos tadqiqotchilar: N. Sims-Vilyams va F. Grenelarning fikricha, milodiy II-III asrlarga oid ushbu bitiklar shimoldan bo‘ladigan ko‘chmanchi qabilalar hujumiga qarshi tashkil etilgan harbiy safarlarda Sug‘d va unga qo‘shni 4 nafar (Samarqand, Kesh, Naxshab, Buxoro) ittifoqchi hukmdorliklar qatnashgan (Sims-Williams N., Grenet F., 2006:95-107).

Bundan ko‘rinadiki, milod boshlarida ham Sug‘d konfederatsiyasi mavjud bo‘lib, ularning ushbu ittifoqqa birlashishlari zahirida dushmanga qarshi birgalikda kurashish, ya’ni harbiy ittifoq tuzish sharti ham bo‘lgan. Bu masalada boshqacha fikr ham aytish mumkin. Ma’lumki, Sug‘dning o‘zidan va undan chetda topilgan sug‘diy hujjatlarda “samarqandlik”lar, “keshlik”lar, “kushoniyalik”lar, “maymurg‘lik”lar degan jumlar uchraydi. Sug‘diylar qayerda yashashmasin

o‘zlarining qaysi jamoadan ekanliklarini ko‘rsatishga harakat qilganlar. Buni Qang‘ davlati davrida ham kuzatish mumkin.

Sopol parchalaridagi yozuvlar tahlili ularning oromiy emas sug‘diy ekanligini ko‘rsatadi. Jumladan, [9] harfini ifodalashda *t* <*taw*> ishlatilishi va *δ* <*lamedh*> harfining boshqa sug‘diy manbalarda uchrashi misolida o‘z tasdig‘iga ega. Shuningdek, *g* (*γ*), *y*, *p*, *š* (=č), *š* kabi harflarning aniq ko‘rinishi ham Kulto‘ba epigrafik manbalaridan oromiy emas, balki sug‘diy ekanligini yaqqol ko‘rsatadi. Bundan tashqari, *s* va ayniqsa *h* harflari boshqa sug‘diy yodgorliklarda farqli (faqatgina “Ko‘hna xatlar”dan tashqari (Livshits, 2008:289-293). Mazkur vaziyat Qang‘ davlati ham Turk xoqonligi kabi o‘z davlati boshqaruvida sug‘diy tildan foydalangan bo‘lishi mumkinligiga ishora beradi.

Kulto‘ba yozuvlarining paleografik, lingvistik va imloviy xususiyatlari ularni “Ko‘hna xatlar”dan qadimiyroq ekanligini ko‘rsatadi. Shu o‘rinda “Ko‘hna xatlar”ning tarixiy sanasi masalasiga oydinlik kiritib o‘tish maqsadga muvofiq.

Turfondagi sug‘diylar Samarqanddagi o‘zlarining qavmdoshlari bilan doimiy aloqada bo‘lib turganlar. Bu haqda, taxminan, 313-yillarda bitilgan “Ko‘hna xatlar”da ham ma‘lumot keltirilgan bo‘lib, maktub Turfondan Samarqandga jo‘natilgan, ammo manziliga yetib kelmagan. “Ko‘hna xatlar” sanasi eronshunos V.B.Xenning tomonidan aniqlangan (Henning, 1948:601-615) bo‘lib, bunga asos sifatida olim 307-yilda Ye va 312-yilda Loyang shaharlarining egallanishini keltiradi (Лившиц, 2008:173). Ushbu fikr F.Grene va N.Sims-Vilyams tomonidan ham qo‘llab-quvvatlangan (Grenet F., Sims-Williams N., 1987:101). Ya.Xarmatta esa ushbu hujjatlarning sanasi milodiy 196-yilga daxldor deb ko‘rsatishni taklif etib, bu sanani yuz yildan ortiqroq muddatga qadimiylashtirishga harakat qiladi (Harmatta, 1979:153-156). Bizningcha, V.B. Xenning talqini to‘g‘ri bo‘lib, unda xunlarning hujumlari va Loyangning yong‘in ostida qolishi bilan bog‘liq tarixiy jarayon haqida gap boradi. Buni o‘sha zamon tarixiy jarayonlariga mos kelishini olimlar asoslashgan (Фойибов, 2020:23).

Kulto‘ba epigrafik materiallarida Sug‘d to‘g‘risidagi ma‘lumotlarga qaytsak. Sopolga bitilgan sug‘diy yozuv namunalarining arxeologik jihatdan o‘rganilishi natijasida quyidagi xulosalarga kelindi:

1. Sug‘diy yozuvlar to‘g‘riburchak va to‘rtburchak shaklidagi sopolga bitilgan.
2. Yozuvlar sopol quriganga qadar bitilgan.
3. Yozuv qatorlari va harflar hajmining qariyb birxilligi yozuv muallifining yaxshigina mahoratidan darak beradi.
4. Yozuv lavhalarining qariyb barchasi Kulto‘ba shahar xarobasining g‘arbi – Aris daryosining qurib qolgan qismidan topilgan.
5. Yozuv namunalari qalinligi ularni hamma o‘qishi uchun yodgorlik sifatida o‘rnatilganligidan dalolat beradi (Sims-Williams N., 2009:156-173).

Kulto‘ba sug‘diy epigrafik №2 raqamli lavhasida “Choch xalqi harbiy qo‘mondoni” gavdalangan. №3 va №10 raqamli lavhalarda yaxshi saqlanmagan holda “o‘ldirmoq” fe‘li saqlanib qolgan (oromiy ideogramma *KTL*). Ushbu lavhalarda g‘alaba yoki jangdagi mag‘lubiyat haqida so‘z boradi. №4 raqamli lavhada esa ayni yuqorida keltirilgan Choch harbiy qo‘mondonining qaysidir shaharga asos solganligi to‘g‘risida anchayin kengroq ma‘lumot keltiriladi. Ayni lavhada boylik (xazina) haqida, balki yangi asos solingan shahar bilan bog‘liq (?) holda ma‘lumot eslatiladi. Balki bu boylik ko‘chmanchilar bilan bo‘lgan urush natijasida qo‘lga kiritilgan o‘lja bo‘lishi mumkin. V.A. Livshitsning ta‘kidlashicha, “qimmatbaho boylik” ma‘nosini beruvchi eroniy **ganza* yoki **gazna* so‘zidan bir necha chegaradagi aholi manzillari nomlari shakllangan:

Makedoniyalik Aleksandr tomonidan egallangan Kiresxata yaqinidagi *Gáça* shahri; Afg'oniston hududidagi Sosoniylarning qadimgi chegara shahri – *G'azna*; Sosoniylar imperiyasining shimoli-g'arbidagi *Ganzak* yoki *Ganja* (hozirgi Ozarbayjon) shaharlari (Лившиц, 2015:61).

Shuning uchun ham Kulto'ba hujjatlarida eslatilgan boylik qaysidir “xazina” bilan bog'liq bo'lishi ehtimoli yuqori. Sug'diylar o'zlarining ittifoqchilari bo'lgan Choch, Buxoro, Kesh bilan hamkorlikda, Qang' davlati rahnamoligida ushbu xazina uchun harbiy harakatlar olib borgan bo'lishlarini ham inkor etib bo'lmaydi. Kulto'ba shahar xarobasi hududlari turli davrlarda urushlar bo'lib o'tgan, u yerda xazina bo'lishi haqiqatga yaqin.

Kulto'ba shahar xarobasi joylashgan hudud keng yaylov bo'lib, chorva mollari boqishga qulay bo'lgan. Aris vohasining janubida esa tog'li hudud bilan tutashgan. Balki ushbu vohaga tutash hududlarda boshqa sug'diy manzilgohlar ham bo'lishi mumkin. Kulto'badan shimolda Karaspanto'ba qal'asi xarobalari topilgan bo'lib, u yerdan mudofaa devorlari qoldig'i mavjud (Байпаков, 2010:9). Shimolga qarab faqatgina Aris daryosi Sirdaryoga quyilish joyidagi O'trordagina sug'orma yerlar mavjud bo'lgan. Mug' tog'i arxivi sug'diy A-14 hujjatida O'tror toponimi *t'rʔnt* [Tarvand] – “tirband chorraha” ma'nosida qayd qilingan (Лившиц, 2008:84-96). O'trordagi qazishmalar bu shaharning qadimiy o'rni milodiy V asrda shakllanganligini va undan ham qadimiy bo'lishi mumkinligini ko'rsatadi (Акишев, Байпаков, Ерناзаров. 1972:156). Aris va Sirdaryo tutashgan joyda yana bir muhim Ko'kmarzon aholi manzilgohi mavjud bo'lib, ushbu manzilgohdan topilgan arxeologik materiallar Kulto'ba materiallari bilan yaqin o'xshashlikka ega va milodiy, taxminan, IV-VI asrlar bilan davrlashtiriladi. Ushbu manzilgohlarning tarixiy davrlashtirilishi Kulto'ba shahri tarixiy davri va u yerdan topilgan sug'diy epigrafik manbalarning qaysi davrga tegishlilik masalasiga oydinlik kiritishi mumkin.

Xulosa

Sug'diylarning Sug'ddan tashqarida olib borgan faoliyatlari Qang' davlati davrida ham anchayin jadal kechgan. Bu davrda davlat boshqaruvi, siyosiy aloqa almashinuvi, savdo aloqalarida sug'diy til va yozuv yetakchi bo'lgan. Kulto'ba (Aris/Janubiy Qozog'iston)dan topilgan sug'diy yozuvli sopol parchalarda keltirilishicha, (milodiy II-III asrlar) Qang' davlati shimoldan bo'ladigan tashqi dushman xavfini qaytarish maqsadida konfederatsiya tarkibidagi Sug'd, Choch, Buxoro, Naxshab kabi voha davlat uyushmalaridan ham yordam olgan. Kulto'ba keyinchalik sug'diylarning shimoliy manzilgohi sifatida ham o'z ahamiyatini saqlab qolgan. Buni ayni shahar xarobasidan topilgan sug'diy yozuvli sopol parchalaridagi lavhalar ham tasdiqlaydi.

Xullas, mil. avv. III asrdan shakllangan kuchli harbiy tizimga ega bo'lgan Qang' davlati mil. avv. II asrlarda Sug'dni egallagan va bu mintaqa davlatning iqtisodiy hamda siyosiy jihatdan kuchayishida muhim rol o'ynagan. Xitoy yilnomlari, Kulto'badan topilgan sug'diy yozuvli epigrafik materiallardagi lavhalar, numizmatik materiallar va arxeologik tadqiqotlarning natijalari buni tasdiqlaydi.

Iqtiboslar/ References/ Kaynaklar/ Сноски:

1. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерназаров Л.В. Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). – Алма-Ата, 1972. – 213 с.
2. Байпаков К. Города округа Кенджада-Кендже / Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. Материалы Международной конференции. Самарканд 7-8 сентября 2009 г. – Самарканд-Ташкент, 2010. – 332с.
3. Каталог памятников согдийской письменности в Центральной Азии (Catalogue of sogdian writings in Central Asia) / Составители: Б.Гойибов, П.Лурье, А.Бегматов, В.Распопова, Г.Бобоёров. – Самарканд: МИЦАИ, 2022. – 248 с.

4. Sims-Williams N., Grenet F. The Sogdian inscriptions of Kultobe // *Shygys*, 1. Алматы, 2006. – 177 p.
5. Sims-Williams N. The Sogdian inscriptions of Kultobe: text, translation and linguistic commentary // Труды Центрального музея. – Алматы, 2009. – 576 с.
6. Подушкин А.Н. Эпиграфические артефакты городища Куль-тоба // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники (Труды Государственного Эрмитажа. LXII). Санкт-Петербург, 2013. – 312 с.
7. Лившиц В.А. Старейшая согдийская надпись из Коль-тобе / Вестник древней истории (Journal of ancient history). Москва: Наука, 2015. №1. 224 с.
8. Livshits V.A. The Sogdian “Ancient Letters” (I, III) / *Iran & the Caucasus*. Vol. 12, 2008 – 355 p.
9. Лившиц В.А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. Санкт-Петербург, 2008. – 414 с.
10. Ғойилов Б. Суғд тарихидан лавҳалар. Самарқанд: СамДУ, 2020. – 174 б.

**BULLETIN OF THE
INTERNATIONAL JOURNAL
“TURKOLOGICAL
RESEARCH”**

In order to implement programs and projects developed to accelerate the relationship envisaged at the summit of the Organization of Turkic States held in Samarkand, as well as to coordinate and highlight the research work carried out in the field of Turkic studies, the International Journal “Turkological Research” at Samarkand State University named after Sharof Rashidov passed the state registration. The journal is intended to publish the results of scientific research in the field of Turkic languages and dialects, the history of linguistic and literary relations of the Turkic peoples of Central Asia, the socio-cultural field. There are such headings as a young researcher, memory and our anniversaries. Articles written in Uzbek, Turkish, Russian, English and all Turkic languages are accepted.

The scientific journal is based on the decision of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Higher Education, Science and Innovation of the Republic of Uzbekistan dated May 8, 2024 and numbered 354/5; It is included in the list of scientific publications that are recommended for candidates to receive the Doctor of Philosophy (PhD) and Doctor of Science (DSc) academic degrees in the fields of history and philology to publish their scientific results due to their theses.

**THE JOURNAL PUBLISHES ARTICLES
IN THE FOLLOWING AREAS:**

- ✓ History of socio-cultural relations of the Turkic peoples;
- ✓ Research of the Turkic World;
- ✓ Dialectology of Turkic languages;
- ✓ Geopolitics of the Turkic World;
- ✓ Folklore Studies;
- ✓ Comparative Linguistics and Literary Studies;
- ✓ Literary Relations and Translation Studies.

CONTACT ADDRESS:

Mailing Address:

140104, University boulevard, 15,
Samarkand, Uzbekistan,
Research Institute of Turkology under
Samarkand State University named after
Sharof Rashidov

Phone:

+998 91 527 68 22

+998 99 596 35 69

+998 97 911 93 81

Telegram ID:

@turkologiya2025

Email:

turkologiya.samdu@gmail.com

Website:

<https://turkologiya.samdu.uz>

REQUIREMENTS FOR ARTICLES:

- The article is presented on 8-10 pages;
- Article structure:
 1. The text of the article should be prepared in Times News Roman font, size 14, left: 3 cm, right: 1.5 cm, top and bottom: 2 cm; in A4 format in 1.15 intervals.
 2. The title of the article, surname, name and patronymic of the author (authors) are indicated in full and written in capital letters.
 3. Position, academic title, place of work (study), region, republic, telephone number, email address and ORCID number of the author (authors) are indicated in full.
 4. The abstract should consist of a brief content and importance of the article, results.
 5. At the beginning of each article, there should be an annotation in 2 other languages (optionally selected from Uzbek, English, Russian and Turkish) in addition to the language in which the article is written.
 6. The abstract should be no more than 120-150 words.
 7. At the bottom of the abstract, 7-10 key words should be given that illuminate the content of the article.
 8. The article should be prepared in the following form:
 - a) Introduction;
 - b) Main part;
 - c) Results and Discussions;
 - d) Conclusions;
 - e) List of literature (References) – in alphabetical order;
 - f) Citations are given in brackets in the form of the author's surname - date of publication - page (Muminov, 2020: 25);
 - g) Figures, drawings, tables, diagrams are designated in Arabic numerals as “Figure”. Signs or pointers are placed under the figure, in the next line, in the middle and highlighted in bold.
- The topic of the scientific article submitted by the author (or co-authors) must correspond to the journal's columns.
- Articles can be submitted in Uzbek, English, Russian, and all other Turkic languages
- The author(s) are responsible for the scientific validity, reliability and plagiarism of the information and evidence presented in the article;
- Articles will be considered. The journal publishes only articles recommended by experts;
- Articles not requested will not be published and will not be returned to the authors;
- Only 1 article of the author is published in 1 issue of the journal.

“TURKOLOGIK TADQIQOTLAR” XALQARO JURNALINING AXBOROT XATI

Davlatimiz tomonidan olib borilayotgan ijtimoiy-ma’rifiy, ilmfanni rivojlantirishga qaratilgan siyosat, Turkiy Davlatlar Tashkilotining Samarqandda o’tkazilgan sammitida ko’zda tutilgan o’zaro aloqalarni jadallashtirish bo’yicha ishlab chiqilgan dastur va loyihalarni amalga oshirish hamda turkologiya sohasida olib borilayotgan ilmiy-tadqiqot ishlarini muvofiqlashtirish va yoritish maqsadida Sharof Rashidov nomidagi Samarqand davlat universitetida “Turkologik tadqiqotlar” xalqaro jurnali ta’sis etildi. Jurnal turkiy til va shevalar, Markaziy Osiyo turkiy xalqlari lisoniy va adabiy aloqalari tarixi, ijtimoiy-madaniy sohalarda amalga oshirilayotgan ilmiy-tadqiqot ishlarining natijalarini e’lon qilishga mo’ljallangan. Jurnalda muharrir minbari, tadqiqotlar, ilmiy axborot, taqriz va e’tirof, ilmiy anjuman, yosh tadqiqotchi, xotira, yubilyarlarimiz kabi ruknlar mavjud. O’zbek, turk, rus, ingliz va barcha turkiy tillarda yozilgan maqolalar qabul qilinadi.

Ilmiy jurnal O’zbekiston Respublikasi Oliy ta’lim, fan va innovatsiyalar vazirligi huzuridagi OAKning 2024-yil 8-maydagi 354/5-sonli rayosat qarori asosida tarix, filologiya fanlari bo’yicha falsafa doktori (PhD) va fan doktori (DSc) ilmiy darajasiga talabgorlarning dissertatsiya ishlari yuzasidan dissertatsiyalari asosiy ilmiy natijalarini chop etish tavsiya etilgan ilmiy nashrlar ro’yxatiga kiritilgan.

JURNAL QUYIDAGI YO’NALISHLARDAGI MAQOLALARNI NASHR QILADI:

- ✓ Turkiy xalqlarning ijtimoiy-madaniy aloqalari tarixi
- ✓ Turk dunyosi tadqiqotlari
- ✓ Turkiy tillar dialektologiya
- ✓ Folklorshunoslik
- ✓ Qiyosiy tilshunoslik va adabiyotshunoslik
- ✓ Adabiy aloqalar va tarjimashunoslik.

MUROJAAT UCHUN MANZIL:

Pochta manzili:

140104, Universitet xiyoboni, 15-uy,
Samarqand, O‘zbekiston,

Sharof Rashidov nomidagi Samarqand
davlat universiteti huzuridagi
Turkologiya ilmiy-tadqiqot instituti

Telefon:

+998 91 527 68 22

+998 99 596 35 69

+998 97 911 93 81

Telegram ID:

@turkologiya2025

Elektron pochta:

turkologiya.samdu@gmail.com

Veb-sayt:

<https://turkologiya.samdu.uz>

MAQOLALARGA QO‘YILADIGAN TALABLAR:

- Maqola 8-10 sahifa hajmida taqdim etiladi;
- Maqolaning tarkibiy tuzilishi:
- 1. Maqola matni Times News Roman shriftida, 14 kattalikda, chap: 3 sm, o‘ng: 1,5 sm, yuqori va quyi: 2 sm; 1,5 intervalda, A4 shaklida tayyorlanishi lozim.
- 2. Maqola sarlavhasi, muallif(lar)ning familiyasi, ismi va otaismi to‘liq holatda katta harflar bilan yozilishi kerak.
- 3. Muallif(lar)ning lavozimi, ilmiy unvoni, ish (o‘qish) joylari, viloyat, Respublika, telefon raqami, elektron pochta manzili va ORCID raqqami to‘liq keltirilishi kerak.
- 4. Annotatsiya, maqolaning qisqacha mazmun va ahamiyati, natijalardan iborat bo‘lishi lozim.
- 5. Har bir maqola boshida maqola yozilgan tildan tashqari yana 2 tilda (o‘zbek, ingliz, rus va turk tillaridan ixtiyoriy ravishda tanlanadi) annotatsiya bo‘lishi lozim.
- 6. Annotatsiya 120-150 so‘zdan ko‘p bo‘lmagan shaklda bo‘lishi kerak.
- 7. Annotatsiyaning pastki qismida maqola mazmunini yorituvchi 7-10 ta tayanch so‘zlar keltirilishi kerak.
- 8. Maqola quyidagi shaklda tayyorlanishi kerak:
 - a) Kirish (Introduction);
 - b) Asosiy qism (Main part);
 - c) Natijalar va muhokama (Results and Discussions);
 - d) Xulosalar (Conclusions);
 - e) Adabiyotlar (References) – alifbo tartibida keltiriladi;
 - f) Havola(snoskalar)lar qavsda muallif familiyasi – nashr sanasi – sahifasi (Mo‘minov, 2020: 25) shaklida keltiriladi;
 - g) Rasm, chizma, jadval, diagrammalar «Rasm» deb arab raqamlari bilan qayd etiladi. Belgi yoki ishoralar – rasm ostida, keyingi qatorda, o‘rtada joylashtiriladi va qoraytirilgan shrift bilan belgilanadi.
- Muallif (yoki hammualliflar) tomonidan taqdim etilayotgan ilmiy maqola mavzusi jurnal ruknlariga mos kelishi shart.
- Maqolalar o‘zbek, ingliz, rus va barcha turkiy tillarda taqdim etilishi mumkin.
- Maqolada keltirilgan ma’lumot va dalillarning ilmiy asoslanganligi, ishonchli va ko‘chirmachilik holatlari uchun muallif(lar) mas’uldir;
- Maqolalar ekspertiza qilinadi. Ekspertlar tomonidan tavsiya etilgan maqolalargina jurnalda chop etiladi;
- Tavsiya etilmagan maqolalar chop etilmaydi va mualliflarga qaytarilmaydi;
- Jurnalning 1 ta sonida muallifning faqat 1 ta maqolasi chop etiladi.

**БЮЛЛЕТЕНЬ
МЕЖДУНАРОДНОГО ЖУРНАЛА
“ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ”**

В целях реализации программ и проектов, разработанных для ускорения взаимоотношений, предусмотренных на состоявшемся в Самарканде саммите Организации Тюркских Государств, а также координации и освещения научно-исследовательской работы, проводимой в области тюркологии, Международный журнал Самаркандского государственного университета имени Шарофа Рашидова «Тюркологические исследования» прошел государственную регистрацию. Журнал предназначен для публикации результатов научно-исследовательских работ в области тюркских языков и диалектов, истории языковых и литературных связей тюркских народов Средней Азии, социокультурной области. Есть такие рубрики, как молодой исследователь, память и наши юбилеи. Принимаются статьи, написанные на узбекском, турецком, русском, английском и всех тюркских языках.

Научный журнал на основании решения Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан от 8 мая 2024 года под номером 354/5; Он включен в перечень научных изданий, рекомендуемых кандидатам на получение ученых степеней доктора философии (PhD) и доктора наук (DSc) в области истории и филологии для публикации своих научных результатов по своим диссертациям.

**В ЖУРНАЛЕ ПУБЛИКУЮТСЯ
СТАТЬИ ПО СЛЕДУЮЩИМ
НАПРАВЛЕНИЯМ:**

- ✓ История социально-культурных отношений тюркских народов;
- ✓ Исследования тюркского мира;
- ✓ Диалектология тюркских языков;
- ✓ Геополитика тюркского мира;
- ✓ Изучение фольклора;
- ✓ Сравнительное языкознание и литературоведение;
- ✓ Литературные отношения и переводоведение.

КОНТАКТНЫЙ АДРЕС:

Почтовый адрес:

140104, Университетский бульвар,
15, город Самарканд, Узбекистан,
Научно-исследовательский
институт Тюркологии при
Самаркандском Государственном
Университете имени Шарофа
Рашидова

Телефон:

+998 91 527 68 22

+998 99 596 35 69

+998 97 911 93 81

Telegram ID:

@turkologiya2025

Электронная почта:

turkologiya.samdu@gmail.com

Веб-сайт:

<https://turkologiya.samdu.uz>

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ:

- К публикации принимаются статьи объемом 8-10 страниц;
- Структура статьи:
 1. Текст статьи должен быть выполнен шрифтом Times News Roman, размером 14 пунктов, слева: 3 см, справа: 1,5 см, сверху и снизу: 2 см; с межстрочным интервалом 1,15, формат листа A4.
 2. Название статьи, фамилия, имя и отчество автора(ов) должны быть написаны заглавными буквами в полном регистре.
 3. Должность, ученое звание, места работы(учебы), регион, Республика, номер телефона, адрес электронной почты и ORCID-номер автора(ов) должны быть указаны полностью.
 4. Аннотация должна состоять из краткого содержания и важности статьи, результатов.
 5. В начале каждой статьи, помимо языка, на котором написана статья, должна быть аннотация на 2-х других языках (на выбор – узбекский, английский, русский и турецкий).
 6. Аннотация должна содержать не более 120-150 слов.
 7. Внизу аннотации должно быть 7-10 ключевых слов, освещающих содержание статьи.
 8. Статья должна быть подготовлена в виде:
 - a) Вступление (Introduction);
 - b) Основная часть (Main part);
 - c) Результаты и обсуждение (Results and Discussions);
 - d) Выводы (Conclusions);
 - e) Литература (References) – в алфавитном порядке
 - f) Ссылка(сноски) приводится в скобках в виде фамилии автора – дата публикации – страница (Муминов, 2020: 25);
 - g) Рисунки, чертежи, таблицы, схемы нумеруются арабскими цифрами и обозначаются как «Рисунок». Знаки или указатели размещают под рисунком, в следующей строке, посередине и выделяют жирным шрифтом.
- Тема научной статьи, представленной автором (или соавторами), должна соответствовать рубрикам журнала.
- Статьи могут быть представлены на узбекском, английском, русском и всех других тюркских языках.
- Автор(ы) несут ответственность за научную обоснованность, достоверность и плагиат информации и доказательств, представленных в статье;
- Статьи рецензируются. В журнале публикуются только статьи, рекомендованные экспертами;
- Нерекомендованные статьи не публикуются и не возвращаются авторам;

“TÜRKOLOJİ ARAŞTIRMALARI” DERGİSİNİN BÜLTENİ

Özbekistan Cumhuriyeti devletinin sosyal-eğitimsel ve bilimsel gelişme politikasının başarılı şekilde uygulanmasına yardımcı olmak amacıyla, Semerkant’ta düzenlenen Türk Devletleri Teşkilatının zirvesinde öngörülen karşılıklı ilişkilerin hızlandırılması için geliştirilen program ve projeleri uygulamak, bilimsel çalışmaları koordine etmek, Türkoloji alanında yürütülen araştırma çalışmaları Şeraf Reşidov adına Semerkant Devlet Üniversitesi, Uluslararası “Türkoloji Araştırmaları” dergisini tescil etmiştir. Dergi, Türk dili ve lehçeleri, Orta Asya Türk topluluklarının dil ve edebiyat ilişkileri tarihi, sosyo-kültürel alanlardaki bilimsel ve araştırma çalışmalarının sonuçlarını yayınlamayı amaçlamaktadır. Dergimizde editör kürsüsü, araştırma, bilim dünyasından, inceleme ve tanıma, bilimsel konferans, genç araştırmacı, hatıra, yıldönümleri gibi sütunlar yer almaktadır. Özbekçe, Türkçe, Rusça, İngilizce ve tüm Türk lehçelerinde yazılmış makaleler kabul edilmektedir.

Bilimsel dergi, Özbekistan Cumhuriyeti Yükseköğrenim, Bilim ve İnovasyon Bakanlığı’na bağlı Yüksek Kabul Komisyonu’nun 8 Mayıs 2024 tarihli ve 354/5 sayılı kararına esasen; tarih, filoloji alanlarında Felsefe Doktoru (Doktora) ve Bilim Doktoru (DSc) akademik derecesini almaya aday kişilerin tezleri dolayısıyla bilimsel sonuçlarını yayınlaması tavsiye edilen ilmi yayınlar listesine dâhil edilmiştir.

DERGİ AŞAĞIDAKİ ALANLARDA MAKALELER YAYINLAMAKTADIR:

- ✓ Türk Dünyasındaki sosyo-kültürel ilişkilerin tarihi;
- ✓ Türk Dünyası araştırmaları;
- ✓ Türk Lehçeleri diyalektolojisi;
- ✓ Türk Dünyasının jeopolitiği;
- ✓ Folklor çalışmaları;
- ✓ Karşılaştırmalı dilbilim ve edebiyat çalışmaları;
- ✓ Edebi ilişkiler ve çeviri çalışmaları.

İLETİŞİM ADRESİ:

Posta adresi:

140104, Üniversite Bulvarı, 15,
Semerkant şehri, Özbekistan, Şeraf
Reşidov adına Semerkant Devlet
Üniversitesine bağlı Türkoloji
Araştırmaları Enstitüsü

Telefon:

+998 99 582 93 81

+998 97 911 93 81

Telegram ID:

@turkologiya2025

E-posta:

turkologiya.samdu@gmail.com

İnternet sitesi:

<https://turkologiya.samdu.uz>

MAKALE YAZIM KURALLARI:

- Makale 8-10 sayfada sunulur;
- Makale'nin yapısı:
 1. Makale metni Times New Roman yazı tipinde, 14 punto büyüklükte, sol kenarından 3 cm'lik, sağ kenarından 1,5 cm'lik, üst ve alt kenarından 2 cm'lik boşluk bırakılarak, tek sütun olarak, 1,15 satır aralığında, A4 boyutunda hazırlanmalıdır.
 2. Makalenin başlığı, yazar(lar)ın soyadı, adı ve baba adı tam olarak büyük harflerle yazılmalıdır.
 3. Yazar(lar)ın pozisyonu, akademik ünvanı, çalıştığı (öğrendiği) yer, bölgesi, cumhuriyeti, telefon numarası, e-posta adresi ve ORCID numarası eksiksiz olarak verilmeli.
 4. Özet, makalenin amacını, önemli bulgularını ve sonuçlarını içermelidir.
 5. Her makalenin başında, makalenin yazıldığı dilin yanı sıra 2 dilde de (isteğe bağlı olarak Özbekçe, İngilizce, Rusça ve Türkçe arasından seçilecek) açıklama bulunmalıdır.
 6. Özet, 120-150 sözcüğü geçmeyecek şekilde yazılmalıdır.
 7. Özeti alt kısmında makalenin içeriğini tanımlayacak en az 7, en fazla 10 anahtar kelimeye yer verilmelidir.
 8. Makale, aşağıdaki formatda hazırlanmalıdır:
 - a) Giriş (Introduction);
 - b) Ana bölüm (Main part);
 - c) Sonuçlar ve tartışma (Results and Discussions);
 - d) Sonuçlar (Conclusions);
 - e) Kaynakça (References) alfabetik olarak sıralanmalıdır;
 - f) Bağlantılar (dipnotlar) yazarın soyadı - yayın tarihi - sayfa şeklinde parantez içinde verilecektir (Muminov, 2020: 25);
 - g) Resim, çizim, tablo, diyagramlar “Resim” olarak Arap rakamları ile kaydedilir. İşaretler resmin altına, bir sonraki satıra, ortaya yerleştirilir ve koyu yazılır.
 - Yazarın (veya ortak yazarların) sunduğu bilimsel makalenin konusu dergi sütunlarıyla örtüşmelidir.
 - Makaleler Özbekçe, İngilizce, Rusça ve tüm Türk dillerinde gönderilebilir.
 - Makalede sunulan bilgi ve kanıtların bilimsel dayanağı, güvenilirliği ve intihalinden yazar(lar) sorumludur.
 - Makaleler hakemli olacaktır. Dergide sadece uzmanlar tarafından tavsiye edilen makaleler yayımlanır.
 - Talep edilmeyen yazılar yayınlanmayacak ve yazarlarına iade edilmeyecektir.
 - Derginin 1 sayısında yazarın sadece 1 makalesi yer alacaktır.

TURKOLOGIK TADQIQOTLAR

XALQARO ILMIY JURNALI

INTERNATIONAL SCIENTIFIC JOURNAL OF “TURKOLOGICAL
RESEARCH”

ULUSLARARASI “TÜRKOLOJİ ARAŞTIRMALARI” BİLİMSEL
DERGİSİ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ “ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ”

Muharrir:

Musahhih va texnik muharrir:

Norxo‘ja Choriyev

Rahmatulloh Shokirov

2026-yil 27-iyulda tahririy-nashriyot bo‘limiga qabul qilindi.

2026-yil 30-iyulda original-maketdan bosishga ruxsat etildi.

Qog‘oz bichimi 60x84.^{1/16}. «Times New Roman» garniturası.

Offset qog‘ozı. Shartlı bosma tabog‘ı –11,25.

Adadi 15 nusxa. Buyurtma №862

SamDU tahririy-nashriyot bo‘limi bosmaxonasida chop etildi.

140104, Samarqand sh., Universitet xiyoboni, 15.

ISSN 2992-9229

9

772992

922004